U 428/147

30/3/60

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

ТАКЖЕ

ИВЕРСКИХЪ И СЛАВЯНСКИХЪ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

МѢСЯЦЪ ДЕКАБРЬ.

С. П. Б.

1856.

И 428/147

Житія Святыхъ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

МѢСЯЦЪ ДЕКАБРЬ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ... СССР.

И 428/147

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

ТАКЖЕ

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ИВЕРСКИХЪ И СЛАВЯНСКИХЪ.

МѢСЯЦЪ ДЕКАБРЬ.

428/147

С. П. Б.

Въ типографіи III Отдѣленія Соб. Е. И. В. канцеляріи.

1856.

2006258466

Печатать дозволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 31 дня 1856 года.

Московская Духовная Академія. Цензоръ, Академіи Инспекторъ Архимандритъ *Сергій*.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
1907-08
(нет л.ил.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ всѣхъ мѣсяцовъ церковнаго лѣта, скуднѣе прочихъ, Декабрь, житіями отечественныхъ Святыхъ. Въ цѣломъ мѣсяцѣ встрѣчается память не болѣе шестнадцати угодниковъ Божіихъ, преимущественно изъ числа пустынножителей; между ними Святитель Петръ, чудотворецъ Московскій, горитъ, какъ яркая лампада, въ предпраздничные дни Рождества Христова. Но въ слѣдующемъ Январѣ опять чрезвычайное обиліе Святыхъ нашей Церкви, Иверской и Славянской, какъ бы для восполненія настоящаго лишенія. По сему вознамѣрился я присоединить къ Декабрю мѣсяцу, въ видѣ приложеній, нѣкоторыя изъ

житій, относящихся къ предъидущимъ мѣсяцамъ, которыя были опущены мною, по недостатку о нихъ свѣдѣній; одно изъ замѣчательныхъ между ними, по своей лѣтописной полнотѣ, есть житіе Стефана, Деспота Сербскаго.

3

МѢСЯЦЪ ДЕКАБРЬ.

1907-08

Празднованіемъ лику пророческому открывается Декабрь и мы, въ началѣ мѣсяца, совершая память трехъ Пророковъ: Наума, Аввакума и Софоніи, чрезъ ихъ ходатайство, молимъ Господа, ихъ прославившаго, спасти наши души. Но уже со втораго дня сего мѣсяца, чествуется память и отечественныхъ Святыхъ нашихъ, также Славянскихъ и Иверскихъ: затворникъ Печерскій Аѳанасій, воспоминается вмѣстѣ съ Пророкомъ Аввакумомъ, и Урошъ, послѣдній Царь Сербскій, и одинъ изъ Сирскихъ Отцевъ, просвѣтившій землю Иверскую, Іессей, бывшій Епископомъ Цилканскимъ; а съ Пророкомъ Софоніею, въ 3-й день Декабря, Савва Звѣнигородскій, ученикъ преподобнаго Сергія.

ЖИТІЕ

СВЯТАГО АѲАНАСІЯ, ЗАТВОРНИКА ПЕЧЕРСКАГО.

«Азь есмь воскрешеніе и животъ: вѣруяй въ мя, аще и умретъ, оживетъ», сказалъ Спаситель (Іоан. XI, 25). Слово сіе, сказанное о Лазарѣ четвередневномъ, исполнилось и на преподобномъ отцѣ нашемъ Аѳанасіѣ, затворникѣ Печерскомъ. Желательно, чтобы и мы исполнили другое евангельское слово, читаемое, въ повѣствованіи о богатомъ и Лазарѣ: «аще кто отъ мертвыхъ идетъ къ нимъ, покаются.» (Лук. XVI, 30). Аѳанасій былъ черноризецъ въ Печерскомъ монастырѣ и, богоугодно поживъ, преставился послѣ долгой болѣзни; братія омыли тѣло его и обвили, какъ подобаетъ иноку, и мертвымъ лежалъ онъ два дня, въ ожиданіи погребенія. Ночью былъ гласъ Игумену лавры Печерской: «человѣкъ Божій Аѳанасій два дня лежитъ непогре-

беннымъ, а ты не радишь.» На третье утро пришелъ Игуменъ съ братіею къ умершему, чтобы погребсти его, но его обрѣли сидящимъ и плачущимъ. Всѣ ужаснулись и спрашивали: «какъ онъ ожилъ и что̀ видѣлъ и слышалъ»? онъ отвѣчалъ только: «спасайтесь»; однако братія умолили Аѳанасія сказать имъ что либо на пользу. «Если и скажу вамъ, не повѣрите и не послушаете меня,» отвѣчалъ воскресшій; когда же клятвенно обѣщались сохранить въ сердцѣ слова его, такъ говорилъ имъ: «имѣйте послушаніе во всемъ Игумену, кайтесь на всякій часъ и молитесь Господу Іисусу Христу и его Пречистой Матери и преподобнымъ отцамъ Антонію и Ѳеодосію, да скончаете жизнь свою здѣсь, и сподобитесь погребенія со святыми отцами въ пещерѣ; три сіи вещи больше всѣхъ добродѣтелей, и блаженъ будетъ, если кто все сіе исполнитъ по чину, только да не превозносится; болѣе не спрашивайте меня, но молю васъ, простите.»

Сказавъ сіе, пошелъ въ пещеру и, заградивъ за собою двери, пребылъ тамъ двѣнадцать лѣтъ, никогда не исходя и не видя солнца, плакалъ день и ночь, хлѣба и воды вкушалъ по немногу, черезъ день, и во все сіе время ни съ кѣмъ не говорилъ. Когда же приблизился къ смерти, призвалъ всю братію и то же повторилъ имъ, что и сперва, о послушаніи и покаяніи; съ миромъ отошелъ онъ къ Господу и положенъ былъ съ честію въ той же пещерѣ, гдѣ подвизался;

послѣ своего успенія извѣстилъ онъ чудесами о своемъ блаженствѣ.

Нѣкто изъ братіи, по имени Вавила, много лѣтъ страдавшій ногами, принесенъ былъ къ мощамъ преподобнаго и, обнявъ его тѣло, внезапно исцѣлился; съ тѣхъ поръ и до конца жизни никогда не страдалъ ногами; онъ исповѣдалъ братіи, (въ числѣ коихъ былъ и святой Симонъ, писатель житія сего, впослѣдствіи Епископъ Суздальскій), явленіе своего цѣлебника: «однажды лежалъ я и вопіялъ отъ сильной болѣзни, но внезапно вошелъ ко мнѣ блаженный Аѳанасій и сказалъ: «пріиди ко мнѣ и исцѣлю тебя». Я хотѣлъ спросить его: «какъ и когда пришелъ?» но онъ сдѣлался невидимъ; однако я увѣровалъ явившемуся и старался, чтобы меня принесли къ его мощамъ, и такъ исцѣлился.» По сему уразумѣли всѣ, что угодилъ Господу преподобный сей затворникъ Аѳанасій, молитвами коего да сподобимся и мы, воскресшувъ отъ смерти грѣховной, богоугодно пожить въ покаяніи и жизнь вѣчную получить, во Христѣ Іисусѣ, живодавцѣ нашемъ.

(Изъ Патерика Печерскаго).

СВ. УРОШЪ V.

ПОСЛѢДНІЙ ЦАРЬ СЕРБСКІЙ.

Младой Царь Урошъ, послѣдній изъ дома Неманичей, которымъ заключается славный рядъ властителей Сербіи, есть то же для нее, что Царевичь мученикъ Димитрій для нашей отечественной Церкви, потому что и онъ былъ предательски убитъ, отъ честолюбиваго вельможи, который домогался его престола; память сего несчастнаго Уроша, пятаго по имени и десятаго по преемству престола, съ особенной любовью чтится 2-го Декабря, въ день его мученической кончины, по всей Сербіи. Не болѣе двухъ столѣтій продолжалась ея слава и свѣтлая династія Неманичей, на престолѣ муроточца, и менѣе 30-ти лѣтъ царское достоинство въ его родѣ; Стефанъ Душанъ сильный, отецъ Уроша, возложилъ на себя вѣнецъ Кесарей и силою оружія распространилъ свою державу въ предѣ-

лахъ Греческой, при слабыхъ Андроникахъ. Но хотя и славно было двадцати-лѣтнее царствованіе сильнаго Стефана, не долголѣтенъ былъ онъ на землѣ и не продлился родъ его, ибо дерзнулъ нарушить священную заповѣдь почитанія родителей, съ исполненіемъ коей соединено обѣщаніе Божіе о долголѣтіи на землѣ; онъ даже поднялъ святотатную руку на отца своего Св. Краля Стефана Дечанскаго, столько испытаннаго бѣдствіями во временной жизни. Когда превознесся, подобно кедру Ливанскому, сильный Душанъ и, по свидѣтельству историковъ Сербскихъ, пріобрѣлъ себѣ славу паче древнихъ Царей и прародителей своихъ, кто бы подумалъ, что такъ скоро исполнится надъ нимъ и надъ его родомъ псаломное слово: «мимо идохъ, и се не бѣ». Исполненный духа воинскаго, повоевалъ онъ Романію и всю землю Македонскую, отторгнувъ ее отъ имперіи до самой Солуни, и еще дальше овладѣлъ Ѳессаліею и островомъ Негрепонтомъ, доколѣ не смирился предъ нимъ Кесарь Андроникъ; но Краль удержалъ за собою древній престолъ Патріарховъ Сербскихъ, Охриду или первую Іустиніанію, и двѣнадцать главныхъ городовъ Македонскихъ. По сему, возвеличенный своими побѣдами, пожелалъ себѣ титла царскаго, недовольствуясь вѣнцомъ кралевскимъ, и новый Архіепископъ Охридскій, Іоаникій I-й, преемникъ блаженнаго Святителя и лѣтописца Даніила, возложилъ на Стефана вѣнецъ император-

скіи, въ присутствіи всего собора Епископовъ Сербскихъ и всего спиклита, въ столичномъ градѣ Скопіи; онъ превозгласилъ его первымъ Царемъ, не только Сербовъ, но и Болгаръ и Грековъ; самъ же, вѣнчавшій его діадимою царскою Архіепископъ, возвеличенъ былъ титломъ перваго Патріарха всей земли Сербской; это происходило въ 1340 году. Стефанъ началъ называть себя въ граматахъ: Императоромъ, Божіею милостію, Романіи, Славоніи и Албаніи, и раздавалъ титла двора Греческаго, Кесарей и Деспотовъ, своимъ вельможамъ, предоставивъ болѣе смиренное титло Краля сыну своему Урошу, рожденному отъ брака съ Царевной Греческой Еленою, дочерью Императора Іоанна Кантакузина; но сіи самые Деспоты и Кесари возстали, послѣ смерти Душана, на его юнаго сына и лишили не только царской власти, но и жизни.

Неожиданное и непріятное для Царьграда возвеличеніе кралевства и архіепископіи Сербской, навлекло на Стефана отлученіе вселенскаго Патріарха Каллиста, которое, не смотря на всѣ старанія Царя примириться съ Первосвятителемъ, оставалось на немъ до самой его кончины, и только во дни Князя Лазаря Сербскаго, собравшаго во едино распавшуюся державу Немањичей, разрѣшено было тяжкое сіе отлученіе отъ Церкви. Не безъ тайнаго промысла Божія пало оно на сильнаго Стефана, не смотря на всю его славу и щедрость къ святымъ обителямъ, ради

неумытнаго пятна крови родительской, тяготѣвшей на душѣ его.

Счастливы были войны Душана, не только съ Греками, но и съ Болгарами, Венграми и Боснякамп. Покоривъ Босну, или Холмское княженіе, потребовалъ онъ у Бана Босанскаго Стефана руки его дочери Елисаветы, для сына своего младаго Краля, а въ приданое все Захолміе, но не получилъ желаемаго. Война длилась между Царемъ и Баномъ, не смотря на вмѣшательство двухъ республикъ Венеціи и Рагузы и самаго Папы Инокентія III-го, который напрасно домогался преклонить на свою сторону Краля Сербскаго. Между тѣмъ Душанъ пріобрѣлъ, отъ Короля Венгерскаго Людовика, недавно основанный имъ крѣпкій городъ Бѣлградъ, на стеченіи двухъ рѣкъ Савы и Дуная, и Бѣлградъ сдѣлался столицею Сербіи. Онъ соорудилъ также, близь города Призрена, великолѣпный храмъ во имя Архистратига небесныхъ силъ, и положилъ ежегодно праздновать день Архангела съ особеннымъ торжествомъ, какъ покровителя воинственнаго племени Сербовъ; Царь изобразилъ ликъ его на своей хоругви, съ двуглавымъ орломъ, знаменіемъ царства. Урошъ достигъ уже семьнадцатилѣтняго возраста; послѣ неудачнаго сватовства въ Босиѣ, отецъ искалъ для него дочери Французскаго Короля Іоанна, но и тутъ не было успѣха, ибо не хотѣлъ Душанъ, блюститель православія восточнаго, покориться Риму, какъ сего тре-

бовалъ условіемъ брачнымъ Король Франціи. Наконецъ обратился Царь къ Князю Влахійскому, могущественному Владу, и сочеталъ сына съ дочерью его Еленой; не было однакоже желаннаго потомства отъ сего брака, подававшаго столько счастливыхъ надеждъ для Церкви и государства, по благочестію дома Сербскаго и Влахійскаго. На несчастномъ Урошѣ должна была, какъ на чистой жертвѣ, разразиться земная кара, заслуженная его родителемъ, но ему же предоставленъ былъ и свѣтлый вѣнецъ на небесахъ, за мученическіе подвиги, предъ которымъ блѣденъ казался вѣнецъ земной славы могущественнаго Стефана. Самъ онъ былъ виною разрушенія державы сыновней, ввѣривъ ея управленіе, еще при своей жизни, шести властителямъ, въ числѣ коихъ былъ коварный Вукъ или Вукашинъ Деспотъ, съ братомъ своимъ Княземъ Углешомъ, возмутившіеся впослѣдствіи противъ Уроша. Позабылъ слово евангельское сильный Душанъ: что царство раздѣлившееся не устоитъ, ибо онъ понадѣялся на силы свои, не подумавъ о неопытности юнаго сына. Въ этомъ ослѣпленіи уже постигла его на землѣ заслуженная имъ казнь, за убіеніе родителя; собственными руками готовилъ онъ погибель сыну, котораго любилъ свыше всего, и распаденіе своей державы, для распространенія коей подвизался всю свою жизнь, даже съ ущербомъ души своей.—Праведенъ Господь и праведны судьбы его!

Мужъ крови не преполовилъ дней своихъ, по слову псаломному, и въ самыхъ лѣтахъ крѣпости своей, посреди великихъ желаній еще распространить царство, прекратились замыслы его и жизнь. Душанъ собралъ до 80 тысячь воиновъ, чтобы предупредить Турковъ, громившихъ имперію Восточную, и прежде нихъ хотѣлъ покорить Царьградъ. Уже онъ овладѣлъ всѣми городами Румеліи до самой столицы, когда постигъ его тяжкій недугъ огневицы, въ селеніи называемомъ Діаволи, и тамъ окончилъ жизнь, на 45 году отъ рожденія, въ Декабрѣ 1356 года. Двадцать лѣтъ продолжалось славное его царствованіе, изъ коихъ первые четыре съ болѣе скромнымъ титломъ Краля, послѣдніе же шестнадцать съ громкимъ титуломъ Царя или Императора. Только съ его смертію прекратилась война; смертные его останки, съ большою почестію, отвезены были въ Сербію; тамъ погребли сильнаго Душана въ созданной имъ обители Архистратига и съ нимъ всю славу его царства. Казалось бы, по его правительственнымъ качествамъ, ему еще надлежало царствовать для общей пользы; но иначе судилъ вышній раздаятель земныхъ вѣнцовъ, и скоро разсыпалось царство сильнаго, которое при немъ простиралось, съ сѣвера на югъ, отъ Дуная до Морейскаго полуострова, и съ востока на западъ, отъ моря Чернаго до Адріатики, заключая въ себѣ девять областей, Сербію, Босну и Далматію, Албанію, Эпиръ и Ѳессалію, Македонію, Болгарію и Романію.

Девятнадцати лѣтъ воцарился Урошъ V-й на престолѣ отца своего, столь крѣпкомъ по видимому, исполненный красотою душевной и тѣлесной, и подавая самыя лестныя о себѣ надежды, по своей мудрости и добрымъ правамъ; но онъ не имѣлъ довольно твердости, чтобы удержать въ повиновеніи старыя и новыя области своей державы, раскинутыя отъ моря и до моря, которыя могла содержать страхомъ въ единствѣ одна только крѣпкая рука Душанова. Строгость отеческую замѣнилъ онъ чрезвычайною кротостію, и утратилъ царство, основанное силою оружія; память отца его скоро угасла въ подначальныхъ ему властителяхъ, которые захотѣли господствовать самовластно, и произошло отъ того сперва раздѣленіе, а потомъ запустѣніе царства. Богу угодно было вознести на краткое время домъ Неманичей и потомъ низвести, прославить его въ мірѣ и опять упразднить славу его, такъ какъ уже исполнилась мѣра грѣховъ въ лицѣ Душана. Въ самый годъ воцаренія Уроша, хотя и невиннаго въ грѣхахъ отцевъ своихъ, было уже явное предзнаменованіе скораго паденія царства. Страшный голодъ опустошилъ его изъ края въ край, и издавна гнѣздившійся змѣй въ предѣлахъ Азіи, властитель Оттоманскій, впервые вторгся въ Европу чрезъ проливъ Дарданельскій, и отторгъ лучшія области отъ Царьграда, угрожая Болгаріи и Сербіи.

Первый возмутился противъ Уроша дядя его

Стиша, который былъ поставленъ, отъ отца его, правителемъ въ Θессалiи, и возсталъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы ему по праву старѣйшинства принадлежалъ престолъ. Возгорѣлась война; мятежникъ съ полками Грековъ и Албанцевъ, ворвался въ область Зеты и осадилъ Скутари, но принужденъ былъ отступить. Нѣкоторые лѣтописцы обвиняютъ честолюбивую мать Уроша, Царицу Елену, будто бы она возбуждала междуусобiе, чтобы упрочить власть свою посреди безначалiя и присвоить себѣ укрѣпленные города. Въ слѣдъ за тѣмъ Деспотъ, Никифоръ Ангелъ, овладѣлъ большею частiю Θессалiи, также съ согласiя Царицы, съ сестрою коей обручился и, по сему пагубному примѣру, меньшiе начальники областей стали укрѣпляться въ своихъ городахъ, отклоняясь отъ законнаго подданства юному Царю. Во главѣ возмутителей стали Волкъ или Вукашинъ Деспотъ и Князь Углеша братъ его, властители Холмскiе т. е. Боснiйскiе. Вѣрные бояре совѣтовали, при началѣ, кроткому Царю опасаться Вукашина и брата его и отдать область ихъ меньшимъ вельможамъ, болѣе преданнымъ и не столь опаснымъ; но неопытный юноша не послушалъ ихъ совѣта и, обманутый коварнымъ Вукашиномъ, приблизилъ его ко двору, осыпалъ милостями и даже возвеличилъ кралевскимъ достоинствомъ, надѣясь на недоступное величiе царскаго своего сана.

Такъ говорятъ нѣкоторые лѣтописцы, другiе

же утверждаютъ, что Вукашинъ самъ себя нарекъ Кралемъ Рассіи, въ 1371 году, и, вмѣстѣ съ симъ титломъ, принялъ власть самодержавную; тогда и вѣрные дотолѣ бояре отступились отъ Царя своего, опасаясь ненависти болѣе сильныхъ властителей, которыхъ терпѣлъ самоуправство; каждый изъ вельможъ началъ присвоять себѣ что̀ могъ, и въ теченіи десяти лѣтъ, еще при жизни Царя Уроша, Сербія распалась на четыре области, независимыя другъ отъ друга. Вукашинъ Деспотъ нарекъ себя Кралемъ въ Боснiи, братъ его Углешъ Деспотомъ въ Романіи, Князь Гойко укрѣпился въ области Зетской, а Князь Лазарь, съ зятемъ своимъ Вукомъ Бранковичемъ, овладѣлъ среднею частію Сербіи, или Сремомъ, и всѣми прибрежными землями Дуная. Они властвовали какъ державные государи, а между тѣмъ орды Турецкія грабили Болгарію. Вскорѣ могущественный сынъ Орхана, Султанъ Амуратъ, овладѣлъ Адріанополемъ и туда перенесъ изъ Бруссы столицу возрастающей своей державы, въ то время какъ слабые Императоры Греческіе, Палеологи и Кантакузины, не предвидя гибели своей, спорили между собою и призывали къ себѣ на помощь злѣйшаго своего врага. Не очувствовалась и земля Сербская, бѣдствіями Греческой, и не вняла наказанію Господню, уже надъ нею висѣвшему.

Несчастный Царь Урошъ, не въ силахъ будучи противиться оружію своихъ клевретовъ и

козиямъ матери, которая была виною смутъ, рѣшился оставить престолъ и довѣриться одному изъ могущественныхъ властителей, въ надеждѣ обрѣсти миръ себѣ и царству. Сперва водворился онъ у Краля Вукашина, который удѣлилъ ему, для пропитанія, одну изъ областей бывшей его державы; потомъ же, будучи тѣснимъ своимъ недругомъ и въ произвольномъ убожествѣ, перешелъ къ другому сильному Князю Лазарю, съ которымъ имѣлъ родственныя связи, ибо Лазарь былъ женатъ на Милицѣ, происходившей изъ рода Немапичей; но и тамъ не нашелъ успокоенія Царь и вынужденъ былъ возвратиться къ нечестивому Вукашину. Однако, и посреди своего убожества, не оставлялъ Урошъ украшать храмы Божіи и, въ бывшей своей столицѣ Скопіи, соорудилъ церковь во имя Рождества Богоматери. Бояре, оставшіеся ему вѣрными, старались возбудить его, оружіемъ освободиться отъ узъ Вукашина, и нѣкоторые лѣтописцы утверждаютъ: будто Урошъ хотѣлъ испытать еще однажды счастья въ битвѣ, но и на сей разъ оно ему измѣнило, и плѣнникомъ отведенъ былъ Царь съ поля битвы въ станъ Вукашина; когда же покусился спастись бѣгствомъ, въ дружественную ему республику Рагузы или Дубровникъ, былъ настигнутъ и умерщвленъ врагомъ, нѣкогда его подданнымъ.

Но иначе разсказываетъ о смерти Царя, именитый писатель Сербіи Бранковичь, и самъ ро-

да княжескаго. Ничего неупоминая о битвѣ, онъ только говоритъ: что Урошъ, желая избѣжать убожества и позора въ плѣну Вукашина, рѣшился спастись въ Дубровникъ, но Краль, предваренный о томъ чрезъ своихъ клевретовъ, ударилъ его боздыханомъ, или желѣзною булавой, и однимъ ударомъ лишилъ жизни. Патріархъ же Сербовъ, Арсеній IV, пишетъ: что не на пути въ Рагузу умертвилъ царственнаго мученика убійца, но на ловлѣ звѣриной, на которую коварно пригласилъ бывшаго своего владыку, чтобы удалить отъ матери и въ пустомъ мѣстѣ совершить убійство. Оно совершилось на полѣ Коссовомъ, на которомъ въ послѣдствіи столько было пролито благородной крови Сербской, какъ бы въ возмездіе за сіе цареубійство. Близь мѣста называемаго Неродимля, тамъ гдѣ возвышается пустынный холмъ, слывущій Никудимскимъ, палъ, во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, юный Царь Урошъ; тѣло блаженнаго мученика, съ поля Коссова, отнесено было въ сосѣдній храмъ Успенія Богоматери, выше Неродимли, близь города Петрича.

Нѣсколько времени спустя, какъ свидѣтельствуетъ Бранковичъ, началъ проявлять святость свою царственный страдалецъ, чудными знаменіями истекавшими отъ его гроба; тогда благовѣрные люди вынули изъ земли нетлѣнныя его мощи, которыя и доселѣ почитаются всѣми сынами Сербіи. Когда же настало время страшныхъ нашествій Турецкихъ, Св. мощи были пе-

перенесены въ Сремъ, во Фрушскую гору, на берегъ Дуная, и тамъ положены въ обители Язля, гдѣ и доселѣ почиваютъ. Мать Св. Уроша, исполненная скорби о гибели сына, хотя и сама была виною его паденія, утратила вмѣстѣ съ нимъ и царство, ибо не хотѣли покориться вельможи женскому правленію, которое думала въ началѣ себѣ присвоить, какъ дочь Императоровъ Греческихъ. Она удалилась въ обитель и скончалась инокинею, на третьемъ году послѣ сына своего, соорудивъ церковь въ Черной горѣ, выше Жегликова, гдѣ и была погребена. Десять лѣтъ было царствованія Уроша до 1367 года, и въ день его мученической кончины, 2-го Декабря, Церковь Сербская совершаетъ память невиннаго страдальца. Такъ окончилось царствованіе Неманичей, продолжавшееся 212 лѣтъ. Изъ числа властителей, восемь первыхъ носили титло Краля: родоначальникъ Немања Стефанъ, въ иноцахъ Симеонъ, и его сынъ, первовѣнчанный Стефанъ, и внукъ Владиславъ; Урошъ великій, Драгутинъ, Стефанъ Милутинъ Урошъ и Стефанъ Урошъ Дечанскій, и двое вѣнчанныхъ Царей: Стефанъ Душанъ сильный и сей послѣдній Урошъ.

Правосудіе Божіе не попустило Вукашину насладиться плодами его измѣны; не болѣе четырехъ лѣтъ продолжалось его царствованіе, тревожимое непрестанными войнами. Султанъ Оттоманскій Солиманъ устремился, съ семьюдесятью тысячами войска, на Сербію, которая одна лишь

была страшна его могуществу. Собрались всѣ Князи Сербскіе, подъ предводительствомъ Вукашина и Углеша, и выставили до шестидесяти тысячь воиновъ своихъ на полѣ Коссовомъ, которому суждено было дважды обагриться потоками крови Сербской, сдѣлавшись поприщемъ славы и бѣдствій сего воинственнаго племени. Сперва превозмогла сила Вукашина и до тридцати тысячь Турокъ пало подъ остріемъ меча Сербскаго; полки ихъ бѣжали за рѣку Марицу, древній Эбръ, но тамъ подкрѣпили ихъ другія полчища Султана и въ свою очередь погибло, отъ руки враговъ, до десяти тысячь Сербовъ; прочіе бѣжали и, въ волнахъ рѣки, еще потонуло пять тысячь. Углешъ и Гойко, Хрель и прочіе славные Князья между Сербами, пали на полѣ битвы. Краль Вукашинъ бѣжалъ съ малою дружиною и, уже почитая себя внѣ опасности, легъ отдохнуть; но, вѣрный ему дотолѣ оруженосецъ, прельстился богатымъ его ожерельемъ и отрубилъ голову Кралю, чтобы добыть себѣ сокровище; такъ измѣною погибъ измѣнникъ и тою же мѣрою возмѣрилось цареубіецѣ!

Первая битва Коссова происходила въ 1370 году и вскорѣ должна была повториться. — Между тѣмъ Турки, какъ хищныя птицы, налетѣли на Сербію, все предавая огню и мечу. Султанъ Амуратъ, братъ и преемникъ Солимана, сдѣлалъ данниками своими Грековъ и Болгаръ и подчинилъ Сербовъ своему владычеству, требуя

себѣ отъ нихъ вспомогательныхъ дружинъ. Господь излилъ всю чашу гнѣва своего на бѣдствующую Сербію; голодъ и моръ шли рука объ руку съ полчищами Оттоманскими и хищные звѣри водворялись въ опустѣвшихъ жилищахъ людей. Бранковичь, горькій описатель бѣдствій своей земли, въ третьей книгѣ своей исторіи, такъ излагаетъ причину настоящей гибели: «смотрите умильно и прилежно на праведный судъ Божій: какъ, вмѣстѣ съ кровію Авелевой, кровь Стефана Краля Дечанскаго вопіяла къ Богу, и Господь вскорѣ услышалъ гласъ ея! Если отложенъ былъ до времени жестокій судъ, при жизни отцеубійцы Царя Душана, то въ наслѣдникахъ его, рукою крѣпкой совершился судъ и мышцею высокою истязовалось беззаконіе!—Ту же чашу испили и первоначальные Князи, во дни Уроша, согласившіеся на его убійство, и не только злоумышленные его совѣтники и кровопійцы, но и весь Сербскій народъ, тогда жившій, сдѣлался причастникомъ гнѣва Божія!» Князь же Лазарь, хотѣвшій собрать во едино землю Сербскую, палъ жертвою своего мужества на томъ же полѣ Коссовомъ, гдѣ погибъ самъ Амуратъ, въ часъ своей побѣды. Потому и много славы соединено съ памятью сего горькаго побоища Коссова, въ лѣтописи Сербской, и доселѣ живетъ въ памяти народной незабвенное имя Князя Лазаря, прославленнаго въ ликахъ Святыхъ.

(Исторія Сербовъ Архимандрита Рапча. Часть 2-я книга VII глава 13 и 14).

СВ. ІЕССЕЙ

ЕПИСКОПЪ ЦИЛКАНСКІЙ.

Въ житіи святаго Авива, Епископа Некресскаго, которому празднуется въ Ноябрѣ, мы уже видѣли начальные подвиги тринадцати Спрскихъ Отцевъ, къ лику конхъ принадлежалъ и сей блаженный Іессей, благоухающее райское древо, перенесенное съ почвы Спрской на землю Иверскую. Съ тѣхъ поръ какъ, противъ своего желанія, былъ онъ въ одно время съ Авивомъ, посвященъ во Епископа Цилканскаго, Католикосомъ всея Иверіи, Іессей посвящалъ всѣ дни на проповѣданіе слова Божія въ своей эпархіи, сокрушая остатки языческихъ требищъ и угашая нечестивые огни Маговъ Персидскихъ, которые были тогда сильны въ Грузіи. Господь сподобилъ его дара чудотвореній, для того чтобы утвердить вѣру въ землѣ, дотолѣ языческой.

Не оставлялъ онъ посѣщать, на уединенной горѣ Зедазенской, главу Отцевъ Спрскихъ, блаженнаго Іоанна, и однажды, возвратившись въ свою церковную область, по его повелѣнію смиренно совершилъ чудо, для блага своей паствы; чудо сіе доселѣ воспѣвается Церковью Грузинскою въ ея пѣснопѣніяхъ. Жители Цилканскіе нуждались въ водѣ, ибо далеко протекала отъ нихъ рѣка Ксань. Іессей, вмѣстѣ съ своимъ блаженнымъ учителемъ, пришедши на берегъ рѣки, водрузилъ свой пастырскій посохъ въ самую воду и, именемъ Господа Іисуса, повелѣлъ водамъ слѣдовать за собою. Какъ нѣкогда Іорданъ, возвратившійся вспять, по гласу Іисуса Навина, и здѣсь покорная рѣка Ксань внезапно оставила ложе свое и потекла за жезломъ Іессея; земля, углубляясь, давала дорогу водамъ, которыя остановились у церкви Цилканской, и доселѣ пользуются ими жители; много было свидѣтелей чуда сего изъ окрестныхъ мѣстъ: такъ Всемогущій Господь, и рукою немощныхъ людей, совершаетъ дивныя дѣла, покоряя имъ стихіи, ибо земля и воздухъ, воды и огонь, ему покорны.

Ревностный Іессей, долго оставаясь на своей каѳедрѣ, пошелъ еще проповѣдать Христіанство въ страну нагорную, и просвѣтилъ многихъ святымъ крещеніемъ, повсюду сокрушая идоловъ; потомъ возвратился опять въ церковь свою и тамъ опочилъ съ миромъ, въ старости глубо-

кой. Онъ былъ погребенъ въ великолѣпномъ храмѣ Цилканскомъ, во имя Матери Божіей, который построенъ еще, до его пришествія, Царемъ Бакуріемъ, сыномъ Миріана, въ роскошной долинѣ Мухранской, за десять верстъ отъ его столицы Мцхета. Тамъ и доселѣ его гробница, въ сѣверномъ отдѣленіи алтаря, и чествуется древнѣйшая икона Богоматери въ Грузіи, которая писана на доскѣ Виѳлеемскихъ яслей и окована въ драгоцѣнную ризу. Канонъ Святителю Іессею былъ составленъ Католикосами Арсеніемъ и Антоніемъ I, Тифлисскимъ Митрополитомъ Николаемъ, Философомъ Іоанномъ и Ксанскимъ Воеводомъ Іессеемъ. Память его совершается въ Грузіи 2 Декабря.

(Изъ Сборника житій Святыхъ Иверскихъ Католикоса Виссаріона).

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО САВВЫ ЗВѢНИГОРОДСКАГО.

Повинуясь повелѣнію великаго отца и первопрестольника великія Апостольскія Церкви, Русской митрополіи, преосвященнаго Митрополита Макарія всея Руси, преподобные отцы обители святаго и Богоноснаго отца нашего Саввы, Звѣнигородскаго чудотворца, понудили меня убогаго, написать житіе его, (говоритъ самъ писатель, инокъ Маркеллъ), да будетъ извѣстно всѣмъ о святомъ и приснопамятномъ мужѣ, какъ, откуда и въ какія времена, такой свѣтильникъ возсіялъ намъ. Мы ничего не обрѣли о рожденіи его и воспитаніи, но только о пребываніи въ иночествѣ и, собравъ что могли, вкратцѣ написали.

Преподобный отецъ Савва былъ одинъ изъ учениковъ блаженнаго Сергія чудотворца и пре-

бывалъ въ обители его въ совершенномъ послушаніи, пріучаясь къ житію иноческому, которому служилъ украшеніемъ по чистотѣ своей и воздержанію. Непрестанно трудился онъ за рукодѣліемъ, или участвовалъ въ пѣніи церковномъ, ни съ кѣмъ никогда не бесѣдуя, но постоянно уединяясь на безмолвіе; всѣмъ представлялся онъ, какъ бы однимъ изъ простолюдиновъ, ничего незнавшимъ, хотя превосходилъ разумомъ многихъ витій, превозносившихся своею мудростію, ибо блаженный Савва искалъ, не внѣшней земной мудрости, но устремлялся къ горней, и всему благому научился, во Христѣ, отъ своего великаго старца. Слезы умиленія непрестанно текли изъ очей его, во время божественной службы, возбуждая и въ другихъ то же умиленное чувство.

Въ то время благовѣрный Великій Князь Димитрій Донской, молитвою великаго Сергія, побѣдивъ нечестиваго Мамая со всѣми его полчищами, пришелъ въ обитель къ блаженному Сергію, принять отъ него благословеніе и молитву и открыть ему данный имъ обѣтъ. «Святче Божій, говорилъ ему державный, когда хотѣлъ я идти противъ безбожныхъ Агарянъ, обѣщался я устроить монастырь, во имя Пресвятыя Богородицы, и составить общее житіе; нынѣ, честный отче, помощію всесильнаго Бога и пречистой Богоматери и твоими святыми молитвами, желаніе наше исполнилось и сопостаты побѣждены.

Молю твое преподобіе, подвигнись Господа ради, да вскорѣ совершится обѣтъ нашъ.» Блаженный же Сергій, внявъ моленію державнаго, съ усердіемъ обходилъ многія мѣста пустынныя, осматривая, гдѣ бы удобнѣе устроить обитель. Пришелъ онъ на рѣку, называемую Дубенку, и тамъ, полюбивъ мѣсто, соорудилъ церковь во имя Успенія Богоматери, собралъ братію и устроилъ общежитіе. Изъ стада ученнковъ своихъ избралъ онъ сего блаженнаго Савву, ибо видѣлъ честный нравъ его и тихое настроеніе, и ему вручилъ старѣйшинство новой обители, благословивъ на подвигъ. «Богъ да поможетъ тебѣ чадо, сказалъ ему Сергій, и усердію твоему подастъ силы, и руководствуетъ на лучшее.»

Послѣ удаленія великаго старца, блаженный Савва началъ проходить ангельское безплотное житіе на указанномъ ему мѣстѣ, вкушая одни пустынныя былія и удручая плоть свою непрестаннымъ бдѣніемъ и суровымъ образомъ жизни. Приходившую къ нему братію принималъ онъ съ любовію и назидалъ словомъ, чтобы взаимно служили другъ другу съ кротостію и смиреніемъ, и многіе годы провелъ въ пустынѣ Дубенской. Блаженный Сергій, готовясь къ исходу своему, вручилъ паству великой лавры ученику своему блаженному Никону, но Никонъ пожелалъ безмолвія и, не много лѣтъ спустя послѣ преставленія великаго аввы, оставилъ паству его; братія, скорбя о лишеніи настоятеля, умолили себѣ на

игуменство въ лавру блаженнаго Савву. Сколько могъ, по силѣ своей, пасъ онъ ввѣренное ему стадо, вспомоществуемый молитвами великаго Сергія, но послѣ шести лѣтъ оставилъ свое игуменство, и опять возвели на оное преподобнаго Никона.

Въ это время пришелъ въ обитель Святой Троицы, Князь Георгій, сынъ Великаго Князя Димитрія, и много молилъ блаженнаго Савву, чтобы шелъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ удѣльный его городъ Дмитровъ, подать благословеніе и молитву дому его, ибо Савва былъ его духовнымъ отцемъ, и не преслушалъ моленія духовнаго сына. Онъ хотѣлъ вскорѣ опять возвратиться въ лавру, но христолюбивый Князь упросилъ его никогда съ нимъ не разлучаться и составить обитель въ отчинѣ его, близъ Звенигорода, на горѣ называемой Сторожи, ибо тамъ стояла стража, съ высоты обозрѣвавшая всю окрестность. Привыкшій къ послушанію, не отрекся исполнить душевное желаніе Князя своего; пришедши на избранное мѣсто, обрѣлъ оное украшеннымъ благовонными цвѣтами, какъ бы нѣкій земной рай, и полюбилъ мѣсто будущаго своего упокоенія. Со слезами припалъ онъ къ иконѣ Пречистой Богородицы, которую всегда съ собою носилъ, и умиленно ей помолился: «Владычице міра, на тебя возлагаю надежду спасенія моего; не отрини меня убогаго раба своего, ибо ты знаешь немощь души моей, и нынѣ призри

мѣсто сіе и огради его отъ враговъ непавѣтнымъ; будь мнѣ наставницею и кормительницею до конца жизни, ибо кромѣ тебя, не имѣю другой надежды.»

Такъ помолившись, водворился на горѣ Сторожевой и поставилъ церковь деревянную, во имя Рождества Богоматери; себѣ же устроилъ малую келлію, по выраженію отеческому, дѣлательницу добродѣтелей, удобную къ болѣзнямъ и подвигамъ постнымъ. Къ теплому рачителю безмолвія собралась по немногу братія и составилось около него общежитіе. Великую вѣру имѣлъ къ нему Князь Георгій и велѣлъ на томъ мѣстѣ соорудить церковь каменную, какъ и въ лаврѣ преподобнаго Сергія; онъ украсилъ ее благолѣпною утварью и приписалъ много селъ для строенія монастырскаго; благодатію Божіею и молитвами преподобнаго, распространилась обитель, ибо отовсюду стекалось многочисленное братство, слыша о добродѣтельномъ его житіи, и всѣхъ съ любовію принималъ чадолюбивый отецъ, напоя души ихъ сладкими водами своего ученія. Это былъ, по слову псаломному: «какъ бы нѣкій садъ, насажденный при исходищахъ водъ, который процвѣталъ и принесъ въ свое время сладостный плодъ.»

Однажды благовѣрный Князь Георгій, собираясь на брань противъ Болгаръ, пришелъ въ обитель Богоматери и просилъ преподобнаго Савву молить за него Всемилостиваго Бога, «да по-

дастъ ему крѣпость на сопротивныхъ.» Помолился Святой и, взявъ честный крестъ, благословилъ Князя, пророчески сказавъ ему: «изыди благовѣрный Князь, Господь да будетъ съ тобою, помогая тебѣ; враговъ своихъ одолѣешь и благодатію Христовою здравъ возвратишься въ свое отечество.» Дѣйствительно Георгій, совокупивъ войско, вышелъ противъ Болгаръ, многіе грады и области ихъ повоевалъ, раззорилъ до основанія градъ ихъ Казань, плѣнилъ Татарскія страны и съ великою славою возвратился въ свое отечество, по слову святаго старца. Возвратясь же, пришелъ опять въ обитель и, когда преподобный осѣнялъ его крестомъ, со слезами умиленія цѣловалъ его руку, говоря: «честный отче, великаго обрѣлъ я въ тебѣ молитвенника ко Владыкѣ и крѣпкаго помощника во браняхъ, ибо знаю, что твоими лишь молитвами побѣдилъ враговъ.» — Смиренно отвѣчалъ ему преподобный: «Благой и милосердый Богъ, видя твое благочестивое княженіе, смиреніе сердца и любовь, какую оказываешь убогимъ, подалъ тебѣ такую побѣду на невѣрныхъ, чтобы отмстить на нихъ изліянную ими кровь рабовъ своихъ, прославляющихъ имя его. И твое сердце да утвердится до конца пребывать въ любви его, ибо ничѣмъ столько мы не можемъ приблизиться къ Богу, какъ милованіемъ нищихъ; если такъ поступать будешь, то и сію жизнь управишь ко благу и вѣчныхъ благъ наслѣдникъ будешь.» Многими ины-

ми словами, изъ божественныхъ писаній поучилъ онъ благовѣрнаго Князя, который съ любовію слагалъ ихъ въ сердце свое и, надѣливъ богатою милостынею обитель, съ тѣхъ поръ еще бо́льшую имѣлъ вѣру къ преподобному.

Долгое время прожилъ преподобный Савва на избранномъ имъ мѣстѣ и достигъ глубокой старости, никогда не измѣнивъ своего правила; однажды отрекшись отъ всего мірскаго, уже не упражнялся въ суетныхъ и не искалъ тѣлеснаго покоя, тѣсный и скорбный путь предпочитая пространному, возлюбивъ нищету болѣе богатства, и безславіе паче нынѣшней славы и печаль свыше безполезной радости; такъ, просвѣтившись во всѣхъ добродѣтеляхъ, достигъ блаженнаго конца, и предалъ душу свою въ руки Божіи, мѣсяца Декабря въ 3 день, 1407 года. Братія, собравшись на погребеніе отца своего, многія проливали слезы и стенанія, лишившись учителя своего и кормителя; съ великою честію положили его въ созданной имъ обители, гдѣ и до нынѣ совершается его память.

Инокъ Маркеллъ, потрудившійся надъ составленіемъ житія его, умиленною молитвою заключаетъ свое сказаніе: «о честная глава, преподобный и блаженный отче нашъ Савва! не переставай возносить молитвы къ человѣколюбцу Богу о твоемъ стадѣ, которое возлюбилъ ты отъ души, и многіе потерпѣлъ за него труды и болѣзни; ибо ты знаешь отовсюду облежащій

насъ страхъ и непрестанную бѣсовскую брань; знаешь и тѣлесное лютое возмущеніе и изнеможеніе нашего усердія; посему молимъ тебя: какъ нѣкогда въ трудномъ и многоболѣзненномъ житіи, доколѣ былъ намъ на землѣ наставникомъ и вождемъ ко спасенію, отечески любя насъ, такъ паппаче и нынѣ, предстоя Божію престолу Царя всѣхъ, помнпай насъ, чадъ своихъ, да избавимся отъ тьмы страстей и обдержанія лукавыхъ бѣсовъ и злыхъ человѣковъ. Помяни, преподобный отче, и меня убогаго и многогрѣшнаго инока Маркелла, мало потрудившагося написать о равноангельскомъ житіи твоемъ, да молитвами твоими, въ день страшнаго суда, милостиваго судію обрѣту въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.»

Протекло много лѣтъ послѣ преставленія святаго Саввы; игуменомъ его обители былъ нѣкто Діонисій. Однажды ночью, когда возлегъ на покой, по обычномъ своемъ правилѣ, предсталъ ему въ видѣніи благообразный мужъ, украшенный сѣдинами, и сказалъ: «Діонисій, возставъ вскорѣ, напиши образъ мой на иконѣ.» — «Кто ты и какъ имя твое?» въ ужасѣ спросилъ игуменъ; благолѣпный же старецъ отвѣчалъ: «я Савва, начальникъ сему мѣсту сему.»

Проснулся Діонисій и, призвавъ одного древняго старца, по имени Аввакума, бывшаго еще ученикомъ преподобнаго Саввы, началъ его спрашивать: «каковъ былъ образомъ блаженный его

учитель?» Аввакумъ повѣдалъ ему о его ликѣ и величіи возраста, и Діонисій воскликнулъ: «по истинѣ, братъ, въ этомъ самомъ образѣ явился мнѣ, въ ночь сію, тотъ кто велѣлъ мнѣ изобразить себя на иконѣ.» Со тщаніемъ написалъ его ликъ Діонисій, ибо самъ былъ искусный живописецъ, и съ тѣхъ поръ различныя исцѣленія начали истекать отъ честнаго гроба преподобнаго Саввы.

Первое упомянается исцѣленіе бѣсноуемаго, который жестоко страдалъ и, сокрушая желѣзныя узы, многія наносилъ раны людямъ. Довольно времени пробылъ онъ въ обители; однажды, игуменъ Діонисій, сотворивъ надъ нимъ молитву, началъ осѣнять крестомъ, и болящій возопилъ: «люто мнѣ, сгараю!» Предстоявшіе спросили о причинѣ вопля, и болящій отвѣчалъ: «какъ только игуменъ началъ осѣнять меня крестомъ, увидѣлъ я благолѣпнаго старца, стоящаго на гробѣ, съ крестомъ въ рукахъ; великій пламень изшелъ изъ креста и всего меня опалилъ, когда осѣнялъ имъ, но съ той минуты я здравъ, какъ теперь видите.» Всѣ узнали блаженнаго Савву и прославили Бога, дающаго такую власть своему угоднику.

Случился ропотъ братіи на игумена Діонисія и много клеветъ сказали на него, безъ всякой вины, Великому Князю Іоанну, который, повѣривъ имъ, велѣлъ вызвать его къ себѣ. Въ скорби и смятеніи былъ игуменъ, но ему явился во снѣ

блаженный Савва и сказалъ: «что̀ скорбишь, братъ мой? иди скоро и говори съ дерзновеніемъ, ничего не боясь, Господь будетъ тебѣ помощникомъ.» Воспрянувъ отъ видѣнія, игуменъ провелъ весь остатокъ ночи въ слезахъ и молитвѣ. Въ ту же ночь увидѣли, нѣкоторые изъ ропщущихъ, мужа благолѣпнаго, говорившаго имъ: «на то ли вышли вы изъ міра, чтобы въ ропотѣ довершить подвигъ вашего иночества? вы ропщете, а игуменъ о васъ со слезами молится. Посмотримъ, что̀ одолѣетъ: ваше ли роптаніе, или отца вашего молитва? Но одно разумѣйте, чада мои, что въ ропотныхъ сердцахъ не почиваетъ ни смиреніе, ни оправданіе Божіе.» Воспрянувъ отъ спа, они разсказали о томъ одинъ другому, и когда предстали Самодержцу, ничего не могли отвѣчать ему; посрамились клеветники; игуменъ же Діонисій, съ великою честію, возвратился въ монастырь, молитвами преподобнаго Саввы.

При игуменѣ Каллистѣ, также исцѣлился бѣснуемый надъ гробомъ Святаго, куда съ трудомъ могли его привести, ибо онъ бѣжалъ изъ обители глубоко въ дебрь лѣсную и, какъ хищная птица, съ трудомъ былъ снятъ съ высокаго дерева. Мало по малу началъ онъ укрощаться, молитвою игумена надъ ракою преподобнаго, доколѣ совершенно исцѣлился.

Инокъ, изъ той же обители, страдалъ глазами и вовсе не видѣлъ свѣта дневнаго; со слеза-

ми припадалъ онъ ко гробу Святаго, прося исцѣленія, и утеръ глаза свои покровомъ, лежавшимъ на гробѣ. Одинъ изъ братіи началъ поносить его, говоря: «не исцѣленіе получишь, а только еще болѣе засоришь глаза свои пескомъ.» Но въ ту же минуту, прикоснувшись съ вѣрою, получилъ исцѣленіе, а поносившій его братъ пораженъ былъ слѣпотою; ему послышался голосъ: «чего искалъ, то и обрѣлъ, чтобы и прочіе тобою научены были, не вмѣнять въ хулу и смѣхъ чудеса, бывающія отъ Божіяго угодника.» Когда же и онъ, пришедши въ себя, съ покаяніемъ припалъ ко гробу Святаго и, проливая слезы, просилъ прощенія о своемъ прегрѣшеніи, то и ему даровалъ прощеніе и исцѣленіе подражатель милостиваго своего Владыки.

Не однократно, но и по два и по три раза, получали нѣкоторые исцѣленіе отъ святыхъ мощей; такъ одинъ изъ исцѣленныхъ, трижды впадалъ въ ту же болѣзнь, какъ только возвращался домой. Уразумѣлъ онъ, что судьбамъ Божіимъ угодно, чтобы онъ остался въ обители, и когда въ ней постригся, болѣзнь къ нему болѣе не возвращалась, хотя многіе годы провелъ въ обители, служа братіи.

Не только исцѣлителемъ болящихъ былъ преподобный Савва, но и охранителемъ обители своей отъ людей нечестивыхъ. Хищники покусились однажды обокрасть церковь Богоматери и хотѣли проникнуть въ нее, чрезъ то окно, которое

было при гробѣ преподобнаго; но имъ представилась тутъ гора недоступная, на которую никакъ не могли подняться, и ужасъ объялъ ихъ, какъ они сами впослѣдствіи исповѣдали о томъ, со слезами покаянія.

Игуменъ обители, Мисаилъ, впалъ въ неисцѣлимую болѣзнь и уже отчаявался въ жизни. Однажды пономарь, по имени Гурій, шелъ звонить къ утрени; у дверей церковныхъ встрѣтилъ его старецъ благолѣпный и спросилъ: «здоровъ ли ихъ игуменъ?» Когда же пономарь возвѣстилъ ему о болѣзни настоятеля, старецъ сказалъ: «иди и скажи ему, пусть призоветъ на помощь Святую Богородицу и начальника мѣста сего старца Савву, и получитъ здоровіе; мнѣ же отвори двери церковныя.» Усумнился пономарь и не хотѣлъ отворять двери: «кто же ты и какъ твое имя?» спросилъ онъ явившагося; но старецъ, ничего ему не отвѣчая, подошелъ къ дверямъ, и они сами собою предъ нимъ отворились. Ужаснулся пономарь и, призвавъ помощника своего, укорялъ: «почему не заперъ онъ двери съ вечера, ибо видѣлъ незнакомаго мужа, вошедшаго въ храмъ.» Зажегши свѣтильники, хотѣли они взойти въ церковь, но нашли двери, утвержденныя всѣми замками, какъ обыкновенно. Послѣ утрени, пономарь повѣдалъ игумену и братіи бывшее чудо; всѣ уразумѣли въ дивномъ старцѣ преподобнаго начальника обители. Игуменъ велѣлъ нести себя къ его гробу и тамъ, послѣ молебна, по-

лучилъ облегченіе отъ болѣзни. Такъ исцѣлялись надъ гробомъ преподобнаго: келарь Савва отъ разслабленія, бывшій впослѣдствіи игуменомъ обители, и казначей Геронтій, страдавшій глазами.

Сила исцѣленій преподобнаго простиралась и вдаль отъ его обители. Сынъ боярскій, Іоаннъ Ртищевъ, получившій самъ разрѣшеніе отъ нѣмоты, при гробѣ Святаго, и видѣвшій при немъ исцѣленіе сына своего, обратился со слезами къ угоднику Божію, какъ бы къ живому, взывая: «Святче Божій, въ домѣ моемъ много рабовъ и рабынь, страждущихъ различными недугами; знаю, отче, что если захочешь, можешь и ихъ исцѣлить.» Онъ испросилъ у игумена кваса преподобнаго Саввы и, возвратясь домой, далъ вкусить нѣкоторымъ изъ болящихъ, и что же? двѣ слѣпыя прозрѣли, нѣмая проговорила и глухой услышалъ, и всѣ прославили Бога и великаго его угодника. Много подобныхъ исцѣленій и особенно бѣснуемыхъ, совершилось надъ гробомъ святаго Саввы. Въ числѣ исцѣленныхъ, былъ игуменъ Аѳанасій, который, по человѣкоугодію, разрѣшилъ себѣ рыбу въ великій постъ, для одного княжескаго посѣтителя; внезапно отнялись у него рука, нога и языкъ, и тогда только, когда со слезами покаялся при ракѣ Святаго, получилъ опять употребленіе языка и членовъ.

Возбудилась вѣра сего игумена къ преподобному и, когда однажды пришелъ сказать ему

исцѣленный келарь Геронтій: «что недостанетъ масла для трапезы братской, въ день памяти Св. Саввы, потому что разбился сосудъ и вытекло масло»—игуменъ велѣлъ ему, не сомнѣваясь, употребить для трапезы то, что осталось; дѣйствительно, не только стало его довольно для пищи братской, но еще и осталось въ сосудѣ.

Позднѣйшія чудеса преподобнаго Саввы, съ особенною славою, обнаружились при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, когда открыты были священныя его мощи. Случилось, при игуменѣ Варлаамѣ, въ страстную пятницу, инокъ Леонтій молился у себя въ келліи: чтобы Господь подалъ ему нѣкую скорбь по силѣ его, въ надеждѣ, доблестно перенеся ее, воспріять за то вѣнецъ мученическій. Когда сѣлъ онъ отдохнуть отъ молитвы, внезапно, какъ бы въ нѣкоемъ изступленіи, представилось ему, что входитъ въ его келлію благолѣпный старецъ, съ сѣдою брадой, нѣсколько сгорбленный, отъ котораго проливался какъ бы огонь; онъ прикоснулся къ устамъ дерзновеннаго молитвенника, и внезапно онѣмѣлъ Леонтій и отъ страха палъ на помостъ келліи.

Во время повечерія, братія, услышавъ, что онъ лежитъ безъ чувствъ, собрались къ нему въ келлію и начали поливать водою, думая что угорѣлъ; вынесли его въ сѣни; но онъ оставался безгласенъ и недвижимъ, такъ что уже начали отчаяваться и братія приготовляла все нужное къ погребенію. Но Господь, не посылающій намъ

искушеніи свыше силъ нашихъ, возвратилъ къ жизни и сего труженика; мало по малу началъ онъ приходить въ себя и въ день Пасхи совершенно опамятовался, но еще не могъ говорить, а только все смотрѣлъ на икону Спасову и обливался слезами; такъ протекла вся свѣтлая недѣля. На утреню Ѳомина воскресенія, пришелъ и онъ съ братіею въ церковь; во время поученія, послѣ первой каѳизмы, внезапно напало на него то же изступленіе. Ему опять представился святолѣпный старецъ, который подошелъ и, толкая рукою, говорилъ: «возстань, братъ, что̀ ты сидишь?» но болящій, зная свою немощь, не хотѣлъ подняться; то же повторилось во вторую каѳизму, и на сей разъ разрѣшился языкъ его. «Кто ты?» спросилъ онъ явившагося, и многое услышалъ изъ устъ Святаго себѣ въ назиданіе, чего не могъ сохранить въ памяти отъ ужаса; но уже онъ почувствовалъ свое исцѣленіе и, только отъ радости и страха, не смѣлъ никому сказать о томъ въ церкви. Леонтій устремился прямо изъ храма въ келлію настоятеля и, припадши къ ногамъ его, со слезами впервые произнесъ: «благослови отче.» Ужаснулся Архимандритъ, отъ радости и страха едва самъ не упалъ на землю; онъ распросилъ исцѣленнаго, что̀ видѣлъ и слышалъ? и собравъ всю братію въ церкви, велѣлъ пѣть соборный молебенъ, иноку же Леонтію исповѣдать предъ всѣми о причинѣ своей болѣзни и о дивномъ исцѣленіи.

Хотя нѣтъ точныхъ извѣстій о томъ случаѣ, который послужилъ къ открытію мощей преподобнаго, но есть въ обители преданіе, что было явленіе святаго Саввы самому Царю Алексію Михайловичу. Зимою посѣщалъ онъ, для ловли, окрестныя лѣса Звѣнигородскіе; однажды, когда разсѣялась его дружина, для отысканія логовища медвѣжьяго, выбѣжалъ изъ лѣса огромный звѣрь и устремился на одинокаго; не было возможности защищаться и Царь ожидалъ себѣ вѣрной смерти, когда внезапно явился подлѣ него дивный старецъ, отъ котораго бѣжалъ медвѣдь. Спасенный имъ Государь спросилъ его о имени, и тотъ отвѣчалъ: «что его зовутъ Саввою и что онъ одинъ изъ иноковъ обители Сторожевской.» Между тѣмъ собралась дружина царская около своего Государя, а старецъ пошелъ къ монастырю; туда же поспѣшилъ и самъ Алексій Михайловичъ: онъ распрашивалъ Архимандрита о иноке Саввѣ, помышляя, что это какой-либо неизвѣстный подвижникъ, спасающійся въ лѣсахъ около обители, и съ изумленіемъ услышалъ, что ни въ обители, ни окрестъ ея, нѣтъ ни одного инока съ именемъ Саввы. — Тогда Царь взглянулъ на образъ преподобнаго и, припоминая себѣ черты того, кто явился ему въ лѣсу, уразумѣлъ, что это былъ самъ чудотворный начальникъ места сего; исполненный благодарности, велѣлъ онъ соборно служить ему молебенъ и, съ благословенія Патріаршаго, освидѣтельствовать

гробъ его; святыя мощи были обрѣтены нетлѣнными.

Въ дворцовыхъ запискахъ читаемъ, что Царь Алексій Михайловичъ, 16-го Января 1652 года, пошелъ въ Звенигородъ для обрѣтенія мощей преподобнаго Саввы чудотворца; съ Государемъ былъ Святѣйшій Іосифъ, Патріархъ Московскій и всея Руси, и Новгородскій Митрополитъ Никонъ. 19-го числа мощи обрѣтены нетлѣнными и, послѣ 245 лѣтняго пребыванія въ землѣ, положены въ новой дубовой гробницѣ; онѣ поставлены на правой сторонѣ въ соборѣ у южныхъ вратъ, ведущихъ въ олтарь. На другой день, 20-го числа, совершено было Патріархомъ Іосифомъ торжественное празднованіе обрѣтенія мощей новопрославленнаго угодника Божія, и по литургіи, былъ столъ у Государя за трапезою, за которою былъ у него и Святѣйшій Патріархъ Іосифъ Московскій и всея Руси. Въ этотъ день Государь пожертвовалъ въ монастырь три тысячи рублей, какъ значится во вкладной монастырской книгѣ, да Митрополитъ Никонъ далъ вкладу пятьдесятъ рублей.

Съ 1652 года усердіе Царя Алексія Михайловича къ обители преподобнаго Саввы еще болѣе усилилось. Говорятъ, что, по особенной своей ревности, онъ не позволялъ никому другому дѣлать въ сей монастырь никакихъ вкладовъ и приношеній. Ему казалось, что дары другихъ служили бы доказательствомъ недостатка его соб-

ственныхъ щедротъ. Выходы царскіе въ обитель преподобнаго Саввы сдѣлались еще чаще; большею частію онъ бывалъ тамъ на праздники памяти и обрѣтенія мощей преподобнаго, всегда питалъ иноковъ и убогихъ отъ своей трапезы и одѣлялъ ихъ деньгами.

Еще нѣсколько другихъ исцѣленій записано также въ книгѣ житія преподобнаго, хранящейся въ обители, и при нѣкоторыхъ приложено даже свидѣтельство руки исцѣленныхъ. Между именитыми, ближній стольникъ царскій Андрей Ѳедоровичъ Нарышкинъ, который страдалъ внутреннимъ воспаленіемъ и уже отчаявался въ жизни, исцѣлился освященною водою отъ раки преподобнаго; это было въ 1713 году; а въ 1755 Ржевскій купецъ Иванъ Сарафанниковъ засвидѣтельствовалъ, что молитвою преподобнаго, у его раки, исцѣлился онъ отъ сильной горячки съ совершеннымъ безпамятствомъ.

«Страшусь и я, недостойная, въ молчаніи оставить, получа милосердіе Божіе въ прославленіе угодника своего, Саввы преподобнаго; 1798 года Іюня въ 4-й день, пріѣхавъ изъ Москвы, мучилась жестокимъ ломомъ руки три мѣсяца и не получала пользы отъ докторскихъ лекарствъ, а какъ помазалась изъ лампады масломъ, заснула и, проснувшись, начала владѣть какъ прежде. Княгиня Анна Касаткина Ростовская.»

Такимъ собственноручнымъ свидѣтельствомъ самой исцѣленной, которое записано въ мона-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

стырской книгѣ житія преподобнаго Саввы, утѣшительно заключимъ описаніе его чудесъ, во извѣщеніе родамъ грядущимъ. Хотя и другія исцѣленія, еще ближе къ нашему времени, записаны въ той же книгѣ, и между ними есть весьма замѣчательныя, какъ напримѣръ: въ 1802 году разрѣшеніе языка нѣмаго отрока, сына священника Звенигородскаго, и еще нѣсколько другихъ подобныхъ случаевъ, однако всѣхъ поразительнѣе сія собственноручная запись Княгини Ростовской; въ порывѣ благодарности, выразила она все то, что внушало ей сердце, въ самую минуту ея исцѣленія; и такое искреннее свидѣтельство конечно превосходитъ сказанія о всѣхъ прежнихъ и послѣдующихъ случаяхъ благодатной помощи, которая истекала отъ раки мощей преподобнаго Саввы.

(Извлечено изъ печатной и вмѣстѣ рукописной книги житія и чудесъ Преподобнаго, принадлежащей обители подъ № 69-мъ. На заглавномъ листѣ ея такая надпись: «здѣ во обители быхомъ, и духовнѣ и тѣлеснѣ угостихомся. Смиренный Платонъ Архіепископъ Московскій. 1777 Іюля 27-го дня»).

Декабря 4-го, Церковь Православная празднуетъ святой Великомученицѣ Варварѣ и торжество сіе тѣмъ драгоцѣннѣе для Русскаго сердца, что святыя мощи ея, во всѣмъ петлѣніи, хранятся въ Кіевской златоверхой обители Архангела Михаила, гдѣ каждый вторникъ совершается имъ соборный акаѳистъ. Святыня сія принесена была изъ Царьграда, сопменною ей Царевною Греческою, супругою Великаго Князя Святополка Михаила, можно сказать, какъ вѣно ея для всей земли Русской.

Въ тотъ же день совершается память божественнаго пѣснописца и учителя Церкви, которую украсилъ дивными своими канонами на всѣ ея празднества. Сей богоглагольникъ Іоаннъ, возсіявшій изъ Дамаска, изъ предѣловъ Сиріи, какѣ и преподобная Варвара, взялъ въ руки оружіе—крестъ Господень и имъ отразилъ прелести враговъ, сдѣлавшись для насъ цѣвницею духовною, изъ лавры преподобнаго Саввы, гдѣ умеръ міру въ плачевной юдоли потока Кедрскаго.

На другой день, 5-го Декабря, востекаетъ намъ, изъ той же юдоли, новое свѣтило пустыни, который теченіемъ слезъ своихъ, воздѣлалъ ея безплодіе и во сто кратъ уплодотворилъ ее, воздыханіями изъ глубины сердца, сдѣлавшись

свѣтильникомъ вселенной. Блаженный Савва, по преимуществу названный именемъ Освященнаго, былъ не только самъ гражданиномъ пустыни, но и удобреніемъ всѣхъ преподобныхъ, ибо изъ его великой лавры, происткли божественные гимны Дамаскина и уставъ иноческій, послужившій типикомъ, или образцемъ для всѣхъ обителей православныхъ: посему, и мы къ нему взываемъ: «радуйся Савва пребогатый.»

На слѣдующій день, 6-го Декабря, празднуетъ Церковь великому чудотворцу Мурѣ-Ликійскому, которому исключительно усвоился тропарь Святителя, какъ пастырскому образцу: «истина самыхъ дѣлъ показала тебя правиломъ вѣры и образомъ кротости и учителемъ воздержанія своему стаду; посему и пріобрѣлъ ты, посредствомъ смиренія, высокое и нищетою своею богатое, и какъ священноначальникъ, моли Христа Бога о спасеніи душъ нашихъ.»

Житіе Святителя Николая, хотя и не принадлежитъ собственно къ житіямъ отечественныхъ нашихъ Святыхъ, однако, по чрезвычайной вѣрѣ къ нему всей земли Русской и по тѣмъ чуднымъ знаменіямъ, которыя онъ непрестанно являетъ православнымъ сынамъ Россіи, нельзя не причислить его къ лику родныхъ Святителей на-

шихъ.—Но не 6-е Декабря, а 9-го Мая, собственно Русскій праздникъ Святителя Николая, когда воспоминается перенесеніе святыхъ мощей его въ Барп, не празднуемое на Востокѣ а только въ Россіи. Посему, къ весеннему празднику должно отнести, вмѣстѣ съ житіемъ великаго угодника Божія, и самыя замѣчательныя изъ тѣхъ многочисленныхъ явленій, которыми облагодатствовалъ онъ собственно землю Русскую и племена Славянскія.

7-го Декабря, опять память великаго Святителя, хотя и не Восточнаго, но Западнаго и вмѣстѣ Вселенскаго, великаго Амвросія, Епископа Медіоланскаго, который помрачилъ свѣтомъ божественныхъ догматовъ ересь Аріеву, чудодѣйствуя силою Духа, и былъ однимъ изъ величайшихъ столповъ православія, вмѣстѣ съ великими поборниками Церкви: Аѳанасіемъ и Василіемъ, Богословомъ и Златоустомъ.

Въ тотъ же день, Церковь Отечественная совершаетъ память и двухъ своихъ преподобныхъ: Антонія Сійскаго и Нила Столобенскаго, спасавшагося на озерѣ Селигерскомъ.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО АНТОНІЯ СІЙСКАГО.

Вы принуждаете меня, блаженные отцы, говорить въ предисловіи постриженникъ обители преподобнаго Антонія, священноинокъ Іона, написать вамъ, сожительствовавшимъ святому сему старцу и видѣвшимъ его подвиги, повѣсть о многотрудномъ житіи его, какъ о ревнителѣ древнихъ отцевъ, непрестанно напоявшемъ душу свою боголюбивыми слезами и сторицею принесшемъ плодъ Господу: но сіе превыше мѣръ нищаго моего разума! Въ убогомъ домѣ ума моего, ничего не имѣю, что̀ бы могъ предложить на словесную трапезу вашего отчества, уже исполненную ангельской пищи. Праведно было бы мнѣ, убогому, далеко бѣжать отъ такого дѣла, и куда-либо укрыться въ темномъ мѣстѣ, положивъ перстъ на уста свои и укоряя себя въ

своихъ недостаткахъ; опасаясь однако смерти духовнаго преслушанія, по заповѣди отеческой, и запрещенія лѣпиваго раба, смиренно повинуюсь отеческому вашему повелѣнію.

Но прежде, преклоняя выю, приношу моленіе блаженству вашему: сотворите молитвы Богу, да подастъ мнѣ, отъ неоскудныхъ своихъ сокровищъ, разумъ и слово, вмѣстѣ съ нимъ текущее, и языкъ ясный, и зарю духа въ просвѣщеніе мысленныхъ моихъ очей, да возмогу предложить вамъ пищу словесную, какую отъ меня требуете. Предлагаю же вамъ повѣсть сію, не отъ видѣнія личнаго, но отъ слышанія только, ибо уже протекло болѣе 20 лѣтъ послѣ преставленія преподобнаго отца; я здѣсь собралъ то, что слышалъ отъ многихъ пречудныхъ старцевъ и достовѣрныхъ свидѣтелей, которые ему сожительствовали, не только въ общежительной обители, но и въ двухъ его пустыняхъ за нимъ слѣдовали. Другіе повѣдали мнѣ о знаменіяхъ, бывшихъ на мѣстѣ семъ, прежде прихода старческаго, и чудеса при жизни и по смерти, и сами исцѣленные имъ объявляли мнѣ, какую благодать пріяли у его гроба. Въ похвалу Святому пишу сіе, хотя не требуетъ онъ похвалъ человѣческихъ, наслаждаясь Ангельскими, ибо не ищутъ Святые тлѣнной славы,—похвала имъ отъ Господа; но сіе нужно для пользы нашей; мы требуемъ святаго житія сего и, простираясь любовію къ преподобному отцу, воспоминаемъ чрезъ него о добродѣтеляхъ

древнихъ великихъ мужей; они могутъ возбуждать и нашъ лѣнивый родъ для нашего спасенія, ибо мы уже достигаемъ кончины вѣка; взирая на житія Святыхъ, какъ на одушевленные столпы, будемъ познавать свои недостатки и хотя по немногу исправлять себя ихъ примѣромъ; и такъ, призвавъ на помощь сего святаго старца и надѣясь на наши молитвы, пріемлю дерзновеніе о немъ писать.

Родители блаженнаго Антонія были земледѣльцы; отецъ его, по имени Никифоръ, изъ селенія Кіехта, въ предѣлахъ Двинскихъ, близь Студенаго моря Океана, происходилъ изъ Великаго Новгорода, и вмѣстѣ съ супругою, преуспѣвалъ въ добрыхъ дѣлахъ, часто посѣщая церковь Божію. Человѣколюбивый Господь, видя ихъ благую вѣру, даровалъ имъ благословенный плодъ, который нарекли во святомъ крещеніи Андреемъ; родились у нихъ и другія дѣти, но всѣхъ благообразіе и даровитѣе былъ сей первенецъ; приходя въ возрастъ, превзошелъ онъ всѣхъ своихъ сверстниковъ въ ученіи книжномъ, наипаче въ Святомъ писаніи, такъ что и наставники ему дивились, предвидя въ ученикѣ своемъ учителя многихъ. Не внималъ отрокъ земледѣлію, но все его тщаніе было къ Церкви Божіей и прилежалъ онъ къ чтенію божественныхъ книгъ; кротость его и смиреніе пріобрѣли ему любовь всѣхъ ближнихъ. Уважая своихъ родителей, старался онъ во всемъ творить имъ угодное;

когда же достигли глубокой старости, призвали они чадъ своихъ и заповѣдали имъ пребывать въ любви между собою, во всемъ подражая ихъ примѣру; старшему поручили младшихъ, и такимъ образомъ Андрей двадцати пяти лѣтъ, сдѣлался главою семейства. Случилось ему, по кончинѣ своихъ родителей, идти въ Великій Новгородъ, и тамъ работалъ пять лѣтъ у одного боярина, не безъ особаго промысла Божія, чтобы узналъ и мірскіе обычаи, какъ бы по степенямъ, восходилъ отъ нижнихъ къ горнимъ добродѣтелямъ, до житія иноческаго. По опредѣленію господина своего, сочетался онъ и законнымъ бракомъ, но не угодно было Господу на долго связывать мірскими узами своего угодника; чрезъ годъ скончалась супруга и это еще болѣе побудило его разсуждать о суетѣ всего мірскаго; духъ его возгорѣлся къ житію иноческому. Онъ помышлялъ и молился только о томъ, какъ бы избавиться отъ мятежа мірскаго и достигнуть безбурной пристани; еще чаще посѣщалъ церкви Божіи, усугубляя молитвы свои милостынею. Когда же въ скоромъ времени скончался господинъ его, блаженный воспользовался свободою, чтобы возвратиться въ домъ свой; тамъ расточилъ и послѣднее свое имѣніе нищимъ, чтобы совершенно ему избавиться, какъ птицѣ отъ тенетъ, и окрылиться духомъ въ пустыню.

Ничего не взялъ онъ съ собою, кромѣ тѣла своего и той одежды, въ какую былъ облеченъ,

все вмѣнивъ за уметы, по божественному Апостолу, да Христа пріобрящетъ (Фил. III, 8), и устремился въ предѣлы Каргопольскіе, на рѣку Кену, вытекающую изъ Великаго озера и впадающую въ Онегу, въ пустынь Пахоміеву, гдѣ была обитель Преображенія, называемая Кенскою. На разстояніи пяти верстъ отъ монастыря, застигла его ночь, и онъ сталъ на молитву, со слезами моля Господа Іисуса, словами псаломскими: «услышать недостойнаго раба своего и научить его творить волю свою, ибо на него единаго возложилъ свое упованіе.» Послѣ молитвы легъ онъ отдохнуть и, въ тонкомъ снѣ, увидѣлъ свѣтлаго мужа, украшеннаго сѣдинами, въ бѣлыхъ ризахъ, съ крестомъ въ рукахъ, который сказалъ ему: «возми крестъ свой и гряди въ слѣдъ меня; подвизайся и не бойся козней діавольскихъ, ибо ты будешь мужъ желаній духовныхъ, пустынное воспитаніе и множеству иноковъ наставникъ.» Потомъ осѣнилъ его честнымъ крестомъ и сказавъ еще: «симъ побѣждай лукавыхъ духовъ», скрылся отъ взоровъ.

Проснувшись, радостію исполнился блаженный Антоній и никого не видя вокругъ себя уразумѣлъ, что это была нѣкая божественная сила, свыше къ нему посланная. Уже онъ не предавался болѣе сну, но весь остатокъ ночи провелъ на молитвѣ и съ разсвѣтомъ пришелъ въ монастырь. Какъ нѣкое свѣтило, представилась ему церковь Божія, стоявшая посреди монасты-

ря, со смиренными келліями вокругъ нея; отъ радости онъ заплакалъ и воскликнулъ: «коль возлюбленна селенія твоя, Господи силъ! желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни, ибо птица обрѣте себѣ храмину (Псал. LXXXIII, 2—4); се покой мой, здѣ вселюся, яко изволихъ и душа моя!» (Псал. CXXXI, 14.) Онъ палъ на колѣни предъ вратами монастырскими, на коихъ былъ написанъ образъ Господа Іисуса и, послѣ краткой молитвы, пришелъ къ игумену Пахомію, мужу высокой добродѣтели, который былъ основателемъ сей пустыни.

Усердно молилъ онъ настоятеля облечь его въ иноческій образъ, и умилился Пахомій, видя его смиреніе и рубище, однако предварилъ его о предстоявшей трудности. «Чадо мое, скорбно мѣсто сіе, говорилъ онъ, и братія здѣсь непрестанно труждается; одни копаютъ землю, другіе сѣкутъ лѣсъ, иные воздѣлываютъ нивы, никто не остается праздными; тебѣ же, еще юному, не по силамъ будетъ перенести такого подвига.» Но блаженный юноша неотступно молилъ старца не отвергать изъ той пустыни, куда привелъ его самъ Господь, освободивъ отъ заботъ временныхъ, и обѣщалъ исполнять всѣ его повелѣнія, лишь бы только навелъ его на путь спасенія. Тогда уже болѣе не противился игуменъ, провидя въ немъ сосудъ избранный Святому Духу, и постригъ его въ ангельскій образъ, нарекши имя ему Антоній. Никому не поручилъ его

въ ученіе Пахомій, но взялъ въ свою келлію къ себѣ въ ученики, и новопостриженный ревновалъ доброму житію своего старца, какъ юный орелъ, воспаряя на небо добродѣтели. Памятуя тотъ крестъ, которымъ осѣнилъ его въ таинственномъ видѣніи святолѣпный мужъ, Антоній непрестанно помышлялъ, что отселѣ уже міръ долженъ ему распяться и самъ онъ міру, ополчившись вѣрою на борьбу со страстьми своими, чтобы бдѣніемъ, постомъ и молитвою, побѣдить невидимаго врага. Прежде всѣхъ обрѣтался онъ въ церкви Божіей и послѣ всѣхъ исходилъ, и блаженную свою душу возбуждалъ чтеніемъ божественныхъ писаній и пѣніемъ отеческихъ гимновъ; пищу вкушалъ черезъ день, и то не до сытости, самъ трудился въ поварнѣ, нося воду для братіи и приготовляя дрова, но предстоя на служеніи людямъ, духомъ пребывалъ на небесахъ, и стараясь быть ниже и меньше всѣхъ, чрезъ смиреніе научался всѣмъ добродѣтелямъ; часъ смертный непрестанно былъ въ его мысляхъ, какъ бы предъ очами, и слезы покаянія на очахъ его; всѣми былъ онъ любимъ и благословеніе всѣхъ было на немъ.

Поелику не было въ то время священника въ обители, по ея скудости, игуменъ и братія упросили Антонія принять на себя санъ священства; но духовная сія степень не уклонила его отъ работъ болѣе смиренныхъ, а напротивъ подвигла на большіе труды; онъ продолжалъ, вмѣстѣ съ

братіею, исполнять всѣ черныя и полевыя работы монастырскія, присоединивъ къ тому и новыя обязанности своего званія; часто посѣщалъ больницу и тамъ, подкрѣпляя духовнымъ словомъ болящихъ, самъ для нихъ согрѣвалъ воду и омывалъ немощные члены, съ теплою молитвою.

Преподобный Антоній былъ такъ крѣпокъ и здоровъ тѣломъ, что могъ трудиться за двухъ и за трехъ, и потому особенно прилежалъ къ земляпымъ работамъ, для смиренія своей плоти. Избѣгая общей похвалы, искалъ онъ безмолвія; ему пришло на мысль уединиться въ глубочайшую пустыню, гдѣ бы бесѣдовать только съ единымъ Богомъ, и онъ просилъ на то благословенія старца. Игуменъ, хотя и видѣлъ его еще въ цвѣтущей силѣ возраста, не усумнился разрѣшить ему жительство въ пустынѣ, ибо зналъ его высокую добродѣтель; однако отпустилъ не безъ назидательнаго поученія о томъ, какъ вести себя въ пустынѣ. Съ благословеніемъ отеческимъ, вышелъ изъ обители Антонія, но памятуя заповѣдь Господа «что тамъ, гдѣ двое или трое собраны во имя его, и самъ Господь будетъ посреди нихъ» (Матѳ. XVIII, 20), взялъ съ собою двухъ единоправныхъ ему братій, благоговѣйныхъ иноковъ Александра и Іоакима.

Съ псаломнымъ пѣніемъ въ устахъ, устремились они къ странѣ сѣверной, внизъ по великой рѣкѣ Онегѣ, и достигнувъ до рѣки Шелексны, много прошли непроходимыхъ дотолѣ дебрей и

лѣсовъ, ища себѣ мѣста упокоенія, и обрѣли его наконецъ на темномъ потокѣ рѣки Емцы. Тутъ поставили себѣ хижину и, послѣ многихъ молитвенныхъ трудовъ, срубили небольшую церковь во имя Святителя Николая и келліи вокругъ; съ ними водворились еще четыре пришедшихъ инока. Семь лѣтъ подвизались они въ этомъ уединеніи, но врагъ человѣческій воздвигъ на нихъ гоненіе отъ мѣстныхъ жителей, которые опасались, чтобы пустынники не отняли у нихъ землю. Не прекословилъ имъ блаженный Антоній и, давъ мѣсто ихъ гнѣву, уклонился отъ зла и вышелъ съ братіею изъ пустыни, ими избранной. На Господа положилъ онъ свое упованіе и братію утѣшилъ евангельскимъ словомъ: «егда гонятъ вы во градѣ, бѣгайте въ другій (Матѳ. X, 23); аще бо мене изгнаша и васъ изженутъ; нѣсть рабъ болій Господа своего (Іоан. XV, 20), ниже ученикъ надъ учителемъ своимъ (Лук. VI, 40)», и словомъ Апостольскимъ: «вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гонимы будутъ» (2 Тим. III, 12).

Еще глубже на сѣверъ устремился преподобный съ братіею, черезъ дебри, болота и озера, прилежащія къ Студеному морю, моля Господа, да укажетъ имъ путь и мѣсто жительства, и Господь былъ имъ помощникъ. Внушилъ онъ одному жителю Ямпискаго стана, по имени Самуилу, идти на промыселъ ловитвы на лѣшьи озера; внезапно увидѣлъ онъ, при потокѣ пустынномъ,

множество иноковъ молящихся и посреди ихъ, какъ бы нѣкоего ходатая, преподобнаго Антонія, воздвигшаго къ небу руки. Ужасъ объялъ ловца; привидѣніемъ почелъ онъ иноковъ и долго стоялъ въ отдаленіи, не смѣя приблизиться; но видя постоянную молитву святаго мужа, отважился наконецъ подойти и, припадши къ ногамъ его, просилъ себѣ благословенія. Антоній спросилъ его: «не знаетъ ли какого-либо мѣста, удобнаго для поселенія иноковъ?» и ловчій привелъ его на дальнее озеро, называемое Михайлово, въ которое впадала рѣка Сія, протекавшая сквозь многія озера.

Полюбилъ мѣсто сіе преподобный и принесъ Богу благодарныя молитвы; сперва водрузилъ онъ крестъ, потомъ поставилъ тутъ часовню и хижину для себя и братіи. Дикіе звѣри обитали въ тундрахъ и лѣсахъ; много было тутъ озеръ и никогда, отъ начала міра, не обиталъ здѣсь человѣкъ; но жители окрестныхъ мѣстъ, приходившіе сюда для ловитвы, издавна слышали тутъ звонъ великій и какъ бы пѣніе ликовъ, и видѣлось имъ, будто иноки сѣкутъ лѣсъ; посему издавна ожидали здѣсь населенія иноческаго. Три года пробылъ на этомъ мѣстѣ, преподобный съ братіею, своими руками очищая лѣсъ и копая землю, много перенося скорби отъ враговъ невидимыхъ и отъ чрезвычайной скудости, ибо часто не было откуда взять и хлѣба, но все терпѣлъ съ благодареніемъ. Иногда братія

начинала роптать и даже хотѣла оставить его одного въ пустомъ мѣстѣ, но онъ укрѣплялъ ихъ духовнымъ словомъ, напоминая имъ иноческіе обѣты.

Однажды, когда уже совершенно оскудѣла пища, пришелъ къ нимъ христолюбивый мужъ, какъ бы Ангелъ Божій, и принесъ хлѣба, муки и масла, и даже милостыню для строенія обители, испрашивая себѣ благословенія на дальній путь въ великій Новгородъ; онъ никогда болѣе не возвращался. Братія же, видя столь чудную помощь, не отъ человѣка по истинѣ, но отъ самаго Бога, смиренно просила себѣ прощенія у чадолюбиваго отца.

Въ другой разъ возникли козни противъ Святаго, отъ нѣкоего сборщика данеи архіепископскихъ великаго Новгорода, по имени Василія Бебря. Услышавъ о устроеніи новой обители и полагая, что много стяжанія у преподобнаго, послалъ онъ на него разбойниковъ, чтобы расхитить имѣніе, но Господь оградилъ преподобнаго своего; хищникамъ представились вооруженные люди, стрегущіе отовсюду обитель, и когда тотъ, кто ихъ посылалъ на злое дѣло, удостовѣрился, что Божіе сіе было ограждение Святому, самъ пришелъ смириться предъ нимъ и испросить себѣ прощеніе; многіе съ тѣхъ поръ начали стекаться къ святому мужу, принося пищу и деньги для строенія обители, испрашивая себѣ постриженія въ ангельскій образъ, ибо далеко уже

разнеслась о немъ молва по окрестнымъ предѣламъ.

Видя умноженіе братіи, преподобный избралъ, изъ числа ихъ, двухъ старшихъ учениковъ, Александра и Исаію, и послалъ къ благовѣрному Великому Князю Василію Іоанновичу, съ моленіемъ о строеніи монастырскомъ, чтобы повелѣлъ имъ Государь строить новое свое богомолье, на пустомъ мѣстѣ въ дикомъ лѣсу, собирать братію и кругомъ пахать пашни. Благополучно достигли посланные до престольнаго града, гдѣ благосклонно были приняты Державнымъ. Слышалъ онъ и прежде о духовной жизни преподобнаго Антонія, и не только выдалъ ему начальную грамоту, но и все нужное для строенія монастырскаго, поручая себя, все семейство и царство его молитвамъ. Великую радость принесли въ обитель возвратившіеся иноки; блаженный ихъ наставникъ со слезами вознесъ соборную молитву о долголѣтіемъ здравіи Государя и дарованіи ему желаннаго плода чрева; не только въ церкви, но и на келейномъ правилѣ, заповѣдалъ онъ братіи совершать теплую сію молитву, а самъ, съ бо́льшею ревностію, приступилъ къ строенію обители и церкви.

По соборному совѣщанію съ братіею, заложилъ онъ обширную деревянную церковь, во имя Живоначальныя Троицы, и велѣлъ искуснымъ живописцамъ написать мѣстный храмовой образъ. Самъ преподобный, будучи опытенъ въ этомъ

искуствѣ, помогалъ иконописцу, не только молитвою но и дѣломъ рукъ своихъ, къ написанію иконы, и когда довершилъ ее, съ молебнымъ пѣніемъ поставилъ въ храмѣ Живоначальныя Троицы, моля Господа не оставить рабовъ своихъ, живущихъ на святомъ мѣстѣ и на него единаго уповающихъ. Не тщетными остались труды преподобнаго, при написаніи сей иконы. Господь хотѣлъ явить своему угоднику, что пріемлетъ даръ его, съ вѣрою принесенный, и благодать чудотворенія отъ Первообраза излилась чрезъ сію святую икону на тѣхъ, которые съ вѣрою къ ней притекали.

Однажды, по утреннемъ пѣніи, когда уже всѣ удалились изъ церкви, загорѣлась она отъ свѣчи, забытой пономаремъ предъ святою иконою. Не случилось никого въ монастырѣ, потому что всѣ разошлись по работамъ, кромѣ служителей, трудившихся въ поварнѣ, и немощной братіи въ больницѣ. Уже пламя высоко пылало въ церкви, когда послали извѣстить о томъ преподобнаго, ибо сами служители ничего не могли сдѣлать. Старецъ съ братіею были далеко, и когда возвратились, вся церковь была уже объята пламенемъ, такъ что ничего не возможно было изъ нея вынести, ни утварь, ни святую икону. По чувству человѣческой немощи огорчился преподобный; но помысливъ, что сіе случилось за грѣхи его, только плакалъ о написанной имъ иконѣ, что Господь не принялъ труды его

и молитвы а онъ надѣялся, что икона сія будетъ служить на вѣчныя времена воспоминаніемъ по грѣшной его душѣ. Но Господь услышалъ плачь преподобнаго своего и умиленныя его молитвы, ибо не забыты были труды его предъ Богомъ. Страшное совершилось чудо!—когда вся церковь до основанія пылала, икона Живоначальныя Троицы, какъ бы сама собою исторглась изъ пламени и обрѣлась посреди монастыря. Увидѣвъ ее, съ радостными слезами устремился къ ней преподобный и, забывъ всякую скорбь, принесъ благодарныя молитвы Богу за столь дивное ея спасеніе.

Пламя не коснулось, кромѣ церкви, никакихъ зданій монастырскихъ, однако братія малодушествовала и хотѣла разойтись, говоря, что нѣтъ имъ благословенія Божія жить на этомъ мѣстѣ; но опытный настоятель велѣлъ имъ вооружиться постомъ и молитвою противъ искушающаго ихъ врага, и съ терпѣніемъ приступилъ къ строенію другой болѣе просторной церкви во имя Живоначальныя Троицы; потомъ соорудилъ и трапезу, при теплой церкви Благовѣщенія Богоматери, и небольшую церковь Первозваннаго Апостола надъ святыми вратами. Такимъ образомъ молитвами Богоматери и преподобнаго отца нашего Сергія, какъ пишетъ ученикъ Антоніевъ, распространилась обитель, далеко отъ міра, посреди лѣсовъ и многихъ водъ, огражденная келліями, какъ бы нѣкій корабль, стоящій на водахъ.

Одною только стезею могла проникнуть въ нее стопа человѣческая, ибо отовсюду были озера, какъ бы цѣпью связанныя рѣкою Сіею, которая протекала изъ одного въ другое кругомъ монастыря, доколѣ не впала въ рѣку Двину; посему и самая обитель назвалась Сійскою.

При устроеніи оной, вся братія молила добраго своего наставника, принять на себя санъ игуменскій, и съ трудомъ могли побѣдить его смиреніе; но тѣмъ не измѣнился постническій нравъ его, ибо онъ еще болѣе сталъ прилагать труды къ трудамъ, подавая примѣръ братіи, не только въ тщательномъ исполненіи службы церковной, правила келейнаго и благочинія трапезнаго, но и во всѣхъ работахъ монастырскихъ. Кто, не зная преподобнаго, видѣлъ его труждающимся на пашнѣ, или очищающимъ лѣсъ въ убогой ризѣ, тотъ никогда бы не принялъ его за настоятеля обители; всѣхъ наставлялъ онъ своимъ примѣромъ, и въ низшихъ и въ высшихъ службахъ, строго запрещая всякое празднословіе. Особенно заботился о болящихъ, научая ихъ терпѣнію и напоминая имъ часъ смертный, и приставилъ къ нимъ надзирателей и служебниковъ; ревностно соблюдалъ правила общежитія, чтобы никому не было обиды отъ неравенства въ пищѣ и одеждѣ, и чтобы не забыты были нищіе, которыхъ щедро одѣлялъ милостынею и кормомъ. Наипаче же строго искоренялъ пьянство и внушалъ братіи удаляться отъ гнѣва и

пребывать во взаимной любви, въ постоянной молитвѣ, кротости и терпѣніи, безъ малѣйшаго ропота, чтобы не служить соблазномъ міру.

Господь, еще при жизни своего угодника, ознаменовалъ праведность его многими знаменіями. Намѣстникъ Двинской области, боярин Князь Димитрій Жижинской, имѣлъ слугу, по имени Іакова, страдавшаго отъ духа нечистаго; онъ послалъ его къ преподобному помолиться Живоначальной Троицѣ и молитвами его исцѣлился, какъ только приложился къ чудотворной ископѣ. Такимъ же образомъ получилъ разрѣшеніе отъ недуга падучей болѣзни, слуга другаго намѣстника Двинскаго, боярина Василія Воронцова, который даже постригся въ обители подъ именемъ Силуана. Также и священникъ Ѳеодосій, изъ сосѣдняго села, привелъ слѣпую сестру свою въ обитель, вѣруя молитвамъ преподобнаго, и, какъ только по молитвѣ окропилъ онъ ее святою водою, слѣпая прозрѣла.

Избѣгая молвы и похвалъ человѣческихъ, которыя повсюду распространялись, блаженный Антоній пожелалъ опять удалиться въ пустыню, чтобы тамъ наединѣ работать Богу. Одного изъ учениковъ своихъ избралъ онъ на свое мѣсто, священноинока Ѳеогноста, мужа, украшеннаго всѣми добродѣтелями духовными, и ему вручилъ свое стадо, а самъ, взявъ съ собою безвѣстнаго инока, тайно отъ всѣхъ, пошелъ вверхъ по рѣкѣ, до озера Дудинцы, гдѣ былъ прекрасный

островъ, благопріятный для житія иноческаго, за три версты отъ обители. Окрестъ много было озеръ и чрезъ нихъ, протекала рѣка сія, а лѣса и дебри были непроходимы. Тутъ поставилъ себѣ жижицу и часовню, во имя Святителя Николая, и началъ пустынно подвизаться, какъ въ первые годы иноческаго житія своего, распаляя душу огнемъ божественнымъ и ополчаясь псаломски на враговъ невидимыхъ. Жестоко было житіе его, ибо не давалъ себѣ ни малѣйшаго отдыха: днемъ копалъ землю, сѣялъ жито, рубилъ лѣсъ; ночью позволялъ себѣ только забыться на минуту сномъ и потомъ опять вставалъ для келейнаго правила, а послѣ опять до утрени, во всю ночь, мололъ жито, которымъ не только самъ питался, но излишекъ отсылалъ въ монастырь, потому что хотѣлъ кормиться дѣломъ рукъ своихъ. Въ знойные дни обнажалъ онъ до пояса тѣло свое, оставляя его на жертву насѣкомымъ, которые сосали кровь его; подвижникъ пребывалъ, какъ бы въ чуждомъ тѣлѣ, забывая плоть свою, помышляя болѣе о червяхъ не умирающихъ геенны. Хлѣбъ свой и питіе, съ плачемъ растворялъ онъ, и пламенною молитвою толкалъ въ небесныя двери, чтобы отверзлось ему царствіе Божіе.

Былъ ему данъ свыше и даръ прозорливости испытывать тайные помыслы человѣческіе. Одинъ изъ юныхъ учениковъ, по имени Филоѳей, боримый духомъ унынія, по навѣту вражію,

пожелалъ оставить обитель и опять предаться міру; но Господь, не хотящій смерти грѣшника, внушилъ ему прежде итти въ пустыню просить благословенія старца. Тихимъ голосомъ сказалъ ему преподобный: какимъ помысломъ смущалась душа его, и юноша, ужаснувшись такой прозорливости, палъ къ ногамъ его, со слезами покаянія, и раскрылъ ему всю свою душу. Преподобный наставилъ его назидательнымъ словомъ, какъ должно ему пребывать въ иночествѣ и, удержавъ у себя одну седмицу, отпустилъ съ миромъ обѣщая, что уже болѣе не возвратится такой помыслъ.

Не удовольствовался подвижникъ своею пустынею; онъ пожелалъ еще болѣе внутренней, и за пять поприщъ отъ первой, поставилъ себѣ уединенную хижину, на озерѣ, называемомъ Паду, которое отовсюду было ограждено горами, покрытыми лѣсомъ. На берегу юдоли, стояла келлія и двѣнадцать березъ около нея бѣлѣлись; плачевно было мѣсто, такъ что одно на него воззрѣніе могло привести каждаго въ чувство умиленія. Пустынникъ устроилъ себѣ малый плотъ на озерѣ, чтобы удить рыбу, и покамѣстъ удилъ, обнажалъ себѣ также голову и плечи на съѣденіе насѣкомымъ.

Два года провелъ такимъ образомъ въ обѣихъ пустыняхъ, преподобный Антоній; когда же избранный имъ Ѳеогностъ оставилъ игуменство, братія пришли къ своему наставнику и со сле-

зами умолили его, не смотря на преклонный возрастъ, принять опять настоятельство въ обители Сійской, угрожая, что если ихъ оставитъ, всѣ они разойдутся; старецъ долженъ былъ покориться общему желанію.

Случилось однажды, на храмовой праздникъ Преображенія, что рыболовы монастырскіе, всю ночь тщетно трудившіеся поймать рыбу для братской трапезы, съ великою скорбію пришли сказать Игумену о своей неудачѣ. Преподобный велѣлъ имъ идти опять на одинъ изъ мысовъ озера, называемый Краснымъ, и съ того мѣста закинуть мрежи, хотя и говорили, что напрасенъ будетъ трудъ ихъ; по слову старца, закинули однако мрежи и, къ общему изумленію, тамъ, гдѣ во всю ночь ничего не могли обрѣсти, извлекли обильную тоню со множествомъ большихъ рыбъ; тоня сія назвалась Антоніевою.

Глубокой старости достигъ Антоній и многія болѣзни его начали удручать, частію отъ преклонныхъ лѣтъ, частію же отъ напряженнаго подвига. Скорбѣла братія, видя приближающуюся кончину и, собравшись къ нему, молили дать по себѣ строителя и оставить имъ послѣднее свое поученіе, изложивъ на хартіи отеческое преданіе о общежитіи. Старецъ, какъ чадолюбивый отецъ, утѣшалъ ихъ, чтобы не скорбѣли, но возлагали бы упованіе свое на Господа и на пречистую его Матерь, когда Господь благоизволитъ, чтобы и онъ воздалъ общій долгъ человѣчества.

Онъ исполнилъ ихъ желаніе, изложивъ любви ихъ убогое свое преданіе, какъ имъ послѣ него жить, хотя и много извинялся своимъ невѣжествомъ и грѣховностію. Имъ самимъ велѣлъ избрать себѣ настоятеля, но братія умоляла его назначить при жизни наставника душамъ ихъ, и старецъ избралъ имъ строителемъ искуснаго инока Кирилла; ему поручилъ все внутреннее устройство и храненіе во всемъ чина монастырскаго, по преданіямъ Святыхъ Отецъ и по правиламъ общежитія.

Строительство сіе заключало въ себѣ болѣе обязанности келарскія, а не настоятельскія; игуменомъ же избралъ онъ на свое мѣсто одного изъ священноиноковъ Геласія, мужа опытнаго въ добродѣтели, который въ то время отсутствовалъ для потребъ монастырскихъ, за моремъ, на рѣкѣ Золотицѣ, и не могъ возвратиться, отъ бурныхъ зимнихъ непогодъ, къ преставленію святаго старца.

Много поучилъ онъ братію взаимной любви, смиренію и послушанію, оставивъ имъ свою духовную грамоту такого содержанія: «во имя Святыя и Живоначальныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, и пречистыя Богоматери и угодника ихъ преподобнаго Сергія чудотворца, се азъ, грѣшный и смиренный игуменъ Антоній, пишу сію духовную память дѣтямъ своимъ и братіи, при своей жизни. Господіе, святая братія и отцы, видите меня грѣшнаго, что постигла меня

старость и впалъ я въ частыя болѣзни, которыми нынѣ одержимъ; ничто другое не возвѣщается мнѣ, какъ смертный часъ и страшный судъ будущаго вѣка и, ради сего страшнаго и грознаго исхода, смутилось сердце мое и страхъ смерти напалъ на меня; но что сотворю?—не знаю, вы же понуждаете меня любовію своєю во Христѣ, написать, какъ вамъ пребывать послѣ моего преставленія. Но Господіе, Богъ знаетъ беззаконія моя и предъ вами прегрѣшенія моя; вы просите, выше моєй мѣры, духовнаго вамъ преданія, потому что сами видѣли на мѣстѣ семъ, что я не былъ вамъ примѣромъ никакой добродѣтели, а вы называли меня грѣшнаго отцемъ себѣ, пастыремъ и учителемъ; я же вамъ былъ ни пастырь, ни учитель, ибо единъ пастырь есть Христосъ; но я грѣшный еще, своимъ неразумiемъ, былъ разгонитель святому вашему боголюбивому жительству, и если нынѣ не отчаяваюсь своего спасенія, то надѣясь только на милость Божію и на ваши святыя молитвы, по глаголу Господню: «не пріидохъ призвати праведныхъ, но грѣшныхъ на покаяніе.» Ради святыхъ молитвъ вашихъ, по слову Пророка: «возвергну на Господа печаль свою, да сотворитъ со мною яко же хощетъ, ибо всѣмъ человѣкамъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити.» Много бы нужно писать вамъ о божественномъ писаніи, но сами знаете, что грамотѣ я умѣю лишь отчасти и боюсь осужденія отъ Владыки моего

Христа, научающаго насъ: «прежде самому творить и потомъ учить.» Нынѣ же, господіе, предаю монастырь свой и васъ Богу и пречистой его Матери, небесной Царицѣ, и преподобному чудотворцу Сергію, и благословляю, на свое мѣсто, пещись и промышлять о домѣ Живоначальныя Троицы, пречистой Богоматери и преподобнаго Сергія, сына и постриженника своего; даю вамъ въ монастырь строителя старца Кирилла, по вашему челобитію, дабы съ нимъ, священники и вся братія, большіе и меньшіе, безъ выбора, пеклись и промышляли, при жизни моей и послѣ меня, о домѣ Живоначальныя Троицы; завѣдывали бы казною, селами, деревнями и всѣми промыслами монастырскими, и соборно рѣшали бы монастырскія дѣла, въ трапезѣ, со всею братіею.—Если кто либо изъ братіи, ропотники или раскольники, не захотятъ по монастырскому чину жить, строителю и братіи не станутъ повиноваться,—тѣхъ изъ монастыря изгонять, дабы и другіе страхъ имѣли; когда же таковые придутъ въ монастырь и принесутъ покаяніе строителю и братіи, въ томъ согрѣшеніи, за которое были изгнаны, тогда принять ихъ опять, какъ своихъ членовъ и простить ихъ и считать, не какъ враговъ, но какъ братій. Братія же, которые выѣхали изъ монастыря безъ моего благословенія, и увезли съ собою монастырскую казну, если пріѣдутъ просить о пріемѣ ихъ опять въ монастырь и если

что̀ увезли отдадутъ въ казну, тѣхъ принять какъ прочую братію и простить; а что̀ сверхъ того, въ томъ воленъ Богъ да Царь Великій Князь Іоаннъ Васильевичь всея Руси.

«Всѣхъ васъ, дѣтей своихъ, строителя и священниковъ, благословляю и со слезами молю и прошу во Христѣ съ братіею, не презрѣть моего къ вамъ прошенія, чтобы въ соборѣ и въ келліяхъ молились Господу Богу, пречистой его Матери и преподобному чудотворцу Сергію, о Царѣ благовѣрномъ Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Руси, дабы Богъ покорилъ подъ его руку всѣ поганскія страны, и о благовѣрной Царицѣ Великой Княгинѣ Анастасіи, и о ихъ благовѣрномъ чадѣ Царевичѣ Князѣ Иванѣ, о здравіи ихъ и спасеніи, и о Архіепископахъ, Епископахъ, и о благовѣрныхъ Князьяхъ, о воеводахъ и о всѣхъ православныхъ Христіанахъ; да и меня грѣшнаго не забывайте во святыхъ своихъ молитвахъ къ Господу, по слову Апостола: «молитеся другъ за друга, да исцѣлѣете» (Іак. V, 16). Прежде же всего имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ своихъ и вселится въ васъ Духъ Святый, который научитъ васъ и наставитъ на истинный путь; промежь себя любовь имѣйте и покорность во Христѣ другъ ко другу, да покрывается тѣмъ множество грѣховъ вашихъ. Живите въ общемъ житіи, равно тѣлесно какъ и духовно, во всемъ, въ пищѣ и въ одеждѣ, по заповѣдямъ святыхъ Отецъ; строитель пусть до-

вольствуется братскою трапезою, ничего себѣ не прибавляя, и да не позволяетъ держать хмѣльнаго питія въ монастырѣ, ни принимать онаго отъ усердствующихъ; женскій полъ отнюдь да не почуетъ въ монастырѣ, ни міряне съ братіею да не живутъ по келліямъ; не держите у себя юныхъ отроковъ, а нищихъ поите и кормите довольно и подавайте имъ милостыню, да не оскудѣетъ мѣсто сіе святое. Здоровые изъ числа братіи, ради своего спасенія, да не пребываютъ безъ службы монастырской, кромѣ больныхъ. Не позволяйте крестьянамъ ставить своихъ дворовъ кругомъ монастыря, да и скотный дворъ пусть будетъ не близко, за озеромъ. Молю васъ все сіе сохранить, да будетъ съ вами милость Божія и пречистой его Матери и молитва преподобнаго Сергія чудотворца, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.»

Послѣ сего духовнаго завѣщанія, старецъ Антоній уклонился на безмолвіе, ибо уже предчувствовалъ близкую кончину; отъ великаго поста плоть его прилипла къ костямъ, такъ что не было почти видно на нихъ тѣла, и онъ за живо уже казался мертвецомъ, по слову псаломному: «кости моя яко сушило сосхошася» (Псал. CI, 4); отъ многихъ колѣнопреклоненій ноги его оцѣпенѣли, такъ что не могъ самъ ходить и его водили въ церковь; сгорбился онъ отъ глубокой старости, но ничего не оставлялъ отъ своего келейнаго правила и сидя исправлялъ то,

чего не могъ стоя; хотя изнемогала естественно его крѣпость, душевная умножалась и молитва была непрестанно на устахъ его.

Когда увидѣла братія конечное его изнеможеніе, всѣ со слезами собрались къ смертному одру его; блаженный же утѣшалъ ихъ, говоря, что «настала день его покоя и что имъ подобаетъ болѣе радоваться нежели печалиться.» Онъ поручалъ ихъ заступленію Богоматери и преподобному Сергію Радонежскому, къ которому имѣлъ великую вѣру; ихъ же просилъ вознести о немъ усердныя молитвы, да невредимо пройдетъ душа его мытарства воздушныя; обѣщалъ имъ, что если будутъ имѣть любовь другъ ко другу, то не оскудѣетъ обитель и самъ онъ будетъ духомъ всегда съ ними. Братія умиленно спросили: «гдѣ погребсти его?» и проникнутый духомъ смиренія отвѣчалъ: «связавши мнѣ ноги, влеките въ дебрь и тамъ затопчите въ болотѣ грѣшное мое тѣло, на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, или бросьте въ озеро.» Восплакали иноки, внимая такой заповѣди отца ихъ и заранѣе сказали, что не могутъ ее исполнить, но что погребутъ съ честію трудолюбивое его тѣло.

Въ день воскресный, накануне своего исхода, пріобщился старецъ еще однажды божественныхъ таинъ и, когда ударили къ утрennему пѣнію на понедѣльникъ, велѣлъ окружавшей его братіи идти на славословіе къ утрени; всѣ

со слезами просили у него прощенія и цѣловали его, и у всѣхъ также просилъ онъ прощенія, благословляя каждаго. Двухъ только изъ учениковъ своихъ оставилъ у себя въ келліи, Андроника и Пахомія, и велѣлъ воскурить довольно ѳиміама; но когда наступили послѣднія минуты и тѣмъ велѣлъ удалиться, а самъ, сотворивъ исходную молитву, сложилъ крестообразно руки и такъ предалъ Господу чистую свою душу. Братія, возвратясь изъ церкви, нашли его уже мертвымъ и съ плачемъ припадали къ тѣлу его, не хотя разлучиться съ нимъ, какъ бы съ своими душами, и многія проливали слезы о лишеніи такого пастыря. Усопшій казался спящимъ, ибо ничего мертвеннаго не представлялось на лицѣ его. Чада его духовныя, со свѣчами и кадилами, подняли честныя его мощи и понесли въ церковь, гдѣ совершили надъ нимъ надгробное пѣніе, и положили его по правую сторону созданной имъ церкви Живоначальныя Троицы, близъ олтаря церковнаго. Скончался Антоній 7 Декабря 1557 года; сорока двухъ лѣтъ былъ онъ, когда пришелъ на мѣсто сіе и провелъ на ономъ тридцать семь лѣтъ, всей же его жизни было семьдесять девять. Братія, усердствуя къ его памяти, поставили ему гробницу, украсили ее свѣчами и иконами, и каждый вечеръ приходили служить надъ нею панихиду.

Многія чудеса ознаменовали и по смерти святость преподобнаго. Былъ въ обители игуменъ,

по имени Питиримъ, проходившій прежде настоятельскую должность въ монастырѣ Св. Николая, что на Комельскомъ озерѣ; много заботился онъ о благолѣпіи и обновленіи святыхъ храмовъ и честныхъ иконъ, которыя самъ поновлялъ. Приключилась ему тяжкая болѣзнь, такъ что едва могъ дышать и уже отчаявался въ жизни. Однажды ночью, сильно страдая, призвалъ онъ молитвенно преподобнаго Антонія, да подастъ ему здравіе, и въ тонкомъ снѣ представилось ему, что онъ стоитъ на молитвѣ, лицемъ къ церкви; внезапно, съ правой стороны олтаря, идетъ отъ гробницы преподобнаго Антонія невѣдомый старецъ прямо въ келлію, согбенный отъ лѣтъ, но благолѣпный и украшенный сѣдинами. Онъ подошелъ къ болѣзненному одру и спросилъ недужнаго: «чѣмъ страдаетъ и хочетъ ли получить исцѣленіе, чтобы довершить начатое имъ дѣло?» — «Хочу но не могу, отвѣчалъ ему страдалецъ, болѣзнь меня одолѣла.» — «Живоначальная Троица, исцѣлитъ тебя, отвѣчалъ ему явившійся, только не ослабѣвай въ дѣлѣ своемъ; во мнѣ же будешь имѣть помощника. Я бывшій настоятель мѣста сего, Антоній, самъ пришелъ посѣтить тебя въ болѣзни.» Тогда прикоснулся перстомъ до больнаго мѣста, и внезапно почувствовалъ себя исцѣленнымъ игуменъ, не вѣря самъ тому, что съ нимъ произошло; дивный же старецъ скрылся отъ его взоровъ. Питиримъ призвалъ одного изъ давнихъ священноиноковъ оби-

тели, по имени Тита, который еще помнилъ старца и распрашивалъ: каковъ былъ видомъ блаженный ихъ первоначальникъ? — по описанію его образа, съ чрезвычайнымъ утѣшеніемъ убѣдился онъ, что явившійся былъ самъ преподобный Антоній.

Еще прежде сего, при игуменѣ Геласіи, котораго самъ онъ поставилъ на мѣсто сіе, было другое, болѣе страшное видѣніе одному работнику монастырскому, по имени Симеону, который трудясь на скотномъ дворѣ, продавалъ въ свою пользу сыръ и молоко. Однажды пришелъ онъ въ зимнее время къ утрени воскресной; изъ теплой церкви отверсты были двери въ трапезу; тамъ представилось ему, что вся братія собрана; входитъ съ жезломъ игуменъ Антоніи и обойдя всѣхъ, остановился предъ келаремъ Вассіаномъ, со строгимъ укоромъ за то, что не радитъ о службѣ своей и дозволяетъ одному изъ работниковъ похищать добро монастырское; обличитель указалъ жезломъ на виновнаго, подошелъ и къ самому Симеону и, укоривъ за татьбу, ударилъ его о помостъ церковный. Съ воплемъ палъ онъ на землю, уже не въ видѣніи, но на яву, и внезапно всѣ его члены разслабли; братія въ ужасѣ понесла его ко гробу преподобнаго и непрестанно о немъ молилась; на третій день явился ему опять преподобный и разрѣшилъ отъ болѣзни евангельскимъ словомъ: «се здравъ еси, къ тому не согрѣшай;» тогда исцѣлившійся пришелъ, со слезами раскаянія, сознаться въ винѣ своей предъ

настоятелемъ и объяснилъ всей братіи о чудномъ видѣніи.

Много иныхъ болящихъ всякими недугами, а наипаче бѣснуемыхъ, получали исцѣленіе при гробѣ преподобнаго Антонія и его молитвами, предъ чудотворною иконою Живоначальныя Троицы, которую самъ написалъ. Инокъ, по имени Леонидъ, еще будучи въ мірѣ, имѣлъ особенное расположеніе къ монашеству и былъ любимъ за свое благочестіе самимъ преподобнымъ, который предсказалъ о его постриженіи. По данному обѣщанію, вступилъ онъ въ обитель уже послѣ кончины старца, и имѣлъ къ нему большую вѣру. Тяжкая болѣзнь посѣтила его въ обители, лихорадка, которая совершенно его истощила. Леонидъ велѣлъ принести себя ко гробу Антонія и припадая со слезами, какъ бы укорялъ Святаго за то, что предсказавъ ему иноческое житіе въ обители для служенія братіи, оставляетъ его въ столь тяжкомъ недугѣ. Однако не оскудѣла его вѣра; онъ взялъ себѣ въ благословеніе нѣсколько земли отъ гробницы и не успѣлъ еще дойти до своей келліи, какъ уже получилъ исцѣленіе.

Не только въ обители, но и внѣ оной, помогалъ преподобный призывавшимъ его на помощь. Одинъ купецъ плылъ по морю съ товаромъ, къ устью Двины; ладья его была наполнена рыбою, которой часть была монастырская; поднялась страшная непогода; горами устремлялись волны на утлую ладью и никто изъ пловцевъ не чаялъ

себѣ спасенія; всѣ лежали на днѣ ладьи, чтобы не быть выброшенными въ море набѣгавшею волною. Посреди сего ужаса, увидѣлъ купецъ святолѣпнаго старца, который простиралъ руки свои и мантію иноческую на бурныя волны, ограждая отъ нихъ ладью. «Ты всѣхъ призывалъ себѣ на помощь, сказалъ онъ изумленному пловцу, меня же не зовешь, хотя есть участокъ нашей обители въ твоей ладьѣ; не бойся чадо, я съ тобою и Богъ устроитъ вамъ тишину.»—«Кто ты, человѣкъ Божій?» спросилъ его ободрившійся пловецъ, и старецъ, назвавъ себя Антоніемъ, скрылся отъ взоровъ. Съ той минуты начало утихать море, укротились волны и подулъ попутный вѣтръ. Пораженный симъ чуднымъ явленіемъ купецъ оставилъ міръ и, пришедши въ обитель, не только посвятилъ ей ладью свою со всѣмъ мореходнымъ стяжаніемъ, но и самаго себя, постригшись подъ именемъ Кирилла. «И доселѣ пребываетъ онъ въ обители, труждаясь ради своего спасенія,» говоритъ писатель житія Антоніева.

Преподобный исцѣлялъ неоднократно, своими явленіями, страдавшихъ тяжкими недугами и не могшихъ придти въ его обитель. Одинъ прокаженный, которымъ всѣ присные гнушались, отъ зловонныхъ его язвъ, не былъ оставленъ милостію Божіею и къ нему посланъ былъ сей преподобный въ тонкомъ снѣ, чтобы исцѣлить его отъ проказы. Другой страдалецъ, истративший

все свое достояніе на врачей и даже утративший зрѣніе, удостоился также утѣшительнаго явленія преподобнаго старца; онъ велѣлъ нести себя въ обитель и тамъ при гробѣ его совершенное получилъ исцѣленіе. Это былъ не единственный слѣпецъ, который прозрѣлъ вѣрою въ угодника Божія; одинъ изъ нихъ исцѣлился на пути въ обитель, потому только что хотѣлъ видѣть ликъ преподобнаго; пришедши же, дѣйствительно увидѣлъ и возвратился домой, уже никѣмъ не руководимый. Ослѣпъ и священникъ нѣкій Харитонъ, жившій по сосѣдству, который дерзнулъ возбуждать ропотъ противъ обители въ окрестныхъ селеніяхъ и говорить хульныя рѣчи на самаго преподобнаго. Внезапная слѣпота поразила его, когда шелъ въ церковь для вечерней службы; но чрезъ нѣсколько дней, покаялся онъ въ винѣ своей и призвалъ на помощь преподобнаго Антонія; свѣтъ мысленный возвратился ему, вмѣстѣ со свѣтомъ очей, и онъ сдѣлался усерднымъ молитвенникомъ въ его обители.

Наконецъ и самъ писавшій житіе сіе, священноинокъ Іона, разсказываетъ то, что слышалъ отъ одного инока, о чудномъ ему явленіи преподобнаго Антонія. Вскорѣ послѣ преставленія Святаго, пришло ему на мысль собрать воедино все то, что отъ многихъ слышалъ о высокихъ подвигахъ святаго старца и о чудесахъ, какія совершались надъ его гробомъ. Умилился онъ сердцемъ, какъ столь дивное житіе

оставалось дотолѣ безписменно, и могло бы наконецъ утратиться отъ забвенія, когда преставятся современные свидѣтели дѣяній старческихъ! Посему, съ любовію призывая его къ себѣ на помощь, началъ составлять житіе. Но по зависти діавольской, воздвиглась на него крамола отъ нѣкоторыхъ изъ числа братіи: какимъ образомъ дерзастъ онъ составлять житіе, дотолѣ не писанное? иные же изъ крамольниковъ не убоялись даже произнести хулу на Святаго; при такомъ прекаиіи, малодушествовалъ писатель житія и хотѣлъ уже оное отложить. Однажды, когда скорбѣлъ о такомъ нестроеніи, у себя въ келліи, впалъ онъ въ тонкую дремоту и ему представилось, что она вся наполнена иконами древнихъ пустынножителей, ангельски пожившихъ на землѣ, и между ними восшедшій на верхъ высоты иноческой, великій отецъ Антоній, первоначальникъ Египетскій. Тутъ же увидѣлъ онъ и другаго невѣдомаго ему инока, который, указывая на икону Антонія, сказалъ ему: «за чѣмъ малодушествуешь, инокъ? тотъ, о которомъ хочешь писать повѣсть, сему великому былъ подобенъ, тезоимениитъ и подражатель въ житіи; отложи всякое сомнѣніе и продолжай начатое дѣло.» Инокъ, воспрянувъ отъ сна, немедленно приступилъ къ труду и мы, слышавъ сіе изъ собственныхъ его устъ, говоритъ Іона, свидѣтельствуемъ о томъ предъ самимъ Богомъ.

(Изъ рукоп. XVII вѣка биб. Гр. Увар. № 136.)

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО НИЛА СТОЛОБЕНСКАГО.

Весьма любопытны бываютъ иногда предисловія къ древнимъ рукописнымъ житіямъ Святыхъ, которыя заключаютъ въ себѣ отрывки лѣтописные; таково предисловіе и къ житію сего преподобнаго Нила. «Что̀ реку, или что возглаголю, говоритъ писатель житія Германъ, и какое положу начало слову моему?—будучи объятъ нищетою моего разума, уповаю на единаго премудраго Бога, могущаго и неразумныхъ умудрить. Прежде сего, прочиталъ я прилежно житія Святыхъ и преподобныхъ Отецъ нашихъ, и въ древности пустынное житіе проходившихъ, и въ нынѣшнія послѣднія времена просіявшихъ въ нашей Русской землѣ, по различнымъ святымъ мѣстамъ. Во многихъ житіяхъ прочиталъ я, а въ иныхъ обителяхъ и самовидцемъ былъ, бываю-

щихъ отъ нихъ чудесъ для приходящихъ съ вѣрою, и немалую обрѣлъ я пользу, во время находившихъ на меня напастей. Дошла къ намъ бесѣда, отъ странствующихъ Бога ради братій нашихъ иноковъ, о житіи, терпѣніи и чудесахъ преподобнаго отца нашего Нила, и пришло мнѣ ненасытное желаніе написать житіе его. Нѣсколько времени пребылъ я въ недоумѣніи: какимъ образомъ начать писать оное? и не могъ, потому что разстояніе было далеко; самъ же я пребывалъ въ скорбяхъ и болѣзняхъ, въ обители преподобнаго Герасима. До двухъ лѣтъ оставался я въ такомъ недоумѣніи, все болѣе и болѣе разгараясь желаніемъ писать, и въ молитвахъ ежедневно призывалъ преподобнаго Нила, чтобы исполнилось желаніе моего сердца, доколѣ наконецъ, наставляемый Духомъ Святымъ, ревнитель житія преподобнаго Нила, обновитель трудовъ его и испытатель чудесъ, житель острова его и экономъ обители, іеромонахъ Германъ, случился быть въ царствующемъ градѣ Москвѣ.

«Было тогда со всего царства собраніе всѣхъ Святителей, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ и всего народнаго множества, для царскаго избранія и утвержденія; Богомъ и всенароднымъ множествомъ избранъ былъ Царь Государь и Князь Великій Борисъ Ѳеодоровичь всея Руси Самодержецъ. Въ то время совѣтъ сотворилъ Германъ, съ Игуменомъ нашего Герасимова монастыря, о

житіи и чудесахъ преподобнаго Нила, и далъ о нихъ вкратцѣ письмо, которое вручилъ мнѣ Игуменъ, по возвращеніи въ обитель; мнѣ же, по ихъ совѣту, повелѣно было написать его житіе. Возрадовался я духомъ, что не презрѣлъ Господь моего желанія и, воздохнувъ къ Богу, помолился преподобному Нилу, съ великою вѣрою влекомый желаніемъ сердца, воспоминая о различныхъ дарованіяхъ Духа, сказанныхъ у Апостола. Побѣждаемый безмѣрнымъ желаніемъ и надѣясь на милосердіе Божіе, дерзаю коснуться сего житія, ибо даруетъ Господь просящимъ, премудрость и разумъ, даруетъ и мнѣ окаянному, пользы ради слышащихъ, а не ради похвалы преподобнаго, который не лишенъ небесныхъ похвалъ. Вы же, братіе, торжествуя духовно память преподобнаго отца нашего Нила, приклоните ко вниманію слухъ вашъ, да утолите жажду водою сладкаго сего источника.»

Вотъ и другое предисловіе, уже самаго священноинока Германа, который не утаилъ своего имени, какъ писатель житія. «Пришелъ я, священноинокъ Германъ, говоритъ онъ, въ Нилову пустынь, на островъ Столобенской, чрезъ много лѣтъ послѣ преставленія преподобнаго, и сколько слышалъ отъ прародителей моихъ и иныхъ Христолюбцевъ, все то испыталъ истинно и написалъ сколько могъ, о житіи блаженнаго Нила, ибо я, окаянный, родился и жилъ близъ его пустыни. Прежде сего, лѣтъ за двадцать и болѣе,

написалъ я о житіи преподобнаго и держалъ у себя многіе годы, перечитывая со вниманіемъ, ибо самъ я не довольно искусенъ въ писаніи; Божіимъ промысломъ, какъ бы огнемъ распаляемый, собиралъ я все, что мнѣ повѣдали Христолюбцы, о житіи и чудесахъ блаженнаго, но, какъ бы подавляемый льдиною, не могъ всего исписать, ибо многолѣтнее время потребовалось бы для сей повѣсти. До пяти лѣтъ пребывалъ я въ размышленіи, куда мнѣ идти, чтобы достигнуть желаемаго; повѣдали мнѣ о нѣкоемъ рабѣ Божіемъ, въ области великаго Новгорода, и къ нему хотѣлъ я идти для совершенія сего дѣла, когда прислалъ Господь къ намъ въ обитель нѣкоего клирика Митрофана; онъ назвалъ мнѣ преподобнаго мужа, по имени Филоѳея Ипрогова, въ обители Живоначальныя Троицы, Герасимовой пустыни. Немедленно послалъ я къ нему сіе писаніе, съ тѣмъ же клирикомъ, и послѣ двухъ лѣтъ случилось мнѣ быть въ Москвѣ на вселенскомъ съѣздѣ, куда пріѣхалъ Игуменъ Герасимова монастыря Ѳеоктистъ. Я вручилъ ему еще списки о чудесахъ преподобнаго и онъ отнесъ ихъ тому же боголюбивому мужу Филоѳею, который присовокупилъ къ житію преподобнаго стихиры и каноны, а я прославилъ Бога, не забывающаго рабовъ своихъ.»

(Сборникъ, Декабря мѣсяца 1630 года, Троицкой Сергіевой лавры, писанный Германомъ Тулуповымъ № 10.)

Рожденіе и воспитаніе блаженнаго Нила, было въ предѣлахъ великаго Новгорода, Деревской пятины въ селеніи Жабенскомъ; имена же родителей его неизвѣстны. По сей гражданинъ высшаго Іерусалима имѣлъ матерью своею Православную Церковь, и сродниками—лики Святыхъ, и воспитывался въ добромъ исповѣданіи Божественнаго закона; отъ юности удалялся онъ дѣтскихъ игръ; все его тщаніе было къ божественной службѣ и, кротостію своею, пріобрѣлъ онъ общую любовь. Вмѣняя ни во что все земное, ничего столько не желалъ онъ, какъ обрѣтаться во дворахъ Господнихъ, сердце его возгорѣлось желаніемъ, отъ юныхъ лѣтъ, облечься въ иноческій образъ и рано оставилъ онъ домъ отеческій для красной пустыни; но положивъ руку свою на рало, по слову Евангельскому (Лук. IX, 62), уже не обращался вспять, чтобы быть управленнымъ въ царствіе небесное, ибо зналъ, что кто не несетъ креста своего и не послѣдуетъ за Господомъ, не можетъ быть ученикомъ его. (Лук. XIV, 27.).

Сперва пришелъ онъ въ область Псковскую, въ обитель Крипецкую преподобнаго Саввы, и припадши къ ногамъ игумена молилъ принять его въ число братій, хотя еще и въ отроческомъ возрастѣ.—Не усумнился игуменъ постричь его, и остригши власы, нарекъ ему имя древняго пустынножителя Синайскаго Нила, какъ бы пророчески возвѣщая пустынное его житель-

ство, на островѣ Столобенскомъ. Постнически началъ онъ подвизаться въ обители Крипецкой, съ усердіемъ проходя всѣ возлагаемыя на него послушанія и непрестанно имѣя въ умѣ своемъ конечный исходъ души и нелицемѣрный судъ Христовъ. Чуденъ словомъ и дѣлами, являлся юный инокъ предъ лицемъ всей братіи, ангельски пожившъ въ обители, и бывшая о немъ молва начала смущать смиреннаго, да не всуе будетъ трудъ его отъ похвалы человѣческой.

Пришло ему желаніе идти поработать Богу въ пустынѣ и онъ исповѣдалъ помыслъ свой игумену, испрашивая себѣ благословенія на уединенную жизнь. Настоятель и братія не хотѣли отпустить отъ себя раба Божія, который подавалъ столь благой примѣръ всей обители, но видя его непремѣнное намѣреніе, игуменъ благословилъ его наконецъ въ пустыню. Какъ птица, летящая на гнѣздо свое, полетѣлъ духомъ въ пустыню блаженный подвижникъ и много прошелъ непроходимыхъ мѣстъ, чтобы обрѣсти себѣ мѣсто упокоенія. Сперва основался онъ во Ржевскомъ уѣздѣ, близъ рѣки Черенхи, и тамъ съ молитвою поставилъ себѣ убогую келлію, питаясь быліемъ травнымъ, и борясь духомъ съ привидѣніями демонскими; но знаменіемъ крестнымъ ограждался онъ отъ всѣхъ навѣтовъ вражіихъ и темный облакъ разсѣявался его молитвою.

Не оставляли его въ покоѣ и разбойники, въ лѣсной дубравѣ; они хотѣли изгнать отшельника,

отъ мѣста его подвига, но блаженный молитвенно воздѣлъ къ небу руки и, взявъ икону Пречистой Дѣвы, вышелъ изъ келліи на встрѣчу разбойникамъ; ужасъ объялъ ихъ, какъ бы опаленныхъ огнемъ, ибо имъ представилось, что цѣлый полкъ вооруженныхъ вышелъ изъ убогой келліи, вмѣстѣ съ преподобнымъ; въ страхѣ пали они къ ногамъ его и просили себѣ помилованія; смиренномудрый же подражатель Христовъ, поучивъ ихъ кроткимъ словомъ, отпустилъ съ миромъ. Послѣ ихъ отшествія, вознесъ онъ благодарственныя молитвы Богу и еще болѣе утвердился жительствовать на избранномъ имъ мѣстѣ, гдѣ столь явственно оградила его сила Божія отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Какихъ озлобленій не принялъ отъ нихъ сей добрый воинъ Христовъ, въ теченіи тринадцатилѣтняго пребыванія своего въ пустынѣ Ржевской? но упованіе на Бога не посрамило его; повсюду распространялась о немъ слава во всѣ окрестныя мѣста, и много православныхъ притекало къ нему за молитвою и поученіями; каждый уносилъ съ собою, въ домъ свой, молитву его, какъ неоцѣненный даръ, разсказывая о чрезвычайныхъ его подвигахъ и благодаря Бога, возжегшаго такой свѣтильникъ въ пустынѣ; но посѣщенія сіи непрестанно прерѣкали безмолвіе пустыннаго отца. Памятуя заповѣдь Господню о смиренномудріи, чтобы не были явлены людямъ добрыя дѣла, поскорбѣлъ онъ духомъ о

своемъ прославленіи, и помолился Господу и пречистой его Матери, чтобы наставили его на путь спасенія.

Однажды, когда воздремалъ послѣ бдѣнной молитвы, услышалъ онъ тихій голосъ: «Нилъ, иди отселѣ на великое озеро Селигеръ и тамъ, на островѣ Столобенскомъ, можешь спастися.» Радостію исполнилось его сердце отъ бывшаго къ нему гласа; онъ началъ распрашивать приходившихъ къ нему, о пустынномъ островѣ, и ему разсказали, что на великомъ озерѣ, за семь верстъ отъ Осташкова, лежитъ островъ сей, на которомъ не было жилья человѣческаго; помолившись, пошелъ онъ въ путь. Увидѣвъ островъ, полюбилъ мѣсто и вселился въ дремучемъ бору, которымъ поросъ весь уединенный островъ, окруженный шумными водами озера; взшедши на высокую гору, возблагодарилъ онъ Бога, который привелъ его наконецъ на мѣсто упокоенія, и пламенно молился, чтобы тутъ сподобилъ его жительствовать до конца жизни. Сперва ископалъ себѣ пещеру въ горѣ, гдѣ провелъ зиму, потомъ срубилъ малую хижину и часовню, и сталъ опять проходить ангельскій подвигъ свой въ пустынѣ, всецѣло предавъ себя Господу и терпѣніемъ побѣждая трудъ; въ потѣ лица своего воздѣлывалъ онъ землю и лѣтомъ питался ягодами лѣсными. Опять распространилась о немъ слава по всей окрестности озера и многіе стали притекать къ нему, какъ бы къ новому райско-

му, златоструйному источнику; но и опять явился ему древній сопостатъ діаволъ, угрожая суровостію пустыни и окрестныхъ жителей; однажды, съ цѣлымъ полчищемъ, устремился на келлію святаго, и въ страшномъ мечтаніи, какъ бы обвивъ ее вервями, грозилъ увлечь въ волны озера; но, знаменіемъ крестнымъ и молитвою, отразились враги отъ ногъ его, и удалился искуситель, истощивъ всю свою силу надъ неодолимымъ рабомъ Божіимъ.

Однако, спустя нѣсколько времени, жители окрестные позавидовали обладанію островомъ и пришли рубить лѣсъ. Преподобный умолялъ ихъ оставить для него хотя одну гору, осѣненную деревьями, но они, возбуждаемые ненавистью діавольскою, порубили весь лѣсъ на островѣ и оставили одну только сосну; потомъ зажгли срубленныя деревья, надѣясь въ общемъ пламени сжечь и келлію отшельника. Яростно и съ шумомъ клокотало пламя, готовое все пожрать, но блаженный сталъ на молитву и со слезами, псаломски, воззвалъ къ Господу: «да посрамятся ищущіе души его;» услышалъ Господь угодника своего.—Какъ только дошелъ до горы его всепожирающій пламень, внезапно угасъ, какъ бы отъ потоковъ водныхъ, ибо такую силу имѣли слезы его, и вознесъ онъ хвалу Господу, спасшему его въ сей пустынѣ отъ малодушія и отъ бури. По удаленіи непріязненныхъ людей съ острова, еще болѣе утвердился онъ на мѣстѣ своего

подвига, соревнуя строгостію жизни древнимъ подвижникамъ, сколько ихъ ни процвѣтало въ предѣлахъ Палестинскихъ, Византійскихъ, и въ нашихъ отечественныхъ краяхъ.

Но тѣмъ не кончились его искушенія; опять пришли къ нему разбойники на пустынный островъ, какъ нѣкогда въ Ржевскую дебрь; отшельникъ трудился тогда внѣ своей келліи, копая землю, и уразумѣвъ злой ихъ умыселъ, вооружился на нихъ молитвою. Какъ лютые звѣри, устремились на него хищники, готовые его растерзать, и требовали отъ него, чтобы указалъ имъ свое сокровище; но блаженный Нилъ, жительствовавшій въ послѣдней нищетѣ, съ однимъ лишь рубищемъ, кротко отвѣчалъ имъ: «чада, все мое сокровище въ углу моей келліи;» тамъ стояла у него икона Богородичная съ предвѣчнымъ Младенцемъ, которая уже однажды спасла его отъ подобныхъ разбойниковъ, и на нее возлагалъ онъ все свое упованіе. — Дерзновенно устремились хищники внутрь келліи, къ ярко сіявшей иконѣ въ углу келліи, и внезапно пораженные чуднымъ ея свѣтомъ, ослѣпли; они пали на помостъ келліи и не могли двинуться съ мѣста, получивъ достойное воздаяніе отъ Бога за дѣла свои.

Такъ нашелъ ихъ у себя въ келліи преподобный и сказалъ имъ: «чада, что̀ искали, то и обрѣли.» Они же, каясь въ своемъ согрѣшеніи, открыли ему убійственный противъ него умы-

селъ, и съ жалобными воплями просили себѣ прощенія. Довольно времени оставилъ ихъ въ этомъ положеніи блаженный Илія, поучая ихъ удаляться отъ зла для спасенія души своей, и наконецъ, сжалившись надъ ними, помолился, чтобы разрѣшилъ ихъ Господь и раскрылъ имъ ослѣпшія очи; тогда, съ миромъ отпустивъ ихъ, заповѣдалъ не возвращаться на злое и никому не объявлять бывшаго надъ ними чуда; но они, умолчавъ до времени его преставленія, впослѣдствіи исповѣдали, во славу его, бывшее знаменіе, ибо сердца ихъ уже обратились къ Господу.

Посѣщали и благочестивые рыболовы пустынный островъ, удѣляя преподобному часть своей ловитвы. Однажды послали они къ нему въ келлію пойманныя ими рыбы, но преподобный, издали увидѣвъ ловца, заградилъ отъ него оконце своей келліи и не отвѣчалъ на зовъ его. Когда же возвратился онъ къ своей дружинѣ и разсказалъ, что не допустилъ его къ себѣ въ келлію старецъ, прочіе рыболовы сказали ему: «конечно, братъ, ты сдѣлалъ какой либо грѣхъ, потому что Святой отъ тебя отвратился,» и дѣйствительно онъ сознался въ нечистомъ грѣхѣ. Тогда рыбари послали къ человѣку Божію другаго, болѣе достойнаго, который былъ принятъ съ благословеніемъ.

Такъ протекло много лѣтъ, послѣ водворенія блаженнаго Нила на островѣ Столобенскомъ; когда опять началъ подыматься лѣсъ, вырублен-

ный непріязненными людьми, явился еще одинъ, подобный имъ, который ночью причаливъ къ острову началъ рубить лѣсъ для своего строенія; но страшный громъ надъ нимъ разразился и самъ онъ палъ какъ мертвый; поднявшись, не могъ двинуть съ мѣста парубленнаго имъ лѣса, и съ тѣхъ поръ далъ себѣ обѣщаніе: никогда ни къ чему не прикасаться на островѣ блаженнаго Нила. Другой человѣкъ, по имени Ѳеодоръ, оскверненный нечистыми грѣхами, безъ заззрѣнія совѣсти пришелъ къ святому отшельнику; но будучи обличенъ имъ во грѣхѣ, съ той минуты принялъ въ сердце страхъ Божій, и сталъ часто посѣщать блаженнаго учителя, который направилъ его къ пристанищу вѣчной жизни.

Многія чудеса сотворилъ при жизни своей преподобный, надъ притекавшими къ нему съ вѣрою и часто когда видѣлъ, съ высокой горы своей, обуреваемыхъ шумными волнами пловцевъ, на утлыхъ челнокахъ, молитвами своими укрощалъ бури и спасалъ утопающихъ. Себѣ же ископалъ онъ безбурное пристанище, внутри своей часовни, за долго до преставленія; самъ, истесавъ своими руками гробъ, опустилъ его въ землю и ежедневно приходилъ надъ нимъ плакать, говоря: «се покой мой и жилище, здѣ вселюся.»

Многіе годы провелъ такимъ образомъ въ пустынѣ преподобный Нилъ и достигъ глубокой старости, но по мѣрѣ того, какъ состарѣвался

возрастомъ, обновлялся духовно юностію орлею на божественный подвигъ; какъ неподвижные столпы стояли на молитвѣ ноги его, и дни за днями, какъ ступени, возводили его къ Богу, ибо ни днемъ, ни ночью, не хотѣлъ оставлять трудовъ своихъ и славословія Божія. Пріявъ отъ Господа тайное извѣщеніе, о приближающейся кончинѣ, пламенно помолился онъ, чтобы быть ему, предъ кончиною, причастникомъ божественныхъ тѣла и крови Христовыхъ. Промысломъ Св. Духа, пріѣхалъ въ то время на островъ посѣтить отшельника, отецъ его духовный, Сергій, игуменъ Никольскаго монастыря, что на Рожку, и возрадовался блаженный Нилъ исполненію сердечнаго своего желанія.

Въ духовной бесѣдѣ проситъ онъ игумена, очистить грѣхи его исповѣдію, за всѣ дни его жизни, и Сергій отвѣчалъ ему: «Богъ да проститъ тебя, отче; о если бы я имѣлъ только грѣхи твои въ очищеніе моего нерадѣнія!» Потомъ блаженный Нилъ просилъ еще игумена сподобить его причащенія божественныхъ тайнъ; поднявши взоры и руки къ небу, долго стоялъ онъ на молитвѣ и внезапно исполнился дара пророческаго: «отче, сказалъ онъ, послѣ моего отшествія, воздвигнетъ Господь на островѣ семъ храмъ въ прославленіе имени своего, и мѣсто сіе святое будетъ жилищемъ иноковъ.» (Это исполнилось черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его кончины.) «Конецъ приближается, продолжалъ свя-

той отшельникъ, молю твою святыню, не замедлить пріобщеніемъ меня Св. таинъ,» и поспѣшилъ игуменъ исполнить благочестивое желаніе.

Послѣ взаимнаго о Христѣ цѣлованія, когда игуменъ хотѣлъ возвратиться въ свою обитель, преподобный, Господа ради, убѣдительно просилъ еще однажды придти посѣтить его, и повторилъ неоднократно просьбу свою; игуменъ обѣщалъ ее исполнить. Тогда сей благодатный Илія, затворившись въ келліи, сталъ на правило на всю ночь и, совершивъ обычное пѣніе, взялъ кадильницу съ ѳиміамомъ и окадилъ всѣ святыя иконы; потомъ чувствуя изнеможеніе, оперся на два костыля, которые водружены были у него въ келліи и служили ему вмѣсто креселъ, для ночнаго отдыха, ибо никогда не ложился на ребра, и такъ, опустившись на костыли сіи, съ молитвою на устахъ, заснулъ вѣчнымъ сномъ праведныхъ.

Пріѣхалъ на другой день игуменъ съ братіею, посѣтить преподобнаго, и вошедши въ келлію, нашелъ его уже усопшимъ, съ лицемъ свѣтлымъ, ангеловиднымъ, выражавшимъ душевную его чистоту, а келлію всю исполненную благовонія; съ подобающею честію положили тѣло его въ приготовленный имъ самимъ гробъ, мѣсяца Декабря въ 7-й день 1555 года; игуменъ сказалъ братіи: «знаете ли какого дарованія сподобились мы отъ Бога?» Тогда разсказалъ имъ о послѣднихъ минутахъ преподобнаго, какъ при-

чанцалъ его Св. таинъ, и что̀ возвѣстилъ онъ о будущей обители; всѣ возвратились, неся съ собою, какъ нѣкое сокровище, молитвы святаго отца. Тринадцать лѣтъ прожилъ преподобный на рѣкѣ Черенхѣ и двадцать семь на островѣ Столобенскомъ, не выходя ни въ какую весь до самаго своего исхода, но всегда въ безмолвіи предстоя единому Богу, котораго возлюбилъ отъ юности своей.

УСТРОЕНІЕ ОБИТЕЛИ СТОЛОБЕНСКОЙ.

Много лѣтъ спустя послѣ преставленія преподобнаго Нила, пришелъ на его островъ, изъ обители Нилольской что на Рожку, нѣкто священноинокъ Германъ, котораго предварилъ уже на островѣ одинъ изъ игуменовъ Новгородскихъ монастырей, по имени Антоній. Они совѣщались между собою устроить гробницу надъ могилою преподобнаго Нила и осѣнить ее покровомъ, какъ бываетъ у прочихъ святыхъ. Три года прожили вмѣстѣ, Антоній и Германъ, и потомъ разошлись въ разныя мѣста. Приходили послѣ нихъ и другіе боголюбцы и, одинъ по одному, обитали на пустынномъ островѣ; между тѣмъ Господь началъ уже являть знаменія на гробѣ преподобнаго Нила. Нѣкто Іоаннъ Куровъ, ѣхавшій изъ

Осташкова, озеромъ Селигеромъ, причалилъ къ острову, когда не было на немъ ни одного пустынножителя, и пришедши ко гробу блаженнаго Нила, лестію діавольскою, покусился снять съ него покровъ; внезапно съ покровомъ начала подниматься и самая гробница; ужаснулся Іоаннъ, однако не образумился, и продолжалъ святотатное дѣло; но въ ту же минуту разслабъ всѣми членами и впалъ въ изступленіе ума; едва достигнувъ ладьи, былъ онъ отвезенъ въ домъ свой и никто не вѣдалъ, отъ чего приключилась ему болѣзнь, которая продолжалась полгода. Однажды, пришедши въ себя, почувствовалъ Іоаннъ грѣхъ свой и велѣлъ везти себя ко гробу преподобнаго; тамъ много плакался, прося прощенія во грѣхѣ, и столь же скоро получилъ разрѣшеніе, какъ нѣкогда и самую болѣзнь; въ полномъ умѣ и крѣпкій членами возвратился онъ домой, прославляя угодника Божія.

Другой житель Осташкова, по имени Нечай, по случаю бывшаго въ городѣ пожара имѣя нужду въ строевомъ лѣсѣ, покусился срубить на островѣ ту сосну, которая одна чудно тамъ сохранилась, во время злоумышленнаго запаленія всѣхъ прочихъ деревъ; но едва только ударилъ онъ сѣкирою по соснѣ, какъ внезапно отринуло его невидимою силою отъ дерева. То же случилось и съ другимъ жителемъ Осташкова, который сломалъ три сѣкиры, ни мало не повредивъ

дерева, и опамятовавшись, пошелъ помолиться у гроба угодника Божія.

Одинъ изъ гражданъ Осташковскихъ, Никита, часто посѣщавшій преподобнаго, еще при жизни его, ради душевной своей пользы, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его преставленія, впалъ въ изступленіе ума и бѣснованіе; но во время лютыхъ терзаній, неоднократно являлся ему преподобный и отгонялъ отъ него полчище бѣсовское. Болящій, чувствуя облегченіе, велѣлъ вести себя на пустынный гробъ блаженнаго Нила и тамъ получилъ совершенное исцѣленіе; а сынъ его Спльвестръ, страдавшій глазами, какъ только отеръ ихъ покровомъ съ гробницы Святаго, почувствовалъ ихъ совершенно здоровыми.

Не восхотѣлъ Господь долѣе таить подъ спудомъ такой свѣтильникъ, но поставилъ его на высотѣ, чтобы видящіе его издали обращались къ Богу. Повсюду, по окрестнымъ мѣстамъ, пронеслась молва о чудесахъ, истекавшихъ отъ его гроба, и начали сходиться пустынолюбцы на островъ Столобенскій. Пришелъ опять и прежде упомянутый іеромонахъ Германъ, но уже нашелъ тамъ странника Холмогорца, по имени Бориса, потому что Господь хотѣлъ привести въ исполненіе пророчество Святаго объ устроеніи обители. Оба они, Германъ и Борисъ, начали помышлять, какъ бы соорудить храмъ Божій на острову и, молитвами преподобнаго, много нашлось единомышленниковъ въ благомъ дѣлѣ.

Срубивъ довольно лѣса, соорудили они церковь Богоявленія Господня, съ придѣломъ во имя блаженнаго Василія, Христа ради юродиваго Московскаго, въ 1598 году; съ тѣхъ поръ начали собираться иноки, и устроилась общежительная обитель, которая огласилась именемъ блаженнаго Нила.

Пришли въ сію обитель два инока иконописца, изъ Оршинскаго монастыря, Іовъ и Ипфонтъ, которые, распросивъ боголюбивыхъ старцевъ, еще помнившихъ преподобнаго, написали его образъ и, покрывъ олифою, поставили на солнце. Въ тотъ самый часъ, крестьяне, жившіе за озеромъ, въ селеніи Богдановѣ, издали увидали лучу солнечную на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ образъ, и впослѣдствіи объявили чудное свое видѣніе инокамъ. Это послужило свидѣтельствомъ, что икона была написана вѣрно, хотя и людьми не видавшими блаженнаго Нила, и ее положили на гробницѣ, для поклоненія приходящихъ къ нему съ вѣрою.

Дочь сына боярскаго Вонна, жившаго за озеромъ, страдая огневицею, никогда прежде не бывши на островѣ, ясно видѣла предъ собою храмъ и гробницу и какъ бы самаго Нила, востающаго изъ гроба и вопрошающаго ее о болѣзни. Она просила родителя отпустить ее въ обитель и дѣйствительно тамъ исцѣлилась.

Однажды, въ день придѣльнаго праздника Василія блаженнаго, при большомъ стеченіи наро-

да, два неразумныхъ еще дѣтища, во время литургіи, начали играть на гробницѣ преподобнаго, и внезапно пали какъ мертвые, отъ страшнаго гласа; когда же пришли въ себя, разсказали родителямъ, что имъ представился старецъ на гробѣ, который воспрещалъ дѣтскія игры, но они его не послушали и пали какъ мертвые.

Случилось однажды слугѣ боярина Богдана Бѣльскаго, по имени Исаіи, плыть озеромъ мимо острова Столобенскаго, и пришелъ ему адскій помыслъ произнести хульныя слова на преподобнаго: «хотя и святымъ почитаешься ты, Илъ, но я проѣду мимо тебя!» такъ проплылъ онъ въ Осташковъ. Но когда пришло время возвратиться домой, напала на него тяжкая каменная болѣзнь, такъ что захватило ему дыханіе и голосъ. Плывя опять озеромъ приблизился онъ къ островку, называемому Городомля; отъ жестокой боли Исаія знаками давалъ уразумѣть гребцамъ, чтобы высадили его на островъ, но гребцы убѣдили его остаться въ ладьѣ. Между тѣмъ все умножалась боль; тогда Исаія просилъ обратить ладью къ острову Столобенскому и, достигнувъ берега, велѣлъ позвать священника, чтобы постричь его; но какъ только вышелъ на берегъ, почувствовалъ себя въ силахъ дойти до монастыря; вспомнивъ тяжкой свой грѣхъ, припалъ онъ съ молитвою ко гробу чудотворца, прося себѣ прощенія, и тутъ же получилъ исцѣленіе; впослѣдствіи увидѣлъ еще, въ ночномъ

видѣніи, преподобнаго, который, упрекая его въ невѣріи, открылъ ему нѣкоторыя изъ своихъ тайныхъ чудесъ, и съ тѣхъ поръ великую возымѣлъ къ нему вѣру Исаія.

Когда же Господь восхотѣлъ еще болѣе прославить своего угодника, вложилъ онъ мысль жившему на объщаніи въ его обители, преосвященному схимонаху Нектарію (который былъ Архіепископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ и, ради смиренія, оставилъ санъ свой) и бывшему тогда игумену Герману со всею братіею, соорудить церковь каменную во имя Богоявленія Господня, ибо до того времени на островѣ церковь и келліи были деревянныя.

Повелѣніемъ Царя Алексія Михайловича и мѣстоблюстителя Патріаршаго, Митрополита Новгородскаго Питирима, приступили къ строенію храма, и когда начали копать рвы, за полсажени отъ того мѣста гдѣ была гробница преподобнаго, сама собою осыпалась земля и объявились святыя мощи. Гробъ совершенно истлѣлъ, а мощи сохранились нетлѣнно, подобно крину цвѣтущему въ вертоградѣ. Съ неизреченною радостію и подобающею честію, соборно вынули ихъ изъ подъ земли и, положивъ въ новую гробницу, поставили на томъ же мѣстѣ. Поспѣшили увѣдомить о томъ Царя и Святителя, и повелѣно было устроить для нихъ благолѣпную раку, какъ и прочимъ чудотворцамъ, и поставить ихъ въ церкви Покрова Богоматери, доколѣ не соорудится Богоя-

вленская. Память обрѣтенія ихъ празднуется 27 Мая.

Между тѣмъ знаменія продолжались отъ святыхъ мощей и, во время ихъ обрѣтенія, видѣлся необычайный свѣтъ на озерѣ рыбарямъ, закидывавшимъ свои мрежи, и самъ преподобный являлся въ сонномъ видѣніи нѣкоторымъ изъ братіи. Съ чрезвычайнымъ торжествомъ совершилось перенесеніе святыхъ мощей, которыя почивали 112 лѣтъ подъ землею, въ новую каменную церковь Богоявленія Господня, въ 1671 году. Въ царствованіе же благочестиваго Государя Ѳеодора Алексіевича, при Святѣйшемъ Патріархѣ Іоакимѣ, голова Московскихъ стрѣльцовъ Георгіи Лутохинъ, по благочестію своему, устроилъ серебряную раку для мощей блаженнаго Нила, на которой были изображены чудныя его дѣянія.

8-го Декабря совершается память преподобнаго отца нашего Потапія, врача духовнаго и тѣлеснаго.

9-го числа, зачатіе святой Анны, когда разрѣшились узы безчадія Іоакима и Анны, ибо услышалъ Богъ ихъ молитву о разрѣшеніи ихъ неплодства, и имъ обѣщана божественная Отроковицу, отъ которой благоизволилъ родиться самъ неописанный Господь Богъ.

10-го числа, три святыхъ мученика: Мина, Гермогенъ и Евграфъ, пострадавшіе за Господа, призываютъ насъ почтить ихъ пѣснями церковными, ибо нагія кости ихъ источаютъ исцѣленія.

11-го Декабря возсіялъ, какъ свѣтлая звѣзда, блаженный Даніилъ столпникъ, съ высоты своего столпа, и облисталъ сердца наши незаходимымъ свѣтомъ разума. Въ тотъ же день память преподобнаго Никона Сухаго.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО НИКОНА СУХАГО.

Поминайте узниковъ, какъ бы и вы были въ узахъ съ ними,» (Евр. XIII, 3) заповѣдалъ намъ узникъ о Господѣ Св. Апостолъ Павелъ; повинуясь ему, и мы совершаемъ память чудесъ сего блаженнаго Никона, на которомъ Господь явно показалъ свое знаменіе, по слову псаломному: «изводя окованныя мужествомъ» (Псал. CXVII. 7). Великаго рода былъ сей блаженный Никонъ, изъ града Кіева; пришедши же въ лавру Печерскую, прежде всего, плѣнилъ разумъ свой въ послушаніе Христово и сдѣлался искуснымъ инокомъ; потомъ, когда пришли нечестивые Половцы, взятъ былъ ими въ плѣнъ, въ одно время съ преподобнымъ Евстратіемъ Печерскимъ, и увлеченъ въ страну ихъ, гдѣ долго содержался въ узахъ.

Нѣкто христолюбецъ, изъ Кіева, пришелъ къ Половцамъ выкупить плѣнныхъ; но Никонъ не озаботился о своемъ освобожденіи и сострадательный мужъ, выкупивъ многихъ, оставилъ Никона въ плѣну, полагая что онъ надѣется на своихъ сродниковъ. Пришли и сродники его, съ большими деньгами, но блаженный сказалъ имъ: «не тратьте напрасно имѣнія вашего; если бы Господь хотѣлъ, чтобы я былъ свободенъ, не предалъ бы меня въ руки сихъ беззаконныхъ; если мы приняли благое отъ руки Господней, не уже ли не стерпимъ и скорбей?» Ближніе укорили его за самонадѣянность и оставили въ плѣну.

Тогда Половецъ, имѣвшій его у себя, видя что лишился всякой надежды на выкупъ, началъ немилостиво мучить раба Божія; три года ежедневно озлобляли вольнаго мученика: окованнаго по рукамъ и ногамъ возлагали на огонь, рѣзали ножами, томили голодомъ и жаждою, иногда только черезъ три дня давая ему пищу; лѣтомъ пекли его на солнцѣ, ночью бросали на морозъ. Все это дѣлали безбожные Половцы, чтобы заставить его выкупить себя; но блаженный Никонъ за все только благодарилъ Бога и непрестанно ему молился; мучителямъ же своимъ говорилъ: «даромъ избавитъ меня Христосъ изъ рукъ вашихъ, какъ я имѣю о томъ извѣщеніе.— Явился мнѣ братъ мой Евстратій, котораго вы продали Жидамъ на распятіе; но они за него осудятся съ отцами своими, вопіявшими: кровь

его на насъ и на чадахъ нашихъ! а вы, окаянные, мучены будете съ Іудою, продавшимъ Господа на крестъ. Явившійся сказалъ мнѣ, что на третій день буду я опять въ обители Печерской, ради молитвъ святыхъ Антонія, Ѳеодосія и прочихъ преподобныхъ.» Услышавъ о томъ жестокій Половецъ подрѣзалъ ему жилы, чтобы не могъ бѣжать и крѣпко его стерегъ; но въ третій день, когда вокругъ узника сидѣли вооруженные Половцы, внезапно сдѣлался онъ невидимъ и только слышенъ былъ стрегущимъ дивный гласъ: «хвалите Господа съ небесъ.»

Блаженный Никонъ перенесенъ былъ въ лавру Печерскую, во время божественной литургіи, когда начали пѣть причастный стихъ. Собралась вокругъ него братія и спрашивала: «какъ онъ возвратился?» Видя его въ тяжкихъ оковахъ, покрытаго ранами и кровь, еще каплющую изъ подрѣзанныхъ жилъ икока, заставили его открыть истину, хотя желалъ сперва утаить чудо и не дозволялъ снимать желѣза съ рукъ и ногъ. Игуменъ сказалъ ему: «братъ Никонъ, если бы хотѣлъ Господь держать тебя въ узахъ, то не вывелъ бы тебя изъ плѣна; и такъ повинуйся волѣ нашей.» Тогда сняли съ него желѣза и перековали ихъ на потребу олтаря.

Много времени спустя, когда уже былъ миръ съ Половцами, пришелъ въ Кіевъ тотъ изъ нихъ, который держалъ въ плѣну Никона; взошедши въ обитель, съ изумленіемъ увидѣлъ онъ тамъ

блаженнаго и разсказалъ все бывшее о немъ игумену и братіи; и самъ Половецъ, умилившись, не хотѣлъ болѣе возвратиться въ свою степь, но принялъ святое крещеніе, вмѣстѣ съ своими родичами и, постригшись въ лаврѣ Печерской, окончилъ въ покаяніи дни свои, работая тамъ дивному своему плѣнику.

Патерикъ Печерскій воспоминаетъ и о иныхъ чудныхъ знаменіяхъ, бывшихъ отъ сего Никона. Случилось, во время его плѣна, что разболѣлись бывшіе съ нимъ узники, отъ томленія глада и нужды, и уже отчаявались въ жизни; но блаженный заповѣдалъ имъ не прикасаться брашна поганыхъ, и не только возвратилъ имъ здравіе, своею молитвою, но и свободу отъ плѣна. Разболѣлся и самъ плѣнившій его Половчанинъ и приказалъ женамъ своимъ и дѣтямъ, распять надъ его гробомъ плѣннаго черноризца; но узникъ, провидя духомъ будущее его покаяніе, помолился о немъ и исцѣлилъ, и такимъ образомъ избавилъ, не только отъ смерти тѣлесной, но и духовной.

Никонъ называется сухимъ, потому что истекъ кровію и изсохъ отъ ранъ своихъ, ибо кости его, по выраженію псалма «яко сушило сосхошася;» (Псал. 101) но въ сухости своей горѣлъ онъ огнемъ любви Божіей, какъ бы уже безплотный, и благодатная сила изъ него истекала; онъ могъ сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ: «имамы сіе сокровище въ скудѣльныхъ сосудѣхъ» (2. Коринѳ. IV, 7.)

Наконецъ освободился онъ и отъ узъ тѣлесныхъ и, за сухость увядающую въ сей жизни, пріялъ по смерти неувядающее нетлѣніе тѣла, въ коемъ и доселѣ почиваетъ въ пещерахъ; духомъ же взошелъ въ наслѣдіе вѣчное на небесахъ, при источникѣ жизни, и увѣнчался неувядаемымъ вѣнцомъ славы.

(Изъ Патерика Печерскаго.)

12-го Декабря, когда возвращается солнце съ зимы на лѣто и умаляется ночь, мы празднуемъ преподобному отцу нашему Спиридону чудотворцу, Епископу Тримифійскому, который былъ поборникомъ перваго Вселенскаго Собора и добрымъ пастыремъ словесному стаду.

Въ тотъ же день, мѣстно совершается память преподобнаго Ѳерапонта, основателя бывшаго Монзенскаго монастыря во имя Благовѣщенія, который находился въ двадцати пяти верстахъ отъ города Галича, въ предѣлахъ Костромскихъ, и былъ упраздненъ въ 1764 году.

13-го числа, память святыхъ мучениковъ: Евстратія, Авксентія, Евгенія, Мардарія и Ореста, съ особеннымъ торжествомъ, чествовалась въ Царьградѣ, потому что тамъ почивали ихъ мощи.

14-го Декабря, память Св. мучениковъ: Ѳирса, Левкія, Филимона, Апполонія, Аріана и Калиника, поборниковъ благочестивой вѣры. Въ Россійской же Церкви воспоминается знаменитый Архіепископъ Великаго Новгорода Геннадій, исповѣдникъ за слово истины, который, вмѣстѣ съ преподобнымъ Іосифомъ Волоколамскимъ, оградилъ православіе отъ ереси жидовствующихъ.

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ГЕННАДІЯ, АРХІЕПИСКОПА НОВГОРОДСКАГО.

«Отлетѣли отъ насъ, какъ соловьи великогласные, какъ ластовицы сладкоглаголивыя, божественные Святители и великіе чудотворцы Петръ и Алексій, и иные православные Святители, которые, посреди сада церковнаго, оглашали уши слышавшихъ православное ученіе; отлетѣли они, какъ орлы крылатые, когтями своими исторгавшіе очи неправо зрящихъ смотрѣніе Христово; отлетѣли ко Христу, покрывавшіе крилами множество вѣрныхъ, и оставили насъ сирыми.» Такъ сѣтуетъ о плачевномъ состояніи Церкви преподобный Іосифъ Волоколамскій, въ книгѣ своей «Просвѣтитель,» въ которой обличаетъ ересь жидовствующихъ, обуревавшую, въ его время, Церковь Русскую, и описываетъ подвиги сего великаго Святителя, который, вмѣстѣ

съ нимъ, защищалъ ее отъ враговъ православія. Между тѣмъ не сохранилось намъ житія сего великаго мужа Церкви, и можно почерпнуть оное, вкратцѣ, только изъ писаній Іосифовыхъ и лѣтописей, безъ той полноты частныхъ дѣяній, которыя такъ утѣшительны въ каждомъ житіи, ибо выражаютъ частную жизнь человѣка Божія. Немногимъ извѣстно даже и то, гдѣ почиваетъ онъ послѣ временнаго своего подвига: когда въ обители Чудовской первопрестольной столицы, гдѣ былъ долго настоятелемъ Геннадій, въ церкви Архангела Михаила, покланяются тому мѣсту, гдѣ обрѣтены были нѣкогда святыя мощи Святителя Алексія, не всѣмъ извѣстно, что ихъ замѣнили тутъ священные останки другаго великаго мужа Церкви, Архіепископа Геннадія, который, удалившись на покой съ каѳедры Софійской, въ прежнюю свою обитель Чудовскую, просилъ, чтобы его тутъ погребли.

Неизвѣстно, гдѣ родился святой Геннадій и кто были его родители; но подвигъ иноческій началъ онъ въ обители Валаамской и былъ ученикомъ преподобнаго Савватія Соловецкаго, какъ явствуетъ изъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ Досиѳею, игумену Соловецкаго монастыря, составившему житіе преподобныхъ Зосимы и Савватія. Мы уже встрѣчаемъ его въ лѣтописи, какъ Архимандрита обители Чудовской, гдѣ долго подвизался и куда возвратился подъ конецъ жизни. Можно предполагать, что

Геннадій былъ родомъ изъ первопрестольной столицы и рода знатнаго, по высокому его образованію, которое было довольно рѣдко въ то время; прозваніе его было Гонзовъ. Въ житіи Святителя Алексія сказано: что во дни Великаго Князя Іоанна Васильевича, при Митрополитѣ Геронтіѣ, тщаніемъ Архимандрита Геннадія обители Чудовской, началъ сооружаться храмъ во имя Св. Алексія Митрополита, вмѣстѣ съ трапезою, но строеніе остановилось, потому что Геннадій былъ избранъ Архіепископомъ Великаго Новгорода въ 1485 году; однако впослѣдствіи, его радѣніемъ, былъ довершенъ и украшенъ храмъ, со всѣми палатами служебными, потому что Владыка Новгородскій истощалъ свои сокровища для довершенія обители, которой строеніе поручилъ послѣ себя вельможамъ великокняжескимъ, двумъ братьямъ рода Греческаго, Траханіотовымъ.

Преподобный Іосифъ Волоколамскій говоритъ: что «священный Геннадій поставленъ былъ, какъ свѣтильникъ на свѣщникѣ, судомъ Божіимъ, и какъ левъ пущенъ на злодѣйственныхъ еретиковъ, на которыхъ устремился изъ чаши божественныхъ писаній, какъ бы отъ высокихъ и краспыхъ горъ, Пророческихъ и Апостольскихъ ученій, растерзавъ утробы, напившіяся яда жидовскаго и, подобно льву, сокрушая ихъ зубами и разбивая о камень.» Значительна такая похвала въ устахъ столь великаго поборника Церкви,

каковъ былъ Іосифъ; изъ его же книги Просвѣтителя заимствовано вкратцѣ сказаніе, о той страшной ереси, противъ которой подвизался Геннадій, призвавъ къ себѣ на помощь Іосифа, чтобы можно было достойно оцѣнить, отъ какой опасности спасли они оба Церковь Русскую.

«Былъ Жидовинъ, по имени Схарія, сосудъ діавольскій, наученный всякому чародѣйству и чернокнижію, который сдѣлался извѣстенъ въ Кіевѣ Князю Михаилу, правнуку Ольгерда, и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ въ великій Новгородъ Тамъ, сперва прельстилъ попа Дениса, который привелъ къ нему другаго попа Алексѣя, и оба они сдѣлались отступниками Христіанской вѣры. Потомъ пришли изъ Литвы другіе два Жида; обольщенные имѣли съ ними постоянныя сношенія и совратили свои семейства; они даже хотѣли обрѣзаться въ жидовскую вѣру, но ихъ удержали обольстители, опасаясь обличенія, и велѣли имъ содержать жидовство въ тайнѣ, явно же — Христіанство; измѣнили имена ихъ: Алексѣя назвали Авраамомъ, а жену его Саррою, и многихъ совратили поповъ и діаконовъ и простыхъ людей; даже и протопопа Софійскаго Гавріила научили жидовствовать, превзошедши безаконіемъ всѣхъ древнихъ еретиковъ.

«О, кто достойно восплачется о толикой бѣдѣ! восклицаетъ Іосифъ, какой языкъ изглаголетъ содѣянное и какой слухъ пріиметъ кротко такую повѣсть! — Божественное превѣчное рождество

Христово отъ Отца, называли они ложнымъ и ругались вочеловѣченію его, нашего ради спасенія, говоря, что Отецъ Вседержитель не имѣетъ ни Сына, ни Святаго Духа, единосущныхъ и сопрестольныхъ себѣ, и что нѣтъ Святыя Троицы, ибо слово только произносится, а духъ въ воздухъ развѣвается; обѣщанный же въ святыхъ писаніяхъ Христосъ еще не родился и наречется Сыномъ Божіимъ, не по существу а по благодати, какъ Моисей и прочіе Пророки, и посему должно до времени держать законъ Моисеевъ; дѣйствительно, тайно отъ Христіанъ, они приносили жертвы, хотя и не смѣли обрѣзываться, и отвергали вочеловѣченіе Господа, пришедшаго спасти Адама, говоря, что сіе не подобало Богу; многія произносили они хулы на божественную Церковь и на честныя иконы, воспрещая подобающее имъ и честному кресту поклоненіе, и сокрушая ихъ, ругались надъ ними, какъ Жиды надъ Христомъ.

«Наступилъ 1492 годъ, когда съ окончаніемъ седьмоіі тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, распространилось ожиданіе его кончины; еретики воспользовались тѣмъ и стали вопіять, что съ семью тысячами окончилась Пасхалія, а втораго Христова пришествія еще нѣтъ: посему ложны отеческія писанія и должно ихъ сжечь, и не только отеческія, но и Апостольскія писанія хулили, ибо и они обѣщали кончину міра, а уже оканчивались 1500 лѣтъ послѣ Христа. Вмѣстѣ съ писа-

ніемъ Св. Ефрема, возвѣщавшаго страшный судъ, осуждали они иноческія, назидательныя слова его, укоряли и самое иночество, говоря, будто иноки отступили отъ евангельскихъ ученій и, оставивъ заповѣдь Божію, держатъ преданіе человѣческое, потому что воздерживаются отъ брака и брашенъ. Еретики сквернили себя въ великій и прочіе святые посты и, не смотря на то, дерзали входить въ божественныя церкви и совершать литургіи, изливая хулы свои на пречистую Богоматерь и всѣхъ Святыхъ Божіихъ. Кто не удивится долготерпѣнію Господа!»

Случилось, попущеніемъ Божіимъ, что самъ Великій Князь Іоаннъ, при посѣщеніи Новгорода, обманутъ былъ своими приближенными о мнимомъ благочестіи двухъ закоснѣлыхъ еретиковъ, Алексѣя и Дениса, и взявъ ихъ съ собою въ Москву, поставилъ перваго протопопомъ соборной церкви Успенія, а втораго къ собору Архангельскому. Кто исповѣдуетъ безъ слезъ, сколько зла сотворили нечестивцы сіи, съ своими поборниками! По пришествіи въ Москву, не смѣли они сперва проявить жидовство свое въ столь многолюдномъ градѣ, но таились, какъ змѣи въ скважинахъ, являясь по наружности кроткими и праведными, а въ тайнѣ сѣя расколъ, и многія души погубили, совративъ въ жидовство, такъ что нѣкоторые рѣшились обрѣзаться. Когда же святой Геннадій, поступивъ на свою каѳедру, съ ужасомъ открылъ сію ересь и началъ обличать

ее словомъ и дѣломъ, гонимые бѣжали въ Москву и тамъ нашли себѣ готовую помощь у Алексѣя и Дениса, которые пріобрѣли себѣ уже многихъ соумышленниковъ, даже при дворѣ великокняжескомъ, дьяка его Ѳеодора Курицына и иныхъ многихъ, обольщенныхъ сребролюбіемъ и сладострастіемъ, а между иноками нѣкоего Архимандрита Зосиму, который впослѣдствіи былъ орудіемъ ихъ даже на каѳедрѣ святительской.

Какъ только открылъ Геннадій убійственную ересь, которую даже не могъ подозрѣвать въ Москвѣ, немедленно извѣстилъ грамотами Великаго Князя и Митрополита Геронтія, о хульныхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ нечестивыхъ, превознесшихъ жидовскую вѣру, и прислалъ, съ княземъ своимъ Кривоборскимъ, списокъ именъ ихъ и ересей, прося о нихъ суда. Это было въ 1488 году. Великій Князь, вмѣстѣ съ Митрополитомъ, осудилъ ихъ и, наказавъ нѣкоторыхъ, послалъ обратно въ Новгородъ, чтобы тамъ обличить ихъ соборно; если же не покаются, велѣлъ передать ихъ, для градской казни, намѣстникамъ своимъ въ Новгородѣ; такого же содержанія была благословенная грамота отъ Митрополита Геронтія Архіепископу; между тѣмъ и другая опасность угрожала со стороны Латинства. Изъ Пскова писали Владыкѣ, что пришли сѣрые черпцы отъ Нѣмцевъ и начали говорить о вѣрѣ Латинской и Флорентинскомъ соборѣ, но были обличаемы свя-

щенниками города Пскова, въ нарушеніи ими догматовъ и церковныхъ правилъ *).

Геннадій, подвизаясь самъ, письменно и словесно, противъ еретиковъ, искалъ себѣ вѣрнаго помощника и вызвалъ на борьбу преподобнаго Іосифа, съ которымъ находился въ частыхъ сношеніяхъ; въ знакъ своего довѣрія, онъ даже поручилъ ему завѣдываніе дѣлами церковными и сборъ доходовъ съ Волоколамской области, удѣляя часть ихъ его обители. Не могъ избрать Владыка лучшаго себѣ помощника противъ еретиковъ, особенно впослѣдствіи, когда покровителемъ ереси сдѣлался самъ Митрополитъ. Геронтій, хотя и мудрствовалъ по христіански, но опасаясь Державнаго, мало радѣлъ о храненіи своей паствы отъ плевелъ; но по кончинѣ Геронтія еще умножилась опасность: протопопъ Алексій, бывшій духовникомъ Іоанна, успѣлъ предъ смертію своею, убѣдить его избрать на святительскій престолъ нечестиваго Зосиму. Къ нему также обратился Геннадій, еще не зная гнусной души его, и много писалъ ему пстинныхъ свидѣтельствъ противъ еретиковъ, жившихъ въ Новгородѣ и укрывавшихся въ Москвѣ.

Повелѣніемъ Державнаго, созванъ былъ наконецъ Соборъ въ Москвѣ, на коемъ присутствовали: Архіепископъ Ростовскій Симонъ, Епископъ Суздальскій Нифонтъ, Симеонъ Рязанскій, Вассіанъ Тверской, Прохоръ Сарскій, Филоѳей Перм-

*) Акты историческіе Том. I. стр. 522.

скій, и много Архимандритовъ и Игуменовъ, въ 1491 году. Никому еще не было извѣстно, что самъ предсѣдатель Зосима былъ тайный покровитель ереси.

Святитель Геннадій не могъ оставить каѳедры своей, чтобы присутствовать на Соборѣ; но къ нему обратился Соборъ, какъ къ свѣтильнику своего времени, чтобы опровергнуть мнѣніе еретиковъ о кончинѣ міра; по соборному повелѣнію, написалъ онъ пасхалію на первые семдесять лѣтъ осьмой тысячи, для руководства церковнаго, и сверхъ того окружное посланіе о кончинѣ міра, основанное на Святомъ писаніи и на мнѣніи Святыхъ Отцевъ, которое успокоило взволнованные умы. Митрополитъ Зосима сперва самъ уложилъ пасхалію на 20 лѣтъ и поручилъ пересмотрѣть ее Пермскому Епископу Филоѳею, а потомъ повелѣлъ Геннадію сдѣлать продолженіе церковнаго круга, съ показаніемъ правилъ, какъ должно впредь дѣлать исчисленія и на будущія времена. Изъ письма Св. Геннадія къ Архіепископу Ростовскому Іоасафу видно, какъ исполняла душу его заботливость о удаленіи соблазна и устраненіи ложныхъ толковъ касательно ожидаемой тогда кончины міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какою осторожностію касался онъ сего дѣла. Геннадій писалъ: «мнится мнѣ, по Еноху: вѣкъ работаетъ человѣчеству, а 7000 лѣтъ человѣческаго ради премѣненія положены; по Богослову же, намъ на всякъ часъ должно ждать скончанія.» То есть,

Геннадій думаетъ, что послѣ 7000 лѣтъ еще должно ждать не кончины, а только премѣненія, что вѣкъ работаетъ человѣку, а не человѣкъ вѣку, т. е. время для человѣка. «Да и то мнѣ мнится, продолжаетъ Геннадій, не украли ли еретики у насъ лѣтъ? А ежели правда то, что въ нашей пасхаліи время дѣланія не исполнилось; ты бы о томъ съ Паисіемъ (Каменскимъ), да съ Ниломъ (Сорскимъ) накрѣпко поговорилъ, и напишите ко мнѣ о томъ. Также отпиши мнѣ: можно ли у меня побывать Паисію да Нилу? о ересяхъ тѣхъ хорошо бы съ ними поговорить.»

Между тѣмъ, на Соборѣ, Митрополитъ Зосима вынужденъ былъ осудить своихъ злоумышленниковъ и предать анаѳемѣ главныхъ ересеначальниковъ: Гавріила протопопа Новгородскаго, Дениса попа Архангельскаго, (Алексѣй уже умеръ), и еще нѣсколькихъ другихъ, изъ клира и мірянъ. Нѣкоторые посланы были къ Архіепископу Геннадію, для обличенія. Ревностный пастырь, чтобы видѣлъ народъ, каковы были сѣятели пагубныхъ плевелъ, осужденные Соборомъ, велѣлъ, за сорокъ верстъ отъ города, сажать ихъ на вьючныя сѣдла, лицемъ къ хвосту конскому, въ извращенной одеждѣ, чтобы смотрѣли на западъ — темное царство вѣчныхъ мукъ; на головы ихъ надѣли остроконечные шлемы изъ бересты, съ мочальными и соломенными вѣнцами, на подобіе бѣсовскихъ, и съ надписью: «се сатанино воинство.» Въ та-

комъ видѣ велѣлъ водить ихъ по городу, а встрѣчающимъ плевать на нихъ и говорить: «это враги Божіи, хульники Христіанства!» потомъ же шлемы сіи сожжены были на ихъ головахъ, но сами они остались цѣлы, ибо Геннадій хотѣлъ только устрашить нечестивыхъ, дабы и другіе, взирая на нихъ, исполнились ужаса и позора.

До какой степени необходимо было строгое сіе обличеніе противъ безбожниковъ, явствуетъ изъ того, что еще въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, тайный сѣятель зла Зосима, продолжалъ осквернять собою престолъ святительскій и покровительствовалъ ереси. Если отъ него требовали строгихъ мѣръ, онъ только отвѣчалъ, что никого не должно осуждать, а самъ дерзалъ даже произносить хулы на Христіанство, и если кто смѣлъ обличать его, тѣхъ отлучалъ отъ Церкви и подвергалъ наказанію, оговаривая предъ Великимъ Княземъ. «Съ того времени, какъ возсіяло солнце православія землѣ нашей, писалъ Іосифъ, никогда не бывало у насъ такой ереси, ибо въ домахъ, на дорогахъ и на рынкѣ, иноки и міряне, съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ, основываясь не на ученіи Пророковъ, Апостоловъ и Святыхъ Отцевъ, а на словахъ отступниковъ Христіанства.» Между покровителями ереси, особенно силенъ былъ при дворѣ великокняжескомъ дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. По его просьбѣ, посланъ былъ въ Новгородскій Юрьевъ монастырь Архимандритомъ, нѣкто Кассіанъ, державшійся также

ученій жидовствующихъ. Въ немъ Новгородскіе еретики нашли себѣ сильную опору и соединялись у него въ обители тайныя собранія, гдѣ ругались надъ святынею Христіанскою; ревностный Геннадій издалъ въ это время нѣсколько сочиненій въ опроверженіе Іудейства и, не безъ успѣха, употреблялъ строгія мѣры противъ еретиковъ; стѣсненные имъ бѣжали въ Литву и Германію.

Услышалъ Господь наконецъ молитвы ревнителей Церкви и упразднилась ересь жидовская; нечестивый Зосима былъ удаленъ, по настоянiямъ преподобнаго Іосифа и великаго Геннадія, который и къ сему Митрополиту писалъ иногда обличительныя письма, когда замѣчалъ нарушеніе церковнаго устава, какъ однажды при опредѣленіи имъ одного двоеженца клирикомъ церкви Новгородской. Благочестивый Митрополитъ Симонъ поставленъ былъ на мѣсто Зосимы, и въ 1504 году соединился второй Соборъ на жидовствующихъ, на которомъ уже начальники ереси преданы были градской казни, ибо, не смотря на мнимое свое покаяніе, въ теченіи многихъ лѣтъ показали они, какъ можно было мало вѣрить ихъ искренности. Однако много еще скрытныхъ единомышленниковъ ереси, изъ числа самихъ бояръ, оставалось и при дворѣ великокняжескомъ, которые приложились къ благочестію только лицемъ, а не сердцемъ, и они оклеветали ревностнаго Геннадія: будто онъ многихъ

священниковъ, безъ всякой причины, лишалъ священства, а другихъ посвящалъ за мзду.

Много могло быть недовольныхъ въ великомъ Новгородѣ, и кромѣ жидовствовавшихъ, противъ знаменитаго мужа Церкви, потому что Новгородъ не забывалъ еще древнихъ правъ своихъ въ выборѣ Святителей, и не охотно принималъ тѣхъ, которые присылались изъ Москвы; предмѣстникъ Геннадія, Сергій, былъ также не любимъ народомъ, за то лишь, что присланъ былъ изъ Москвы. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ Митрополиту Симону Геннадій жаловался на невѣжество своей паствы: *) «что къ нему приводятъ неграмотныхъ для поставленія, прося, чтобы онъ ихъ училъ, а когда начнетъ, то за сіе бываетъ на него ропотъ отъ ставленниковъ и многіе разбѣгаются; самъ же онъ не можетъ, вопреки своего убѣжденія, ставить неученыхъ, и посему просилъ Государя, чтобы, его разумомъ и грозою, съ благословенія святительскаго, дѣло сіе исправить, заведя училища въ Новгородской области.» Такой настоятельный пастырь не могъ нравиться клиру, хотя, не только въ духовныхъ дѣлахъ, но даже и въ гражданскихъ, былъ истиннымъ благодѣтелемъ великаго Новгорода, ибо все его двадцатилѣтнее многотрудное святительство протекло въ борьбѣ за православіе, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя его грамоты и по-

*) Акты историческіе Том. I. стр. 146.

сланія; даже на его частное пждивеніе сооружена была третья часть стѣны Новгородскаго Кремля.

Самъ ли онъ, какъ утверждаютъ нѣкоторыя лѣтописи, утомленный заботами правительственными, пожелалъ успокоиться въ прежней своей обители, или же, что̀ гораздо вѣроятнѣе, одолѣли козни тайныхъ его враговъ, но, по волѣ Великаго Князя, вызванъ онъ былъ, въ 1504 году, Митрополитомъ Симономъ въ Москву, по дѣламъ церковнымъ, и уже болѣе не возвращался на свою эпархію. Нѣтъ сомнѣнія, что пребываніе его въ Москвѣ содѣйствовало къ обличенію тайныхъ еретиковъ и было виною скораго прекращенія ереси. Весьма умилительна отреченная его грамота, выражающая все смиреніе его духа:

«Господину преосвященному Симону, Митрополиту всея Россіи, нпщій богомолецъ вашъ Геннадій, Архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, челомъ бью. Ради своей немощи, Владыко, оставилъ я свою архіепископію и степень своего святительства въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ, и если послѣ сего Богъ повелитъ мнѣ еще живу быть, я обѣщаюсь болѣе ничего святительскаго не дѣйствовать и не вступаться ни въ какія дѣла, ни называться Архіепископомъ, ни учить, но быть учиму, такъ какъ я уже не Архіепископъ, ибо всѣ дѣла святительскія оставилъ, и симъ моимъ писаніемъ отрекся отъ всего; опре-

дѣлилъ же себѣ жить въ монастырѣ, въ иноческомъ житіи, пребывая въ покореніи и въ совершенномъ повиновеніи даже до послѣдняго издыханія, сохраняя свою душу отъ сѣтей непріязненныхъ и духовъ лукавствія, по реченному Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ слову: «никто же бо, рече, возложь руку на рало и зря вспять управленъ есть въ царствіи небеснѣмъ (Лук. IX, 62); яко того есть слава и держава во вѣки вѣковъ аминь.»

Святитель Геннадій скончался въ Чудовѣ монастырѣ 14 Декабря 1505 года. Намъ осталось послѣ него нѣсколько умилительныхъ молитвъ и сокращеніе церковнаго устава, подъ названіемъ: «Око церковное.» Его пастырскою заботою соединены были въ одинъ составъ всѣ книги Св. писанія Ветхаго Завѣта, а нѣкоторыя переведены вновь съ Латинскаго. Такимъ образомъ, къ славѣ ревнителя Православія и просвѣщеннѣйшаго пастыря, присоединилъ Святитель Геннадій еще и вѣнецъ исповѣдника Христова, за слово истины.

(Просвѣтитель Св. Іосифа; лѣтопись Новгородская; Акты историческіе).

15-го Декабря, Священномученика Елевѳерія, преподобнаго отца нашего Павла иже въ Латрѣ, и Стефана исповѣдника, Архіепископа Сурожскаго, который святительствовалъ въ предѣлахъ Азовскихъ. Въ тотъ же день отечественная Церковь воспоминаетъ ревностнаго своего проповѣдника Трифона Печенгскаго, который обратилъ Лопарей къ свѣту Христову.

(Житіе въ приложеніяхъ).

16-го числа, Св. Пророка Аггея.

17-го, Св. Пророка Даніила и трехъ отроковъ: Ананіи, Азаріи и Мисаила, которыхъ такъ торжественно прославляетъ Церковь: «Велія вѣры исправленія, во источницѣ пламене, яко на водѣ упокоенія, святіи тріе отроцы радовахуся, и Пророкъ Даніилъ львомъ пастырь яко овцамъ являшеся; тѣхъ молитвами, Христе Боже, спаси души наша.»

18-го, Святаго Мученика Севастіана и дружины его.

19-го, Святаго Мученика Вонифатія.

20-го, предпразднество Рождества Господа нашего Іисуса Христа и святаго священномученика Игнатія Богоносца. Умилительны въ этотъ день церковные гимны и грядущему родиться въ Вѳлеемѣ Господу, и жаждавшему пролить за него кровь свою священномученику:

«Готовися Вифлееме, отверзися всѣмъ Эдеме, красуйся Ефраѳо, яко древо живота въ вертепѣ процвѣте отъ Дѣвы, рай бо оноя чрево явися мысленный, въ немъ же Божественный садъ; отъ него же ядше живи будемъ, не яко же Адамъ умремъ, Христосъ раждается, прежде падшій возставити образъ.»

«Свѣтлыхъ подвигъ твоихъ свѣтоносный день, предпроповѣдуетъ всѣмъ въ вертепѣ рожденнаго, сего бо жаждаи отъ любве насладится, потщался еси отъ звѣреи снѣденъ быти, сего ради Богоносецъ нарекся еси, Игнатіе всемудре.»

21-го числа, святой мученицы Іуліаніи, пострадавшей въ Никомидіи. Въ сей день Церковь отечественная, памятью родственныхъ Святыхъ, восполняетъ тотъ недостатокъ, что не было празднества никому изъ нихъ въ предъидущую седмицу; ибо, въ одинъ и тотъ же день, воспоминается преставленіе Святителя Петра, Митрополита Московскаго и всея Руси, котораго житіе столь назидательно, и мученицы Іуліаніи, Княгини Вяземской, пострадавшей въ Торжкѣ отъ нечестиваго супруга, и память Прокопія, Христа ради юродиваго Вятскаго; онъ почиваетъ подъ спудомъ, въ обители преподобнаго Трифона, и мѣстно чтится, но житіе его неизвѣстно.

ЖИТІЕ

СВЯТИТЕЛЯ ПЕТРА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И ВСЕЯ РОССІИ ЧУДОТВОРЦА.

Предисловіе Кипріаново.

Петръ божественный, великій въ Русскихъ Святителяхъ, тезоименитый верховному Апостолу Петру, котораго нарекъ Господь камнемъ вѣры во основаніе Церкви, подобно ему сдѣлался твердымъ камнемъ вѣры и основаніемъ всѣхъ Русской земли Святителей, какъ новоявленный чудотворецъ; онъ былъ первый обновитель престола святѣйшей митрополіи богоспасаемаго, а нынѣ уже царствующаго града Москвы, и всей великой земли Русской. Много было и прежде него преосвященныхъ Митрополитовъ, которые украшали собою престолъ митрополіи Русской, отъ перваго въ Кіевѣ Митрополита Михаила и

до Максима, который совершилъ житіе свое во градѣ Владимірѣ, числомъ до двадцати трехъ; но хотя многіе показали они труды и многія добродѣтели стяжали предъ Богомъ, и всѣ, содѣйствіемъ Святаго Духа, непорочною сохранили Церковь Христову и благочестиво исправили слово божественное истины, а нѣкоторые пріяли даже отъ Бога дарованіе чудесъ и небесныя почести, каждый противъ своего подвига: ни одинъ изъ нихъ однако не удостоился на землѣ празднованія, въ день своей памяти, и торжественнаго ублаженія, доколѣ не благоволилъ Господь утвердиться Кіевской и Владимірской державѣ, въ боголюбивомъ градѣ Москвѣ, гдѣ тогда господствовалъ Великій Князь Іоаннъ, называемый Калита, послѣ блаженнаго отца своего Даніила Александровича. Тогда, благоволеніемъ Божіимъ, пришелъ во градъ Москву сей Божій человѣкъ и великій во Святителяхъ Петръ, а съ нимъ вмѣстѣ и Божія благодать, какъ самъ онъ пророкъ и благословилъ, ибо его самаго прославилъ Богъ, паче всѣхъ бывшихъ Митрополитовъ Русскихъ.»

Но кто же такъ умилительно и вмѣстѣ торжественно, выражается о семъ новомъ свѣтильникѣ, просіявшемъ въ землѣ Русской, о которомъ взываетъ вся отечественная Церковь: «что прежде безплодная земля, нынѣ веселится, ибо Христосъ свѣтильника сіи показалъ, явно сіяющаго міру и исцѣляющаго недуги и болѣзни наши»? Это одинъ изъ ближайшихъ его преемни-

ковъ, третій по немъ Кипріанъ, самъ испытавшій его цѣлебную силу и впослѣдствіи причтенный къ лику Святыхъ своей Церкви. Онъ, почти какъ современникъ и очевидецъ, составилъ, для современниковъ и потомства, житіе великаго Святителя Петра и что̀ лучшее можно о немъ сказать, какъ только изложить, болѣе доступнымъ словомъ, повѣсть Святителя Кипріана, присоединивъ изъ его же лѣтописи, немногія опущенныя дѣянія великаго чудотворца и одно пастырское его поученіе, сохранившееся намъ сквозь рядъ столѣтій.

«Праведники во вѣки живутъ и отъ Господа мзда ихъ и строеніе ихъ отъ Вышняго,» восклицаетъ Кипріанъ словами премудраго Соломона (Прем. V, 15), въ началѣ житія святаго своего предмѣстника, и еще: «праведникъ аще постигнетъ скончатися въ покоѣ будетъ (Прем. Сол. IV, 7), и похваляемымъ праведнымъ, возвеселятся людіе (Притч. XXIX, 2), занеже правымъ подобаетъ похвала» (Псал. XXXII, 1). Одинъ изъ нихъ и нынѣ похваляемый нами Священноначальникъ и, хотя никто не въ силахъ похвалить его по достоинству, однако несправедливо было бы оставить по сему неукрашеннымъ вѣнецъ сего Святителя и, такимъ образомъ, самовольно миновать Божіе о насъ смотрѣніе. Я почитаю за особенную милость Божію и самаго святаго угодника то, что и мы могли воспріять чрезъ него малую мзду, поелику изда-

вна былъ я привлеченъ любовію къ истинному пастырю и хотѣлось мнѣ, подобно вдовицѣ, принесшей двѣ лепты, принести хотя малое ему похваленіе; сколько ни удерживало меня чувство моей немощи, недостигающее его величія, однако болѣе тяжкимъ вмѣнялъ я, какъ бы облѣнившись, совершенно сіе отложить; нынѣ же, предпринимая дѣло выше своей мѣры, возложилъ я всю мою надежду на Бога и на его угодника, чтобы мнѣ проповѣдать о житіи его, сколько мнѣ сіе дастъ Господь и сколько слышалъ отъ многихъ сказателей, а также исповѣдать нѣчто о его чудесахъ. Если кто и не можетъ изчерпать всей глубины, не оставитъ однако, хотя и малою чашею почерпнуть, чтобы прохладить свою жажду: такъ и я судилъ для себя недостойнымъ умолчать о немъ, какъ стоящему на его мѣстѣ и взирающему на гробъ его, и наслѣдовавшему его престолъ, который онъ только за нѣсколько лѣтъ предъ симъ оставилъ, отходя къ небеснымъ обителямъ; и такъ начну повѣсть, о его рожденіи, воспитаніи и удаленіи отъ міра.»

ПЕРВЫЕ ГОДЫ И ИНОЧЕСТВО БЛАЖЕННАГО ПЕТРА.

Блаженный Петръ родился въ землѣ Волынской, отъ благоговѣйныхъ родителей; извѣстно имя отца его, Ѳеодоръ, но не извѣстно имя матери; не должно однако предать молчанію то

видѣніе, какое она имѣла еще прежде его рожденія, когда уже младенецъ былъ въ ея утробѣ. На разсвѣтѣ воскреснаго дня, снилось ей, что она держитъ на рукахъ агнца, между рогами коего произрастало благолиственное древо, со многими цвѣтами и плодами, посреди же вѣтвей горѣли свѣчи и отъ нихъ исходило благовоніе; проснувшись, недоумѣвала мать о чудномъ своемъ видѣніи, но Господь явилъ впослѣдствіи истину его, благодатными дарами обогативъ своего угодника. До семи лѣтъ возрасталъ отрокъ въ домѣ отеческомъ и потомъ отданъ былъ родителями въ ученіе книжное; но хотя и съ прилежаніемъ внималъ учителю, однако неуспѣшно шло его ученіе и не малая была о томъ печаль родителямъ и наставнику. Однажды, какъ бы во снѣ, видитъ отрокъ мужа въ святительской одеждѣ, который сталъ надъ нимъ и сказалъ: «чадо мое, открой уста твои;» когда же открылъ ихъ, Святитель прикоснулся языка его и, благословивъ, какъ бы влилъ нѣкоторую сладость въ гортань его. Проснулся отрокъ и никого не видѣлъ, но съ того часа, все, что писалъ ему учитель, легко изучалъ и въ короткое время превзошелъ всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Двѣнадцати лѣтъ удалился отрокъ въ одинъ изъ монастырей, сосѣдній мѣсту его рожденія, и не смотря на юный возрастъ, принятъ былъ въ число братій отъ игумена; съ отнятіемъ власовъ, отсѣкъ онъ всякое мудрованіе плотское и

сдѣлался во всемъ послушнымъ духовному отцу. Самъ онъ носилъ на плечахъ своихъ воду, измывалъ власяницы братскія, зимою и лѣтомъ не оставляя сего послушанія; но не смотря на то, по церковному звону, первый обрѣтался въ церкви, для ночныхъ и дневныхъ служеній, благоговѣйно стоялъ въ храмѣ, никогда даже не прислоняясь къ стѣнѣ, и послѣдній выходилъ. Многія лѣта провелъ онъ такимъ образомъ въ пустынѣ, совершенствуясь и восходя по степенямъ духовной лѣствицы добродѣтелей, какъ о томъ научаетъ блаженный лѣствичникъ Іоаннъ, въ своей лѣствицѣ духовной; не только наставнику, но и братіи безлѣпостно служилъ онъ, не какъ человѣкамъ но какъ самому Богу, и для всѣхъ былъ благимъ образцемъ добродѣтели, кротостію, смиреніемъ и молчаніемъ. Пришедши въ совершенный возрастъ, по разсужденію настоятеля, вступилъ онъ въ служеніе діаконское и потомъ сподобился сана пресвитерскаго, но и тогда не оставлялъ служить братіи со всякимъ смиреніемъ и сокрушеніемъ сердца.

Пришло ему желаніе учиться иконному писанію и, съ благословенія своего настоятеля, скоро привыкъ онъ къ сему дѣлу, изображая лики Господа, пречистой его Матери и Святыхъ. Отселѣ еще бо̀льшее прилагалъ усердіе къ добродѣтельной жизни и часто обливался слезами, ибо онъ отрѣшилъ мысль свою отъ всякаго земнаго помысла, и умомъ своимъ возносился

къ первообразу тѣхъ, кого изображалъ. Таково свойство человѣческаго любящаго сердца, что если кто вспомнитъ, хотя мыслію, лице любимаго имъ человѣка, то, какъ бы невольно, по чувству любви, обращается къ слезамъ: то же случалось и съ симъ блаженнымъ мужемъ, когда отъ живописныхъ образовъ возводилъ умъ свой къ ихъ первообразу. Человѣкъ Божій безъ лѣности писалъ иконы, а настоятель раздавалъ ихъ братіи и христолюбцамъ, приходившимъ въ обитель, ради благословенія.

Спустя нѣкоторое время, по волѣ и благословенію настоятеля, вышелъ онъ изъ обители, ибо подобало такому мужу пройти всѣ степени, прежде нежели возсѣсть на сѣдалище учительское. Онъ обошелъ всю окрестную пустыню и нашелъ мѣсто безмолвное на рѣкѣ, называемой Рата; тутъ соорудилъ себѣ жилище и многіе подъялъ труды, прилагая болѣзни къ болѣзнямъ; тутъ воздвигъ церковь, во имя Спаса нашего Іисуса Христа, и поставилъ келліи для приходящей къ нему братіи. Не малое число иноковъ собралось къ нему въ короткое время и онъ, какъ чадолюбивый отецъ, заботился о ихъ спасеніи, не только поучая словомъ, но еще болѣе примѣромъ, представляя себя, не какъ старѣйшину братіи, но какъ послѣдняго изъ всѣхъ. Никогда не раздражался онъ на согрѣшавшихъ, но съ тихостію увѣщавалъ умилительнымъ словомъ; столько былъ онъ милостивъ, что никогда про-

сящаго у Бога (т. е. убогаго, какое умилительное словопроизводство!) или странника не отпускалъ съ пустыми руками, но все подавалъ, что̀ только у него обрѣталось, памятуя слово Святаго писанія: «милуяй нищаго, взаймъ даетъ Богу» (Притч. XIX, 17), и повелѣніе самаго Господа: «будите милосерди, яко и Отецъ вашъ небесный милосердъ есть» (Лук. VI, 36). Часто, не имѣя что подать просящему, раздавалъ писанныя имъ иконы, а иногда и власяницу, снявъ съ себя, подавалъ убогому, томимому холодомъ, и въ такихъ пребывая подвигахъ, не могъ укрыться на горѣ добродѣтели.

Молва о праведной его жизни дошла до слуха державнаго Князя и вельможъ страны Волынской и Галицкой, которая тогда процвѣтала во всей славѣ и чести, исполненная всякимъ обиліемъ; нынѣ же не такова уже, послѣ многихъ ратей, говоритъ Святитель Кипріанъ, ибо время ея прешло. И Князь и бояре его, удивлялись человѣку Божію и съ любовію приходили внимать его слову. Случилось Митрополиту Максиму, украшавшему въ то время престолъ всея Руси, проходить изъ Владиміра землю Русскую, поучая народъ по преданному уставу; пришелъ и человѣкъ Божій Петръ, съ своею братіею, принять благословеніе у Святителя, и принесъ ему образъ успенія Владычицы, который самъ написалъ; Святитель же, благословивъ его, съ радостію принялъ образъ Пречистыя, украсилъ его златомъ и до-

рогими каменьями, и до конца жизни благоговѣйно хранилъ у себя въ келліи, днемъ и ночью молясь сей чудной иконѣ, о соблюденіи ввѣренной ему земли Русской.

Когда же преставился благочестивый Святитель Максимъ, во градѣ Владимірѣ, и тѣло его погребено было въ преславной церкви Богоматери, сооруженной Княземъ Боголюбскимъ, тогда нѣкто игуменъ Геронтій дерзнулъ-восхитить санъ святительства, не вѣдая, что всякій даръ совершенный сходитъ свыше отъ Отца свѣтовъ. Одержимый недугомъ самовластія и своеволіемъ покусился на такую высоту, и время ему благопріятствовало, ибо никто не воспротивился; и такъ взявши всю святительскую утварь, жезлъ пастырскій и ту самую икону, которую писалъ блаженный Петръ, съ послушными ему сановниками церковными, пошелъ въ Царьградъ, какъ бы уже имѣя въ рукахъ своихъ желаемое; но съ неудовольствіемъ услышала о томъ вся земля Русская. Князь Галицкій Юрій, негодуя на высокомѣріе Геронтіево, хотѣлъ епископію Галицкую возвести въ митрополію всея Руси; посему обратился къ блаженному Петру, умоляя его идти въ Царьградъ; въ теченіи многихъ дней убѣждалъ онъ человѣка Божія, то призывая его къ себѣ, то посылая къ нему своихъ совѣтниковъ, доколѣ не преклонился Святой къ мольбамъ его и не предпринялъ дальняго пути, послушанія ради, не вѣдая, что ему самому предстояло

епископство, ибо, втайнѣ отъ Петра, написалъ Державный моленіе къ Святѣйшему Патріарху и всему Собору, прося не отринуть его просьбы и рукоположить самаго Петра на престолъ святительскій; для бо̀льшаго же успѣха въ дѣлѣ своемъ, Князь Волынскій отправилъ и особаго посла своего къ Патріарху, вмѣстѣ со смиреннымъ игуменомъ; и Петръ и Геронтій, изъ разныхъ пристаней, отплыли въ Царьградъ.

Но плаваніе Геронтіево было злополучно; воздвигласъ страшная буря, противные вѣтры подымали высокія волны противъ корабля и задерживали его шествіе; кораблю же Петрову, плывшему по другой полосѣ Чернаго моря, благопріятствовалъ тихій попутный вѣтеръ, такъ что, какъ будто во снѣ, перешелъ онъ пучину и достигъ пристани Царьградской. Ночью, посреди бури, явилась Геронтію Матерь Божія, такъ какъ она была написана на иконѣ преподобнаго Петра, и строго его укорила: «напрасно труждаешься, предпринявъ столь долгій путь, ибо не возложится на тебя великій санъ святительскій, который хотѣлъ ты восхитить; но тотъ, кто написалъ меня, Петръ, игуменъ Ратскій, служитель Сына моего и Бога, возведенъ будетъ на верховный престолъ митрополіи Русской и украситъ его, и людей своихъ упасетъ, за которыхъ Сынъ мой и Господь Іисусъ пролилъ кровь свою, отъ меня заимствованную; и такъ богоугодно пожившъ, въ старости маститой, радостно

прейдетъ онъ къ желаемому своему Владыкѣ и верховному Архіерею.» Въ ужасѣ воспрянулъ Геронтій отъ сна и страшнаго видѣнія, которое повѣдалъ всѣмъ бывшимъ съ нимъ на кораблѣ, и всѣмъ говорилъ: «напрасно трудимся братія, ибо не получимъ желаемаго.» Послѣ многаго истомленія отъ бури, едва возмогъ онъ достигнуть Царьграда, но тамъ уже предварилъ его преподобный Петръ и прямо изъ корабля направился въ храмъ Софіи премудрости Божіей, къ Вселенскому Патріарху.

Дивный и святой мужъ Аоанасій украшалъ тогда Вселенскую каѳедру своими добродѣтелями. Едва только вошелъ игуменъ Русскій въ двери той храмины, гдѣ возсѣдалъ Патріархъ, благоуханіемъ исполнилась вся храмина и уразумѣлъ духомъ Патріархъ, что облагоухало его пришествіе Петрово. Онъ принялъ его съ радостію и любовію и, узнавъ о причинѣ его странствія, созвалъ священный Соборъ Митрополитовъ, на которомъ по обычаю совершилось избраніе и явился достойнымъ святительства Петръ, нареченный еще прежде своего рожденія и утвержденный чуднымъ видѣніемъ Богоматери Геронтію. Соборно служилъ Патріархъ божественную литургію и посвятилъ въ Митрополита дивнаго Петра, учителемъ и пастыремъ всей земли Русской, чтобы сей новый свѣтильникъ свѣтилъ всѣмъ, находившимся въ храминѣ. «Слышалъ я, говоритъ Кипріанъ, отъ нѣкоторыхъ въ Царьградѣ, за истину мнѣ

повѣдавшихъ, что, во время посвященія, лице Петра просвѣтилось какъ бы лучами солнечными, такъ что изумились всѣ служившіе съ Патріархомъ и самъ Первосвятитель, еще болѣе увѣровавъ въ святость человѣка Божія, пророчески сказалъ всему Собору: «что во истину, повелѣніемъ Божіимъ, пришелъ къ нимъ дивный мужъ сей и что по благодати Духа Святаго хорошо упасетъ ввѣренное ему стадо.»

Нѣсколько дней спустя, приплылъ въ Царьградъ утомленный бурею Геронтій и, представившись Патріарху, хотя и противъ желанія, вынужденъ былъ разсказать сонное видѣніе, бывшее ему на морѣ. Патріархъ же, многими наставленіями обличилъ его, какъ противно правиламъ Богоносныхъ Отецъ, чтобы міряне дерзали избирать Святителей и что никто не долженъ воспринимать на себя высокій санъ сей, если не избранъ прежде священнымъ Соборомъ и не назначенъ Святымъ животворящимъ Духомъ. Патріархъ взялъ у него ризы святительскія и пастырскій жезлъ, съ честною иконою преподобнаго Петра, и все сіе передалъ въ руки законному Святителю, поручивъ ему и церковныхъ сановниковъ. «Пріими святой Богородичный образъ, который ты написалъ своими руками, сказалъ ему Патріархъ, ибо сего ради воздала тебѣ даръ сама Владычица, предсказавъ о тебѣ.» Съ тѣхъ поръ и до самаго отпуска Митрополита Русскаго, свя-

тѣйшій Аѳанасій ежедневно простиралъ къ нему душеполезныя бесѣды, говоря: «внимай, чадо и братъ, во Христѣ возлюбленный, каковые подвиги ты предпринялъ; вотъ поручилъ тебѣ Христосъ Богъ великій корабль свой наставлять и править, чтобы привести его ко пристанищу спасенія; не облѣнись и не унывай, и да не отяготишься бременемъ заботъ, ради величія и пространства земли Русской. Ты сдѣлался преемникомъ Апостольскаго служенія и Христосъ поставилъ тебя дѣлателемъ своего винограда; и такъ будь подражателемъ Апостоламъ, будь истиннымъ ученикомъ Спаса, чтобы и ты съ дерзновеніемъ могъ воззвать къ Господу во второе его пришествіе: се азъ и дѣти, яже ми далъ еси.» Съ такими поученіями отпустилъ блаженнаго изъ Царьграда и благополучно принесло его море опять въ землю Русскую.

СВЯТИТЕЛЬСТВО ПЕТРА МИТРОПОЛИТА.

Промыслъ Божій направилъ однако, не въ землю Волынскую, новаго Святителя, хотя и оттуда произошелъ, и не исполнился совѣтъ Князя Галицкаго о перенесеніи въ его предѣлы митрополіи всея Руси, которой хотѣлъ онъ лишить первопрестольный Кіевъ и новую столицу Великихъ Князей Русскихъ, Владиміръ, гдѣ уже утвер-

дились два Митрополита, Кирилл и Максимъ, оба великіе ревнители Церкви. По ихъ слѣдамъ шествовалъ Петръ, руководимый Духомъ Божіимъ, и на краткое только время посѣтивъ древнюю свою каѳедру Кіева, направился во Владиміръ. Миръ и благословеніе преподавалъ онъ на пути своему стаду, переходя изъ мѣста въ мѣсто, и словомъ Божіимъ поучалъ ввѣренныя ему души, съ кротостію и глубокимъ смиреніемъ, памятуя, что въ сердцѣ кроткихъ почіетъ Богъ и не уничижитъ сердце сокрушенное и смиренное.

Не было тогда Князя во Владиміръ, ибо Великій Князь Михаилъ, содержавшій престолъ всея Руси, обиталъ преимущественно въ родной своей Твери и уже возникала вражда между сильнымъ родомъ Князей Московскихъ и Князей Тверскихъ, жертвою коей палъ впослѣдствіи Михаилъ въ Золотой Ордѣ. При такомъ неустройствѣ гражданскомъ, много встрѣтилъ огорченій Святитель Петръ, въ престольномъ Владиміръ, куда прибылъ въ 1309 году, ибо многіе изъ Князей сѣверныхъ не знали новаго пришельца и нашлось много недовольныхъ его поставленіемъ, не только между Князьями, но и между духовными; нужно было время, чтобы открылись его достоинства предъ всею паствою.

Первымъ дѣйствіемъ святительской власти Петра Митрополита было посвященіе, во Владиміръ, Архіепископа Давида великому Новгороду. Вскорѣ долженъ былъ онъ идти въ Брянскъ, по

долгу пастыря, умиротворить Князей, и самъ едва не лишился тамъ жизни. Удѣльный Князь сего города Василій былъ изгнанъ дядею Святославомъ, но испросивъ помощь у Хана, ввелъ съ собою дружину Монгольскую, для изгнанія родственника. Кроткій Святитель убѣждалъ Святослава искать примиренія, чтобы не проливать крови, ибо владѣлъ незаконно: «уступи, сынъ мой, говорилъ онъ, подѣлись княженіемъ съ родичемъ твоимъ Василіемъ, или уступи ему совсѣмъ, а самъ отъѣзжай прочь и не бойся.» Но Князь Святославъ, надѣясь на свою силу и мужество, превознесся умомъ и многою силою Брянскою и отвѣчалъ: «Владыко! Брянцы меня не пустятъ, ибо хотятъ головы свои за меня сложить.» Онъ вступилъ въ бой съ племянникомъ и былъ убитъ на полѣ ратномъ; Монголы ворвались въ городъ, все предавая огню и мечу, доколѣ Князь Брянскій не остановилъ кровопролитія; самъ Святитель Петръ едва могъ найти себѣ убѣжище въ соборномъ храмѣ.

Едва миновалась сія княжеская смута, какъ возникла церковная, ибо не потерпѣлъ противоборникъ рода человѣческаго видѣть пользу духовную, истекавшую отъ такого пастыря; многихъ возбуждалъ онъ противъ него, но все со смиреніемъ принималъ Святитель и тѣмъ покорилъ всѣхъ, ибо не только не помнилъ зла, но и всѣмъ отъ души прощалъ, творя молитву за своихъ оскорбителей и продолжая заботиться о своемъ духовномъ дѣлѣ.

Волненіе церковное не утишилось однако безъ соборнаго дѣйствія. Андрей, Епископъ Тверской, происходившій изъ рода Князей Литовскихъ, возсталъ на Первосвятителя, быть можетъ, надѣясь заступить его мѣсто; началъ онъ, по своему легкомыслію, строить противъ него различные ковы, и, увлекаемый суетною славою, изострилъ языкъ свой на праведнаго мужа, сплетая на него хульныя рѣчи, которыя не постыдился даже довести до слуха Патріарха Аѳанасія. Изумился Святѣйшій и не хотѣлъ повѣрить клеветѣ; однако, поелику много было обвиненій, рѣшился послать одного изъ первостепенныхъ клириковъ Великой Церкви, для изслѣдованія дѣла, съ такою грамотою къ блаженному Петру: «Всесвященнѣйшій Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, во Святомъ Духѣ возлюбленный братъ и сослужитель нашего смиренія! Ты знаешь, что, избраніемъ Святаго Духа, поставленъ ты пастыремъ и учителемъ словеснаго Христова стада; и вотъ нынѣ пришли отъ вашего племени и твоего предѣла, словеса тяжкія на тебя до моего слуха, которыя смутили мой помыслъ: потщись сіе очистить и исправить.»

Шептаніе Епископа Тверскаго не утаилось и прежде отъ Святителя Петра, но онъ возложилъ надежду свою на Бога, говоря: «терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми (Псал. XXXIX, 21); аще Богъ по насъ, кто на ны (Римл. VIII, 31)?» Когда же пришелъ Патріаршій клирикъ на Русь,

соединился Соборъ въ городѣ Переяславлѣ, на которомъ, изъ числа Епископовъ, присутствовалъ только одинъ Ростовскій Симеонъ; преподобный Прохоръ, его преемникъ, былъ тогда еще игуменомъ; много было другихъ игуменовъ, иноковъ и пресвитеровъ, и явился въ качествѣ обвинителя Епископъ Тверской.—Великій Князь Михаилъ отсутствовалъ въ Ордѣ, но были сыновья его Димитрій и Александръ, и многіе иные Князья и бояре, между преподобныхъ иноковъ. Не постыдился предстать подчиненному Собору Святитель Петръ, хотя и первопрестольникъ Русской Церкви, какъ обвиняемый, и давать отвѣты тамъ, гдѣ надлежало ему предсѣдательствовать.

Предъ лицемъ всѣхъ, объявилъ ему клирикъ патріаршій слова и писаніе святѣйшаго Аѳанасія, и возводимую на него клевету, которая возбудила общее негодованіе: такая молва и смятеніе возникли на Соборѣ, когда услышали столь жестокія обвиненія, что могло бы произойти и нѣчто неприличное, если бы самъ человѣкъ Божій не утишилъ общаго вопля, подражая Господу Іисусу, когда сказалъ онъ Апостолу Петру «вонзи ножъ въ ножницу (Іоан. XVIII, 11).» Кроткаго учителя кроткій ученикъ произнесъ умилительное слово: «братія и чада, о Христѣ возлюбленные! не лучше я Іоны Пророка; если изъ за меня столь великое волненіе, то изгоните меня, и пусть утихнетъ молва; за чѣмъ волнуетесь столько, меня ради?»

Всѣ готовы были вступиться за добраго своего пастыря и хотѣли дознать, откуда могли возникнуть такія клеветы на праведнаго мужа? Не утаился злой дѣлатель, обнаружилась лесть Андреева, и самъ онъ предъ всѣми былъ посрамленъ и уничиженъ. Но никакого зла не сдѣлалъ ему святой Петръ, а только поучилъ его предъ лицемъ всѣхъ утѣшительнымъ словомъ: «миръ тебѣ, о Христѣ чадо, не ты сіе сотворилъ, но изъ начала завидующій роду человѣческому діаволъ; ты же отъ нынѣ соблюдай себя, а минувшее отпуститъ тебѣ Господь.» Поучивъ довольно весь клиръ, Князей и народъ, Святитель съ миромъ отпустилъ Соборъ. Самъ онъ, прилагая труды къ трудамъ и смиреніе къ смиренію, во сто кратъ умножилъ данный ему отъ Бога талантъ, безъ лѣности проходя грады и веси, наставляя вручённое ему отъ Бога стадо, не чувствуя утомленія тѣлеснаго, хотя уже возрастъ его склонялся къ старости, но вездѣ являя себя, какъ присный отецъ, сирымъ, вдовицамъ и убогимъ.

Появился въ сіе время еретикъ, по имени Сентъ, сколько можно думать по сему названію, изъ Татаръ обращенный въ христіанство, ибо Сентами называются у нихъ духовные; онъ началъ проповѣдывать толки, противные ученію Православной Церкви и возставать противъ иночества, которое казалось недоступнымъ его плотскому мудрованію. Святитель Божій мужествен-

но возсталъ противъ него, обличилъ его въ лжеученіи и самаго отлучилъ отъ Церкви, какъ непокорнаго сына, отдѣлившагося отъ ея единства. Къ сему времени можно отнести назидательное поученіе Петра къ своему духовенству, въ видѣ окружнаго посланія игуменамъ, попамъ и діакопамъ.

«Знайте, дѣти, въ какое достоинство вы призваны Богомъ. Апостолъ Павелъ пишетъ: кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ (I. Кор. VII, 20). Вы, дѣти, называетесь стражами Церкви, пастырями словесныхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ свою спасительную кровь. Будьте же, дѣти, истинными пастырями, а не наемниками, которые млеко ядятъ и волною одѣваются, а объ овцахъ не пекутся (Іезек. XXXIV, 3). И не входящіе дверьми во дворъ овчій также не суть пастыри, но татіе и разбойницы (Іоан. X, 1). Но вы, дѣти, такимъ не послѣдуйте; подражайте же истинному пастырю Христу, какъ самъ онъ сказалъ въ Евангеліи своемъ: азъ есмь пастырь добрый, и душу мою полагаю за овцы, и прочее (ст. 11, 15). Будьте, дѣти, образцемъ для своего стада, по слову Спасителя, какъ онъ говорилъ своимъ Апостоламъ: вы есте свѣтъ міра, вы есте соль земли. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ (Матѳ. V, 13. 14. 16). Прежде всего вамъ

должно просвѣтиться сими добродѣтелями: кротостію и смиреніемъ; также блюстись отъ всѣхъ дѣлъ непристойныхъ, которыми міръ соблазняется: ибо горе человѣку тому, сказалъ Спаситель, имже соблазнъ приходитъ (Матѳ. XVIII, 7). Оградившись страхомъ Божіимъ, отсѣките, дѣти, отъ сердецъ вашихъ всякую отрасль, пагубную для души: гнѣвъ, ярость, зависть, ненависть, піянство, которое есть корень всякому злу, и смѣхотворство; ибо сказано: всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ (Ефес. 5, 29). И Спаситель сказалъ: отъ словесъ своихъ оправдишися и отъ словесъ своихъ осудишися (Матѳ. XII, 37). Будьте, дѣти, въ дому Божіемъ, какъ маслина плодовитая, и приносите плоды духовные, святость. Упражняйтесь, дѣти, въ чтеніи св. книгъ и въ ученіи день и ночь, по слову Пророка: въ законѣ Господни поучится день и нощь и проч. (Псал. 1, 2). Вы люди святые, царское священіе, языкъ святъ (I. Петр. 2, 9). Да почиваетъ на васъ Духъ Святый, какъ пишетъ Василій Великій Кесарійскій въ божественной литургіи: святъ бо есть Господь и во святыхъ почиваяй. Нужно, чтобы дѣла ваши соотвѣтствовали имени вашего священства: вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. II, 20). Облекитесь, дѣти, какъ избранные Божіи, въ оружіе свѣта, то есть въ благочестіе. Если такимъ образомъ сами вы, дѣти, будете творить добрыя дѣла предъ Богомъ, тогда въ состояніи будете научать и

своихъ дѣтей духовныхъ. Посему, Бога ради, всѣми силами потщитесь, дѣти, проводить жизнь въ страхѣ Божіемъ, чтобы упасти себя и стадо свое и избавиться вѣчной муки. Писаніемъ и неписаніемъ понуждаю васъ, дѣти, на дѣла благія: потому что я долженъ всегда напоминать вамъ и писать о томъ, что̀ душеполезно и спасительно. Вмѣстѣ и самъ прошу васъ, преподобные, помолитесь о моемъ недостоинствѣ и о моей худости, по слову писанія: молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете (Іак. V, 16): да сподобитъ Богъ всѣхъ насъ, безъ вреда, освободиться отъ сей суетной жизни, и получить вѣчное блаженство и непзреченную радость Христа Бога нашего, молитвами пречистыя Владычицы нашея Богородицы. Наконецъ будемъ славить безначальнаго Отца и единороднаго Сына его, Христа Бога нашего, и пречистаго, преблагаго и животворящаго Духа, ибо такъ вѣрными славится пресвятое имя Божіе, и тою божественною силою мы избавляемся отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ, во вѣки аминь.»

Между тѣмъ Святителю Петру готовился новый тяжкій подвигъ: по смерти Хана Тохтагу онъ долженъ былъ ѣхать въ Орду, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ, для подтвержденія новымъ Ханомъ Узбекомъ грамотъ, которыми освобождалось духовенство отъ даней Монгольскихъ. Не однѣхъ только ради обидъ цер-

ковныхъ, пошлинъ и судовъ, вынужденъ былъ предпринять трудное сіе странствіе блаженный Петръ, но и для того, чтобы предупредить пословъ Императора Нѣмецкаго и Папы Римскаго, которые шли въ Орду и могли испросить себѣ у Хана преимущества для своей Церкви, вредныя для православія въ южныхъ областяхъ Россіи. Заботы пастырскія призывали также Первосвятителя въ Орду; онъ былъ недоволенъ дѣйствіями Епископа Сарскаго Измаила и, впослѣдствіи смѣнивъ его, назначилъ благочестиваго Варсонофія. Господь благословилъ путешествіе сіе полнымъ успѣхомъ, къ общей радости Церкви, и святой Петръ, принятый Ханомъ Узбекомъ съ великими почестями, получилъ отъ него подтвержденіе прежнихъ правъ своего духовенства; таковъ былъ замѣчательный ярлыкъ Ханскій:

«Вышняго и безсмертнаго Бога волею и силою и величествомъ, и милостію его многою, Узбеково слово всѣмъ нашимъ князьямъ, великимъ, среднимъ и нижнимъ, и сильнымъ воеводамъ и вельможамъ, князьямъ удѣльнымъ и полчнымъ, книжникамъ и уставодержателямъ, людскимъ вѣстникамъ и сбирателямъ, баскакамъ и посламъ нашимъ, гонцамъ, даньщикамъ и писцамъ, мимоѣздящимъ посламъ и ловцамъ нашимъ, сокольникамъ, пардусникамъ и всѣмъ людямъ высокимъ и нижнимъ, великимъ и малымъ нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ и улу-

самъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣетъ. Никто да не обидитъ на Руси соборную церковь Петра Митрополита и людей его церковныхъ, никто да не взимаетъ стяжаній, ни имѣніемъ, ни людьми; ихъ только знаетъ Петръ Митрополитъ, судитъ и управляетъ людьми своими по правдѣ; въ чемъ бы ни было, въ разбоѣ, или въ татьбѣ и во всякихъ дѣлахъ, вѣдаетъ одинъ Петръ Митрополитъ, или кому прикажетъ, да всѣ покорятся и повинуются Митрополиту, всѣ его церковные причты по первоначальнымъ ихъ законамъ и по первымъ грамотамъ нашимъ, прежнихъ Царей великихъ. Никто да не вступается въ церковное достояніе Митрополита, ибо все то Божіе есть; а если кто вступится и преступитъ наше слово и нашъ ярлыкъ, тотъ повиненъ Богу и гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ ему будетъ казнь смертная. Митрополитъ, правымъ путемъ да пребываетъ и правымъ сердцемъ и правою мыслію все свое церковное да устрояетъ, судитъ и вѣдаетъ, или кому повелитъ то вѣдать и управлять; намъ же и дѣтямъ нашимъ ни во что сіе не вступаться, ни всѣмъ князьямъ нашего царства и всѣхъ нашихъ странъ и улусовъ, не только въ церковное и митрополичье, но ни въ города ихъ, ни въ волости, ни въ села, ни во всякія ловли и земли, луга и лѣса, винограды и мельницы, зимовища ихъ и стада конскія и скотскія, ни во всѣ стяжанія и имѣнія церковныя. Всѣ свои при-

чты и всѣ ихъ законы, уложенные отъ самаго начала, вѣдаетъ только Митрополитъ, или кому прикажетъ, да не будетъ ничто перепачено, или порушено или обижено.»

«Митрополитъ да пребываетъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, безъ всякія смуты, и правымъ сердцемъ молитъ Бога за насъ, за нашихъ дѣтей и наше племя, ибо и мы также управляемъ и жалуемъ, какъ жаловали прежніе Цари, которые давали имъ ярлыки свои; и мы тѣмъ же путемъ и тѣми же ярлыками жалуемъ ихъ, да и Богъ насъ пожалуетъ; мы бережемъ Божіе и даннаго Богу не взимаемъ, а кто беретъ Божіе, тотъ будетъ повиненъ, подъ гнѣвомъ Божіимъ и отъ насъ казненъ смертію, чтобы и другіе, видя сіе, въ боязни были. Когда поѣдутъ наши баскаки, таможенники, данщики и писцы, то по симъ нашимъ грамотамъ, какъ молвило наше слово, да будутъ цѣлы всѣ соборныя церкви Митрополита и всѣ его стяжанія и люди никѣмъ ни отъ кого не обижены, архимандриты, игумены, попы и всѣ причты церковные, какъ гласитъ сей нашъ ярлыкъ. Дань ли для насъ взимаютъ, или иное что, тамгу ли, поплужное, мостовщину, ловитву ли какую для насъ, или если для нашей службы, изъ нашихъ улусовъ повелимъ рать собирать; но отъ соборной церкви Петра Митрополита и отъ всѣхъ его людей и причта никто да не взимаетъ, ибо они за насъ Бога молятъ и соблюдаютъ насъ, и укрѣпляютъ наше воин-

ство. Кто же и прежде насъ сего не вѣдалъ, что Бога безсмертнаго силою и волею, живутъ всѣ и воюютъ? всѣ то вѣдаютъ, и мы Богу молясь, по грамотамъ прежнихъ Царей, выдали имъ жалованныя грамоты, ни въ чемъ ихъ не измѣняя, какъ то было прежде насъ, то и наше слово уставило по первому пути: какая бы дань наша ни была, да не просятъ отъ нихъ ничего, а что возмутъ, то возвратятъ втрое, если бы даже взяли и по нуждѣ великой, и тогда имъ отъ насъ не будетъ кротко и око наше тихо на нихъ не смотритъ. Въ законы ихъ никто да не вступается, да не вредятъ и не хулятъ церквей ихъ, монастырей и часовень; если же кто начнетъ осуждать ихъ вѣру и хулить, тотъ ничѣмъ не извинится предъ нами и умретъ злою смертію; семейства поповъ и діаконовъ, въ одномъ домѣ живущихъ и ядущихъ одинъ хлѣбъ, тѣмъ же отъ насъ пожалованы и да молятся за насъ Богу правою мыслію; а кто будетъ за насъ молиться Богу неправымъ сердцемъ, грѣхъ на немъ будетъ. Такъ наше слово учинило и мы дали грамоту сію Петру Митрополиту для крѣпости, дабы видя и слыша сію грамоту, всѣ люди, церкви, монастыри и причты, не преслушали его ни въ чемъ, но послушны будутъ ему по ихъ законамъ и по старинѣ, да пребываетъ Митрополитъ безъ всякой печали и скорби, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ. Таковъ ярлыкъ нашъ и такъ молвя, слово наше данною крѣпостію утвер-

дили; Заячьяго лѣта осенняго перваго мѣсяца, писана и дана на поляхъ.» (Ист. Карам. Том. IV, глав. 8, примѣч. 245).

Не достойно ли вниманія, какое благоволеніе къ святой Церкви внушилъ Господь въ сердце язычника, чтобы оградить ее отъ волненій внутреннихъ и внѣшнихъ! Миромъ Церкви утвердилось самое царство, укрѣпилась и столица, каѳедрою святительскою и святостію жизни верховнаго пастыря, который внушалъ такое уваженіе иноплеменныхъ къ себѣ и своей Церкви!

ПЕРЕНЕСЕНІЕ КАѲЕДРЫ ВЪ МОСКВУ И КОНЧИНА СВЯТИТЕЛЯ ПЕТРА.

Но при такомъ покровительствѣ со стороны Золотой Орды, исполненное любви сердце Архипастыря страдало отъ междоусобій Князей Русскихъ. Напрасно удерживалъ онъ Князя Московскаго Георгія во Владимірѣ, убѣждая его не ходить въ Орду домогаться великаго княженія, когда живъ былъ законный властитель Михаилъ; напрасно опять, послѣ мученической кончины благовѣрнаго Михаила, удерживалъ сына его Димитрія, Князя Тверскаго, отъ нападенія на области Московскую и Новгородскую: — и Димитрій и Георгій пали оба жертвою взаимной ненависти въ Ордѣ, и престолъ великокняжескій закон-

но перешелъ въ руки Князя Московскаго Іоанна Калиты, брата Георгіева, какъ старшаго въ родѣ. Горько было видѣть Святителю, что и земная его родина Волынь, опустошена и покорена была Литовцами, и самый Кіевъ первопрестольный градъ православія, достался въ руки язычника Гедимина, а между тѣмъ Митрополитъ ничего не могъ предпринимать къ облегченію бѣдствій южной Россіи, ни даже странствовать по ея предѣламъ, гдѣ свирѣпствовали огнь и мечь Литовскіе.

Взоры и мысли его обратились къ Москвѣ, гдѣ прозорливый духъ его предвидѣлъ славу будущаго княженія, хотя еще малъ былъ тогда и малолюденъ славный градъ сей, не такъ какъ мы его нынѣ видимъ, говоритъ Святитель Кипріанъ. Тамъ обладалъ тогда благочестивый Великій Князь Іоаннъ, сынъ Князя схимника Даніила и внукъ блаженнаго витязя Невскаго, котораго благая память исполняла собою всю землю Русскую. Святитель Петръ, видѣлъ Іоанна, сіяющаго православіемъ и украшеннаго всякими добрыми дѣлами, милостиваго къ нищимъ, (такъ что и названіе Калиты получилъ отъ носимаго имъ при себѣ мѣшка, для раздаянія милостыни) воздающаго должную почесть Божіимъ церквамъ и ихъ служителямъ, любителя божественныхъ писаній и послушателя отеческихъ ученій; отъ всей души полюбилъ онъ Князя и, больше иныхъ мѣстъ, началъ жить въ его пре-

стольномъ городѣ. Писатель иноземный (Герберштейнъ), бывшій посланникомъ въ Россіи, въ XVI вѣкѣ, въ книгѣ своей о дѣлахъ Московскихъ, основываясь на преданіяхъ мѣстныхъ, тогда еще свѣжихъ, говоритъ, что была и другая причина, привлекавшая благоговѣйнаго Святителя къ новой столицѣ всея Руси. Тамъ, въ обителп устроенной Даніпломъ, спасался нѣкто священный инокъ Алексій, прославленный святою жизнію, и чудесами послѣ своей смерти, которыя совершались надъ его гробомъ. Святитель Петръ, знавшій его лично, хотѣлъ провести послѣдніе дни своей жизни при его гробницѣ, нынѣ намъ уже неизвѣстной. Быть можетъ не изъ уваженія ли къ сему преподобному иноку, принялъ имя его и Святитель Алексій, которое столько прославилъ на каѳедрѣ всея Руси.

Съ 1325 года, Митрополитъ Петръ уже постоянно жилъ въ Москвѣ, куда прибылъ для погребенія брата Іоанна, Георгія, убіеннаго въ Ордѣ; тамъ рукоположилъ онъ и новаго Владыку Новгородскаго Моисея, на мѣсто Архіепископа Давида, и это было первое посвященіе архіерейское, которое видѣла Москва. Чтобы положить болѣе прочное основаніе новой столицѣ и своей каѳедрѣ, Святитель желалъ, при жизни своей, соорудить соборный храмъ, во имя Матери Божіей, который бы могъ замѣнить Боголюбскій соборъ Владиміра. Часто, въ своихъ духовныхъ бесѣдахъ, совѣщаясь о томъ съ Великимъ Княземъ,

пророчески онъ ему говорилъ: «о боголюбезный сынъ мой, если ты послушаешься моего совѣта, и соорудишь въ Москвѣ церковь каменную соборную, во имя пречистой Богоматери, то и тебя самаго Господь Богъ благословитъ и поставитъ выше иныхъ Князей, и распространитъ градъ сей паче иныхъ градовъ, и прославится въ немъ имя Божіе; не оскудѣютъ державные, отъ сѣмени твоего, обладая и царствуя мѣстомъ симъ въ родъ и родъ и во вѣки; взыдутъ руки ихъ на плечи враговъ ихъ; еще же и Святители пожившуть въ немъ и мои здѣсь кости положены будутъ.»

Съ любовію и радостію великою принялъ слова сіи Великій Князь отъ своего блаженнаго учителя, ибо между ними всегда было общеніе духовное и онъ воздавалъ ему подобающую честь, памятуя слово Господне ученикамъ своимъ: «иже васъ пріемлетъ, мене пріемлетъ (Матѳ. X, 40).» Съ тѣхъ поръ началъ онъ съ большимъ стараніемъ прилежать о церкви, приготовляя все, что было нужно для ея сооруженія, и самъ Святитель спѣшилъ симъ богоугоднымъ дѣломъ, ибо чувствовалъ уже приближеніе своей кончины; своими руками устроилъ онъ себѣ гробъ въ основаніи храма, близь святаго жертвенника. Было ему откровеніе Божіе о скоромъ изшествіи изъ сего міра къ Господу, котораго возлюбилъ отъ первыхъ дней своей юности; было о томъ таинственное сновидѣніе и Великому Князю Іо-

анну, какъ о томъ гласятъ многія повѣсти, говоритъ Святитель Кипріанъ.

Видѣлось Князю, будто ѣхалъ онъ на коняхъ, близь рѣки Неглинной, гдѣ нынѣ на горѣ стоитъ монастырь, именуемый Высокимъ, съ церковью во имя Чудотворца Петра; внезапно представилась Князю на этомъ мѣстѣ гора высокая, покрытая снѣгомъ; изумился Іоаннъ и, показывая на нее своимъ вельможамъ, недоумѣвалъ о необычайной высотѣ горы, по мало по малу, началъ стаивать снѣгъ и вскорѣ изчезла самая гора. Іоаннъ возвѣстилъ о томъ Святителю Божію и святой Петръ пророчески ему сказалъ: «разумно тебѣ да будетъ, о чадо, что гора сія высокая, какую видѣлъ, есть образъ твоего благородія и высокихъ твоихъ добродѣтелей, и Богомъ дарованнаго тебѣ отеческаго скипетра и величія крестоносныхъ хоругвей Русскаго царства; снѣжный же верхъ горы сей являетъ близкое скончаніе моего жительства, которое, подобно снѣгу, лежавшему на горѣ, вскорѣ скроется отъ очей твоихъ. Но какъ и самая гора, когда ты долго на нее смотрѣлъ, сдѣлалась невидимою предъ тобою, такъ и тебѣ предлежитъ, послѣ моего отшествія, богоугодно царствовавъ и воспитавъ около себя благородныя чада, преставиться отъ міра сего. Когда услышишь ты о нѣкоемъ старцѣ, къ тебѣ пришедшемъ, тогда и ты уразумѣй о совершеніи добраго твоего жительства и близкомъ отшествіи къ Богу.» — Съ

умиленіемъ внялъ Великій Князь прозорливой рѣчи Святителя и ожидалъ, въ послѣдніе годы своей жизни, пришествія сего необычайнаго старца, обѣщаннаго ему Святителемъ, ибо всегда исполнялись дивныя его рѣчи.

Было и еще одно таинственное видѣніе, предвозвѣстившее Святителю часъ его исхода, но описатель житія его, блаженный Митрополитъ Кипріанъ, упомяная о семъ откровеніи, не разсказываетъ какое оно было; говоритъ только, что великой радости исполнился святой Петръ, узнавъ о скоромъ своемъ отшествіи къ Богу. Онъ взошелъ въ церковь соборную и совершилъ самъ божественную службу, помолившись о православныхъ Царяхъ и Князьяхъ и возлюбленномъ сынѣ своемъ Князѣ Іоаннѣ, и за все благочестивое христіанское населеніе земли Русской, и воспомянулъ также о всѣхъ усопшихъ. По выходѣ изъ церкви, призвалъ онъ весь клиръ церковный и, по обычаю своему, довольно поучилъ назидательнымъ словомъ; съ того часа не переставалъ раздавать милостыню всѣмъ приходившимъ къ нему убогимъ, также по всѣмъ обителямъ и церквамъ, іереямъ и діаконамъ. Великаго Князя Іоанна не было тогда въ городѣ; Святитель позвалъ къ себѣ старѣйшину, поставленаго Княземъ, по имени Протасія, мужа вѣрнаго и украшеннаго всякими добродѣтелями, и сказалъ ему: «чадо, вотъ я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну своему возлюбленному Князю Іо-

аннну милость, миръ и благословеніе отъ Бога, и сѣмени его до вѣка. Сколько сынъ мой меня успокоилъ, воздастъ ему Господь Богъ сторицею въ мірѣ семъ, и животъ вѣчный наслѣдуетъ онъ; да не оскудѣютъ отъ сѣмени его обладающіе мѣстомъ симъ, и не упразднится память его, и Господь исполнитъ его влагалища за то злато, которое завѣщалъ на совершеніе церковнаго строенія.» Потомъ, преподавъ всѣмъ предстоявшимъ миръ, самъ началъ пѣть вечернюю службу, съ воздѣтыми къ небу руками; еще молитва была на устахъ его, когда уже душа отходила изъ тѣла, возлетая на небеса къ желаемому Христу.

Великій Князь, услышавъ о преставленіи добраго пастыря, поспѣшилъ въ столицу со всѣми своими вельможами, и сильно скорбѣлъ о такой утратѣ. Какъ свойственно усопшимъ, положили Святителя на погребальный одръ и священники понесли его на рукахъ своихъ въ церковь, но на пути случилось нѣчто необычайное. Одинъ человѣкъ, не имѣвшій вѣры къ Святому при жизни, внутренно похулилъ его по смерти, видя воздаваемую ему почесть, и такъ говорилъ самъ себѣ: «для чего Великій Князь и столько народа, предходятъ и послѣдуютъ одному человѣку мертвому, воздавая ему такую почесть!» Едва только помыслилъ это въ сердцѣ своемъ, какъ увидѣлъ усопшаго Святителя, сидящаго на одрѣ своемъ и благословляющаго на обѣ сторо-

ны народъ. Тѣло святаго Петра опущено было во гробъ, который онъ самъ себѣ приготовилъ, мѣсяца Декабря въ 21 день, отколѣ непрестанно источалъ исцѣленія приходившимъ къ нему съ вѣрою. Въ двадцатый день, юноша, разслабленный отъ рожденія, такъ что не могъ руки свои приподнять къ устамъ, съ теплою вѣрою и слезами, припалъ ко гробу Святителя и внезапно получилъ исцѣленіе; въ то же время, глухому возвратился слухъ и слѣпому зрѣніе; такъ въ немногіе дни уже Господь прославилъ своего угодника.

Великій Князь написалъ бывшія чудеса отъ мощей Святаго и, пришедши въ славный градъ свой Владиміръ, въ день праздничный, въ соборномъ храмѣ, провозгласилъ ихъ съ амвона во услышаніе всѣхъ. Тогда и тотъ, кто нѣкогда былъ одержимъ невѣріемъ къ Святому, выступивъ изъ толпы народной, исповѣдалъ грѣхъ свой и сказалъ, какъ онъ самъ видѣлъ усопшаго Святителя, во время погребенія, съ смертнаго одра своего благословлявшаго народъ на обѣ стороны; слышавъ сіе Князь и клиръ и народъ, единогласно прославили Бога, прославляющаго своихъ угодниковъ. Знаменія и чудеса продолжались при его гробѣ и многіе принимали исцѣленіе отъ святыхъ мощей, но бо̀льшею частію втайнѣ, ибо угодникъ Божій и по смерти сохранялъ свое смиреніе, втайнѣ исцѣляя сокровенныя болѣзни.

Благовѣрный Князь Іоаннъ исполнилъ завѣтъ, данный имъ Святителю, и довершилъ соборный храмъ во имя Успенія Богоматери, съ придѣломъ поклоненія честныхъ веригъ Апостола Петра, гдѣ былъ погребенъ Святитель, ибо это былъ день его ангела (нынѣ же празднуется верховнымъ Апостоламъ). Іоаннъ устроилъ и для себя и для своего рода, царственную усыпальницу въ другомъ соборномъ храмѣ, во имя Архистратига Михаила, и чрезъ шестнадцать лѣтъ, послѣ преставленія Святителя, исполнилось сказанное имъ слово державному. Однажды ночью, когда спокойно спалъ Іоаннъ на одрѣ своемъ, внезапно сама собою расторглась цѣпь отъ дверей его ложницы, и послышался голосъ: «се старецъ пришелъ уже;» но не было никого видно, кто бы произнесъ сіи слова; быть можетъ, это былъ и самъ Святитель, обѣщавшій предварить Князя. Уразумѣлъ Іоаннъ исполненіе пророчества великаго чудотворца Петра, и ни мало не медля, все оставивъ, удалился въ обитель Преображенія Господня, такъ называемую Спасъ на бору, которую самъ устроилъ на княжескомъ дворѣ своемъ. Здѣсь онъ постригся и въ скоромъ времени преставился къ Господу. Въ десятой степени происходилъ онъ отъ святаго Владиміра, присовокупляетъ Святитель Кипріанъ; но изъ всѣхъ Великихъ Князей, до него бывшихъ, первый носилъ благодатное имя Іоанна, которое знаменуетъ благодать, и Господь даровалъ ему, для

духовной его пользы, благаго совѣтника, преславнаго Петра Митрополита.

Однако, еще при жизни его, прославился сей великій Святитель. Нѣсколько времени спустя послѣ его преставленія, Ѳеогностъ поставленъ былъ въ Царьградѣ, отъ Патріарха Исаіи, Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, и пришедши на свою каѳедру, когда услышалъ о исцѣленіяхъ, бывающихъ отъ раки чудотворца, немедленно возвѣстилъ о томъ святѣйшему Патріарху. Исаія созвалъ Соборъ въ Царьградѣ, прочтено было писаніе Митрополита, и всѣ единогласно прославили Господа, а Патріархъ соборною грамотою извѣстилъ Митрополита о рѣшеніи всего Собора.

«Преосвященный Митрополитъ всея Руси, всечестной и возлюбленный во Святомъ Духѣ братъ и сослужитель нашего смиренія! Благодать и миръ отъ Бога твоему святительству; мы пріяли твое писаніе, извѣщающее насъ о томъ, какъ былъ прославленъ отъ Бога, по смерти своей, прежде тебя бывшій Святитель той же святой Церкви Петръ, какъ ближній служитель и угодникъ Господа, и что великія отъ него совершаются чудеса и всякія исцѣляются болѣзни. Возрадовались мы и возвеселились духомъ и должное воздали славословіе Богу. Посилку же спрашиваетъ насъ твое святительство: какъ сотворить тебѣ съ его святыми мощами?—то ты самъ вѣдаешь, какой имѣетъ тому чинъ святая

Божія Церковь, ибо есть о томъ извѣщеніе и непзмѣнно соблюдается уставъ церковный. Посему и твое святительство, священными пѣснями и славословіями да почтетъ угодника Божія; причти его къ ликамъ тѣхъ, которые въ прежніе годы пріяли похвалу и славу отъ прославившаго ихъ Бога, коего благодать да будетъ съ тобою.»

Когда получено было писаніе сіе Митрополитомъ Ѳеогностомъ, онъ возвѣстилъ о томъ Великому Князю и клиру церковному и всему народу, и учрежденъ былъ свѣтлый праздникъ Святителю Петру, который доныне совершается къ утѣшенію многихъ, ибо, какъ отъ обильнаго источника, почерпаются отъ него исцѣленія душевныя и тѣлесныя. Никогда еще въ землѣ Русской не было столь торжественнаго прославленія святыхъ угодниковъ, хотя уже и многіе изъ нихъ просіяли на тверди церковной, ибо здѣсь вся великая Церковь Константинопольская, еще прежде нашей отечественной, торжественно провозгласила святость человѣка Божія и верховнаго Святителя земли Русской Петра чудотворца.

Приложу къ сему и о себѣ, нѣкую малую душеполезную повѣсть и потомъ умолкну, говоритъ Святитель Кипріанъ. Прежде сихъ лѣтъ, не знаю, какими судьбами, которыя только вѣдаетъ одинъ Богъ, и я смиренный возведенъ былъ на высокій престолъ митрополіи Русской, святѣйшимъ Патріархомъ Филоѳеемъ и всѣмъ

освященнымъ Соборомъ; но по пришествіи моемъ въ землю Русскую, случилось мнѣ нѣчто сопротивное по грѣхамъ моимъ. Когда настало третье лѣто, опять устремился я въ Царьградъ, и достигнувъ туда по многимъ трудамъ и искушеніямъ, въ надеждѣ на утѣшеніе, обрѣлъ тамъ напротивъ того всякое нестроеніе въ Царяхъ и Патріархахъ, ибо на патріаршемъ престолѣ сидѣлъ зловозведенный Макарій, дерзнувшій восхитить оный, безъ соборнаго избранія, однимъ лишь царскимъ изволеніемъ, а блаженный Филоѳей, столько лѣтъ украшавшій Вселенскій престолъ, былъ низведенъ по клеветамъ и заключенъ въ монастырѣ, гдѣ и предалъ душу свою въ руки Божіи. Вскорѣ однако и Царь, его оскорбившій, утратилъ царство, и Макарій низверженъ былъ соборно и преданъ заточенію. Тринадцать мѣсяцевъ пробылъ я тогда въ Царьградѣ и невозможно было мнѣ изъ него выдти, ибо великая нужда облегала тогда царствующій градъ: моремъ обладали Латины, а землею безбожные Турки, и въ такомъ затворѣ напала на меня нестерпимая болѣзнь, такъ что едва остался въ живыхъ; но какъ только пришелъ въ себя, призвалъ я на помощь Святителя Петра, говоря: «рабъ Божій, угодникъ Спасовъ, знаю что ты имѣешь великое дерзновеніе къ Богу и можешь напастствуемымъ и больнымъ помочь, сколько пожелаешь; и такъ, если тебѣ угодно, чтобы дошелъ я до твоего престола и поклонился твоему

гробу, дай мнѣ помощь и облегченіе отъ болѣзни.» Вѣруйте мнѣ, свидѣтельствуетъ Кипріанъ, что съ того часа престала нестерпимая болѣзнь, и чрезъ нѣсколько дней вышелъ я изъ царствующаго града, и поспѣшеніемъ Божіимъ и его угодника, пришелъ и поклонился чудотворному гробу, въ престольный градъ Москву, гдѣ съ великою честію и радостію принялъ насъ благовѣрный Великій Князь Димитрій, внукъ славнаго Князя Іоанна. Таковы дѣянія сего великаго Святителя и Чудотворца!

(Изъ книги Степенной Томъ 1.)

СТРАДАНІЕ

БЛАГОВѢРНОЙ КНЯГИНИ ІУЛІАНИ ВЯЗЕМСКОЙ.

При державѣ благовѣрнаго Великаго Князя Василія Дмитріевича, сына Донскаго, пришелъ изъ Великаго Новгорода въ Москву, служить Государю, Князь Георгій Святославичь Смоленскій и былъ поставленъ намѣстникомъ въ Торжокъ. Былъ у него служилый Князь Спмеонъ Мстиславичь Вяземскій, который имѣлъ въ супружествѣ благовѣрную Княгиню Іуліанію; она была украшена цѣломудріемъ и всѣми божественными добродѣтелями и, хотя сіяла тѣлесною красотою, но еще болѣе душевнымъ благообразіемъ.

Позавидовалъ ея добродѣтели древній врагъ, и воздвигъ противъ нея Князя Георгія; уязвился онъ нечистою страстію, но благовѣрная бѣжала беззаконія; иногда съ гнѣвомъ, иногда съ мольбою увѣщавала она Князя, чтобы не осквернялъ ложа ея супруга, будучи готова скорѣе умереть,

и угрожая даже оружіемъ въ случаѣ насилія. Когда же однажды силою хотѣлъ ее побѣдить, она мужески ударила его ножемъ въ мышцу.

Ярости и позора исполнился Князь Юрій, помрачилось лице его; онъ угрожалъ ей смертною казнію, но видя что не можетъ побѣдить твердой души ея, ибо не смотря на немощь женскую, пребывала неколебимою и съ лицемъ свѣтлымъ готовилась на смерть, рѣшился вдругъ на два злодѣйства: ревность присовокупилась къ нечистой его страсти; своею рукою убилъ онъ невиннаго вѣрно служившаго ему Князя Симеона, за то лишь что былъ супругъ цѣломудренной Іуліаніи, а ей самой велѣлъ отсѣчь руки и ноги, и бросить въ рѣку Тверцу; такъ увѣнчалась она вѣнцомъ мученическимъ и, вмѣсто бѣдственной жизни, получила небесное царство.

Нѣсколько дней спустя, шелъ нѣкто разслабленный по берегу рѣки и увидѣлъ святое тѣло плывущее противъ теченія; ужасъ объялъ его и не могъ онъ двинуться съ мѣста, но въ тотъ же часъ пришло ему исцѣленіе отъ святыхъ мощей и былъ ему голосъ: «человѣкъ Божій, иди, не бойся, въ городъ Торжокъ въ соборную церковь, скажи протопопу и братіи, чтобы взяли отсюда грѣшное мое тѣло и погребли у себя въ церкви, съ правой стороны у полуденныхъ дверей.» Радостно устремился исцѣленный, съ вѣстію въ соборъ, и весь клиръ церковный, со множествомъ народа, поспѣшилъ за версту отъ города на ука-

занное мѣсто; тамъ положили честное тѣло въ каменную раку и принесли въ соборъ, много болящихъ получили тогда исцѣленіе. Все сіе записано въ книгѣ степенной, а имена двухъ невинныхъ жертвъ и того, кто былъ виною ихъ смерти, поминаются въ однихъ же синодикахъ милосердною Церковію.

Случилось въ 1598 году, что соборный діаконъ Іоаннъ, никому не открывъ своей мысли, дерзнулъ самъ собою осмотрѣть святыя мощи; постившись сорокъ дней въ великомъ подвигѣ и со многими слезами, одинъ взошелъ онъ въ церковь и началъ копать землю тамъ, гдѣ была гробница Святой; но трепетъ напалъ на него и внезапно огнь, изшедшій изъ гроба, его опалилъ; съ воплемъ упалъ онъ на помостъ церковный и ослабъ всѣми членами такъ, что не могъ двинуться; былъ къ нему голосъ: «не трудись напрасно, отче, не подобаетъ тебѣ видѣть грѣшное мое тѣло, доколѣ не благоизволитъ Богъ.» Отъ полудня и до вечера лежалъ онъ на помостѣ; такъ обрѣлъ его пономарь, пришедшій къ вечернѣ и возвѣстилъ братіи; собрался народъ и съ трепетомъ смотрѣлъ на разслабленнаго, который исповѣдалъ грѣхъ свой предъ всѣми людьми. Онъ оставался два мѣсяца въ разслабленіи. Домашніе, жена и дѣти, усердно молились о его исцѣленіи, которое получилъ наконецъ на гробѣ мученицы и потомъ многіе еще годы служилъ въ соборной церкви.

Въ 1811 году, на второй недѣлѣ великаго поста, постигла внезапная болѣзнь жену соборнаго протоіерея Артемія: приключилось ей затмѣніе ума и очей и страхованіе, и много она страдала, доколѣ, въ день памяти преподобной, обѣщавъ соборный молебень мученицы, не освободилась отъ болѣзни ея молитвами. Три года спустя, по разобраніи стараго каменнаго собора и при выбираніи изъ земли бутоваго камня, открылся каменный гробъ благовѣрной Княгини Іуліаніи близь того мѣста, гдѣ была наружная ея гробница, и множество народа, притекавшаго съ вѣрою и моленіемъ, получали исцѣленіе. Болѣе пятидесяти такихъ исцѣленій записано въ книгѣ, которая хранится въ соборѣ при гробѣ преподобной.

(Изъ рукописи хранящейся при соборѣ.)

22-го Декабря, святой великомученицы Анастасіи, узорѣшительницы.

23-го, возсіяла деннница мучениковъ, десяти пострадавшихъ въ Критѣ, которые предозаряютъ намъ раждаемаго въ вертепѣ.

Въ тотъ же день память Св. Архіепископа Новгородскаго Ѳеоктиста.

ПАМЯТЬ

СВЯТАГО АРХІЕПИСКОПА ѲЕОКТИСТА.

Мало сохранилось извѣстій о подвигахъ сего угодника Божія, при его жизни, но многія исцѣленія прославили его послѣ блаженной кончины. Постриженный въ обители Благовѣщенской, которую основали два святые брата, Іоаннъ и Григорій, бывшіе потомъ оба Владыками Новгорода, онъ воспріялъ, сперва ихъ игуменство, а потомъ и каѳедру Софійскую. Самъ Митрополитъ всея Руси, Максимъ, съ Епископами: Ростовскимъ Симеономъ и Тверскимъ Андреемъ, приходили въ великій Новгородъ, для посвященія Архіепископа Ѳеоктиста въ 1300 году, и это былъ первый случай такого духовнаго торжества въ древнемъ храмѣ Св. Софіи. Памятниками краткаго святительства блаженнаго Ѳеоктиста, остались два храма, освященные имъ въ великомъ Новгородѣ:

Князей мучениковъ Бориса и Глѣба и Святыхъ Отецъ перваго вселенскаго Собора, на княжескомъ дворѣ. Но послѣ осмилѣтняго правленія, отошелъ онъ опять на безмолвіе въ обитель Благовѣщенскую, куда влекли его иноческіе обѣты, и тамъ, чрезъ три года, окончилъ святую жизнь въ подвигахъ постническихъ. Замѣчателенъ рядъ святыхъ между Владыками великаго Новгорода: Святители Іоакимъ, Лука, Никита, Нифонтъ, Аркадій, Іоаннъ, Григорій, Θеоктистъ, Моисей, Василій, Евѳимій, Іона, Θеофилъ, Геннадій и Серапіонъ, представляютъ священный сонмъ угодниковъ Божіихъ, болѣе многочисленный, нежели на какой либо изъ прочихъ каѳедръ епископскихъ въ Россіи. Первое прославленіе Святителя Θеоктиста, открылось по прошествіи болѣе 300 лѣтъ послѣ его кончины, въ царствованіе Алексія Михайловича.

Былъ въ великомъ Новгородѣ, въ домѣ Премудрости Божіей, клирикъ, по имени Θеодоръ, занимавшійся иконописаніемъ; онъ первый написалъ ликъ Святителя Θеоктиста, въ молитвенномъ положеніи предъ иконою Благовѣщенія. Однажды спросили его: «чей это образъ, еще недоконченный?» и онъ отвѣчалъ: «Святителя Θеоктиста Архіепископа Новгородскаго; дьякъ царскій Иванъ Зиновьевъ, по явленію, бывшему его женѣ, заказалъ икону; а я пишу съ первообразнаго подобія, которое сохранилось на стѣнѣ, въ паперти соборной Св. Софіи, гдѣ есть лики и

прочихъ Святителей Новгородскихъ.» — Явленіе сіе случилось такимъ образомъ: супруга дьяка, Іуліанія, долго страдала внутреннею болѣзнію и потеряла уже всякую надежду на исцѣленіе. Однажды ночью, предсталъ ей, во снѣ, священолѣпный мужъ и сказалъ: «поищи гробъ Архіепископа града сего Ѳеоктиста и получишь исцѣленіе;» она объявила о томъ мужу, и дьякъ началъ распрашивать о гробѣ Святителя Ѳеоктиста. Многіе о томъ не знали, другіе же, болѣе опытные въ лѣтописяхъ, зная, кѣмъ основана обитель Благовѣщенская, говорили, что тамъ почиваетъ блаженный. Туда привелъ болящую свою супругу дьякъ царскій и, совершивъ панихиду по блаженномъ Ѳеоктистѣ, роздалъ обильную милостыню братіи, прося ее помолиться о здравіи рабы Божіей Іуліаніи. Съ тѣхъ поръ получила она облегченіе и вскорѣ совершенно исцѣлилась; по сему Іоаннъ впервые велѣлъ написать ликъ Святителя Ѳеоктиста, чтобы поставить въ бывшей его обители Благовѣщенской, ибо великую возъимѣлъ къ нему вѣру. Истину сего исцѣленія засвидѣтельствовалъ іерей Симеонъ, церкви преподобнаго Варлаама Хутынскаго, что на Ярославлемъ дворищѣ, который совершалъ молебное пѣніе и домашнее правило у сего дьяка царскаго.

Нѣсколько лѣтъ спустя, намѣстникъ Новгородскій Князь Василій Ромодановскій, имѣя теплую вѣру къ угодшику Божію Ѳеоктисту, въ 1664

году, велѣлъ очистить отъ развалинъ гробъ его, среди остатковъ Благовѣщенской церкви, и устроить надъ нимъ, сперва часовню съ надгробнымъ ликомъ Святителя, а впослѣдствіи каменную церковь, которая и до нынѣ существуетъ. Между тѣмъ продолжались исцѣленія надъ его мощами, ибо не переставалъ онъ изливать благодать на бывшую свою паству, великій Новгородъ. Въ числѣ многихъ чудесъ, въ свое время записанныхъ, мы упомянемъ только о болѣе замѣчательныхъ. Въ 1700 году, дочь Знаменскаго священника Евпла, ослѣпшая послѣ долговременной болѣзни, прозрѣла надъ самымъ гробомъ Святителя, и то же чудо случилось съ дочерью священника Ильинской церкви; а у купца Аѳанасія, девятилѣтній отрокъ, бывшій безъ языка, впервые проговорилъ, послѣ молебна у раки Святителя.

Купецъ Никита Кошинъ, обрадованный исцѣленіемъ своей жены при мощахъ Св. Ѳеоктиста, написалъ по обѣщанію икону Святителя, для покрова гробницы, и испросилъ у Владыки Новгородскаго дозволеніе, крестнымъ ходомъ отнести покровъ сей въ церковь Благовѣщенія, за городомъ, гдѣ почивалъ Святой, потому что много немощныхъ и страждущихъ исцѣлялись надъ его гробомъ; съ тѣхъ поръ еще бо́льшую возъимѣли къ нему вѣру жители великаго Новгорода.

Въ 1710 году, съ погоста Вяжицкаго кресть-

янская дочь Марія, двадцать лѣтъ страдавшая разслабленіемъ и уже три года отъ того ослѣпшая, будучи приведена въ обитель, ко гробу Святаго Ѳеоктиста, съ вѣрою и благоговѣніемъ облобызала ликъ его и въ то же время исцѣлилась. Женѣ Новгородскаго дворянина Силы Корсакова, долго страдавшей внутреннею болѣзнію, явился во снѣ невѣдомый мужъ, въ архіерейской одеждѣ, и велѣлъ итти на гробъ Святителя Ѳеоктиста; исполнила она таинственное повелѣніе и получила исцѣленіе при гробѣ. И другое подобное явленіе было вдовѣ купеческой Маріи, въ 1714 году, которая цѣлый годъ не могла владѣть руками и ногами. Съ вѣрою вспомнила она Святителя Ѳеоктиста и начала молить его со слезами, о своемъ исцѣленіи; вскорѣ впала въ тонкій сонъ, и увидѣла благолѣпнаго старца, который сказалъ ей: «жено, исцѣляетъ тебя Христосъ!» Въ тотъ же часъ получила она исцѣленіе, какъ сама потомъ разсказывала игумену и братіи, когда пришла исполнить обѣтъ свой надъ гробомъ Святаго.

Было и третіе явленіе Святаго, вдовѣ пономарской Евдокіи, которую укорилъ священнолѣпный старецъ, въ ночномъ видѣніи: «для чего напрасно врачуется отъ скверныхъ волхвовъ?» Разслабленная велѣла сыну своему, вести себя на гробъ Святителя Ѳеоктиста, и въ ту же минуту получила исцѣленіе. До десяти подобныхъ исцѣленій, отъ совершеннаго разслабленія, и еще

нѣсколько отъ иныхъ болѣзней, записано было при гробѣ Святаго и возбуждало къ нему постоянную вѣру народную. Послѣднее совершилось въ 1729 году: посадскій человѣкъ Софроній, послѣ продолжительной болѣзни, исцѣлился, отслуживъ молебень при гробѣ Святаго.

Святѣйшій Сунодъ разрѣшилъ, въ исходѣ минувшаго столѣтія, по ходатайству Митрополита Гавріила, перенести мощи Св. Θеоктиста, изъ упраздненнаго сосѣдняго монастыря Благовѣщенія въ Юрьевъ, и они положены подъ спудомъ, въ среброкованной ракѣ, по лѣвую сторону алтаря. Архимандритъ Фотій устроилъ подлѣ и малый придѣлъ, во имя Святителя Θеоктиста, соотвѣтствующій противулежащей ризницѣ. Память краткаго правленія Θеоктистова не могла когда либо придти въ забвеніе въ обители Юрьевской, ибо съ его времени настоятели ея получили званіе Архимандритовъ и первымъ изъ нихъ былъ Кириллъ; такимъ образомъ тому же Владыкѣ, при коемъ возвеличилась обитель, суждено было впослѣдствіи и самому принять отъ нея достойное воздаяніе чести.

(Изъ сборника житій Святыхъ Новгородскихъ, хранящагося въ библіотекѣ духовной Семинаріи).

24-го Декабря, Св. преподобномученицы Евгенiи, и продолженiе предпразднества Рождества Христова. Умилителенъ тропарь: «написовашеся иногда со старцемъ Iосифомъ, яко отъ сѣмени Давидова, въ Вѳлеемѣ Маріамь, чревоносящи безсѣменное рожденiе: паста же время рождества, и мѣсто ни едино же бѣ обиталищу: но яко же красная палата, вертепъ Царицъ показашеся, Христосъ раждается прежде падшiй воскресити образъ.»

25-го Декабря Рождество Спасителя нашего Господа Iисуса Христа.

«Рождество твое, Христе Боже нашъ, возсiя мiрови свѣтъ разума: въ немъ бо звѣздамъ служащiи, звѣздою учахуся, тебѣ клапятися солнцу правды, и тебе видѣти съ высоты востока: Господи, слава тебѣ.»

«Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ, и земля вертепъ неприступному приноситъ. Ангели съ пастырьми славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися Отрока младо, превѣчный Бѣгъ.»

26-го числа, Соборъ Пресвятыя Богородицы, и память святаго священномученика Евѳимiя, Епископа Сардiйскаго.

27-го, святаго Апостола, первомученика и архидіакона Стефана, и преподобнаго отца нашего и исповѣдника Ѳеодора начертаннаго. Замѣчателенъ кондакъ Святому Стефану: «Владыка вчера намъ плотію прихождаше, и рабъ днесь отъ плоти исхождаше: вчера царствуяй плотію родися, днесь рабъ каменіемъ побивается, того ради и скончавается первомученикъ и божественный Стефанъ.»

28-го Декабря, святыхъ мучениковъ дву тьму въ Никомидіи сожженыхъ; отечественная же Церковь совершаетъ память преподобнаго Князя Игнатія Угличскаго, почивающаго въ Вологдѣ.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ИГНАТІЯ ВОЛОГОДСКАГО.

Подлѣ преподобнаго Димитрія Прилуцкаго покоится великій труженикъ, не въ его обители подвизавшійся, но въ ней обрѣтшій себѣ послѣднее успокоеніе отъ тридцати шести лѣтнихъ темничныхъ узъ. Это Князь инокъ Игнатій, въ мірѣ Іоаннъ, сынъ Князя Андрея Угличскаго и внукъ Василія Темнаго, страдавшій всю свою жизнь за то лишь, что былъ происхожденія княжескаго, — политическая жертва Іоанна III, когда собиралъ онъ во едино Русь, уничтожая удѣлы. Игнатій былъ какъ бы приготовленъ, отъ юныхъ дней, кротостію нрава и глубокимъ изученіемъ Св. писанія, къ перенесенію горькой своей участи, ибо, чуждаясь суеты міра и почестей княжескаго званія, онъ непрестанно

имѣлъ въ умѣ своемъ память смертную. Ему было не болѣе тринадцати лѣтъ, когда возимѣлъ неудовольствіе Великій Князь Московскій Іоаннъ Васильевичь на брата своего роднаго, Князя Андрея Углицкаго. Онъ велѣлъ посадить его въ оковы, вмѣстѣ съ малолѣтными дѣтьми, Князьями Іоанномъ и Димитріемъ, и заключилъ ихъ въ Переяславскую темницу; оттуда заточилъ на Бѣлоозеро; потомъ, по смерти родителя, перевелъ юныхъ сыновей въ Вологду, не освобождая ихъ однако изъ темничнаго заключенія. Тамъ, не зная ничего краснаго изъ міра сего, отъ юношескаго возраста достигли они мужества и старшій изъ нихъ даже скончался въ узахъ.

Блаженный Князь Іоаннъ, исполненный благоразумія христіанскаго, утѣшалъ брата своего Димитрія, когда малодушествовалъ въ темницѣ. «Не скорби, братъ мой, о своихъ узахъ, говорилъ онъ. Богъ внушилъ дядѣ нашему, Государю Великому Князю Іоанну Васильевичу, позаботиться о пользѣ нашихъ душъ; ибо онъ такъ устроилъ, чтобы отнять у насъ всякое попеченіе о суетномъ мірѣ; мы же должны молить Бога о Государѣ нашемъ и дядѣ, и дѣтяхъ его, потому что они сдѣлались ходатаями нашего спасенія и, приготовивъ намъ мѣсто покойное, пекутся о душахъ и тѣлахъ нашихъ. Помолимся, чтобы Господь и намъ послалъ свою милость, дабы съ радостію претерпѣли мы за-

творъ сей, во имя Господа нашего Іисуса Христа, и тѣмъ избавились отъ вѣчной муки. Не скорбнымъ ли путемъ шествовали всѣ святые отцы, вводящимъ въ царство небесное? Претерпѣвая и голодъ, и стужу, и наготу, въ темницахъ и ранахъ и во всякомъ лишеніи, они однако проводили жизнь свою во псалмахъ и пѣніяхъ и въ чтеніи божественныхъ книгъ. Такъ и намъ подобаетъ, уничижая самихъ себя, поревновать имъ благою ревностію, чтобы безропотно подражать ихъ злостраданіямъ, терпѣнію и болѣзни.»

Такъ умилительно утѣшалъ онъ брата, и Господь даровалъ ему въ подвигѣ благодать слезъ и ангельское терпѣніе. Тридцать два года провелъ онъ въ узахъ темничныхъ и, разболѣвшись, началъ изнемогать; почувствовавъ близость кончины, пожелалъ онъ монашескаго образа. Игуменъ Прилуцкаго монастыря Михаилъ призванъ былъ къ одру умирающаго и, видя его пламенную вѣру, облекъ его въ схиму, съ именемъ Игнатія. Возрадовался ангельскому своему образу стяжавшій его на землѣ труженикъ и, причастившись божественныхъ тайнъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и произнесъ послѣднее слово: «въ руцѣ твои, Господи, предаю духъ мой.» Такъ преставился въ вѣчныя обители, Мая 19, 1522 года, сорока пяти лѣтъ отъ рожденія, уже при державѣ двоюроднаго брата своего, Василія Іоанновича.

Безутѣшный братъ его Князь Димитрій, горько рыдалъ надъ усопшимъ, взывая къ нему какъ бы къ живому: «о другъ и братъ мой! нынѣшнее наше разлученіе горьше мнѣ всего бывшаго со мною, ибо когда лишился я родителя, тебя имѣлъ утѣшеніемъ въ сей темницѣ; горе мнѣ, кто нынѣ утѣшитъ и наставитъ меня и облегчитъ мою печаль? Отче преподобный, ты оставилъ меня одинокимъ плакать о грѣхахъ моихъ въ темницѣ!» Но когда плачущій взиралъ на свѣтлое лице усопшаго, не имѣвшее на себѣ никакого признака мертвенности, и обонялъ запахъ благоуханія, разливавшійся отъ его тѣла, сердце его облегчалось отъ тяжкой печали, ибо предчувствовалъ райское блаженство своего брата. Весь городъ собрался къ темницѣ, услышавъ о преставленіи блаженнаго Князя, котораго всѣ уважали въ его невинныхъ узахъ; игуменъ Михаилъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ великою честію, перенесъ тѣло страдальца въ свою обитель, къ Всемилостивому Спасу; тамъ похоронилъ его подъ олтаремъ, подлѣ преподобнаго Димитрія.

Еще прежде погребенія, уже начались исцѣленія отъ нетлѣнныхъ мощей усопшаго. Одна разслабленная жена Вологодская, по имени Александра, многіе годы лежавшая на болѣзненномъ одрѣ, услышавъ о кончинѣ благовѣрнаго Князя, начала молитвенно призывать его имя и почувствовала облегченіе; она велѣла вести себя

вслѣдъ за погребальнымъ ходомъ и, какъ только прикоснулась къ его гробу, совершенно окрѣпла всѣми членами. И другой человѣкъ, по имени Михаилъ, близь обители Прилуцкой, изнемогавшій смертною болѣзнію, услышавъ о погребеніи блаженнаго Князя, велѣлъ нести себя въ церковь и получилъ исцѣленіе надъ его гробомъ; многіе другіе, прибѣгавшіе къ нему съ вѣрою, получали отъ него разрѣшеніе болѣзней.

Разсказываютъ еще замѣчательный случай при мощахъ преподобнаго Князя: каменьщикъ, по имени Давидъ, жившій въ слободѣ Прилуцкой, призванъ былъ въ обитель, чтобы устроить каменную гробницу надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ положены святыя мощи его, и по невѣжеству своему сѣлъ на сію гробницу; но въ ту же минуту былъ пораженъ болѣзнію, которою страдалъ нѣсколько дней, доколѣ, познавъ свое согрѣшеніе, не пришелъ просить себѣ прощенія надъ гробомъ преподобнаго.

Братъ Князя инока Игнатія, Димитрій, еще нѣсколько лѣтъ послѣ него оставался въ темницѣ, но скончался на свободѣ и погребенъ былъ, по своему желанію въ обители Прилуцкой, при ногахъ брата, утѣшителя его въ узахъ темничныхъ. Замѣчательно, что самая икона Богоматери, бывшая келейною обоихъ Князей въ темницѣ, единственное наслѣдіе и благословеніе родительское, которое имъ осталось, доселѣ сохраняется не въ иномъ какомъ-либо мѣстѣ, кромѣ

какъ въ темницѣ, на память страдальцевъ, хотя тюрьма сія нѣсколько разъ перемѣняла мѣсто; граждане съ вѣрою притекаютъ къ сему чудотворному образу, въ острогѣ Вологодскомъ, равно какъ и къ гробовой ракѣ Князя Игнатія въ обители Прилуцкой.

(Изъ житейника рукописнаго всѣхъ Святыхъ Вологодскихъ, библ. Графа Уварова, XVII вѣка).

29-го числа, Святыхъ младенцевъ четырепадесяти тысящь, Христа ради избіенныхъ отъ Ирода въ Вѳлеемѣ Іудейскомъ; и память преподобнаго отца нашего Маркелла, игумена обители Неусыпаемыхъ.

«Звѣзда волхвы посла къ рождшемуся, и Иродъ неправедное вопиство посла люто, убити мня во яслѣхъ яко младенца лежаща.»

Въ тотъ же день, празднуется память преподобныхъ Печерскихъ: Марка, Іоанна и Ѳеофила.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНЫХЪ МАРКА, ІОАННА И ѲЕОФИЛА.

О времени подвиговъ блаженнаго Марка свидѣтельствуетъ то, что при немъ были перенесены мощи преподобнаго Ѳеодосія изъ пещеры въ великую церковь. Воспріявъ ангельскій образъ, онъ жилъ въ пещерѣ, копая въ ней своими руками многія мѣста, не только для упражненія въ трудѣ, но и для погребенія умершей братіи, и на своихъ плечахъ вынося землю: такъ всегда трудился въ богоугодномъ дѣлѣ, чая себѣ мзды на небесахъ, и никакой не пріемля на землѣ; если же кто, ради любви, принуждалъ его взять что̀–либо за копаніе гроба, то не медля раздавалъ онъ убогимъ.

Сверхъ того блаженный возложилъ на чресла свои желѣза, которыя носилъ во всю жизнь,

бодрствуя день и ночь въ молитвѣ. Не только въ пищѣ, но и въ питіи воздерживался онъ, потому что и пить позволялъ себѣ только извѣстную мѣру, сколько вмѣщалось въ мѣдный крестъ; такъ умертвилъ плоть свою, безмолвіемъ и постомъ, въ темной пещерѣ, сдѣлавшись какъ бы одинъ изъ безплотныхъ. Не только не боялся онъ смерти, но самая смерть боялась гласа его, какъ бы трубы Архангельской; такую благодать пріялъ отъ Бога преподобный Марко, что и мертвые слушались его повелѣнія. Случилось ему однажды, копая гробъ, утомиться, и не докончивъ оставить тѣсную яму; въ тотъ самый часъ умеръ давно болѣвшій братъ и не было иного мѣста для погребенія; съ трудомъ могли его вложить въ ископанную могилу, и былъ ропотъ братіи на Марка, что нельзя по чину погребсти мертваго и возлить на него елея. Пещерникъ, кланяясь всѣмъ со смиреніемъ, говорилъ: «простите мнѣ, отцы, по немощи моей не докончилъ.» Слыша однако, что продолжается ропотъ, сказалъ онъ мертвому: «поелику мѣсто сіе такъ тѣсно, подвигнись и самъ на себя возлей масло;» внезапно мертвый простеръ руку и, взявъ елей, возлилъ на себя крестообразно; потомъ возлегъ опять предъ лицемъ всѣхъ, объятыхъ ужасомъ отъ такого чуда.

Еще другой братъ, послѣ долгой болѣзни, умеръ, и одинъ изъ друзей, обмывши его по обычаю, пошелъ въ пещеру посмотрѣть, гдѣ бы

положить тѣло своего приснаго. Онъ спросилъ о томъ блаженнаго Марка, но пещерникъ отвѣчалъ: «пди, скажи брату, чтобы подождалъ до утра, доколѣ ископаю мѣсто, и тогда отыдетъ на вѣчный покой.»—«Отче, возразилъ братъ, кому велишь мнѣ это сказать? я уже отеръ губою мертвое его тѣло!» Но Марко опять повторилъ ему: «ты видишь, мѣсто еще не готово; пди, скажи умершему: говоритъ тебѣ грѣшный Марко, останься, братъ, еще на сей день, доколѣ не возвѣщу тебѣ о приготовленномъ мѣстѣ, на утро же отыдешь къ желаемому тебѣ Христу». Послушался инокъ и возвратился въ монастырь, гдѣ нашелъ всю братію, совершающую обычное пѣніе по усопшемъ; при всѣхъ сказалъ онъ мертвому: «Марко говоритъ тебѣ, что еще у него не готово мѣсто для тебя, подожди до утра.» При сихъ словахъ, внезапно, къ общему изумленію, открылъ глаза усопшій и душа его возвратилась; день и ночь оставался онъ еще въ живыхъ, никому ничего не говоря, но только взирая отверстыми очами. На другое утро пошелъ опять въ пещеру инокъ, узнать о мѣстѣ, и пещерникъ сказалъ ему: «пди, скажи ожившему, говоритъ тебѣ Марко, оставь теперь временный животъ сей и прейди въ вѣчный; отдай духъ твой Богу; тѣло же здѣсь въ пещерѣ со святыми отцами положено будетъ, ибо мѣсто уже готово.» Какъ только инокъ сказалъ сіе ожившему, тотъ, смѣживъ очи свои, предалъ душу въ руки Божіи.

Два брата были въ монастырѣ Печерскомъ: Іоаннъ и Ѳеофилъ, соединенные любовію сердечною отъ самой юности, имѣвшіе одинаковую ревность къ Богу. Они умолили блаженнаго Марка, устроить имъ общее мѣсто погребенія, когда призоветъ ихъ Господь. Спустя много времени, старшій братъ Ѳеофилъ былъ посланъ для потребы монастырской, а младшій Іоаннъ, угодивъ Богу, разболѣлся и умеръ, и положенъ былъ въ пещерѣ на приготовленномъ мѣстѣ. Чрезъ нѣсколько дней возвратился съ дороги Ѳеофилъ и, узнавъ о смерти брата своего, пошелъ въ пещеру съ нѣкоторыми братіями, чтобы посмотрѣть, на какомъ мѣстѣ положенъ умершій. Увидѣвъ, что положенъ въ общемъ ихъ гробѣ, на старшемъ мѣстѣ, вознегодовалъ онъ и роптalъ за сіе на Марка, говоря: «за чѣмъ положилъ его здѣсь на моемъ мѣстѣ? я старше его.» Пещерникъ, со смиреніемъ, кланяясь ему, отвѣчалъ: «прости меня, согрѣшившаго,» и обратясь къ умершему, сказалъ ему: «братъ, встань и дай это мѣсто старшему твоему брату, самъ же лягъ на низшемъ мѣстѣ.» По слову блаженнаго, мертвый всталъ и легъ на другомъ мѣстѣ, при всѣхъ предстоявшихъ, исполненныхъ ужаса отъ страшнаго сего чуда.

Тогда Ѳеофилъ, роптавшій на блаженнаго Марка, припалъ къ ногамъ его, говоря: «согрѣшилъ я, отче, подвинувъ брата съ мѣста, молю тебя, повели ему, чтобы легъ опять тамъ.» Бла-

женный же ему отвѣчалъ: «самъ Господь сотворилъ сіе, чтобы не было вражды между нами, ради твоего роптанія, и повелѣлъ тѣлу умершаго показать тебѣ любовь и по смерти, уступивъ старѣйшинство; Божіе дѣло воскрешать мертвыхъ, я же только грѣшный человѣкъ, и потому не могу самъ собою, повелѣть умершему встать и лечь опять на старшее мѣсто. Прикажи ему ты, если послушаетъ тебя; но знай и то, что тебѣ подобало, не выходя отселѣ, послѣдовать твое старѣйшинство и здѣсь немедленно быть положеннымъ; но такъ какъ ты не готовъ еще къ исходу, иди, попекись о спасеніи души твоей и чрезъ нѣсколько дней будешь сюда принесенъ.» Услышавъ сіе, Ѳеофилъ огорчился и ужасъ объялъ его, ибо думалъ что тутъ же умретъ; онъ не надѣялся даже дойти до монастыря и, пришедши въ келлію, плакалъ неутѣшно. Онъ роздалъ все, что имѣлъ, оставивъ при себѣ только одну одежду и мантію, всякій день ожидая смертнаго часа, и никто не могъ удержать его отъ горькаго плача, или заставить вкусить отъ сладкихъ брашенъ; слезы ему были хлѣбомъ день и ночь; всякое утро омывалъ онъ лице свое слезами, не зная, достигнетъ ли вечера. Съ приближеніемъ же ночи, свѣтъ очей своихъ помрачалъ также слезами, говоря: «кто знаетъ, проживу ли я до утра? многіе заснули уже сномъ вѣчнымъ отходя къ временному покою; какъ же я могу надѣяться остаться живымъ, когда получилъ уже

извѣщеніе о близкой моей кончинѣ?» Ѳеофилъ слезно молилъ Господа, чтобы по неизреченнымъ щедротамъ своимъ, далъ ему время покаяться, и такимъ подвигомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, до того утончилъ плоть свою, что можно бы перечесть всѣ его кости, и отъ многаго плача, лишился свѣта очей своихъ.

Преподобный Марко, провидѣвъ часъ отшествія своего къ Господу, призвалъ къ себѣ Ѳеофила и сказалъ ему: «прости меня, братъ, за то что оскорбилъ тебя на много лѣтъ, и моли обо мнѣ Бога, ибо уже отхожу отъ міра сего; я же не забуду молиться и за тебя, чтобы сподобилъ насъ обоихъ Господь Богъ, узрѣвъ пресвятое лице его, свидѣться тамъ другъ съ другомъ и пребывать вмѣстѣ съ преподобными отцами нашими; Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими.» Тогда Ѳеофилъ, со слезами, отвѣчалъ ему: «отче, за чѣмъ меня оставляешь? возми и меня съ собою, или дай мнѣ здѣсь прозрѣніе; знаю, что за грѣхи мои я бы долженъ умереть въ пещерѣ, когда ты воскресилъ брата моего, но Господь, ради святыхъ твоихъ молитвъ, пощадилъ меня, ожидая моего покаянія, и нынѣ ты можешь подать мнѣ то, о чемъ тебя молю. Пусть отойду съ тобою къ Господу, или прозрю».

Но преподобный Марко отвѣчалъ: «не скорби, братъ мой, что Бога ради помрачился ты тѣлесными очами, ибо духовными прозрѣлъ къ истинному разумѣнію. Я даже радуюсь, что

былъ виною твоему ослѣпленію и возвѣстилъ тебѣ смерть, желая сдѣлать пользу душѣ твоей, и плотское твое высокоуміе привести къ смиренію, ибо сердца сокрушенна и смиренна, Богъ не уничижитъ. Нѣтъ тебѣ нужды видѣть сей маловременный свѣтъ, но проси у Господа, да узришь славу его во свѣтѣ присносущномъ, и не желай смерти, ибо придетъ, хотябы ты и не желалъ. Но вотъ что послужитъ тебѣ знаменіемъ твоей кончины: за три дня до ися, ты прозришь и потомъ отоїдешь къ Господу, чтобы тамъ созерцать нескончаемый свѣтъ.» Предсказавъ такимъ образомъ Ѳеофилу о его кончинѣ, самъ блаженный Марко оставилъ земную жизнь, чтобы продолжать ее на небесахъ съ Начальникомъ жизни и воскресенія.

Святыя мощи его положены были въ пещерѣ, гдѣ самъ себѣ ископалъ гробъ, и доселѣ источаютъ вѣрующимъ исцѣленія; тамъ и желѣза, которыя на себѣ носилъ, и крестъ мѣдный, освященный его устами, изъ коего пилъ; и доселѣ піющіе изъ него, съ постомъ, святую воду, пріемлютъ врачеваніе своимъ недугамъ, свыше всѣхъ врачебныхъ водъ.

Горько плакалъ Ѳеофилъ о лишеніи своего наставника и столь велико было обиліе его слезъ, что наполнился ими цѣлый сосудъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, ибо имѣлъ обычай плакать надъ скудѣльнымъ сосудомъ; возвратился ему и свѣтъ очей, по предсказанію преподобнаго и,

уразумѣвъ скорое свое отшествіе, прилежно онъ помолился, «да будутъ слезы его пріятны Богу, молитвами преподобныхъ Печерскихъ и всѣхъ Святыхъ.» Еще пламенная молитва была на устахъ его, когда, въ образѣ краснаго юноши, предсталъ ему Ангелъ Господень и сказалъ: «ты хорошо молишься, Ѳеофилъ, но для чего хвалишься суетою слезъ твоихъ, собранныхъ тобою въ сосудъ? Вотъ и другой сосудъ, гораздо бо̀льшій, исполненный благоуханія, какъ бы отъ драгоцѣннаго мура; въ немъ тѣ слезы, которыя молитвенно изліялъ ты къ Богу и отеръ рукою, или краемъ одежды, или уронилъ на землю; я ихъ всѣ собралъ въ этотъ сосудъ и сохранилъ повелѣніемъ моего Владыки, и нынѣ посланъ возвѣстить тебѣ радость, чтобы съ веселіемъ ты отошелъ къ тому, кто сказалъ: блаженни плачущіи, яко тіи утѣшатся.» (Матѳ. V, 4.) Сказавъ сіе, оставилъ сосудъ и сталъ невидимъ.

Блаженный Ѳеофилъ, призвавъ игумена, открылъ ему свое видѣніе и показалъ оба сосуда, исполненные слезъ, одинъ своей, другой Ангельскій благовонный, которые просилъ при погребеніи, излить на его тѣло. Дѣйствительно, въ третій день послѣ своего прозрѣнія, преставился Ѳеофилъ и тѣло его было положено въ пещерѣ, вмѣстѣ съ любимымъ его братомъ Іоанномъ, близь преподобнаго Марка; при погребеніи помазали его муромъ отъ сосуда Ангельскаго, такъ что вся пещера исполнилась благовонія, а по-

томъ возлили на него и другой слезный его сосудъ, чтобы сѣявшій на землѣ слезами, пожалъ на небеси радость.

(Изъ Патерика Печерскаго).

30-го Декабря, святой мученицы Аниси и преподобнаго Зотика; въ Церкви же отечественной совершается память преподобнаго отца нашего Даніила, игумена Переяславскаго.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ДАНІИЛА ПЕРЕЯСЛАВСКАГО.

Даніилъ, въ мірѣ Димитрій, родился въ Переяславлѣ отъ благочестивыхъ родителей, во второй половинѣ XVI вѣка, въ темную эпоху междоусобій Васильевыхъ. Еще съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ благодать Божія назначила его своимъ подвижникомъ, ибо онъ чуждался увеселеній дѣтскихъ, посвящая большую часть времени на молитву. Услышавъ однажды, при чтеніи житія Св. Симеона Столпника, что сей великій подвижникъ втайнѣ обвилъ себя власяною вервію, для усмиренія своей плоти, ревностный отрокъ рѣшился подражать ему; онъ отрѣзалъ для себя вервь, которою рыбари привязывали къ берегу ладьи, и обвилъ ею дѣтскій станъ свой столь

крѣпко, что уже начинала врастать въ тѣло, съ чрезвычайною болью; родители нечаянно увидѣли на спящемъ сей мучительный поясъ и насильно его совлекли. Обучившись грамотѣ, поступилъ онъ въ обитель Переяславльскую Столпника Никиты, къ сроднику своему игумену Іонѣ, много уважаемому Великимъ Княземъ Іоанномъ, и тамъ научился первымъ началамъ житія иноческаго. Это былъ вѣкъ великихъ подвижниковъ земли Русской, которые оставили по себѣ благую память и въ грядущихъ родахъ. Юноша Даніилъ, услышавъ о святой жизни Пафнутія Боровскаго, изъ обители коего произошли Іосифъ Волоколамскій и Святители Казанскіе: Гурій и Варсонофій, удалился въ нее съ братомъ своимъ Герасимомъ; тамъ постриглись оба и были ввѣрены иному великому подвижнику, Левкію.

Десять лѣтъ провелъ юный труженикъ въ обители Св. Пафнутія, и два года въ новой пустыни, устроенной Левкіемъ въ предѣлахъ Волоколамскихъ. Когда же дошла до него вѣсть о кончинѣ родителя Константина и постриженіи матери Ѳеодосіи, онъ возвратился опять на родину въ Переяславль: тамъ поселился уже не подъ сѣнію Столпника, но въ другой обители Горицкой, основанной супругою Донскаго, и тамъ Архимандритъ Антоній убѣдилъ его принять на себя санъ священства. Слово его и молитва служили къ назиданію многихъ и для обращенія кающихся грѣшниковъ, а благой при-

мѣръ возбуждалъ всю братію къ подражанію его духовнымъ подвигамъ. Страннолюбіе Даніила не знало предѣловъ и, по примѣру Авраама, удостоился онъ невѣдомо принять Ангеловъ, какъ и Апостолъ Павелъ сказалъ о сей наградѣ страннолюбивымъ (Евр. XIII, 2); каждый приходящій безмездно могъ найти у него кровъ и ночлегъ; въ нищелюбіи же и призрѣніи мертвыхъ онъ могъ сравниться съ Товитомъ: ибо, какъ только слышалъ о какомъ либо человѣкѣ, брошенномъ на распутіи, пострадавшемъ отъ разбойниковъ, или звѣрей, или стихій, немедленно подымался изъ своей келліи, днемъ или ночью, зимой или лѣтомъ, и самъ на раменахъ своихъ приносилъ мертвое тѣло въ скудельницу, которая находилась противъ монастыря, на пустомъ мѣстѣ. Мѣстомъ симъ владѣлъ тогда немилосердный воинъ, собиравшій деньги за каждый приносимый трупъ, и никогда не призывавшій священника для отпѣванія усопшихъ. Даніилъ часто приходилъ самъ, никѣмъ не приглашаемый, совершать память о безвѣстно преставльшихся, по христіанской любви своей не только къ живымъ, но и къ мертвымъ.

Въ монастырь Горицкій часто хаживалъ странникъ нѣмой, отъ природы ли или юродствуя Христа ради, и находилъ себѣ постоянное пристанище въ келліи преподобнаго. Однажды, при наступленіи зимы, ночью пошелъ въ церковь Даніилъ и споткнулся, какъ ему показалось, на

обрубокъ дерева; но когда осязалъ руками мнимый обрубокъ, распозналъ нѣмаго странника, который на сей разъ не искалъ у него крова. Совершивъ надъ нимъ панихиду, онъ отнесъ тѣло въ скудельницу и тамъ похоронилъ между убогими; но потомъ много скорбѣлъ, что не предалъ его землѣ въ обители Горицкой, потому что почиталъ человѣка сего за тайнаго угодника Божія. Эта печаль была впослѣдствіи виною созданія собственной его обители Троицкой, на мѣстѣ его нищелюбивыхъ подвиговъ, ибо часто Даніилъ, ночью выходя на молитву изъ своей келліи, видѣлъ необычайный свѣтъ надъ скудельницею и смиренно разсуждалъ самъ въ себѣ: «сколько тайныхъ угодниковъ имѣетъ у себя Богъ, которыхъ недостоинъ весь міръ, и мы грѣшные не удостоиваемся ихъ видѣть; они же пренебрегаются нами, и не удостоиваемые погребенія при святыхъ церквахъ, прославляются отъ него, намъ въ обличеніе.» Такое размышленіе вшушило ему мысль соорудить храмъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ видѣлся ему свѣтъ, и учредить тамъ священника для помиповенія невѣдомыхъ усопшихъ, въ числѣ копхъ и безыменный, безмолвный мужъ сей, получилъ бы участіе въ молитвѣ. Онъ еще болѣе утвердился въ своемъ благочестивомъ намѣреніи, когда игуменъ обители Никиты Столпника, Никифоръ, повѣдалъ, что и ему часто видѣлся надъ скудельницею страшный свѣтъ, и слышался тамъ звонъ. Около

того же времени, три таинственные странника, которые навсегда остались неизвѣстными преподобному и явились ему опять только въ часъ его кончины, посѣтили Даніила; внявъ его разсказу о нѣмомъ мужѣ и являвшемся свѣтѣ, они совѣтовали: «трехлѣтнимъ искусомъ ожиданія, освятить свое благое намѣреніе, чтобы видѣть, отъ Бога ли пришелъ ему такой помыслъ, ибо тогда явится и возможность его исполнить.»

По истеченіи трехъ лѣтъ, опредѣленныхъ таинственными гостьми, начало мало по малу сбываться пламенное желаніе Даніила, мужа желаній. Двое бояръ Московскихъ, братья Челядинины, бывшіе въ большой милости у Великаго Князя Василія Іоанновича, внезапно подверглись его опалѣ и принуждены были удалиться въ свое Переяславльское помѣстье; они просили преподобнаго исходатайствовать имъ опять милость царскую, молитвою у Царя царствующихъ. Случилось, что въ день, въ который принесъ за нихъ жертву Даніилъ, опять обратилось къ нимъ сердце ихъ Государя, и вѣстникъ о томъ встрѣтился съ преподобнымъ въ ихъ домѣ. Утѣшенные бояре обѣщали ему въ свою очередь исходатайствовать, у Государя и Митрополита, дозволеніе построить храмъ надъ скудельницею и исполнили свое обѣщаніе. Даніилъ самъ ходилъ въ Москву за благословеніемъ и принесъ утвердительную грамоту отъ Великаго Князя.

Онъ продолжалъ жить въ обители Горицкой.

но часто навѣщалъ мѣсто, предназначенное для храма, иногда подвергаясь тамъ искушеніямъ духовнымъ, которыя побѣждалъ силою молитвы; тамъ получалъ и ободреніе свыше къ исполненію благочестиваго желанія. Однажды невѣдомая жена вручила ему сто сребренниковъ для созиданія церкви, надъ прахомъ ея присныхъ, погребенныхъ въ скудельницѣ: ибо часто видѣла во снѣ своихъ родителей, требовавшихъ отъ нея молитвы. Въ другой разъ, и опять на томъ мѣстѣ, принесъ ему столько же денегъ безвѣстный рыбарь, котораго побудило къ тому видѣніе огня надъ пустымъ мѣстомъ скудельницы, во время ночныхъ ловлей на сосѣднемъ озерѣ, и въ третій разъ такое же даяніе принялъ Даніилъ отъ незнакомаго поселянина, котораго устрашили ночныя явленія и голоса, слышанные на скудельницѣ, гдѣ погребены были его присные.

Получивъ такимъ образомъ, во имя Св. Троицы, тройственное приношеніе, дѣятельно приступилъ Даніилъ къ созиданію храма и, по совѣту одного благочестиваго пресвитера обители Горицкой, посвятилъ новую церковь всѣмъ Святымъ, дабы Ангелы всѣхъ усопшихъ призываемы были на мѣстѣ ихъ погребенія, а если кто уже самъ находился въ ликѣ праведныхъ, то чтобы и онъ не лишился подобающаго чествованія. Цѣлію строителя была только одна церковь на божедомскомъ мѣстѣ; но вмѣстѣ съ нею

устроилась сама собою цѣлая обитель. Когда пришелъ онъ на рѣку покупать лѣсъ для постройки, одинъ изъ купцевъ, переведенныхъ изъ Новгорода въ Переяславль, еще Великимъ Княземъ Іоанномъ, старецъ почтенный по имени Ѳеодоръ, сказалъ ему: «отче, приличнѣе тутъ быть монастырю; благослови и мнѣ купить лѣсу, чтобы построить себѣ малую келлію при твоей церкви.» Сей Ѳеодоръ первый тутъ и постригся подъ именемъ Ѳеодосія, и вслѣдъ за нимъ многіе граждане Переяславльскіе и простые поселяне стали строить для себя келліи по благословенію Даніила. Вскорѣ по освященіи первой церкви, преподобный устроилъ и другую во имя Похвалы Богоматери, съ трапезою, оградилъ монастырь и поставилъ въ немъ игумена съ двумя пресвитерами, для ежедневнаго совершенія божественной литургіи и панихидъ надъ скудельницами, которыя обозначилъ крестами. Однако онъ не оставилъ самъ обители Горицкой и, какъ простой инокъ, навѣщалъ ежедневно вновь устрояемый монастырь, наставляя братію къ перенесенію подвиговъ и пропитанію себя собственными руками.

Новыя искушенія посѣтили Даніила. Тотъ же жестокій человѣкъ, который взималъ деньги за положеніе убогихъ въ скудельницу, и нѣкоторые другіе сосѣди вооружились противъ святаго и стали всѣми средствами вредить обители, но пастырскою его кротостію преклонились къ смире-

нію. Потомъ и братія возроптали на него за скудость пищи; ропотъ сей столько былъ болѣзненъ его чувствительному сердцу, что онъ уже хотѣлъ оставить обитель; но благочестивая мать его Ѳеодосія, жившая иноческою въ Переяславлѣ, удержала сына отъ малодушнаго поступка. Съ новою ревностію принялся онъ за нравственное образованіе братіи, учреждая, по силѣ каждаго, болѣе или менѣе строгости въ соблюденіи правила, и такимъ образомъ водворилъ опять миръ. Вскорѣ по кончинѣ Архимандрита Горицкаго, онъ избранъ былъ на его мѣсто, по единодушному желанію всѣхъ иноковъ, и пользуясь ихъ любовію, успѣлъ возстановить ослабѣвшій чинъ обители: ибо всѣ уважали его, какъ отца. Но не прошло и года, какъ смиренный настоятель, не смотря на всѣ убѣжденія, оставилъ архимандрію, назначивъ на свое мѣсто инока Іону, а самъ остался по прежнему простымъ старцемъ въ монастырѣ. Въ то время посѣтилъ его новую обитель Великій Князь Василій Іоанновичъ, много слышавшій о добродѣтеляхъ Даніила, и положилъ отъ себя хлѣбную дачу братіи; а старецъ, съ помощію доброхотныхъ дателей, соорудилъ еще нѣсколько церквей, и на мѣстѣ бывшей деревянной, во имя Похвалы Богоматери, построилъ каменную.

Слава его распространялась повсемѣстно. Братъ Великаго Князя, Димитрій Іоанновичъ Угличкій, часто посѣщалъ его для духовной бесѣ-

ды. Самъ Великій Князь при вторичномъ посѣщеніи, радовался красотѣ новыхъ храмовъ, и слыша на эктеніяхъ, что поминается иной игуменъ, а не Даніилъ, въ созданной имъ обители, убѣдилъ старца перейти туда на жительство, чтобы принять управленіе собранной имъ братіи. Такимъ образомъ, бывшій Архимандритъ Горицкій, послѣ тридцатилѣтняго пребыванія въ прежнемъ монастырѣ, смиренно сдѣлался игуменомъ въ новой своей обители. Его духовная дѣятельность еще болѣе умножилась послѣ сего переселенія; непрестанно укрѣплялъ онъ братію противъ искушеній, и наставлялъ приходившихъ къ нему за совѣтами, а въ голодное время кормилъ всѣхъ странныхъ и убогихъ, уповая на милость Божію, что не оскудѣетъ у него пища, и дѣйствительно не оскудѣвала. Не оставлялъ онъ и прежнихъ заботъ своихъ о умершихъ, продолжая собирать къ себѣ болящихъ, и хоронить въ скудельницѣ тѣла обрѣтаемыхъ на распутіи. Смиреніе его было столь велико, что когда путешествовалъ въ царствующій градъ, онъ сажалъ кого либо изъ братіи на свое мѣсто въ саняхъ, самъ же шелъ пѣшій подлѣ, какъ бы послушникъ; однажды, во время поднявшейся мятели, инокъ, потерявшій въ этой снѣжной бурѣ своего учителя, спасся отъ смерти только его молитвою.

Это было уже не въ первый разъ, что молитва преподобнаго спасала призывавшихъ его на помощь: знакомый ему пресвитеръ Перея-

славскій, шелъ съ другими духовными и міряна-ми въ Москву, и дорогою напала на нихъ шай-ка страшнаго въ тѣ дни разбойника Симона Во-ронова. Схваченный однимъ изъ злодѣевъ, прež-де всѣхъ своихъ товарищей, пресвитеръ призвалъ молитвенно на помощь святаго старца и, какъ бы по таинному страху сего имени, оставилъ его злодѣй, обратившись къ другимъ путникамъ. Еще одинъ изъ разбойниковъ занесъ на него мечь и, при томъ же имени, остановился: такимъ обра-зомъ, когда всѣ были ограблены и уязвлены, сей только пресвитеръ остался цѣлъ и даже со всѣмъ своимъ имуществомъ. Исполненный благодарно-сти, поспѣшилъ онъ возвѣстить о своемъ чудномъ спасеніи преподобному, но святой мужъ запре-тилъ ему о томъ говорить и еще предсказалъ будущее его избраніе въ духовника царскаго, что исполнилось десять лѣтъ спустя по смерти Даніиловой, уже при Царѣ Іоаннѣ.

Случилось въ послѣдствіи и самому Даніилу чудно спастися отъ того же страшнаго разбой-ника, на пути въ Новгородъ, куда ходилъ онъ за иконами, съ караваномъ купеческимъ, къ дру-гу своему Архіепископу Макарію, который былъ въ одно время съ нимъ постриженникомъ въ оби-тели Пафнутіевой. На ночлегѣ, въ селѣ Колязи-нѣ, подъ монастыремъ, напалъ на нихъ съ шай-кою своею Симонъ Вороновъ, и слыша, что тутъ находится Даніилъ, всячески старался найти его; но какъ бы нѣкою силою былъ удержанъ и не

могъ проникнуть въ ту храмину, гдѣ сидѣлъ старецъ; два ученика его остались также неприкосновенными въ самомъ томъ домѣ, гдѣ истязали ѣхавшихъ съ ними купцовъ. Когда же вскорѣ послѣ схвачены были разбойники и объявили у себя имущество игумена, они говорили судіямъ, что повсюду какъ сѣть раскинута была предъ ними молитва преподобнаго, различными страхами противодѣйствуя имъ въ разбояхъ. Не смотря на приглашеніе судіи, Даніилъ не хотѣлъ взять обратно своего достоянія, говоря: «довольно и того, что Господь спасъ насъ отъ руки разбойниковъ.» Вдали какъ и вблизи, равно поспѣшалъ онъ на помощь прибѣгавшимъ къ его молитвѣ. Боярин царскій Іоаннъ Воронцовъ, воевода Смоленскій, впалъ въ болѣзнь смертную и, вспомнивъ о любви къ нему преподобнаго, призвалъ имя его: внезапно ему приснилось, будто самъ Даніилъ сидитъ при его одрѣ, и въ то же мгновеніе оставила его болѣзнь, какъ онъ самъ о томъ разсказывалъ святому, посѣтивъ его обитель.

На высотѣ своего духовнаго поприща вступилъ Даніилъ въ родство духовное съ Самодержцемъ Россійскимъ. Великій Князь Василій, проникнутый благоговѣніемъ къ старцу, ибо часто прибѣгалъ къ его молитвѣ и совѣту, избралъ его въ воспріемники сыну своему Іоанну, когда Господь утѣшилъ его рожденіемъ наслѣдника. Немедленно гонецъ царскій пригласилъ въ престольный градъ двухъ великихъ подвижниковъ,

сего Даніила и Васеіана, инока Іосифова Волоколамскаго монастыря, прозваннаго босымъ; имъ сообщилъ радость свою Державный, обливаясь предъ ними благодарными слезами, и такъ говорилъ: «иже отъ небытія въ бытіе приводяй вся, всещедрый Богъ, премногія ради своея милости и молитвъ пречистыя Матери своея и всѣхъ ради Св. угодниковъ, и вашихъ прилежныхъ молитвъ, посѣтилъ меня Богъ на старость мою, и паче надежды, отъ неплодствія даровалъ мнѣ сына; и нынѣ молю васъ, отцы, приложите еще молитву къ Богу, да сподобитъ сына моего просвѣщеннымъ быть Св. крещеніемъ, и вашими преподобными руками да воспріятъ будетъ отъ Св. купели, и рукъ вашихъ простертіемъ, въ богопріятныхъ молитвахъ, да удержитъ Богъ державную руку свою на отрочати моемъ, превѣчный Царь Царей, иже надъ нами царствуяй, всея тварп Содѣтель истинный и премилостивый Богъ нашъ.» Какъ умилительна такая молитва въ устахъ Самодержца, и не менѣе трогателенъ былъ отвѣтъ старцевъ. «Кто есмь азъ грѣшный, худѣйшій паче всѣхъ человѣковъ, чтобы послужить мнѣ таковому великому дѣлу, и воспріемникомъ быть отъ Св. купели сыну Цареву! Богъ же всѣмъ, вѣрно у него просящимъ, богатно даруяй, желанія сердца твоего исполнитъ, и на будущее время миловать и спасать всегда готовъ, якоже вѣсть судьбами своими.» Такія драгоцѣнныя лѣтописныя рѣчи хранятся въ смиренномъ житіи отшельника.

Вскорѣ благочестивый Государь, со всѣмъ своимъ сиклитомъ, пошелъ въ лавру Сергіеву, чтобы тамъ совершить таинство крещенія надъ порфирородным младенцемъ у раки великаго чудотворца, и совершилъ оное игуменъ Іоасафъ, мужъ святой, бывшій въ послѣдствіи Митрополитомъ всея Руси, нынѣ почивающій въ палаткѣ преподобнаго Сергія. Дѣвственный же старецъ Даніилъ воспріялъ на руки свои отъ купели царственнаго сына, вмѣстѣ съ Кассіаномъ, инокомъ Волоколамскимъ; оба они положили младенца въ раку чудотворца, и изъ нея принялъ Самодержецъ благодатный даръ сей, а на божественной литургіи опять старецъ Даніилъ подносилъ младенца къ причастію Св. таинъ.

Старецъ возвратился въ обитель свою, послѣ столь высокаго дѣйствія, еще съ бо̀льшимъ смиреніемъ; когда нѣкоторые любопытные пришли изъ города въ монастырь посмотрѣть на воспріемника царскаго, они нашли его трудящимся въ хлѣву надъ пометомъ, потому что во время его отсутствія работники не позаботились выкинуть нечистоты изъ монастыря; всѣ изумились его произвольному уничиженію. Царственный кумъ не забылъ обители преподобнаго и основалъ въ ней великолѣпный храмъ Св. Троицы, съ придѣломъ Предтечи, Ангела его младенца. Три года спустя преподобный былъ воспріемникомъ другаго сына царскаго, Юрія. Когда же скончался Великій Князь, въ образѣ иноческомъ, и самъ

Даніилъ почувствовалъ изнеможеніе силъ своихъ, онъ сталъ просить братію избрать себѣ на мѣсто его достойнаго начальника. Напрасно братія слезно умоляла его отложить до времени свое намѣреніе. Преподобный самъ потрудился дойти въ царствующій градъ, чтобы тамъ испросить разрѣшеніе у Митрополита Іоасафа и своего державнаго крестника. По совѣту Троицкаго игумена Порфирія, избранъ былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ старца, Иларіонъ, съ титломъ Архимандрита; преподобнаго отпустили съ честію и дарами въ его обитель, и десяти-лѣтній Іоаннъ пожаловалъ ей село свое Троицкое.

При послѣднемъ посѣщеніи столицы, старецъ напомнилъ Царю, о двухъ устарѣвшихъ церквахъ близъ воротъ Переяславля, во имя Предтечи и Святителя Николая, и державный отрокъ велѣлъ обновить ихъ на свое иждивеніе. Тогда же Даніилъ, по долгу совѣсти, объявилъ ему и Владыкѣ о томъ, что при церкви Святителя Николая находится гробница мужа святаго, искони чествуемаго въ народѣ, нѣкоего Князя Андрея, отъ котораго многіе получали исцѣленіе, но память его начала приходить въ забвеніе. Митрополитъ, по тщательномъ изысканіи, узналъ, что сей Князь Андрей былъ изъ рода Смоленскихъ, по крамолѣ братьевъ ушедшій изъ своихъ предѣловъ и притворившійся странникомъ въ Переяславлѣ, гдѣ въ совершенномъ убожествѣ исполнялъ должность пономарскую, при церкви Свя-

тителя Николая. Когда же преставился, обрѣли на немъ златые перстень и цѣпь, по коимъ узнали о княжескомъ его достоинствѣ. Перстень и цѣпь взялъ къ себѣ Іоаннъ III и положилъ за ихъ ругу въ церковь Николая Чудотворца, но писанія о томъ не обрѣталось, а только сохранилась икона невѣдомаго угодника Божія, и память его въ стихирахъ и канонѣ, совершаемыхъ въ день его преставленія. Даніилъ, принявъ устное повелѣніе Царя и благословеніе Владыки, съ радостію возвратился въ Переяславль и, при большомъ стеченіи духовныхъ и мірскихъ людей, сталъ отыскивать Св. мощи при церкви Чудотворца. Они были обрѣтены, но не въ гробѣ, а только обвитыя, ради скудости или смиренія, въ берестовую кору и совершенно цѣлыя, хотя окружены были многими костями, съ коими однако не смѣшались. Волосы праведнаго Князя были длинны и русы, и сохранили даже природный свой блескъ; убогая на немъ одежда скутана была въ одну сторону и на ней уцѣлѣли еще мѣдныя пуговицы; многіе тутъ же получили исцѣленіе отъ прикосновенія къ берестѣ, въ коей обвиты были мощи. Даніилъ немедленно послалъ о томъ вѣстника къ Владыкѣ, не дерзая самъ поднять Св. мощи, и Царь съ Митрополитомъ прислали мужей сановитыхъ, Архимандрита Чудовскаго Іону, бывшаго потомъ Епископомъ Суздальскимъ, и Протопресвитера соборнаго, для освидѣтельствованія мощей.

Совершивъ торжественную надъ ними панихиду, они нашли малое поврежденіе въ ихъ составахъ, быть можетъ отъ прикосновенія къ нимъ воздуха, и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ начали допрашивать старца: какъ и почему рѣшился онъ открыть гробницу? Огорчился Даніилъ; онъ указалъ имъ на древнюю икону Князя, и на самую службу, искони совершаемую въ честь его, и представилъ нѣсколько свидѣтельствъ о бывшихъ отъ него исцѣленіяхъ. Страшное недоумѣніе напало на присланныхъ мужей: они еще колебались воздать подобающую почесть, вновь просіявшему угоднику Божію, говоря: будто бы и самъ Митрополитъ не зналъ о поступкѣ Даніиловомъ и не давалъ ему на то разрѣшенія. Тогда преподобный возмутился духомъ и съ крайнимъ сожалѣніемъ о такой духовной слѣпотѣ ихъ и о невѣріи къ искреннимъ его словамъ, предсказалъ каждому изъ нихъ имѣвшее надъ ними совершиться бѣдствіе: Протопресвитеру—кончину любимаго сына, и горькія истязанія Архимандриту, и лишеніе престола самому Владыкѣ: что̀ все исполнилось въ послѣдствіи, во дни крамолъ, возникшихъ при малолѣтствѣ Іоанна. Но тогда они приписали пророческій глаголъ старца самозабвенію его, будто бы пропстекавшему отъ глубокой старости; однако подвигнуты были его слезами и клятвеннымъ увѣреніемъ, при свидѣтельствѣ цѣлаго народа, и хотя не воздали полной почести святымъ мощамъ, ибо не рѣшились

поставить ихъ открыто въ храмѣ, но переложили ихъ въ новый гробъ, и торжественно погребли въ той же церкви. Донынѣ обрѣтается тамъ сія гробница княжеская, съ умилительными словами въ свиткѣ, который держитъ въ рукахъ начертанный поверхъ своей гробовой крышки: «азъ есмь Андрей, сынъ отъ Смоленскихъ Князей.»

Уже преподобный Даніилъ достигъ восьмидесяти-лѣтняго возраста, послѣ котораго, говоритъ Давидъ, трудъ и болѣзнь (Псал. LXXXIX, 10). Ему желательно было возвратиться на первое свое обѣщаніе, въ монастырь Пафнутіевъ, гдѣ принялъ постриженіе, и однажды онъ тайно ушелъ изъ обители; но встрѣченный однимъ изъ учениковъ своихъ, умоленъ былъ остаться въ ней до конца жизни. Предчувствуя близкую кончину, отдалъ онъ двѣ свои власяницы двумъ изъ служебныхъ братій, трудившихся въ пекарнѣ, которые не хотѣли перемѣнять тяжкаго своего послушанія, потому что огонь печный напоминалъ имъ огнь адскій, какъ нѣкогда двумъ благочестивымъ просфорникамъ Печерскимъ. Будучи въ церкви, старецъ почувствовалъ разслабленіе, и когда, поддерживаемый Архимандритомъ Иларіономъ и монахомъ Іоною, шелъ мимо того мѣста, гдѣ теперь стоитъ его рака, онъ остановился и сказалъ: «се покой мой, здѣсь вселюся въ вѣкъ.» Потомъ снялъ съ себя клобукъ и отдалъ Іонѣ, давно желавшему получить отъ него сіе благословеніе, и на вопросъ Архи-

мандрита: «чѣмъ же будетъ самъ покрывать старческую главу?» отвѣтствовалъ: «мнѣ уже теперь потребенъ куколь,» и дѣйствительно воспріялъ схиму.

Совершенно изнемогая, онъ продолжалъ однако, съ помощію другихъ, посѣщать церковь, и послѣдніе дни провелъ въ назидательной бесѣдѣ съ братіею, напоминая о ихъ священномъ званіи, умоляя всѣхъ приходившихъ къ нему, жить по Христѣ, и его убогаго грѣшника не забывать въ своихъ молитвахъ. Потомъ уже предъ самымъ исходомъ сталъ безмолвствовать и погрузился въ умную молитву, но внезапно съ радостнымъ лицемъ спросилъ: «гдѣ же они, три чудные мужа?» Изумились ученики его и недоумѣвали, о какихъ мужахъ онъ разумѣлъ. «Тѣ пустынники, сказалъ старецъ, которые были у меня однажды въ Горицкомъ монастырѣ, прежде начала сей обители, опять меня посѣтили; неужели вы не видѣли ихъ въ келліи моей?» Но ученики ихъ не видали; опять умолкъ старецъ и, причастившись Св. таинъ, предалъ свою праведную душу въ руки Богу, котораго возжелалъ отъ дѣтства своего. Общій плачь огласилъ обитель; отовсюду собрались духовные чины и мірскіе, съ великимъ множествомъ народа, и съ честію погребли тѣло блаженнаго старца, у стѣны жертвенника Троицкой церкви. Преставленіе преподобнаго было 7-го Апрѣля 1540 года; но чудеса, бывшія отъ него при жизни, не прекращались и послѣ его кончины.

Царь Іоаннъ, еще тогда не грозный, осаждалъ Казань, чтобы сокрушить сей послѣдній оплотъ исламизма, тревожившій землю Русскую. Уже Св. Сергій являлся на томъ холмѣ, гдѣ теперь Свіяжскъ, какъ бы указывая на мѣсто сіе для сооруженія твердыни, предварившей паденіе Казани: подобало и сему преподобному явить знаменіе своего дѣйственнаго участія ко благу родины. Былъ при Царѣ духовникъ, нѣкогда чудно спасенный Даніиломъ отъ разбойниковъ, которому предрекъ старецъ и его духовную близость къ Царю; памятуя благодѣянія святаго, непрестанно призывалъ онъ его въ молитвахъ, дабы споспѣшествовалъ ко взятію города супостатовъ, для прекращенія давняго кровопролитія въ землѣ Русской. И вотъ однажды ночью, когда заснулъ съ такимъ помышленіемъ, видитъ обитель преподобнаго и самаго Даніила, сидящаго на нѣкоемъ горнемъ мѣстѣ, посреди двора монастырскаго, съ соборомъ необычайныхъ мужей окрестъ него. Онъ видитъ себя, какъ бы вдали, присѣдящаго у подножія Даніила, съ мантіею на плечахъ, и ему странною казалась сія мантія иноческая, но совѣстился спросить о томъ святаго старца. Предстоявшіе же за него спросили: «что повелѣваешь о томъ мужѣ, на коемъ мантія, ибо онъ имѣетъ жену и дѣтей?» Старецъ отвѣчалъ: «хощетъ Богъ да сей пощадится.»

Съ ужасомъ воспрянулъ пресвитеръ отъ своего видѣнія, и сталъ осязать на себѣ мантію,

но не ощутилъ ее, ибо не осязаемъ чувственно покровъ благости Божіей, молитвами Святыхъ пребывающій на тѣхъ, которые уповаютъ на Бога. Радость заступила въ сердцѣ его мѣсто страха; онъ всталъ на молитву и открылъ окно: еще была глубокая ночь, и вотъ уже не во снѣ, но явно, видитъ надъ Казанью свѣтъ необычайный: огненные столбы, какъ бы яркія свѣчи, подымались къ небу отъ городскихъ башень. Пресвитеръ разбудилъ ближняго боярина царскаго, уязвленнаго стрѣлою при осадѣ, чтобы и онъ могъ видѣть знаменіе небесное, и болящій, съ трудомъ привлекшись къ окну, при помощи другихъ присныхъ людей, изумился съ ними вмѣстѣ чудному явленію. «Это знаменіе будущаго Христіанства во градѣ,» говорили они между собою, и повѣдали о томъ Царю, который и самъ, изъ оконца своего видѣлъ свѣтъ и слышалъ звонъ въ городѣ Казани, какъ бы звонъ большаго колокола Симоновскаго. Умилился Царь и усугубилъ свои молитвы къ Господу и пречистой его Матери и всѣмъ Святымъ, и сему праведному Даніилу; и упованіе ему не измѣнило, ибо вскорѣ, съ помощію Божіею, взята была Казань. Царь соорудилъ въ ней первый храмъ Благовѣщенія, и многія тысячи искуплены были отъ невѣрныхъ; тьма Магометанства разсѣялась предъ свѣтомъ Евангелія, въ новообращенномъ городѣ.

Когда же приспѣло время прославленія на землѣ угодника Божія, онъ началъ являться бла-

гочестивымъ людямъ въ различныхъ видѣніяхъ. Однажды сынъ боярскій Юрьевъ, на праздникъ Св. Троицы посѣтивъ святую обитель, пришелъ помолиться на гробъ его, надъ коимъ была устроена каменная палатка: онъ увидѣлъ внутри ея свѣтъ, падавшій отъ иконы всѣхъ Святыхъ прямо на гробницу, а поверхъ нея самаго Даніила, какъ бы почивающаго въ иноческой рясѣ, съ вѣнцемъ схимническимъ, но безъ мантіи; покровъ его сдвинутъ былъ до колѣнъ, и власы бѣлы какъ снѣгъ. Въ ужасѣ палъ на землю Юрьевъ, всталъ и опять увидѣлъ то же явленіе, но уже ему казалось, что преподобный отдыхаетъ въ другомъ положеніи: полумертвый отъ страха бѣжалъ онъ возвѣстить о томъ настоятелю обители Іосифу. Нѣсколько лѣтъ спустя, при другомъ Архимандритѣ, Тихонѣ, во дни Царя Алексѣя Михайловича и Патріарха Никона, снова явился преподобный благочестивому служителю монастырскому Іоанну, который трудился на пустоши и легъ отдохнуть въ полуденный зной. Свѣтовидный старецъ предсталъ ему и сказалъ: «нынѣ новый исповѣдникъ, равноапостольный Филиппъ Московскій и всея Руси, не восхотѣлъ на морскомъ островѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ пребывать, но въ свое отечество и на свой престолъ въ царствующій градъ пришелъ: время уже и мнѣ явиться; не могу болѣе покровецъ быть землею, но да прославятъ имя мое, какъ и блаженнаго Филиппа.» Въ ужасѣ воспрянулъ

Іоаннъ и спрашивалъ чуднаго старца о имени его: явившійся назвалъ себя Даніилом и повелѣлъ возвѣстить о себѣ настоятелю съ братіею. Радостно исполнилъ волю его благоговѣйный служитель и, съ неменьшею радостію, Архимандритъ увѣдомилъ о томъ Царя и Патріарха; они же повелѣли немедленно освидѣтельствовать Св. мощи.

Съ трепетною молитвою самъ настоятель началъ разбивать каменную палатку надъ гробомъ, и доискавшись его, сквозь малое отверстіе, увидѣлъ сокровище мощей, нетлѣнно почивающихъ. Открыли самый гробъ: святыя мощи казалось какъ бы помазаны были муромъ; мало истлѣла одежда; на главѣ, украшенной сѣдинами, схимническій вѣнецъ; лице обращено было въ правую сторону, какъ будто бы преподобный смотрѣлъ на созданную имъ церковь Св. Троицы; мантію держалъ онъ рукою при бедрѣ. Проливая радостныя слезы, настоятель съ братіею отпѣли панихиду и устроили надъ мощами деревянную палатку, въ ожиданіи новыхъ повелѣній. Митрополитъ Ростовскій Іона присланъ былъ изъ Москвы открыть Св. мощи и, съ должнымъ благоговѣніемъ, положилъ ихъ въ церкви Св. Троицы, гдѣ и до нынѣ почиваютъ такъ высоко въ своей ракѣ, что кажется, будто они не во гробѣ, а только на одрѣ, въ томъ видѣ, какъ являлись впервые сыну боярскому. Многія исцѣленія ознаменовали святость преподобнаго Даніила.

Сколько лѣтописныхъ событій, въ этомъ краткомъ изложеніи житія отшельника, мало извѣстнаго міру! Здѣсь не одни только подвиги иноческіе, но и дѣянія, прямо относящіяся къ исторіи государства: частыя съ нимъ совѣщанія Великаго Князя Василія Іоанновича, приглашеніе крестить его дѣтей и воспріятіе отъ купели державныхъ младенцевъ, Іоанна и Юрія. Умилительны и чрезвычайное смиреніе Государя и убогая простота воспріемника. Здѣсь открывается и невѣдомая судьба Князя Смоленскаго Андрея, позабытаго въ исторіи, и таиная духовная причина паденія Митрополита Іоасафа, и молитвенное содѣйствіе угодника Божія къ покоренію Казани; — не достойно ли въ высшей степени все это вниманія?

(Изъ рукописнаго сборника житій Святыхъ, хранящагося въ Троицкой Лаврѣ).

31-го Декабря, преподобныя Меланіи Римлянынн, и въ сей день отдается праздникъ Рождества Христова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СЕНТЯБРЬ.

ЖИТІЕ.

ПРЕПОДОБНАГО ЛУКІАНА.

Изъ города Галича былъ родомъ преподобный Лукіанъ, испрошенный молитвами благочестивыхъ родителей, Димитрія и Варвары, послѣ долгаго ихъ безплодія. Они дали обѣтъ Богу, если услышитъ ихъ молитву и даруетъ имъ наслѣдіе ихъ рода, постричься въ иноческій образъ, а младенца своего, воздвигъ, оставитъ въ мірѣ себѣ на поминовеніе, ибо и самое желаніе чадородія имѣло благочестивую цѣль, загробную о ихъ молитву. Услышалъ Господь вопль ихъ неплодія и даровалъ имъ сына, котораго назвали во Св. крещеніи Иларіономъ; когда же достигъ онъ осьмилѣтняго возраста, Димитрій напомнилъ своей супругѣ о данномъ имъ обѣтѣ иночества. И отрокъ Иларіонъ возгорѣлся тою же ревностію,

умоляя отца не оставлять его сирымъ, но взять его съ собою, чтобы и онъ, взирая на сѣдины родительскія, воздыхалъ о своемъ спасеніи.

Прослезился Димитрій и возблагодарилъ Бога, даровавшаго ему наслѣдника, не только во временной жизни, но и въ духовномъ подвигѣ, и началъ приготовляться къ удаленію въ обитель. Оставивъ при себѣ только самое необходимое, онъ взялъ съ собою икону Богоматери, съ которою былъ всегда неразлученъ, и со слезами помолившись предъ нею, на всегда разлучился съ своею супругою. Собрались сосѣди на сіе конечное прощаніе; умилительный плачь поднялся въ домѣ, нѣкогда исполненномъ благъ земныхъ и внезапно предназначенномъ къ вольному запустѣнію: съ одной стороны рыдали отецъ и отрокъ, съ другой безутѣшная мать, сами себя обрекшіе на разлуку, и оттолѣ возложившіе все свое утѣшеніе на единаго Бога, отца сирыхъ и безчадныхъ. Димитрій удалился, съ своимъ сыномъ, въ Брынской боръ, и обрѣтши пустынное мѣсто, удобное для житія иноческаго, водрузилъ тамъ крестъ и построилъ себѣ хижину; онъ началъ разчищать мѣсто, посѣкая лѣсъ и копая землю, для своего пропитанія, и принялъ отъ одного пресвитера постриженіе иноческое, измѣнивъ мірское имя свое на иноческое Діонисія; на тѣлѣ носилъ онъ вериги желѣзныя и власяницу и непрестанно пребывалъ въ постѣ и молитвѣ. Спустя нѣкоторое время, начали собирать-

ся къ нему братія и составилась малая обитель изъ двьнадцати иноковъ.

Самъ Діонисій обучалъ грамотѣ юнаго сына и, благодатію Божіею, успѣвалъ отрокъ въ изученіи Св. писанія; съ юныхъ лѣтъ пріучался онъ, предъ очами родительскими, ко всѣмъ подвигамъ иноческой жизни, ибо благоій примѣръ подавалъ ему отецъ, труждаясь самъ для братіи, нося воду и дрова и приготовляя для нихъ пищу, до исхода своей жизни. Послѣ его кончины, братія довершили обитель и устроили въ ней церковь Живоначальныя Троицы.

Мать блаженнаго Иларіона, послѣ разлуки съ мужемъ своимъ, раздавъ имѣніе нищимъ, постриглась также въ дѣвичьей обители и, потрудившись въ ней многіе годы, преставилась ко Господу. Оставшись сирымъ, уже въ возрастѣ юношескомъ, Иларіонъ пожелалъ обрѣсти себѣ опытнаго наставника, для подвиговъ иноческихъ, гдѣ либо вдали отъ своей родины, чтобы не имѣть препоны отъ своихъ присныхъ; онъ пришелъ въ обитель Св. Отецъ Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, на рѣкѣ Мологѣ, за сорокъ верстъ отъ города Углича, и тамъ принявъ благословеніе отъ игумена, пребывалъ три года въ совершенномъ послушаніи; но, не терпя похвалы человѣческой, перешелъ изъ сей обители въ другую, Покрова Богоматери, устроенную близъ Углича, на самой Волгѣ, преподобнымъ Пансіемъ, однако и тамъ оставался не болѣе года,

потому что обратилъ на себя общее вниманіе высокимъ своимъ житіемъ.

Пришелъ онъ наконецъ въ предѣлы Переяславля-Залѣсскаго, въ слободу Александровскую, и тамъ сошедшись съ однимъ благочестивымъ крестьяниномъ, Симеономъ, спрашивалъ его: «гдѣ бы обрѣсти мѣсто пустынное, для подвиговъ безмолвія?» Случился тутъ и другой поселянинъ, по имени Марко, который принялъ участіе въ ихъ духовной бесѣдѣ, и пригласилъ странника въ домъ свой, за восемь поприщъ отъ слободы Александровской. «Ты ищешь пустыннаго мѣста, сказалъ ему Марко; вотъ не далеко отъ насъ, за тридцать верстъ отъ Переяславля, есть пустыня, гдѣ издавна поставлена церковь, во имя Рождества Богоматери, перенесенная изъ села Игнатьева, потому что сама Матерь Божія указала быть на этомъ мѣстѣ храму, чуднымъ знаменіемъ отъ своей иконы. Церковь сія запустѣла отъ нашествія Литвы, ибо священникъ въ то время удалился и доселѣ его нѣтъ.»

«Часто ходилъ я въ церковь, присовокупилъ благочестивый поселянинъ, и молился со слезами предъ чудотворною иконою Богаматери, чтобы даровала на мѣстѣ томъ жителя добраго, и намъ бы спастись подъ его руководствомъ.» Полагаютъ нѣкоторые, что и самая икона впервые обрѣтена была въ пустынномъ мѣстѣ, симъ благочестивымъ Маркомъ, но онъ утаилъ о томъ, ради смиренномудрія. Умилился Иларіонъ, вни-

мая словамъ его, и вслѣдъ за нимъ, устремился въ пустынную церковь, помолиться предъ чудотворною иконою. Воздохнулъ онъ, увидя храмъ непокровенный и святыню его, подверженную непогодамъ стихій, и полюбилъ мѣсто, благопріятное къ безмолвію. Онъ началъ тутъ жительствовать, отпустивъ Марка, и поставилъ себѣ келлію близь церкви, въ которой скоро пришли обитать съ нимъ, благочестивые Марко и Симеонъ.

Не много времени спустя, въ 1640 году, пришелъ къ нему, изъ монастырей Вологодскихъ, нѣкто іеромонахъ Ѳеодосій, по божественному внушенію. Матерь Божія явилась ему въ сонномъ видѣніи, когда еще находился онъ въ обители Прилуцкой у Спаса, и велѣла ему идти въ предѣлы Переяславльскіе, покрыть ея церковь, уже многіе годы запустѣвшую. Вѣруя слову, но не вѣдая куда идетъ, направилъ путь свой Ѳеодосій къ Переяславлю, спрашивая у всѣхъ, гдѣ сія церковь? доколѣ съ большимъ трудомъ не обрѣлъ ее. Возрадовался Иларіонъ пришествію пресвитера и подивился чуднымъ судьбамъ Промысла Божія, ибо издавна желалъ имѣть себѣ опытнаго наставника; вмѣстѣ поселились они при храмѣ Богоматери, который общими силами обновили.

Иларіону было уже болѣе тридцати лѣтъ, когда принялъ онъ Ангельскій образъ отъ руки Ѳеодосія, и вскорѣ начала собираться около нихъ усердная братія, руководствуемая благимъ при-

мѣромъ обоихъ подвижниковъ, Ѳеодосія и новопостриженнаго имъ Лукіана. Пришелъ еще, изъ Николаевской обители города Переяславля, инокъ Филимонъ, и засвидѣтельствовалъ о чудесахъ, какія совершались отъ иконы Богоматери, потому что самъ былъ родомъ изъ окрестностей сего мѣста; онъ былъ также принятъ въ число братства, собиравшагося въ обители. Всѣ они единодушно начали помышлять о сооруженіи новой церкви, на мѣсто ветхой Рождества Богоматери, и послали въ Москву испросить на то благословеніе Патріарха Іоасафа. Святѣйшій выдалъ имъ благословенную грамоту и они уже приготовляли лѣсъ для строенія, когда, по лести діавольской, возмутились окрестные жители и начали изгонять Лукіана изъ его пустыннаго мѣста.

Виновникомъ крамолъ былъ нѣкто Архимандритъ Рождественскаго монастыря во Владимірѣ, по имени Іосифъ, который имѣлъ подъ своимъ вѣдѣніемъ монастырь Симеоновскій, близъ слободы Александровой, и позавидовалъ успѣхамъ Лукіана; пришелъ онъ, съ недобрыми людьми, въ пустынное мѣсто, и началъ расхищать бревна, приготовленныя для церковнаго строенія, разогналъ и братію отъ пустыннаго храма; Ѳеодосій удалился въ Вологду, а на Лукіана наложили оковы и отвезли въ Москву къ Патріарху, предъ которымъ оклеветали его въ нечистой жизни. Онъ былъ заключенъ въ Чудовѣ, гдѣ Архимандритъ Кириллъ опредѣлилъ его на черную рабо-

ту; но съ чрезвычайнымъ послушаніемъ исполнялъ Лукіанъ все, что на него было возлагаемо, и предъ всѣми обнаружилась добродѣтельная его жизнь.

Нѣсколько лѣтъ спустя, пришелъ инокъ, по имени Тихонъ, изъ обители Архангельской Всемилостиваго Спаса, и просилъ у Патріарха опытнаго инока въ начальники монастырю своему. Патріархомъ былъ тогда уже святѣйшій Іосифъ; онъ началъ распрашивать своихъ духовныхъ, гдѣ бы найти такого человѣка? и Архимандритъ Чудовскій объявилъ ему о добродѣтеляхъ Лукіана. Призвалъ его Патріархъ и изумился духовной мудрости во всѣхъ его отвѣтахъ; немедленно посвятилъ онъ его во пресвитера и, по прошенію инока Тихона, послалъ его настоятелемъ въ Архангельскій монастырь.

Но и тамъ ожидали его многія скорби, за его ревность къ устройству обители. Тотъ же инокъ Тихонъ, который испросилъ его, зависти ради, старался изгнать его. Не прекословилъ ему блаженный труженикъ, но за все благодарилъ Всемилостиваго Спаса и, воздавъ благословеніе братіи, съ миромъ вышелъ изъ обители; плакала братія, провожая добраго своего пастыря; прослезился и Лукіанъ, при горькой разлукѣ, но убѣждалъ учениковъ своихъ пребывать въ послушаніи у будущаго ихъ настоятеля, и когда спрашивали его: кому ихъ поручаетъ? воздохнувъ изъ глубины сердца, отвѣчалъ: «оставляю

васъ Всемилостивому Спасу; пекущійся о всей вселенной и васъ управитъ на путь спасенія.»

Опять возвратился Лукіанъ на свое обѣщаніе, къ уединенной церкви Рождества Богоматери, и со слезами помолился Господу и пречистой его Матери, о довершеніи начатаго имъ дѣла; онъ поставилъ себѣ снова убогую хижину, подлѣ церкви, и началъ упражняться въ безмолвіи. Возрадовался Марко, услышавъ о его возвращеніи, и не хотѣлъ болѣе его оставлять; онъ просилъ постричь его въ ангельскій образъ и принялъ имя Матѳея. Пришелъ и еще юноша, изъ Александровой слободы, просить себѣ постриженія отъ руки преподобнаго Лукіана, и наречень былъ въ иночествѣ Макаріемъ. Чрезъ нѣсколько дней, пошелъ Лукіанъ, съ новымъ ученикомъ своимъ, въ слободу, оставивъ одного Матѳея въ своей келліи; возвратясь же, изумился, не получая никакого отзыва на свою молитву, когда стучался въ дверь келліи. Онъ нашелъ ученика своего, лежащаго на землѣ, всего окровавленнаго, при послѣднемъ издыханіи; мантія его, вся изорванная, висѣла на деревѣ у келліи. «Что съ тобою?» спросилъ его ужаснувшійся Лукіанъ, и умирающимъ голосомъ отвѣчалъ Матѳей: «отче, пришелъ нѣкто безъ тебя къ келліи и толкнулъ въ двери; я же, по неопытности, безъ молитвы отворилъ; тогда взошли ко мнѣ темнообразные, съ развращенными лицами, и начали бить и душить, говоря: «отойдите отъ мѣста сего, мы не

престанемъ восвать на васъ.» Помолился Лукіанъ, чтобы сохранится мѣсту тому отъ навѣта лукаваго, и поспѣшилъ пріобщить святыхъ тайнъ инока Матѳея; но изнемогшій отъ принятыхъ имъ ранъ, скоро скончался.

Лукіанъ продолжалъ жить, съ другимъ ученикомъ своимъ, въ прежней келліи, молитвою и постомъ ополчаясь противъ враговъ невидимыхъ; но они опять наустили видимыхъ враговъ изгнать человѣка Божія изъ его уединенія и разорить дѣло рукъ его. Лукіанъ пошелъ опять въ царствующій градъ, въ обитель Чудову, и тамъ снова началъ трудиться въ хлѣбнѣ, многихъ насыщая хлѣбомъ духовнымъ назидательныхъ ученій. Слышавшіе отъ него о чудесахъ иконы Богоматери въ пустынѣ Переяславской, ревновали обстроить пустынное мѣсто, и одинъ изъ истопниковъ царскихъ, Александръ Барковъ, испросилъ, у Государя и Патріарха, преподобному Лукіану разрѣшеніе построить тамъ новую церковь и священнодѣйствовать при ней. Въ 1650 году, вторично была дана Патріаршая благословенная грамота на устроеніе обители, и нѣсколько благочестивыхъ людей, изъ гостинной сотни, пошли, вмѣстѣ съ преподобнымъ, поселиться въ его пустынѣ, обѣщаясь на свое пждивеніе построить храмъ, что̀ вскорѣ исполнили, постригшись сами въ иноческій образъ.

Это уже было третіе начинаніе святой обители и, благодатію пресвятой Троицы, на сей разъ

она совершилась. Самъ преподобный, строго соблюдая церковное правило, ежедневно совершалъ божественную службу въ новоустроенномъ храмѣ, и Богъ даровалъ ему благодатныя слезы, ибо безъ сердечнаго умиленія никогда не совершалъ святую литургію. Всѣхъ, приходившихъ къ нему отъ суеты міра, принималъ съ любовію, и въ одно лѣто собралось къ нему братіи до двѣнадцати человѣкъ; число ихъ умножалось съ каждымъ годомъ; строгость иноческой жизни и соблюденіе полнаго устава въ церкви, за трапезой и въ келліи, привлекали многихъ въ обитель; всѣ ему повиновались, какъ Ангелу Божію, будучи готовы на всякое послушаніе; самъ онъ прилагалъ труды къ трудамъ и особенно миловалъ нищихъ и странныхъ, притекавшихъ къ чудотворной иконѣ, отъ которой знаменія и исцѣленія огласились по всѣмъ окрестнымъ предѣламъ.

Когда по устроенію Божію, стали открываться сладкіе плоды ученія и жительства преподобнаго въ окрестныхъ предѣлахъ, пришли къ нему купеческіе люди слободы Александровской и просили составить обитель для инокинь, при опустѣвшей церкви Богоматери. Долго отрицался Лукіанъ, почитая себя недостойнымъ столь великаго дѣла, но согласился наконецъ, по просьбѣ слобожанъ, идти въ царствующій градъ, просить о томъ святѣйшаго Патріарха Никона, который разрѣшилъ освятить храмъ и устроить обитель женскую, въ запустѣвшемъ жилищѣ грознаго Іо-

анна. Немедленно поставилъ преподобный ограду и келліи для двадцати сестеръ и избралъ имъ первую Игуменью Евпраксію, на правилахъ общежитія; но объ обители, мужеская и женская, находились подъ его руководствомъ, и часто посѣщалъ онъ новоустроенную въ слободѣ Александровской.

Не рѣдко, на пути въ обитель, останавливался посреди толпы народной и назидалъ ее сладостнымъ ученіемъ, потому что ему данъ былъ, по благодати Божіей, не только умилительный даръ слова, но и даръ прозорливости, которымъ проникалъ будущее. Такимъ образомъ, за два и за три года впередъ, предсказалъ о страшномъ моровомъ повѣтріи, которое должно было посѣтить землю Русскую, и часто со слезами говорилъ народу: «православные, покайтесь, ибо грядетъ гнѣвъ Божій великій и язву смертоносную пошлетъ Господь, такъ что отъ страха сего, ни кѣмъ небрегомо будетъ злато и сребро, и втуне расточатся имѣнія собирающихъ.» — Иные умилялись, внимая словамъ его, другіе же ни во что ихъ вмѣняли, какъ бы льстивыя рѣчи; но когда, въ свое время, пришло исполненіе оныхъ и началась Божія кара, тогда вспомнили правдивыя его слова.

Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, подвижникъ и проповѣдникъ слова Божія началъ самъ изнемогать къ смерти въ своей обители; онъ велѣлъ вести себя въ церковь и долго молился предъ

чудотворною иконою Богоматери, чтобы Владычица не оставила мѣста сего, ею избраннаго, и сохранила свою обитель. Скорбѣли братія о его конечномъ изнеможеніи; онъ же утѣшалъ ихъ обѣщая будущее распространеніе обители, которую и царскія лица посѣщать будутъ. Чувствуя себя при послѣднемъ издыханіи, преподобный просилъ, чтобы вывели его изъ храма и положили на траву, придвинувъ ему возглавіемъ камень; вся братія подходила къ нему, прося послѣдняго благословенія, и всѣхъ благословлялъ онъ, прося также себѣ прощенія. Послѣднимъ его словомъ было: «Господи, въ руцѣ твои предаю духъ мой», и такъ преставился онъ, въ 1654 году 8 Сентября, въ самый храмовой праздникъ своей обители. По внѣшнему виду, былъ онъ ростомъ малъ, лицемъ бѣленъ, очи и ланиты имѣлъ углубленныя, браду русую, продолговатую, съ просѣдью.

Много лѣтъ спустя, послѣ преставленія блаженнаго Лукіана, пришелъ нынѣшній его инокъ Тихонъ, изъ предѣловъ Архангельскихъ, и спрашивалъ, гдѣ положено тѣло преподобнаго? Братія показала мѣсто, онъ же началъ горько плакать надъ гробомъ его, прося прощенія въ своемъ согрѣшеніи, что безъ вины изгналъ его изъ обители Всемилостиваго Спаса. Пришелъ и Архимандритъ Рождественскаго монастыря Іосифъ, который долго противился устроенію новой пустыни Лукіана, и тотъ каялся въ грѣхѣ своемъ надъ его гробомъ, и предлагалъ строителю Кор-

нліію, прпписной монастырь свой Спмеоновскій, изъ котораго пріѣзжалъ нѣкогда раззорять пустынь преподобнаго Лукіана. Но Корнилій не принялъ дара и Архимандритъ, огорчившись, отдалъ монастырь свой въ лавру преподобнаго Сергія. При семъ благочестивомъ строителѣ Корнилѣ, распространились объ обители, мужеская и женская, и во исполненіе предсказанія блаженнаго Лукіана, призрѣли державные его строеніе, и начали посѣщать обитель, снабжая ее царскимъ своимъ жалованьемъ, деньгами, землями и священною утварью. Чудотворная же икона Матери Божіей неоднократно ограждала обитель свою отъ хищниковъ, хотѣвшихъ ее разграбить; невидимая сила удерживала ихъ отъ исполненія злаго умысла, и даже двое изъ разбойниковъ, какъ бы мертвые, обрѣтены были близь ограды; они исповѣдали грѣхъ свой и постигшее ихъ наказаніе. Между тѣмъ непрестанныя исцѣленія и знаменія, истекавшія отъ чудной иконы, привлекали новыхъ молитвенниковъ въ обитель, которая особенно процвѣла во дни строителя Корнилія, достойнаго преемника блаженнаго своего учителя.

(Выписано изъ рукописи, хранящейся въ дѣвичьемъ монастырѣ города Александрова, и изъ другой рукописи обители Лукіановой).

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА ВАССІАНА ТОТЕМСКАГО.

Въ предѣлахъ города Тотьмы, въ селеніи Стрѣлица, родился отъ земледѣльцевъ сей преподобный, и мірское имя его было Василій; ремесло онъ избралъ себѣ ризошвейное и, по совѣту сродниковъ, вступивъ въ бракъ, имѣлъ двухъ сыновей; но видя суету міра сего, оставилъ домъ и семью, и пришелъ на рѣку Тиксну, къ церкви Святителя Николая; тамъ временно уединился, близъ храма Божія и, никому не открывъ своей мысли, пошелъ въ обитель Спасову, преподобнаго Ѳеодосія Тотемскаго, гдѣ просилъ іеромонаха Ѳерапонта сподобить его иноческаго образа; Ѳерапонтъ, видя его ревность, исполнилъ пламенное желаніе, представивъ ему однако всю трудность иноческаго житія. Онъ нарекъ его Вассіа-

номъ и вручилъ опытному старцу, внушивъ ему терпѣніе и послушаніе къ братіи, и Вассіанъ предалъ себя во всемъ волѣ отца своего духовнаго, исполняя съ любовію всѣ трудныя службы.

Долго пробылъ онъ въ обители Тотемской, и уже пріобрѣвши опытность духовную, просилъ наставника своего Ѳерапонта отпустить его на безмолвіе къ церкви Святителя Николая и нерукотвореннаго Образа Спасова. Ѳерапонтъ, провидя въ немъ, духовнымъ окомъ, избранный сосудъ благодати, ввелъ его въ храмъ для молитвы и, со многими слезами и наставленіями, отпустилъ въ желанное уединеніе, между двухъ рѣкъ Тиксны и Ропры, гдѣ стояли двѣ церкви Спаса и Святителя. Труженикъ умолилъ іерея Нестора и весь причтъ церковный дать ему мѣсто за двадцать саженъ отъ церкви, для поставленія малой хижины, и съ ихъ согласія окрестные жители скоро устроили келлію для пришельца, а до того времени пребывалъ онъ непсходно на паперти церковной, днемъ и ночью въ постѣ и молитвѣ. Когда же совершилась келлія, онъ просилъ іерея освятить ее молебствіемъ Пресвятой Троицѣ, которой икону принесъ съ собою, и водворился въ новомъ своемъ жилищѣ, въ 1594 году, при благочестивой державѣ Царя Ѳеодора Іоанновича и при святительствѣ Патріарха Іова.

Ежедневно выходилъ онъ на каждую церковную службу, совершая у себя въ келліи, предъ

иконою Святыя Троицы, полное иноческое правило, и питался приносимымъ ему подаяніемъ, которое принималъ въ оконце своей келліи, ибо всѣми былъ любимъ за кротость свою и смиреніе, но никого не принималъ къ себѣ въ келлію, кромѣ отца своего духовнаго. Однажды испросилъ онъ у Ѳерапонта благословеніе возложить на тѣло свое вериги желѣзныя и, не довольствуясь ими, опоясалъ себя желѣзнымъ обручемъ, руки и ноги оковалъ цѣпями, покрывъ все сіе иноческимъ одѣяніемъ, и на голову надѣлъ себѣ, подъ куколь, тяжелую желѣзную шапку, и такимъ образомъ тридцать лѣтъ подвизался, втайнѣ отъ всѣхъ. Уразумѣвъ наконецъ близкое свое отшествіе къ Богу, призвалъ онъ отца духовнаго и, причастившись страшныхъ Христовыхъ таинъ, въ радости предалъ чистую свою душу Богу, 12-го Сентября 1624 года, при державѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, во второй годъ святительства Патріарха отца его. Іеромонахъ Ѳерапонтъ созвалъ окрестныхъ іереевъ и, при многочисленномъ собраніи народа, съ честію предалъ землѣ тѣло многотруднаго Вассіана, близъ церкви Всемилостиваго Спаса. Тогда только открылся труженическій его подвигъ, когда увидѣли тѣло его, все опутанное желѣзами; всѣ прославили Бога, не дающаго угодникамъ своимъ оскудѣвать на землѣ.

(Изъ записокъ, сообщенныхъ Пр. Вологодскимъ Епископомъ Ѳеогностомъ.)

ЖИТІЕ И ЧУДЕСА

ПРАВЕДНАГО СИМЕОНА ВЕРХОТУРСКАГО.

Вотъ и еще одинъ угодникъ Божій, котораго дѣянія посмертныя болѣе извѣстны нежели событія временной его жизни, потому что, по словамъ Апостола (Кол. III, 3), жизнь его была сокровена со Христомъ въ Богѣ; тогда только, когда уже прославился онъ нетлѣніемъ и исцѣленіями, узнали окрестныя страны, кто сей праведный Симеонъ Верхотурскій. По устроенію промысла Божія, возжигаются подобные свѣтильники въ пустынѣ, чтобы свѣтить и въ мѣстахъ безлюдныхъ и возбуждать усердіе къ вѣрѣ, въ такихъ предѣлахъ, куда еще мало проникалъ свѣтъ ея, и оплодотворять собою неплодную дотолѣ почву. Посему и взываютъ къ нему съ любовію, просвѣщаемые имъ жители Верхотурья,

гласомъ церковной пѣсни: «како не дивимся житію твоему, или не похвалимъ, преподобне Симеоне, житіе твое, равноангельное, помысла цѣломудренное и кротости твоея смиренное и молчаливое, и милостыни неоскудное?—всѣми бо добродѣтельми украсился еси, блаженне!»

Изъ краткаго сказанія о житіи и чудесахъ праведнаго Симеона, которое хранится въ Верхотурскомъ монастырѣ Святителя Николая, на границахъ Пермскихъ и Тобольскихъ, явствуетъ только, что сей праведный происходилъ, по рожденію, изъ дворянъ Великороссійскихъ, и по смутнымъ обстоятельствамъ, въ первыхъ годахъ XVII вѣка, удалился изъ родины въ дальнюю Сибирь. Не задолго предъ тѣмъ возникъ въ сихъ Зауральскихъ предѣлахъ, городъ Верхотурье, ибо и туда проникъ уже свѣтъ Христіанства, чрезъ преемника Апостольской ревности Святителя Пермскаго Стефана, который, безъ меча и безъ кровопролитія, далеко разширилъ къ Востоку предѣлы Русскіе; но городъ сей, хотя и вновь устроенный, показался слишкомъ многолюднымъ для любителя безмолвія, потому что тутъ была таможня царская и торжище, куда стекались окрестные жители, для сбыта своихъ промысловъ. Пришелецъ съ дальней стороны, какъ странникъ, не имѣлъ себѣ постояннаго пристанища, а только привиталъ на погостѣ села Меркушинскаго, которое лежало глубже въ Сибирь, верстахъ въ пятидесяти отъ Верхотурья.

Мѣсто сіе, удаленное отъ шумнаго торга, соотвѣтствовало любви его къ уединенію и воспламеняло еще болѣе его богомысліе, представляя вокругъ одну лишь пустыню; ее украшали вѣковые кедры и лиственницы, отъ величія красоты созданій, возводившія мысленные взоры къ Создателю сей чудной природы; въ глуши дубравы любилъ онъ уединяться и тамъ, внимая таинственному гласу широко шумящихъ кедровъ, возносить молитвенно голосъ къ Богу. Но не оставлялъ Симеонъ исполнять и всѣ службы церковныя, прилежно посѣщая храмъ Божій на погостѣ и показывая ко всѣмъ чрезвычайное послушаніе и любовь; общее удивленіе возбуждалъ онъ цѣломудренною, благочестивою своею жизнію, которая послужила образцемъ для многихъ. Труженикъ питался трудами рукъ своихъ по заповѣди Апостольской (2 Сол. III, 10), и ремесло его было портное; онъ шилъ шубы съ нашивками, какъ сказано о немъ въ повѣсти, и это доставляло ему пропитаніе, потому что такого рода одежда была тогда нарядомъ людей почетныхъ, къ числу коихъ и самъ онъ принадлежалъ по своему рожденію. Было и еще одно невинное занятіе у странника, которое также не препятствовало его молитвѣ; онъ любилъ удить рыбу въ пустынѣ, на берегу многоводныхъ рѣкъ Сибирскихъ, и это напоминало ему Апостольскія мрежи рыбарей Галилейскихъ.

Ничего болѣе не сохранилось о немъ въ уст-

ныхъ преданіяхъ старожиловъ Меркушинскихъ, которые еще помнили блаженное житіе между ними праведнаго Симеона, когда ихъ распрашивалъ о немъ Святитель Тобольскій Митрополитъ Игнатій, такъ какъ знаменія уже начинали истекать отъ истлѣнныхъ его мощей. Нѣкто Аѳанасій, разсказывая Святителю о преподобномъ, говорилъ, что одѣвая и пропитывая себя трудами своихъ рукъ, праведникъ старался, по мѣрѣ силъ своихъ, одѣвать и питать другихъ, и чрезъ это располагалъ къ себѣ многихъ, и бесѣдовалъ съ ними о небесныхъ истинахъ; обитая посреди Вогуличей и другихъ инородцевъ, не давно обращенныхъ ко свѣту Христову, онъ пользовался всѣми случаями, чтобы наставлять ихъ на путь христіанскаго благочестія; такимъ образомъ, стяжавая самъ спасеніе свое цѣломудреннымъ и праведнымъ житіемъ, обратилъ и другихъ на путь спасенія. Благочестиво пожившъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, онъ мирно и безвѣстно преставился въ половинѣ XVII столѣтія, и погребенъ былъ на погостѣ Меркушинскомъ, при церкви Архистратига Михаила, гдѣ столь долго жилъ и молился.

Верхотурье, по тогдашнему распредѣленію эпархій, принадлежало къ области митрополіи Сибирской, которая была открыта въ 1621 году. Святители Тобольскіе имѣли особое побужденіе наблюдать за церковными догматами въ своихъ предѣлахъ, потому что туда были ссылаемы гла-

вные сѣятели раскола, и двое изъ нихъ, попъ Аввакумъ и чернецъ Іоспѳъ Астоменъ, проѣзжая чрезъ Верхотурье, многихъ заразили своими заблужденіями. По сему ревностные Архіереи, и сами, и чрезъ довѣренныхъ лицъ, часто обозрѣвали свои предѣлы. Когда, въ 1692 году, клирикъ преосвященнаго Игнатія Тобольскаго, Матѳеій, посѣтилъ погостъ Меркушинскій, ему показали близъ церкви выходившій изъ могилы гробъ, въ которомъ видимы были, сквозь треснувшія доски, истлѣвшія мощи. Самъ Митрополитъ Игнатій, посѣтившій на слѣдующій годъ погостъ сей, осматривалъ гробъ праведнаго мужа, поклонялся хранившемуся въ немъ сокровищу, и записалъ то, что слышалъ о житіи его и современныхъ чудесахъ, ибо и на себѣ испыталъ цѣлебную его силу. Между прочими исцѣленіями, упоминаетъ онъ, о разслабленномъ служителѣ воеводы Сибирскаго Савелова, окрѣпшемъ всѣми членами при гробѣ праведнаго Симеона, и о дочери стольника Нарышкина и служителѣ его Ильѣ, которые тутъ же исцѣлились отъ глазной болѣзни, какъ о томъ засвидѣтельствовалъ самъ Нарышкинъ предъ Митрополитомъ Игнатіемъ; многіе другіе болящіе пѣли надъ гробомъ праведнаго панихиды, брали изъ него персть и обвязывали себѣ болящіе члены, чрезъ что получали исцѣленіе.

Чрезъ два года, преосвященный посѣтилъ опять Меркушино и, по его порученію, свидѣ-

тельствовали нетлѣнныя мощи, игуменъ Далматовской обители Исаакъ, ключарь Тобольскаго собора Іоаннъ и еще одинъ іерей, съ двумя діаконами: они донесли, что открывши гробъ, увидѣли въ немъ тѣло, по обычаю христіанскому положенное, въ совершенной цѣлости, плоть присохла къ костямъ, и только не многое что обратилось въ персть. Недоумѣвалъ Святитель и въ ту же минуту почувствовалъ сильную боль въ лѣвомъ глазѣ, какъ самъ онъ о томъ свидѣтельствуетъ; ему пришло на мысль, что не отъ зимней стужи это произошло, но отъ того, что самъ не хотѣлъ идти свидѣтельствовать святыхъ мощей, и тогда же, обѣщался тотчасъ послѣ литургіи, идти поклониться имъ, сказавъ: «помилуй меня Господи, и исцѣли око мое, и ты, преподобниче, прости и не гнѣвайся на меня; послѣ святой литургіи имѣю видѣть тебя и благодать данную тебѣ отъ Бога, происходящую намъ обильно отъ честныхъ мощей твоихъ,» и въ тотъ же часъ утихла его болѣзнь. Послѣ сего самъ преосвященный, съ Знаменскимъ архимандритомъ Сергіемъ, Далматовскимъ игуменомъ, со священниками и діаконами, свидѣтельствовалъ святыя мощи и подтвердилъ: «что во истину то были мощи праведнаго и добродѣтельнаго человѣка Божія и древнимъ святымъ подобныя.»

Пріѣхавъ въ городъ Верхотурье, преосвященный Игнатій еще болѣе собралъ свѣдѣній о

житіи праведнаго Симеона и цѣлебныхъ его дѣйствіяхъ; и самъ градской воевода Цыклеръ засвидѣтельствовалъ о исцѣленіи служителя своего, у котораго была раздроблена кость ноги. Освятивъ соборную церковь, Митрополитъ возвратился въ селеніе Меркушино, въ сопровожденіи воеводы и почетныхъ гражданъ, и всѣмъ имъ объявилъ честныя мощи; всѣ цѣловали праведнаго въ священное чело: это уже было третіе свидѣтельствованіе мощей. На другой годъ, посланы были преосвященнымъ, благоговѣйные мужи: іеромонахъ Израиль и іеродіаконъ Никифоръ, посмотрѣть, пребываютъ ли въ благочестіи Христіане ввѣренной ему эпархіи? Они нашли, что въ г. Верхотурьѣ православные Христіане крѣпко содержатъ заповѣди евангельскія; раскольники же, или обратились къ истинѣ, или со стыдомъ бѣжали оттуда, гонимые молитвами праведнаго Симеона, который досель охраняетъ православіе, не только въ городѣ и бывшемъ погостѣ, но и во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ; тамъ нѣтъ ни одного раскольника; много бо можетъ молитва праведника споспѣшествуема (Іак. V, 16) вѣрою. Не иначе разсуждалъ и Святитель Игнатій, ибо все это приписывалъ онъ чудесному заступленію Святаго.

Когда открывается источникъ, обильно текутъ изъ него воды, такъ и отъ преподобныхъ мужей не оскудѣваютъ знаменія; непрестанно и здѣсь были явленія, къ увѣренію православныхъ.

Однажды, въ сонномъ видѣніи, явился праведный Симеонъ нѣкоему Тимоѳею, жителю предмѣстья Верхотурскаго, какъ бы въ трапезѣ церкви Меркушина, въ бѣлой одеждѣ, возраста средняго, въ юношескомъ видѣ; предъ нимъ горѣла свѣча въ паникадилѣ и вдали отъ него, при западныхъ дверяхъ трапезы, стояло много людей, которые указывали на него, говоря: «это вашъ святой!» одинъ изъ предстоявшихъ сказалъ: «не угашайте свѣщи;» но праведный, вставъ съ одра своего, съ жезломъ въ рукахъ, удалилъ всю сію толпу, какъ бы гнѣваясь на глумителей. Вмѣстѣ съ ними вышелъ изъ церкви и тотъ, кому было видѣніе; но нѣкто позвалъ его опять въ церковь, чтобы принять прощеніе отъ праведника и, возбудившись отъ сна, впалъ онъ въ великій ужасъ. Съ тѣхъ поръ посѣтили его многія искушенія, для избавленія отъ коихъ далъ онъ обѣщаніе идти ко гробу праведнаго Симеона, но побоялся сказать о томъ духовнику своему; однако возвратился съ дороги, вспомнивъ заповѣдь Митрополита Игнатія, при посѣщеніи имъ Верхотурья, чтобы не таить чудесъ праведнаго мужа, и какъ только исповѣдалъ бывшее ему видѣніе духовнику, внезапно оставилъ его тотъ невольный ужасъ, который непрестанно томилъ его днемъ и ночью; онъ могъ свободно итти и съ спокойнымъ духомъ совершить обѣтъ свой.

Иногда бывали благодатныя явленія преподобнаго Симеона, не только для вещественнаго ис-

цѣленія, но и для нравственнаго возбужденія къ добродѣтели: житель Верхотурскаго уѣзда, Іаковъ, долго лежавшій въ немощи, былъ уже положенъ безъ всякаго движенія, у себя въ домѣ подъ иконы, и ожидалъ смертнаго часа; внезапно предсталъ ему человѣкъ, въ бѣлой одеждѣ, и велѣлъ ѣхать въ Верхотурье, объявить тамошнему дьяку, чтобы удерживался отъ пьянства, содержалъ посты и исповѣдалъ грѣхи свои духовнику; самому же болящему повелѣлъ итти помолиться надъ гробомъ праведнаго Симеона. Пробудившись отъ сна, болящій получилъ облегченіе, совершеннаго же исцѣленія сподобился у гробовой раки.

Такое же строгое внушеніе о трезвости, было іерею Павлу соборной церкви Верхотурья, котораго укорилъ явившійся и взялъ съ него обѣщаніе впредь не касаться вина. Смятенный іерей просилъ помилованія и облегченія своему недугу, обѣщая по смерть свою не пить вина. «Кто будетъ тебѣ порукою?» спросилъ праведникъ. Іерей указалъ ему на животворящій крестъ; принялъ поручительство дивный пришлецъ и даровалъ обѣщанное исцѣленіе, но еще строго обличалъ его въ другихъ нечестивыхъ дѣлахъ; исцѣленный іерей исполнялъ обѣтъ свой до конца жизни.

Много подобныхъ исцѣленій записано при святыхъ мощахъ праведника. Случилось однажды, что явленіемъ своимъ избавилъ онъ отъ Та-

тарскаго плѣна крестьянина Петра съ рѣки Міасы, который спасся отъ невѣрныхъ только заступленіемъ Святаго. Это было уже въ послѣдній годъ правленія Святителя Игнатія, который переселился въ Москву, въ 1701 году, и тамъ скончался.

Достойнымъ ему преемникомъ былъ ученый Митрополитъ Филоѳей Лещинскій, который ревностно заботился о православіи ввѣренной ему паствы, и о крещеніи инородцевъ, Вогуличей, Остяковъ и Тунгусовъ. Самъ онъ спускался и поднимался по неизмѣримымъ рѣкамъ Сибири, къ югу и сѣверу необъятной своей эпархіи, отъ устья Оби и Енисея до верховья Иртыша и Ангары, и странствовалъ на оленяхъ по тундрамъ, чтобы пріобрѣсти къ свѣту Христову сихъ дикихъ дѣтей природы; благодатнымъ успѣхомъ увѣнчалась его Апостольская проповѣдь, ибо онъ успѣлъ окрестить до 50,000 язычниковъ, въ продолженіи двукратнаго своего святительства въ Тобольскѣ. Исполненный благоговѣнія къ памяти праведнаго Симеона, на третій годъ своего пришествія въ Сибирь, въ 1704 году, благословилъ онъ, по просьбѣ Верхотурскаго воеводы Алексія Калетина, перенести святыя мощи, изъ села Меркушина въ Верхотурскій монастырь Святителя Николая; тамъ были онѣ поставлены въ деревянной церкви Покрова Богоматери, при архимандритѣ Израилѣ Далматовскомъ. Въ день перенесенія святыхъ мощей, 12 Сентября, и до-

селѣ ежегодно совершается память праведнаго Симеона.

Между тѣмъ, продолжались явленія и чудеса; въ 1711 году, предсталъ онъ, во время литургіи, старцу обители Іакову, при возношеніи божественныхъ тѣла и крови, и старецъ палъ на помостъ, какъ бы безъ чувствъ; пришедши же въ себя, объявилъ причину своего ужаса: какъ явившійся ему праведникъ велѣлъ возвѣстить архимандриту и воеводѣ, чтобы внушали народу удерживаться отъ бранныхъ словъ и беззаконныхъ дѣлъ; иначе придетъ на нихъ наказаніе Божіе — моръ и голодъ, и чтобы они усерднѣе молились въ храмахъ о благораствореніи воздуховъ. Достойна вниманія такая посмертная забота праведника, о Христіанскомъ усовершенствованіи тѣхъ, которымъ нравственно старался быть полезенъ во дни земной своей жизни.

Въ 1749 году, житель Невьянскаго завода, въ которомъ, прежде другихъ мѣстъ, явился расколъ и упорно держался, нѣкто Василій Масленниковъ, пришедши въ обитель, для исполненія своего обѣта, разсказалъ бывшее ему посѣщеніе Божіе. Впалъ онъ въ жестокую болѣзнь и три года не владѣлъ рукою и языкомъ; уста его покривились и руку свело къ шеи; однажды предсталъ ему во снѣ человѣкъ въ бѣлой одеждѣ, роста средняго, съ русыми власами, такъ какъ написанъ праведникъ Симеонъ, на гробовой его

пконъ, и сказалъ: «человѣкъ, хочешь ли здравымъ быть?» — «Желаю, Господи, отвѣчалъ болящій, но кто же ты, милостиво обо мнѣ пекущійся?— Я Симеонъ Меркушинскій, отвѣчалъ явившійся, иди въ Верхотурье, въ обитель Святителя Николая; тамъ съ вѣрою помолись Господу и надъ моими мощами соверши молебствіе, и будешь здравъ; если умедлишь, то въ горьшее впадешь; крестное же знаменіе на себѣ изображай, во образъ пресвятыя Троицы, тремя первыми перстами.» Василій, съ дѣтства, наученъ былъ раскольниками изображать на себѣ двуперстное знаменіе; въ ту же минуту почувствовалъ онъ облегченіе, скорченная рука выпрямилась и онъ могъ изобразить ею крестное знаменіе тремя перстами, какъ заповѣдалъ ему праведный Симеонъ. На другой день, вставъ съ одра трехлѣтней болѣзни, пошелъ онъ въ контору объявить свое видѣніе приказнымъ людямъ и всѣмъ жителямъ Невьянскаго завода и, пришедши въ Верхотурскую обитель, со слезами исповѣдалъ тамъ бывшее ему явленіе.

Въ 1763 году, Верхотурскій купецъ Михаилъ Новгородцевъ, объявилъ въ обители о своемъ исцѣленіи. Управляя Каменскимъ заводомъ, занемогъ онъ горячкою и былъ безнадеженъ, но имѣлъ постоянно въ памяти своей угодника Симеона и просилъ его о помощи. Внезапно явился ему человѣкъ въ бѣлой одеждѣ и сказалъ: «покайся и будешь здравъ, но впредь удерживайся отъ не-

чистыхъ словъ;» немедленно получилъ онъ исцѣленіе и объявилъ о томъ, не только въ обители, но и протоіерею Тобольскаго собора, прибывшему въ Верхотурье, а приходскій священникъ засвидѣтельствовалъ о доброй его жизни.

Въ 1790 году, казакъ города Сургутска, Ѳеодоръ Кайдаловъ, нечаянно опаленный взрывомъ отъ ружья, такъ что тѣло его гнило до самыхъ костей, имѣлъ утѣшительное видѣніе: благообразный мужъ совѣтовалъ ему идти поклониться мощамъ праведнаго Симеона. Немедленно получилъ онъ облегченіе и могъ совершить обѣтъ свой надъ гробомъ Святаго. Такимъ образомъ цѣлебная сила его начала распространяться и въ болѣе отдаленныя мѣста отъ Верхотурья. Протоіерей Іоаннъ города Шадринска, засвидѣтельствовалъ, что онъ видѣлъ нѣсколько случаевъ чуднаго исцѣленія у раки преподобнаго, надъ двумя своими дѣтьми, женою и надъ самимъ собою, въ теченіи 20 лѣтъ, съ 1804 по 1824 годъ. Въ самой обители надписи на серебряныхъ дщицахъ, свидѣтельствуютъ о исцѣленіяхъ, въ различныя времена, совершившихся молитвами праведнаго Симеона.

На мѣстѣ обрѣтенія частныхъ мощей, въ селѣ Меркушинѣ, устроена въ 1808 году, каменная часовня, и тамъ, гдѣ была могила, есть источникъ чистой воды, который посѣщаютъ благоговѣйные чтители памяти святаго мужа, приходящіе покланяться мощамъ его въ Верхотурье.

Посѣщаютъ и то мѣсто, за нѣсколько верстъ отъ погоста, гдѣ любилъ уединяться онъ, на утесистомъ берегу рѣки Туры, подъ вѣковою елью, когда занимался рыбною ловлею. Люди благоговѣйные берутъ себѣ въ домы на благословеніе, и воду изъ источника, и вѣтви отъ многолѣтняго древа. Усердные жители Верхотурья устроили, въ 1846 году, новую серебряную раку для угодника Божія, и совершая ему службу, по общей минеи, Христа ради юродивыхъ, съ умиленіемъ къ нему взываютъ: «земный Ангелъ и небесный человѣкъ явился еси, преблаженне, источникъ умиленія, милости теченіе, пучина чудесъ, струя исцѣленій, Симеоне досточудне, маслина Божія во истину плодовита, елеемъ трудовъ твоихъ просвѣщая вѣрно хвалящихъ тя, моли Человѣколюбца, отъ бѣдъ избавити любовію чтущія всечестную память твою.»

(Выписано изъ сказанія о житіи и записей, хранящихся въ Верхотурскомъ монастырѣ, Пермской епархіи).

СВ. АРКАДІЙ

ЕПИСКОПЪ НОВГОРОДСКІЙ.

Послѣ удаленія Св. Епископа Нифонта изъ великаго Новгорода и кончины его въ Кіевской лаврѣ, избранъ былъ въ 1156 году и возведенъ на сѣни, по обычаю Новгородскому, благочестивый игуменъ Аркадій изъ обители Успенской, имъ основанной, не далеко отъ города. Князь Новгородскій Мстиславъ Георгіевичь, со всѣмъ клиромъ Св. Софіи и духовенствомъ, возвелъ его на сѣни Владычнія, и онъ тогда же вступилъ въ управленіе дѣлами церковными, хотя и не былъ еще рукоположенъ, потому что послѣ удаленія Митрополита Кіевскаго въ Царьградъ, два года не было Первосвятителя на Руси. Наконецъ, въ 1158 году, когда пришелъ изъ Царьграда новый Митрополитъ Константинъ, ходилъ

къ нему, для рукоположенія, Епископъ Аркадій. Скорбно было девятилѣтнее его правленіе, исполненное смутами народа и непрестанною смѣною посадниковъ и Князей, ибо тогда враждовали между собою, за престолъ великокняжескій, два сильные дома Ольговичей и Мономаховичей, и вражда сія отзывалась въ Новгородѣ, перемѣною его Князей, то изъ старшаго рода, то изъ младшаго; сколько можно умиротворялъ добрый пастырь волненіе народное и примирялъ Князей, не допуская до кровопролитія, и оставилъ по себѣ благую память кроткаго Святителя и чадолюбиваго отца спрыхъ и нищихъ. Онъ преставился, посреди общаго плача, 19-го Сентября 1165 года, и погребенъ былъ въ Софійскомъ соборѣ, въ паперти Мартиріевой. Память его совершается еще и съ другими угодниками, почіющими въ соборѣ, Февраля 10-го и Октября 4-го; обитель его Аркажская, процвѣтала подъ его именемъ, до половины XVIII столѣтія; съ тѣхъ поръ упразднена и находится подъ сѣнію обители Юрьевской. Преемникомъ Св. Аркадія, на каѳедрѣ Софійской, былъ знаменитый Іоаннъ, возведенный на степень Архіепископа и прославленный многими чудесами, во дни земной своей жизни и послѣ блаженнаго преставленія.

(Изъ Лѣтописца Новгородскаго.)

СТРАДАНІЯ

БИДЗИНЫ, ШАЛВЫ И ЕЛИЗБАРА ЭРИСТОВЫХЪ.

Въ царствованіи Вахтанга IV-го въ Картлиніи и Теймураза I-го въ Кахетіи, возсіяли три новыхъ мученика: Бидзина, Елизбаръ и Шалва. Шахъ-Аббасъ Персидскій, опустошивъ Кахетію, разрушилъ всѣ ея святилища, а жителей или увелъ въ плѣнъ или истребилъ; никто уже не могъ противиться ему; ибо всѣ находились подъ его владычествомъ. Св. великомученица Кетевань, Царица Кахетинская и Св. Луарсабъ, Царь Карталинскій, были коварно плѣнены и за имя Христа замучены, удостоившись вѣнца мученическаго. Но Богъ не оставилъ безъ наказанія нечестиваго Шахъ-Аббаса, и въ жестокихъ мученіяхъ самъ онъ извергъ нечестивую душу, подобно Іудѣ. Шахъ-Аббасъ II-й, сынъ его, всту-

пившій на престолъ Персидскій, хотѣлъ совершенно истребить Христіанство въ Кахетіи и распространить въ ней свою вѣру.

Жители, уцѣлѣвшіе отъ рукъ перваго Аббаса, мало по малу начали возобновлять опустошенныя мѣста. Узнавъ о томъ второй Аббасъ озлобился и послалъ въ Кахетію безчисленныя толпы Татаръ ему подвластныхъ, съ ихъ семействами; для охраненія онъ далъ имъ войско и предводителемъ назначилъ Султана Ардаламскаго. Такимъ образомъ вся Кахетинская страна наполнилась Татарами. Сперва стали они селиться по обѣимъ сторонамъ рѣки Алазани, гдѣ выстроили крѣпость Падро, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ Кахетіи. Тамъ никто уже почти не исповѣдывалъ имени Христова, кромѣ нѣсколькихъ семействъ Тушетинцевъ и жившихъ по сосѣдству ихъ.

Тогда то возсіялъ Св. великомученикъ Бидзина, изъ рода Князей Чолокаевыхъ. Христосъ Богъ, безсильнымъ силодавецъ, даровалъ ему мужество и внушилъ мудрость, потому что онъ былъ вѣрный слуга Божій. Бидзина отправился въ Карталинію къ Князьямъ Эристовымъ, Арагвскимъ и Ксанскимъ, описалъ имъ всѣ бѣдствія, какія постигли его соотечественниковъ, и просилъ у нихъ войска. (Въ то время начальствовалъ надъ Арагвійцами Заалъ, а надъ Ксанцами Елизбаръ, бездѣтный старецъ, вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Шалвою, который былъ имъ

усыновленъ). «Обратите вниманіе на бѣдствія наши и годину испытанія, и увидите въ какой мѣрѣ намъ горько. Кахетія разорена и находится въ рукахъ Татаръ; они совершенно уничтожили Христіанство. Нынѣ насъ постигло несчастіе, потомъ и васъ постигнетъ. Возстанемъ же противъ нихъ! Если это намъ однимъ невозможно, то возможно съ помощію Бога нашего, подъ сѣнію животворящаго креста и предстательствомъ Св. великомученика Георгія, котораго храмъ въ рукахъ враговъ и пречистый образъ его поруганъ ими. Сразимся съ ними и съ помощію Божіею побѣдимъ ихъ. Если же нѣтъ, то по крайней мѣрѣ положимъ свои головы за имя Христово. Христосъ, Царь нашъ, положилъ душу свою за насъ: что же если и мы положимъ души наши за него и за нашихъ братьевъ? Предъ многочисленностію враговъ мы умалены за наши грѣхи; нѣтъ у насъ предводителя, нѣтъ опытныхъ воиновъ, но и малымъ числомъ возстанемъ противъ нихъ! Если Богу угодно будетъ, одинъ побѣдитъ тысячи, а двое нѣсколько темъ; если же не угодно, то пусть они поразятъ насъ за Господа Іисуса. Да будетъ имя Господне благословенно!»

Эристовы тотчасъ же обѣщали дать помощь Бидзинѣ; однако Эристовъ Арагвскій самъ не рѣшился итти противъ Персовъ, страшась ихъ мщенія при неудачѣ, и хотѣлъ лишь дать только отъ себя храбрыхъ воиновъ; но славные слу-

ги Божіи Елизбаръ и Шалва, имѣя многочисленную дружину, избрали изъ числа ея самыхъ храбрыхъ, пошли вмѣстѣ съ Бидзиною въ Тіонети, оттолѣ еще призвали себѣ на помощь Тушетинцевъ, горцевъ и нѣсколько Кахетинцевъ, сколько могли найти. Въ темную ночь перешли они черезъ гору Тіонетскую и внезапно напали на Татаръ. Самъ великомученикъ Георгій видѣлся имъ сидящимъ на бѣломъ конѣ предъ ихъ полками. Воины Христовы совершенно разсѣяли и обратили невѣрныхъ въ бѣгство. Султанъ, храбрый ихъ начальникъ, едва успѣлъ сѣсть на коня съ немногими воинами и спастись бѣгствомъ, оставивъ въ добычу все свое семейство. Бидзина и князья Эристовы воздали благодареніе Богу и великомученику за славную побѣду. Кто слышалъ, чтобы съ малочисленнымъ войскомъ, можно было разсѣять въ одну ночь сорокъ тысячъ Татаръ, такъ что на другой день нельзя было найти ни одного Татарина въ Кахетіи?

Когда Султанъ Ардаламскій, возвѣстилъ въ Персіи о бѣдствіи постигшемъ поселившихся въ Кахетіи Татаръ, Шахъ велѣлъ управлять ею владѣтелю Ганджы, но и тотъ не смѣлъ итти за рѣку Алазань. Между тѣмъ Шахъ-Аббасъ написалъ къ Царю Карталинскому Вахтангу IV, котораго Персіяне называли Шахъ-Навазомъ, чтобы онъ прислалъ къ нему храбрыхъ воиновъ Христовыхъ,

бывшихъ виною пораженія его подданныхъ. Малодушный Царь велѣлъ схватить Бидзину, Елизбара и Шалву, и послалъ ихъ въ Персію къ Шахъ-Аббасу, который въ свою очередь послалъ ихъ къ Султану Ардаламскому, но онъ велѣлъ сказать Султану: «жалѣю о нихъ ради ихъ мужества и не желаю ихъ смерти. Они могутъ быть намъ полезны противъ враговъ нашихъ; убѣди ихъ только отречься отъ Христіанской вѣры. Если отрекутся и сдѣлаются Мусульманами, окажи имъ большую честь и обогати ихъ; если же будутъ противиться нашимъ повелѣніямъ, то жестоко накажи ихъ и предай смерти.» Стражи представили трехъ витязей предъ лице Султана въ Ардаламъ. Обрадовался нечестивый, видя ихъ связанными, однако принялъ ласково, по приказанію Шаха; онъ предложилъ имъ оставить вѣру Христіанскую, обѣщая много почестей и богатства. Но святой Бидзина отвѣчалъ: «мы не нуждаемся въ почестяхъ и богатствѣ и не ищемъ отъ васъ милости. Мы небеснаго Царя рабы и воины Христовы, который даровалъ намъ побѣду надъ вами, для насъ самихъ невозможную; отъ Него и ожидаемъ себѣ драгоцѣнную награду. Ваши награды скоро окончатся и изчезнутъ, какъ изчезаетъ сонъ и увядаетъ цвѣтъ; а въ будущей жизни, что̀ будетъ ожидать насъ, кромѣ огня неугасаемаго и безконечныхъ мукъ, на что будете осуждены и вы и всѣ отрекающіеся Сына Божія? Нѣтъ, ни почести, ни награды, ни мученія

ваши, ни угрозы смерти не могутъ заставить меня оставить Христа: я готовъ все перенести, лишь бы съ нимъ находиться въ раю.»

Послѣ Бидзины отвѣчали Елизбаръ и Шалва: «такъ какъ намѣреніе наше, всѣхъ троихъ, было одинаково, и мы всѣ одинаково трудились; то всѣ трое вмѣстѣ и должны принять вѣнецъ мученическій.» Видя такую непреклонность, озлобились беззаконники; но все еще продолжали убѣждать ихъ, обѣщая большія награды, чтобы они пожалѣли самихъ себя, и не предавались безвременной смерти. Святые на все отвѣчали: «нѣтъ, ни чьи совѣты не могутъ склонить насъ оставить вѣру Христіанскую и отречься отъ имени Христова; мы убѣждены, что ничего нѣтъ сладостнѣе смерти за Христа и не можемъ даже слышать имени ложнаго вашего пророка. Дѣлайте съ нами, что хотите: не боимся ни огня, ни меча, ни какихъ либо другихъ мученій, которыми угрожаете.» Тогда невѣрные, отчаявшись въ успѣхѣ, связали трехъ воиновъ Христовыхъ и стали безжалостно влачить по землѣ. Святые мученики обратились съ молитвою къ Богу и просили, чтобы далъ имъ силы перенести великодушно предлежащія мученія за его святое имя.

Слуги ихъ, которые были посланы вмѣстѣ съ ними, совѣтовали имъ покориться волѣ мучителей, чтобы избавиться мукъ и остаться въ покоѣ. Но они, строго взглянувъ на нихъ, отвѣчали съ негодованіемъ: «если вы точно вѣрные наши слу-

ги, то зачѣмъ убѣждаете, чтобы мы отреклись отъ Христа и признали лживаго Магомета; зачѣмъ хотите осудить насъ на вѣчныя муки?» Напрасно опять послѣдователи Магомета старались обольстить ихъ ласкою и обѣщаніемъ почестей. «Христосъ, отвѣчали святые, увѣрялъ насъ, что кто послушаетъ его, удостоится такого блаженства, котораго око не видѣло, ухо не слышало, и сердце человѣческое не постигаетъ; но онъ угрожаетъ мученіемъ безконечнымъ противящимся ему.»

Тогда раздраженные мучители раздѣли ихъ, и вывели на знойное солнце, чтобы жаждою и голодомъ поколебать ихъ твердость; все было напрасно; наконецъ приступили палачи: Елизбару и Шалвѣ прежде готовились отсѣчь головы, чтобы устрашить Бидзину. Но твердый адамантъ вѣры не устрашился, и еще своихъ сподвижниковъ ободрялъ къ смерти. Онъ говорилъ имъ: «ничего нѣтъ слаще смерти за Христа, который есть начальникъ безсмертія и жизнедавецъ.» Блаженнѣйшіе Елизбаръ и Шалва съ радостію преклонили главы свои подъ мечь; но исполнители казни не могли ударить ихъ по выѣ, потому что они были высоки ростомъ; сперва ударили ихъ въ колѣна и, когда они упали, тогда лишь отсѣкли имъ головы.

Мучители обратились къ Бидзинѣ и стали опять его убѣждать отрѣчься отъ вѣры Христіанской, угрожая въ противномъ случаѣ такою же

участію, какая постигла пострадавшихъ мучениковъ. Когда же Бидзина остался твердымъ въ вѣрѣ христіанской, то чтобы посрамить его, привели предъ обнаженнаго множество женщинъ; но не посрамился подвижникъ, потому что облеченъ былъ во Христа и готовился предстать предъ него. Видя безуспѣшность позора, прибѣгли къ другимъ мѣрамъ: привели осла и, посадивъ на него Бидзину (въ нагомъ видѣ), водили по улицамъ, всѣ встрѣчные ругали его и били: такое наказаніе считается у Персовъ самымъ постыднымъ, особенно для людей важныхъ. Но Бидзина радовался и благодарилъ Бога за то, что какъ Христосъ, сидя на ослятѣ взошелъ въ земной Іерусалимъ, такъ же и онъ, шествовалъ въ небесный, къ Царю Царей. Съ улыбкою говорилъ онъ врагамъ своимъ: «вотъ какъ вы ко мнѣ добры, вы сами стараетесь, чтобы я взошелъ на ослѣ въ царство Божіе.»

Безбожники продолжали издѣваться надъ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожать; но Бидзина громогласно обличалъ ихъ лжепророка, чтобы они скорѣе исполнили надъ нимъ свой приговоръ, и далъ ему возможность скорѣе присоединиться къ лику мучениковъ. Принесли наконецъ не острые мечи и безжалостно стали рѣзать Святаго на мелкія части, приговаривая: «не упрямься! отрекись Христа, котораго исповѣдуешь Богомъ, и не желай себѣ мучительной смерти.» Но Бидзина повторялъ только: «исповѣдую Христа Богомъ.»

Сперва отрѣзали мученику, по составамъ, всѣ пальцы на обѣихъ рукахъ, какъ нѣкогда Св. Іакову Персіянину, и каждый разъ, какъ отсѣкали одинъ составъ, говорили: «легко тебя избавить отъ этихъ мукъ, если покоришься волѣ нашего повелителя;» но Святой только молился и ничего не отвѣчалъ. Потомъ отрѣзали ему, такимъ же образомъ, всѣ пальцы на обѣихъ ногахъ, постоянно напоминая о пощадѣ, если оставитъ Христа; но онъ былъ непреклоненъ. За тѣмъ отрѣзали кисти обѣихъ рукъ и ступни обѣихъ ногъ, и такъ далѣе, пока осталось одно только туловище, и каждую отрѣзанную часть его тѣла влачили предъ его глазами по землѣ. Страшно было смотрѣть на мученика, но все переносилъ онъ великодушно и не переставалъ молиться. Наконецъ ему разрѣзали животъ, и одинъ изъ палачей, видя что въ сердцѣ еще есть правильное движеніе крови, воскликнулъ: «все еще живъ этотъ гяуръ! сердце его движется и трепещетъ» и, вынувъ копье, пронзилъ сердце. Такимъ образомъ великій Видзина получилъ вѣнецъ мученическій. Мелкія частицы тѣла его, и тѣла Елизбара и Шалвы, были брошены, и никто не хотѣлъ похоронить ихъ. Но въ ту же ночь священные останки мучениковъ освѣщены были божественнымъ свѣтомъ, и гдѣ только пролиты были капли ихъ крови, вездѣ сіяли какъ бы зажженные свѣчи. Всякій, кто видѣлъ чудо сіе, прославлялъ Бога, и говорилъ: «великъ Богъ Хри-

стіанъ и тѣхъ, которые нынѣ пожертвовали собою за него!» Тою же ночью, когда стало тихо и всѣ заснули, пришли тайно Армянскіе христіане и укрыли въ своей церкви останки святыхъ мучениковъ. Мощи ихъ исцѣляли всѣхъ, приходившихъ съ вѣрою и изгоняли бѣсовъ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, супруга святаго Шалвы, Богомъ возлюбленная Кетеванъ, и сынъ его Эрставъ, послали вѣрныхъ людей, чтобы возвратить мощи мучениковъ въ отечество. Когда открыли ихъ мощи, они были найдены какъ бы сросшимися; но главы не отыскались при нихъ, потому что ихъ раздѣлили между собою Армяне и Латины. Въ Карталиніи, Христіане и родственники, вездѣ встрѣчали и провожали ихъ съ великою честію, и лобызали съ благоговѣніемъ. Такъ какъ нельзя было отличить мощи сіи безъ главъ, одни отъ другихъ, то положили ихъ всѣ вмѣстѣ въ одну раку, и поставили въ Икортскій монастырь святыхъ Архангеловъ. Память ихъ совершается 18-го Сентября.

(Изъ Грузинскаго Мартирологія Католикоса Антонія).

СКАЗАНІЕ

О ОБРѢТЕНІИ СВ. МОЩЕЙ И ЧУДЕСАХЪ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО.

Въ царствованіе блаженныя памяти Императрицы Елисаветы Петровны, въ 1752 году, Митрополитъ Ростовскій Арсеній донесъ Святѣйшему Синоду, о обрѣтеніи мощей Святителя Димитрія, по нечаянному случаю. Домовая его канцелярія представила ему о поврежденіи чугуннаго пола въ соборной церкви Іаковлевской обители, который совершенно опустился при стѣнахъ южной и западной, тамъ, гдѣ стояла гробница Святителя, такъ что, отъ трясенія помоста, не малая происходила опасность для священнодѣйствія. Игуменъ Геннадій, при разобраніи пола, подъ плитами, усмотрѣлъ, что не было подъ ними каменнаго свода, а только много песку и земли, и когда выбралъ весь этотъ соръ, оказался

подъ нимъ деревянный сгнившій обрубъ изъ сырыхъ толстыхъ бревенъ, сверхъ коего, вмѣсто крыши, положены были такія же толстыя бревна, и когда онѣ обвалились отъ тяжести, то и самый обрубъ наполнился щебнемъ. И такъ, не безъ особеннаго Промысла Божія, небрежность работниковъ и невниманіе надзирателей, послужило къ открытію мощей Святителя Димитрія.

21-го Сентября тотъ же Игуменъ донесъ опять что, по разобраніи сгнившаго обруба, усмотрѣлъ онъ самый гробъ преосвященнаго Димитрія, у котораго крыша, отъ обрушившихся сверху бревенъ, вся разломана, и видны, сквозь скважины, покровъ, шапка и одѣяніе совершенно нетлѣнныя. Тогда самъ Митрополитъ Арсеній, съ Игуменомъ Геннадіемъ, духовникомъ своимъ и крестовыми іеромонахами, осматрцвалъ, въ тотъ же день, обрѣтенный гробъ; сняли раздавленную и сгнившую крышу и внутри его открылось много земли; возглавіе отвалилось отъ давленія бревенъ, но прочія части гроба были цѣлы и сохранился желтый атласъ, которымъ былъ онъ обитъ. На лицѣ Святителя лежалъ желтый камчатный покровъ, на головѣ была шапка изъ рудожелтой тафты, на которой, вмѣсто дробницъ, написаны были святыя иконы золотомъ и красками: одежда его, омофоръ, саккосъ, поручи и прочее всѣ были нетлѣнны; на выѣ его вписѣлъ невредимо мѣдный позолоченный крестъ, на тонкомъ шелковомъ шнуркѣ; на груди лежало святое евангеліе,

на которомъ распятіе и изображенія трехъ Евангелистовъ сохранились, бумага же внутри евангелія вся истлѣла; въ рукахъ Святителя были чотки шелковыя; волосы русые на головѣ и бородѣ были цѣлы и лице не весьма почернѣло, хотя впали глаза.

Для лучшаго осмотра, Митрополитъ послалъ Архимандрита Спасскаго монастыря изъ Ярославля, Варѳоломея, съ своими крестовыми клирпками, которые вынули изъ земли гробъ и, очистивъ отъ засоренія, опустили въ другой новый гробъ; сдѣлавъ твердое основаніе, приставили къ церковной стѣнѣ, гдѣ прежде онъ стоялъ и, надъ помостомъ устроили каменную гробницу. Между тѣмъ Архимандритъ донесъ, что, когда подымали гробъ, усмотрѣли, что дно его цѣло, хотя подъ тѣмъ мѣстомъ была грязь, и подъ главою усопшаго Святителя лежавшія рукописи, труды его собственныхъ рукъ, истлѣли отъ влажности, когда отвалилось возглавіе; священная же десница, ихъ писавшая, и лѣвая рука, крестообразно сложенныя на груди, были совершенно нетлѣнны, что весьма замѣчательно при влажности, окружавшей гробъ; но у правой руки четыре перста переломились отъ обвалившейся во внутрь доски, и лѣвая отдѣлилась отъ локтя, голѣни же ногъ и всѣ составы совершенно были крѣпки, какъ бываетъ у прочихъ святыхъ мощей; самые башмаки и орлецъ кожанный остались невредимы, хотя и заржавѣли желѣзные гвозди гроба отъ сырости.

Получивъ донесеніе, Митрополитъ повѣрилъ истину его, вторичнымъ личнымъ освидѣтельствованіемъ святыхъ мощей и, отслуживъ, предъ Божественною литургіею, панихиду по усопшемъ великомъ Святителѣ, запечаталъ своею печатью гробницу, и отдалъ ключи отъ нея на сохраненіе своему эконому, до разрѣшенія Святѣйшаго Синода. Между тѣмъ, какъ только разнесся слухъ, о обрѣтеніи святыхъ мощей всѣми уважаемаго Святителя, начали стекаться толпы народныя въ обитель Іаковлевскую и открылся обильный источникъ исцѣленій отъ святыхъ мощей; чудныя сіи знаменія дошли до слуха Державной. Императрица повелѣла, три года спустя, чтобы Митрополитъ Арсеній тщательно записывалъ о бывающихъ исцѣленіяхъ при гробѣ Святителя и извѣщалъ бы о томъ Святѣйшій Синодъ, который, съ своей стороны, для третьяго достовѣрнаго ихъ освидѣтельствованія, назначилъ двухъ духовныхъ лицъ: Спльвестра Митрополита Суздальскаго и изъ Симонова монастыря Архимандрита Гавріила. Они подтвердили прежнія два свидѣтельства Митрополита Арсенія, пять лѣтъ спустя, въ Февралѣ 1757 года, не утаивъ и совершавшихся предъ ними чудесъ, между коими самыя знаменательныя были слѣдующія:

Ростовскаго уѣзда вотчины Г. Вольнскаго, крестьянка Марья, осьмидесяти лѣтъ, пятнадцать лѣтъ уже слѣпая отъ сильной головной боли, прозрѣла въ 1753 году, тотчасъ по отслуженіи на-

пихиды. Въ слѣдующемъ году, Княгиня Евдокія Вяземская, одержимая шесть недѣль сильною горячкою, призвала молитвенно на помощь Святителя Димитрія и, освободившись отъ болѣзни, могла совершить обѣтное странствіе въ Ростовъ.

Дворцовой крестьянинъ Василій Короваевъ, семидесяти семи лѣтъ, и крестьянка изъ окрестности Ростова Ѳедосья, шестидесяти, оба ослѣпшіе въ продолженіи уже шести лѣтъ, одинъ отъ нечаяннаго случая, другая же отъ сильной головной боли, прозрѣли въ 1755 году, при гробѣ Святителя, въ день сошествія Св. Духа.

Крестьянская дочь вотчины Князя Рѣпнина, которая была въ совершенномъ разслабленіи, имѣла скорченныя ноги и ничего не говорила полтора года, внезапно получила разрѣшеніе отъ болѣзни и проговорила при мощахъ Святителя. Посадскій человѣкъ города Ярославля, весь разслабленный и не владѣвшій руками, имѣлъ во снѣ явленіе стараго мужа, который совѣтовалъ ему съѣздить въ Ростовъ помолиться надъ гробомъ угодника Божія; проснувшись, онъ почувствовалъ облегченіе и, какъ только положилъ обѣщаніе ѣхать въ Ростовъ, то разрѣшились его руки и окрѣпло тѣло такъ, что онъ могъ совершить обѣтъ свой.

Исцѣлялись и бѣсноватые, какъ древле при гробахъ мученическихъ, ибо имъ, посреди ихъ страданій, являлся въ архіерейскомъ облаченіи Святитель Димитрій, и осѣняя обѣими руками,

обѣщалъ, что болѣе страдать не будутъ. Жена дьячка бывшей Патріаршей области, Евфросинія, болѣвшая ногами, стала свободно ходить послѣ панихиды надъ гробомъ Святителя, и другая женщина Почпиковскихъ заводовъ, у которой была сведена нога, а у сына ея руки и ноги были сведены, въ присутствіи всѣхъ, бывшихъ тогда въ Ростовѣ Архіереевъ, исцѣлилась, вмѣстѣ съ сыномъ, въ 1756 году. Княгиня Екатерина Шайдякова, два года не владѣвшая руками и ногами, стала внезапно ходить при самомъ гробѣ Святителя.

Наконецъ, нѣкоему Терентію, діакону Ярославской церкви, страдавшему горячкою, съ умственнымъ разслабленіемъ, который однако не оставлялъ призывать, въ свѣтлыя минуты ума, Святителя Димитрія, явился онъ самъ, въ сонномъ видѣніи, и какъ будто поднялъ за руки съ одра болѣзни; діакону же представилось, что онъ находится въ Іаковлевскомъ соборѣ и прикладывается къ мощамъ угодника Божія; проснувшись, получилъ онъ облегченіе и совершенно исцѣлился при гробѣ Святителя.

При такихъ ясныхъ свидѣтельствахъ, весь освященный Соборъ согласно положилъ свое мнѣніе, что Святителя Димитрія подобаетъ признавать за истиннаго угодника Божія, ради его богоугодныхъ дѣлъ, и причесть къ лику святыхъ заступниковъ земли Русской, и что святыя мощи его достойны почитанія; день же ихъ обрѣтенія, 21 Сентября, избранъ для празднованія памяти по-

ваго Чудотворца, для котораго составлена особенная служба; ее составилъ Епископъ Переяславскій, Амвросій, по повелѣнію Св. Синода. Это было первое открытіе святыхъ мощей послѣ Патріаршества, уже при Святѣйшемъ Синодѣ, и оно совершилось съ особеннымъ торжествомъ.

Благочестивая Императрица возъимѣла ревность устроить раку для Святителя, изъ вновь открытаго серебра въ рудникахъ Колыванскихъ, какъ уже устроила серебряную раку для благовѣрнаго Князя Александра, въ сѣверной своей столицѣ; она хотѣла сама присутствовать при торжественномъ ихъ переложеніи въ сію великолѣпную раку, но не успѣла довершить благоговѣйнаго начинанія. На другой годъ послѣ ея кончины, Императрица Екатерина II исполнила то, чего желала блаженныя памяти усопшая, и въ Маѣ 1763 года, послѣ своего Царскаго вѣнчанія, предприняла благочестивое странствіе въ Ростовъ изъ царствующаго града, со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, и всѣми именитыми особами Двора своего; сама она поддерживала священную раку, при перенесеніи святыхъ мощей, и стяжала себѣ и царственному своему потомству, неусыпнаго молитвенника, разрушающаго ереси и расколы, и укрѣпляющаго правовѣрныхъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.

(Выписано изъ печатной книги жигія и службы Святителя Димитрія).

ОКТЯБРЬ.

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ПРАВЕДНАГО СТЕФАНА, НОВАГО ДЕСПОТА СЕРБОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Церковь Сербская, съ любовію, совершаетъ память многихъ Князей своихъ и Святителей; до тринадцати такихъ праздниковъ означены въ ея отечественныхъ святцахъ, но не всѣ житія присныхъ ея Святыхъ намъ извѣстны, и о нѣкоторыхъ сама она можетъ только представить, или службу церковную въ честь ихъ, или одни отрывки своихъ лѣтописей. Предпринимая изложить житіе Деспота Стефана, празднуемаго 9 Октября, (которое въ удовлетворительной полнотѣ обрѣтается въ такъ называемомъ Сербякѣ, рукописи Сергіевой лавры) я воспомяну здѣсь по порядку и тѣхъ праведныхъ мужей Сербской земли, имена коихъ и дѣянія были опущены мною по не-

достатку о нихъ свѣдѣній. Основываюсь теперь на выпискѣ изъ святцевъ Сербскихъ, доставленной мнѣ Епископомъ Шабацкимъ Михаиломъ, воспитанникомъ Академіи Кіевской, который служитъ своей родинѣ, благоговѣйною жизнію и духовнымъ образованіемъ.

24-го Сентября служба преподобнаго отца нашего Симеона, такъ названнаго въ иночествѣ, но бывшаго въ мірѣ Стефана, первовѣнчаннаго Краля Сербіи, сына перваго святаго Краля Стефана Немани и брата Св. Саввы перваго Архіепископа Сербскаго. Нетлѣнныя мощи его доселѣ хранятся въ древней лаврѣ Сербской, Студеницѣ, а благочестивыя дѣянія, краткаго его царствованія, входятъ въ объемъ пространнаго житія святыхъ его родителей и брата.

Октября въ 4 день, служба святаго и праведнаго Князя Стефана Лазаровича; житіе его вовсе неизвѣстно, ибо о немъ даже не упоминается въ лѣтописи Рапча.

Въ своемъ мѣстѣ были помѣщены краткія лѣтописныя свѣдѣнія о Св. Арсеніѣ, Архіепископѣ Сербскомъ, преемникѣ Св. Саввы; память его совершается 28 Октября.

Октября 30 положена служба благочестиваго и великаго Краля Сербскаго Стефана Милутина, отца Св. мученика и Краля Стефана Дечанскаго. Въ пространномъ житіи сего праведника взошли отчасти и дѣянія его родителя; особеннаго житія его не существуетъ; хотя славны въ лѣтопи-

сяхъ царственныя дѣла Милутина, возвеличившаго Сербію, но печально воспоминаніе о невинныхъ страданіяхъ его сына.

Память царственнаго мученика Стефана Дечанскаго совершается собственно 11 Ноября, но житіе его, со всевозможною полнотою, описано подъ 30-мъ числомъ Октября, въ соединеніи съ памятью его родителя.

Декабря 2-го служба иже во Святыхъ блаженнаго младаго Царя мученика Уроша, сына великаго Царя Душана, которымъ окончилась слава царства Сербскаго. Краткое житіе его заимствовано изъ лѣтописи и поставлено въ своемъ мѣстѣ. Но вотъ еще служба 10 Декабря, неизвѣстнаго намъ Св. Іоанна Деспота, о которомъ не упоминается въ лѣтописяхъ.

Благодаря Бога мы имѣемъ въ рукописяхъ Сербскихъ, хранящихся въ лаврѣ, самое полное житіе первосвятителя и учителя Сербовъ Св. Саввы, память коего совершается 12 Января, и родителя его перваго Краля Симеона Неманя, измѣнившаго багряницу царскую на мантію иноческую, мѵроточца и чудотворца, память коего 13 Февраля. Но между ними, Января въ 18 день положена еще служба совершенно неизвѣстному для насъ по лѣтописи, Максиму новому, бывшему Деспоту Сербовъ.

Въ лѣтніе мѣсяцы, Іюня въ 15 день, совершается память Св. блаженнаго великомученика, иже въ Царяхъ Князя Лазаря, бывшаго само-

держца Сербской земли, съ которымъ пало послѣднее ея величіе, на Коссовомъ полѣ, подъ ударами Султана Амурата; а 30 Іюля правится служба преподобной матери Ангелины, Деспотицы Сербской, вѣроятно супруги Св. Деспота Стефана и матери Деспота Іоанна, ибо есть отъ нея грамота изъ Бѣлграда, около 1510 года, къ нашему Великому Князю Василію Іоанновичу; Ангелина просила его милостыни, для сооруженія храма, гдѣ хотѣла положить тѣлеса мужа и сына, святыхъ Деспотовъ Стефана и Іоанна. Ею заключается рядъ святыхъ заступниковъ земли Сербской, благоговѣйно чтимыхъ ея Церковью.

Современный описатель житія Деспота Стефана еще весь проникнутъ скорбію о утратѣ великаго мужа Церкви и земли Сербской. Онъ сравниваетъ сего державнаго, возсіявшаго въ ихъ родѣ, съ боговидцемъ Моисеемъ, руководившимъ Израиля въ пустынѣ сорокъ лѣтъ, ибо столько же продолжалось руководство властителя Сербскаго, не безъ особаго промысла въ такое время, когда страхъ и туча велікая, были по всей вселенной и оскудѣли христоименитые люди, которыхъ былъ онъ печатью. «Естьли бы, восклицаетъ писатель, Господь, многаго ради благоутробія раба своего, не оставилъ намъ сѣмени его, Содому и Гоморрѣ уподобилась бы земля Сербская, страдая отъ глада и частыхъ землетрясеній, и моровыхъ повѣтрій, и нашествія иноплеменниковъ, съ моря и суши. Не было по

всеи вселенной места гдѣ бы не напалъ страхъ твой, Господи. Когда же все славное сотворишь въ насъ, Боже, трепетъ пріимутъ отъ тебя горы и растаютъ, исаломски, какъ воскъ отъ огня; явны будутъ дѣла твои предъ сопротивными, ибо дивенъ бываешъ ты, Боже, въ памяти Святыхъ твоихъ! Но и нынѣ показалъ ты силу твою, въ людяхъ твоихъ, не до конца предавъ достояніе твое въ разрушеніе языкамъ; и нынѣ оставилъ еще, преклонившихъ колѣна предъ Вааломъ по слабости естества ихъ, но возмогшихъ отъ немощи своей, быть паки крѣпкими во браняхъ, и вѣрующимъ въ сокрущающаго брани мышцею высокою, внушилъ предпочесть страданія, подобно Моисею, съ людьми Божіими, лучше нежели пить временную грѣха сладость, и сопзволилъ имъ быть въ ликѣ пострадавшихъ за Христо-именитое стадо. Сильно пострадали нѣкоторые за истинное благочестіе, какъ бы кто либо изъ древнихъ, съ коими сродились по духу, ради неколебимости оставшихся.» Такъ умилительно воспоминаетъ подвигъ ихъ, собиратель житія Стефанова; еще умилительнѣе обращается къ читателямъ: «да проститъ мнѣ, боголюбіе ваше, сіи рыдательныя вѣщанія, или по духу, или же и ради земнаго, (аще о дусѣ, аще о земныхъ), ибо я воспомянулъ лѣта вѣчная и, въ памяти одного благочестиваго, всѣхъ во Христѣ храбровавшихъ хотѣлъ бы здѣсь привести, хотя и не по достоинству моему, ибо невозможно невѣждѣ пре-

плывать пучину; но рыдающимъ есть обычай извнѣ искать себѣ утѣшительныхъ подобій, отъ которыхъ излиpаются неудержимыхъ слезъ потоки; обрѣтши же именитаго, какъ бы нѣкій корабль, съ нимъ преплываю пучину, восходя и къ подобнымъ ему.»

Онъ сравниваетъ Деспота своего съ Іисусомъ Навиномъ, въ мудрости и мужествѣ, который ополчался предъ сынами Израиля и раздѣлилъ между ними землю обѣтованную. Не хочетъ онъ воспоминать Самсона, хотя и крѣпкаго но побѣжденнаго женою, ибо во всю свою жизнь не подвергался подобной слабости Стефанъ и не впадалъ духомъ въ отчаяніе, какъ Илій первосвященникъ и судія Израильскій, но всегда имѣлъ въ умѣ своемъ крѣпкаго Самуила, дивнаго во Пророкахъ, который Царя поставилъ и Царя обличилъ, и еще сына Іессеева, присно памятнаго, о которомъ было свидѣтельство Божіе: «что обрѣлъ Господь Давида по сердцу своему,» и подобно ему, гнушаясь высокаго, возносился однимъ смиреніемъ, сколько могъ оное вмѣстить человѣкъ. Сравниваютъ его и съ Соломономъ, предъ которымъ смирилъ Господь всѣ языки, къ сѣверу и къ югу, и которому приходила дивиться Царица Савская. И сей приснопамятный Стефанъ, во дни своей державы, умиротворилъ крѣпчайшіе скипетры Восточныхъ и Западныхъ; со всѣхъ странъ къ нему стекались и всѣхъ устроялъ въ своей землѣ; паипаче Западные Князья

называли его господиномъ и блюстителемъ своего царства; во времена нужныя посылалъ онъ воиновъ, съ избранными воеводами; никто изъ малыхъ и великихъ не возвращался отъ него не возвѣщая о многихъ его дарахъ и славныхъ дѣяніяхъ, мужествѣ во брани и мудрости въ совѣтѣ. По сему именовался онъ титломъ Деспота, во всѣхъ странахъ, и отъ малаго Сербскаго скиптра, великое по вселенной пріобрѣлъ себѣ имя, паче иныхъ державныхъ, обладавшихъ многими языками.

Не только вѣрные, но и невѣрные державцы, уважали его и къ нимъ говорилъ онъ съ дерзновеніемъ, стяжавъ славу Даніилову и трехъ отроковъ. Прошелъ онъ сквозь огнь и воду, съ воинствомъ Царя Восточнаго, который его совѣтами и мудростью величался, какъ нѣкогда Киръ великій, мужемъ желаній Даніиломъ: такъ и громомъ нареченный властитель Оттоманскій, молніеносною стрѣлою облиставшій края Востока, доколѣ Господь не положилъ ему предѣла. Многихъ превзошелъ Стефанъ древнихъ Царей, честью и добродѣтелью, но ни кто не могъ съ нимъ сравниться милостынею и вѣрою; все извлекалъ онъ себѣ изъ божественныхъ писаній, на пользу душевную, и во всемъ являлся превосходящимъ другихъ, и въ образѣ жизни и въ красотѣ внѣшней, и величіемъ осанки, и въ самомъ блескѣ одежды и оружія, такъ что и Царица Южская могла бы воскликнуть: «блаженны живущіе въ домѣ твоемъ, новый Соломонъ!»

Отъ похвалы своему Деспоту, переходитъ описатель житія его къ похвалѣ земли и племени Сербскаго, предпочитая свою родину всѣмъ странамъ земли, по благорастворенію воздуховъ и обилію плодовъ; онъ сравниваетъ ее съ земнымъ раемъ и, одною изъ райскихъ рѣкъ, Фисономъ, почитаетъ Истръ или Дунай, превознося его паче всѣхъ рѣкъ, какъ и родную Саву, лучшій притокъ Дунайскій. Достойно вниманія то, что говоритъ онъ о красотѣ, нравственной и тѣлесной, племени Сербскаго, и весьма бы желательно, чтобы повсюду обрѣталась такая же чистота и патріархальность нравовъ.

«Да не возмнитъ кто либо, что восхваляя бездушное, умолчу о лучшемъ и послѣднемъ созданіи Божіемъ, человѣкѣ. Добра земля, возрастающая класъ пшеничный, и приносящая въ тридцать и шестьдесять и во сто, но еще добрѣе она своими сынами. Мужественны они паче всѣхъ, что всего честнѣе въ человѣкѣ, по изреченію мудраго Соломона, но и для всякаго послушанія благонадежны; куда бы только ни призвали ихъ, скоры на послушаніе и косны на глаголаніе, гдѣ есть что либо сопротивное; скоры же къ отвѣту всякому вопрошающему ихъ и вооружены въ десныхъ и въ шуихъ, по выраженію Апостольскому (2 Кор. VI, 7). Чистотою тѣлесною и свѣтлою кровію превосходятъ они всякое племя; къ тому же и милостивы и дружелюбны. Если кто изъ нихъ приходитъ въ убо-

жество, прочіе восполняютъ ему все нужное отъ своихъ благъ; каждому просящему готовы служить, не однимъ подаяніемъ, но сугубою милостынею, какъ говоритъ Соломонъ: «почитающій нищаго, милостыню ему творитъ.» (Притч. XIV, 31). Образъ ихъ жизни по всей странѣ таковъ, какъ учитъ Церковь Божія, а не такъ какъ у другихъ народовъ нарушающихъ ея уставы; но съ юнаго возраста, отъ мала до велика, всѣ пріучены, дважды въ день, посѣщать храмы Божіи. Уваженіе ихъ къ родителямъ столь велико, что ни одинъ сынъ, хотя и въ своемъ домѣ, не дерзаетъ вкушать пищи вмѣстѣ съ отцемъ, но какъ рабъ предстоитъ его трапезѣ, и это можно видѣть не только между богатыми, но и въ грубѣйшихъ людяхъ, и въ послѣдней нищетѣ. Никогда не слышно, чтобы кто либо оскорбилъ отца своего или мать, но во Христѣ исполняютъ они всѣ заповѣди, другъ друга бо̀льшимъ творятъ честію и привѣтствуютъ каждаго, называя его господиномъ съ откровенною главою. Апостолъ Павелъ повелѣваетъ молиться съ открытою главою: (1, Кор. XI, 5) и такъ, естьли подобаетъ открывать главы, предъ Тѣмъ кто все наше внутреннее вѣдаетъ, чтобы изъявить ему свое благочестіе, то кольми паче предъ человѣкомъ не знающимъ нашей тайной мысли. Наипаче же, свыше всѣхъ добродѣтелей, прославляемыхъ Апостоломъ, препзбыточествуетъ любовь въ народѣ Сербскомъ.

«Скажу, заключаетъ писатель, и о высшей сте-

пени дѣятелей духовныхъ, Ангельскому житію подражающихъ, которые за ничто вмѣнили всѣ блага міра сего, единымъ украшаясь Христомъ, въ красныхъ пустыняхъ и обителяхъ, возбуждая убѣгать лѣности и соблюдать всякую добродѣтель. Много избранниковъ является посреди сихъ обителей и многіе между ними молчальники, по великому Ефрему, бесѣдующіе только съ шумомъ лиственнымъ и птицами небесными, и съ журчаніемъ водъ при потокахъ. Единственное дѣло ихъ воспѣвать въ Троицѣ хвалимаго Бога, котораго непрестанными гимнами хвалятъ Ангелы, а во звукѣ пѣсни земныхъ Ангеловъ, по слову псаломному: (Псал. LIV, 13) «холмы препоясуются радостію и красная пустыни процвѣтаютъ.» Симеонъ и Савва породили сихъ великихъ подвижниковъ, которые презрѣли все человѣческое, ибо и сами ихъ руководители оставили не какое либо обыкновенное богатство, но скипетры и престолы земнаго царствія, и, низшедши съ высоты своего величія, взяли на рамена крестъ, чтобы устремиться къ иному лучшему царству; они повлекли за собою множество чадъ своихъ, какъ песокъ неизчислимыхъ вскраи моря и какъ звѣзды на тверди небесной, по обѣтованію, нѣкогда данному праотцу Аврааму.»

СВЯТОЙ КНЯЗЬ ЛАЗАРЬ И АНГЕЛИНА, РОДИТЕЛИ СВЯТАГО СТЕФАНА. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ЮНОСТИ.

Писатель житія Стефанова касается его родословія и именуетъ всѣхъ его предковъ, начиная отъ Вулкана, брата Св. Саввы и первовѣнчаннаго Краля Сербіи, сыновей святаго Стефана Неманя, Царя мvроточца. Сынъ Великаго Князя Вулкана носилъ уже титло Жупана Сербской земли, и измѣнилъ мірское имя свое Димитрія на Давида, когда покинулъ міръ, уступивъ земную область сыну своему Вратиславу. Внукъ его, Князь Вратко, имѣлъ дочь Милицу, или Ангелину, которая вступила въ супружество съ знаменитымъ Княземъ Лазаремъ, собирателемъ земли Сербской и великимъ ея вопителемъ, прославившимъ поле Коссово, Отъ Лазаря и Милицы родился славный Деспотъ Стефанъ, происходившій въ шестомъ колѣнѣ отъ мvроточца. Лазарь, отецъ его, оставилъ по себѣ благую память, не только мужествомъ въ битвахъ, но и водвореніемъ мира церковнаго, ибо онъ старался соединить опять разрозненное честолюбіемъ Стефана Душана сильнаго, и взошелъ въ общеніе духовное съ Патріархомъ Царьградскимъ, который скорбѣлъ на вла-

стителей Сербскихъ, за ихъ Царское титло и за Патріаршее, какое сами собою усвоили своему Архіепископу. По новому взаимному условію, сму предоставлено было громкое титло сіе только въ предѣлахъ своей церковной области, но къ Патріарху Вселенскому относился онъ не болѣе, какъ Архіепископъ Охриды, или первой Юстиніанін.

Настала тяжкая година испытанія для Сербіи; вооружился противъ нея мощный Султанъ Амуратъ, восемьнадцать лѣтъ послѣ первой побѣды брата своего Солимана, одержанной имъ на полѣ Коссовомъ надъ всѣми Князьями Сербскими и Кралемъ ихъ Вукашиномъ, убійцею святаго Царя Уроша V. Не стерпѣлъ Лазарь видѣть опустошеніе своего края и не хотѣлъ, чтобы собственные его члены, или лучше сказать Христовы, были разсѣкаемы на части мечемъ Сарацинскимъ; онъ рѣшился, или оградить ихъ, или самому за нихъ погибнуть, стяжавъ себѣ вѣнецъ мученика. Кровавая сѣча закипѣла опять на полѣ Коссовомъ и сперва побѣда клонилась на сторону Сербовъ: нѣкто изъ благородныхъ, Милошъ именемъ, который былъ оклеветанъ въ измѣнѣ, хотѣлъ засвидѣтельствовать вѣру свою и мужество; одинъ устремился онъ въ толпу Оттоманскую, какъ бы изъ числа оруженосцевъ Султана, и приблизившись, вонзилъ мечь въ страшнаго самодержца. Но не настало еще время избавленія отъ работы вражія; скоро измѣнила побѣда,

громоносный сынъ Амурата, Баязитъ — молнія, воодушевилъ опять смятенные полки Турковъ и одолѣлъ Сербовъ, Богу такъ попущающу, чтобы не лишился лучшаго вѣнца Лазарь. Взятый въ плѣнъ со всѣми своими вельможами, вмѣстѣ съ ними исповѣдовалъ онъ имя Христово, предъ лицемъ суроваго властителя, и скончался отъ лезвія меча; присные умоляли его, дать имъ прежде сложить голову на плаху, чтобы не видѣть смерти своего владыки, и послѣ ихъ довершилъ онъ мученическій свой подвигъ, лѣта 1389 Іюня въ 15-й день. Въ этотъ день совершается ежегодно память его въ Сербіи, и поныне видится онъ какъ бы живой, въ нетлѣніи мощей своихъ, въ великой лаврѣ своей Равеницѣ, которую самъ основалъ, ибо много церквей создано было рукою благочестиваго Князя; но всѣхъ великолѣпнѣе была та, которую соорудилъ въ новомъ городѣ своемъ Крушевацѣ, во имя архидіакона Стефана, бывшаго Ангеломъ любимаго сына его Стефана.

Султанъ Баязитъ поспѣшилъ возвратиться въ Бруссу, чтобы возсѣсть на престолъ отца своего и укрѣпиться на его царствѣ. Между тѣмъ бѣда належала Сербіи, не только съ востока отъ Сарацинъ, но и съ запада отъ Венгровъ; спрыми остались вдова Лазаря, Деспотица Ангелина, съ юнымъ сыномъ своимъ Стефаномъ, не ожидая себѣ ни откуда помощи, потому что и внутри ихъ области возникали междоусобія. Плакала то-

гда земля Сербская, какъ Рахиль, плачущая о своихъ дѣтяхъ, и не хотящая утѣшиться «яко не суть»; гласъ вопля ея достигъ до слуха Господня, и вотъ, отъ источника малаго, вода потекла многая и просіялъ изъ сумрака опять солнечный лучь. Властитель Востока, превознесшись подобно Навуходоносору, хотѣвшій покрыть всю вселенную рукою своею, какъ гнѣздо птичье, смирился внезапно и послалъ ходатаевъ къ Деспотицѣ Ангелинѣ, просить руку дочери ея Ливеріи; по совѣту Патріарха, всего клира и сунклита, ради спасенія народа, было изъявлено на то согласіе великому Эмиру; съ тѣмъ вмѣстѣ покорилась и вся земля Сербовъ и, на каждое лѣто, Князь Стефанъ, съ братомъ своимъ Вулкомъ и вельможами, должны были являться предъ лице Султана и нести ему дань; но Господь умирилъ сердце новаго властителя Оттоманскаго; большую любовь показалъ онъ сыну Лазаря и съ честію принималъ юнаго Деспота, какъ бы роднаго сына, возвысивъ его предъ всѣми Восточными, которые приходили къ нему на поклоненіе.

Достохвальная мать Стефанова, превосходившая многихъ матерей добродѣтелію, когда осталась вдовою и Деспотицею, мужественно управила область свою, и была предметомъ изумленія для всѣхъ окрестныхъ странъ, которыя дивились ея царственнымъ добродѣтелямъ. Наипаче благоговѣла она къ храмамъ Божіимъ, ибо взирала къ единому Богу и въ заповѣдяхъ его

утверждалась, подавая во всемъ благой примѣръ юному сыну, котораго руководила въ дѣлахъ правленія; и покорный сынъ слѣдовалъ ученію матери своей и, день ото дня, становился опытнѣе, превосходя, подобно Соломону, мудростію всѣхъ прежде него бывшихъ властителей Сербіи; материнскими былъ онъ одѣянъ молитвами, какъ бы бронею отчею, и подъ ея сѣнью, достигнувъ совершеннаго возраста, воспріялъ отеческое наслѣдіе.

Противъ юнаго Князя возстали вначалѣ нѣкоторые изъ могущественныхъ вельможъ, которые искали избѣжать еще изъ подъ крѣпкой державы отца его Лазаря, но, не чувствуя себя въ силахъ одолѣть оружіемъ бодраго юношу, прибѣгли къ измѣнѣ. Они оклеветали своего владыку предъ великимъ Эмпромъ, будто возбуждаетъ противъ него Венгровъ, и предлагали ему свои услуги, чтобы только получить самовластіе въ странѣ Сербской. Втайнѣ послали они своихъ ходатаевъ ко двору Султана; но были и вѣрные Деспоту изъ числа вельможъ его: нѣкто именемъ Михаилъ, благородный и правый, который обличилъ предъ нимъ козни враговъ, въ самыя очи его клеветниковъ. Одинъ изъ нихъ, Новакъ Бѣлоцерковникъ, не зная что открыта его измѣна, смѣло явился ко двору Деспота и преданъ былъ заслуженной казни; другой же, Никола Зопкъ, во время бѣжалъ въ укрѣпленный городъ Островицу и видя, что не возможно ему спастись отъ

наказанія, принялъ образъ иноческій, съ супругою и дѣтьми, и не потревожилъ его въ обители великодушный Стефанъ.

Сама благовѣрная Деспотица пошла къ грозному Султану ходатайствовать за сына. Она взяла съ собою сродницу свою Евфимію, дочь Кесарей, вдову бывшаго Деспота Углеша, и нашла въ ней духовную себѣ опору, въ столь бѣдственную годину. Смутилась Ангелина, когда потребовалъ ихъ къ себѣ Баязитъ; но ее успокоила Евфимія, говоря: что не можетъ имъ быть никакой обиды, если уже самъ державный позвалъ ихъ предъ свѣтлыя свои очи и, съ помощію Божіею, все устроилось ко благому, ибо на Господа возложили они все свое упованіе. Тогда испросила она у великаго Эмира мощи святыя Параскевы, похищенныя изъ разореннаго Тырнова, и, къ чрезвычайному своему утѣшенію, получила ихъ въ даръ отъ Султана, который изумился, что владычица Сербовъ проситъ себѣ не злата, или камней драгоцѣнныхъ, но обнаженнаго тѣла, лишеннаго даже своей раки, въ разгромѣ Болгарской столицы. Обвивъ священныя мощи драгою плащаницею, Деспотица принесла ихъ въ Бѣлградъ и тамъ онѣ пребывали до нашествія внука Баязитова.

По возвращеніи матери своей дерзнулъ и самъ юный Деспотъ явиться предъ лице Султана, раздраженнаго противъ него клеветами навѣтниковъ. Не былъ онъ совершенно спокоенъ

духомъ, ибо и на него нѣсколько подѣйствовали совѣты нѣкоторыхъ, внушавшихъ искать дружбы Венгровъ, чтобы отложиться отъ Эмира; но Стефанъ отклонилъ, самъ собою, опасный совѣтъ сей, убѣдившись въ невозможности привести его въ исполненіе ко благу своей земли. Совѣщавшись съ матерію, явился онъ ко двору Султана и здѣсь, по слову Соломона, что сердце Царево въ рукѣ Божіей, тотъ, кого трепеталъ онъ, все ему вручилъ и, вмѣсто гнѣва, Стефанъ испыталъ отъ него одну лишь милость; какъ сына сладчайшаго принялъ его Эмиръ, и наставилъ совѣтами, какіе можетъ дать только одинъ отецъ. Еще прежде всякаго объясненія былъ онъ приглашенъ къ царской трапезѣ и, когда по обычаю всѣ расходились, одинъ лишь юный Деспотъ остался предъ лицемъ Султана. Баязитъ спросилъ его: «почему остался?» и смѣло отвѣчалъ ему Стефанъ: «поелику нѣкоторые люди оболгали меня державѣ твоей, самъ я прихожу предъ тобою нынѣ исповѣдать согрѣшенія мои. Дѣйствительно были мнѣ совѣтники отступить отъ царствія твоего и сдѣлаться другомъ Венгровъ, но я усмотрѣлъ невмѣстимость такого союза, вспомнилъ и твое обо мнѣ отеческое попеченіе и данную тебѣ клятву, и вотъ я самъ явился къ лицу твоему: жизнь моя предъ Богомъ въ рукахъ твоихъ, дѣлай со мною, что тебѣ угодно.»

Изумился такому искреннему слову грозный Баязитъ и, помолчавъ нѣсколько, отвѣчалъ слад-

кою рѣчью: «возлюбленный, въ чемъ думалъ ты успѣть у Венгровъ? — Я хотѣлъ взять за себя землю ихъ и непокоряющихся мнѣ смирить мечемъ, или предать плѣну; ты же что̀ могъ бы тамъ сдѣлать? Кто изъ владычествующихъ, преклонивъ главу предъ Венграми, сохранилъ свое господство?» — Султанъ воспомянулъ по имени Царей Болгарскихъ и продолжалъ: «ты же со мною будь; если не пойдешь, куда я иду, по истинѣ смутишься; если же туда, гдѣ я, не будешь знать смятенія, ибо во мнѣ всякое господство.— Когда мы на кого не идемъ сами, кто на насъ дерзнетъ?—воинствами содержатся обширныя царства и распространяются вдаль. Тебя вмѣняю я нынѣ, какъ сына моего старѣйшаго и возлюбленнаго, и предъ всѣми такимъ тебя являю, моими и Восточными, ибо кто у меня въ такой почести, какъ ты? — Я же склоняюсь къ старости и вскорѣ довершу теченіе, или на брани или болѣзнію. Поживи еще со мною, тогда же воспользуешься временемъ. Много у меня сыновей и они возстанутъ, братъ на брата; каждый изъ нихъ будетъ посылать къ тебѣ молитвенниковъ и звать къ себѣ на помощь, или только просить, чтобы не было вражды съ ними. Тогда, улучивъ время, не только будешь ты содержать свою область, но и иныя страны окрестъ твоей земли, и наречешься великимъ и славнымъ; да и нынѣ не содержишь ли уже ты земли своей въ своей власти? Но послушай меня, и я возвѣщу тебѣ, что

долженъ ты дѣлать, доколѣ я еще въ жизни: потщись сокрушить своихъ сильныхъ и привести въ свою волю, ибо послѣ меня, хотя бы и захотѣлъ, не въ силахъ будешь; а между тѣмъ благородныхъ, или убогихъ, но только твоего воспитанія, воздвигни и сдѣлай сильными, чтобы они могли обладать вмѣстѣ съ тобою; клеветниковъ же низложи и всѣхъ подобныхъ имъ.»

Поучивъ такими отеческими словами, тезоименитый молніи, Ильдеримъ, возвратился въ свои предѣлы, и можно ли было подумать, если бы не подслушалъ ихъ современникъ, чтобы такія тихія рѣчи текли изъ устъ грознаго властителя Оттомановъ, готоваго сокрушить всю силу крестоносцевъ на берегахъ Дуная? Но въ душѣ его было уже какъ бы тайное предчувствіе иной, болѣе страшной грозы Тамерлановой, и той позорной клѣтки, въ которой горько долженъ былъ окончить дни свои. Трогательно такое настроеніе духа того, предъ кѣмъ трепетали Западъ и Востокъ. Изумляется и самъ писатель житія Стефанова: «о чудо! восклицаетъ онъ, гдѣ когда либо слышно было и видѣлъ ли кто, чтобы виновному, являющемуся на смерть, вмѣсто смерти предлагали усыновленіе, и такіе отеческіе совѣты не отъ единовѣрнаго? Слышно ли бывало когда, чтобы пророкалъ язычникъ, и сбывалось его пророчество во дни наши, предъ лицемъ вселенной, а не гдѣ–либо въ углу? Но не такъ ли нѣкогда пророкалъ и Каіафа, ибо не своею волею пророчествуютъ человѣки.»

Борьба Баязита съ Тимуромъ; подвиги и слава Стефана.

Съ честію возвратился Стефанъ въ свою родовую область: не только уважали его всѣ сильные его державы, но и всѣ тѣ, которые покорились подъ скипетръ Оттоманскій; Христіане же радовались и возносили молитвенный гласъ къ Господу, возвысившему рогъ избраннаго своего. Нѣсколько времени спустя, въ 1395 году, воздвигся могущественный Баязитъ, со всѣми своими силами, на Угро–Влаховъ и перешелъ Дунай, чтобы сразиться съ славнымъ воеводою Іоанномъ Мирчемъ; много было пролито крови съ обѣихъ сторонъ; тогда погибли Краль Марко (Боснійскій) и державный Константинъ; вмѣстѣ съ ними и Князь Стефанъ былъ въ полкахъ Самодержца восточнаго. Блаженный Марко говорилъ Константину: молился я Господу, чтобы помощникомъ былъ Христіанамъ на невѣрныхъ, и я бы первый обрѣлся мертвымъ на сей брани, ибо неволею сражался противъ Христіанъ!» Черезъ два года послалъ опять сильное войско Баязитъ на Босну, подъ предводительствомъ сыновей своихъ, которымъ долженъ былъ сопутствовать Стефанъ; но въ горахъ выпалъ столь

глубокій снѣгъ, какого не запомнили и старые люди, и отъ суровой зимы мало возвратилось войска къ Султану. Враги Стефана хотѣли воспользоваться симъ случаемъ, чтобы оклеветать его, какъ бы виновнаго въ гибели войска, но не могли поколебать довѣренности Султана, ибо Господь явно помогалъ христолюбивому Князю.

Повоевавъ многія страны, громоносный Султанъ подступилъ и къ Царьграду; не надѣясь взять его съ суши, онъ обложилъ его со стороны моря, но и тамъ не имѣлъ успѣха. Между тѣмъ дошла до него вѣсть, что Краль западный, съ несмѣтными полчищами ему подвластныхъ Князей, перешелъ Дунай. Быстро оставивъ Царьградъ, пошелъ онъ на встрѣчу врагамъ до Никополя; тутъ были собраны Нѣмцы и Сарматы, Галлы, Британцы и Венгры; полки западные оттѣснули вначалѣ дружины Баязитовы; самъ онъ, какъ молнія, облеталъ ряды своихъ, чтобы остановить бѣгство: «куда бѣжите? восклицалъ отчаянный; если до конца побѣдятъ насъ, всѣ падемъ отъ острія меча ихъ, а жены и дѣти наши въ рукахъ ихъ будутъ! Лучше нынѣ умереть или побѣдить, и если побѣдимъ, пресыщу васъ благами ихъ земли!» Такъ взывалъ къ воинамъ Султанъ и, возвративъ полки свои, одолѣлъ Крестоносцевъ; много ихъ потонуло, вмѣстѣ съ конями, въ водахъ Дунайскихъ; нѣкоторые изъ Князей западныхъ спаслись въ царствующій градъ и разсѣялись по островамъ Архипелага. Султанъ

стяжалъ себѣ великую добычу; оттолѣ двинулся на Венгровъ и раззорилъ ихъ грады и, прошедши всю Македонію, овладѣлъ Солунемъ.

Одни только Сербы спаслись отъ его гнѣва; но они вскорѣ пострадали отъ Венгровъ, въ отсутствіе мощнаго Султана. Насталъ однако предѣлъ его молніеносному теченію; явился и на него страшный бичь съ востока, и Сербія временно освободилась отъ ига Агарянскаго. Такъ пишетъ въ одной своей грамотѣ самъ Деспотъ Стефанъ: «Вышнимъ промысломъ освободилась Сербія отъ порабощенія Измаилитскаго, начавшагося съ поля Коссова; пришелъ Царь Персовъ и сокрушилъ Агарянъ, меня же Богъ, милостію своею, избавилъ отъ руки Персовъ. Я же, обрѣтши избранное мѣсто, древній превеликій Бѣлградъ, по случаю многихъ раззореній опустѣвшій, обновилъ его и поручилъ Матери Божіей, жителямъ же его даровалъ многія льготы.» Дѣйствительно, только особымъ покровительствомъ Господа, могъ избавиться Стефанъ отъ участи союзнаго ему Султана, когда воскипѣла страшная брань между двумя неодолимыми дотолѣ владыками Запада и Востока, предъ которыми въ ужасѣ умолкла вселенная, ожидая до времени, кто изъ нихъ побѣдитъ.

Грозный Тимуръ послалъ къ громоименитому Султану, требовать отъ него дани и повиновенія тому, кто побѣдилъ Западъ и Востокъ и вскорѣ покоритъ Царьградъ. Исполнился яростію

Баязитъ и жестокое слово далъ въ отвѣтъ завоевателю. Напрасно искренній совѣтникъ умолялъ Султана: смириться предъ грозою Востока и дать ему требуемое, чтобы отошелъ въ иныя страны; не потерпѣлъ сего, не знавшій дотолѣ пораженія. «Не лучше ли будетъ, если побѣжду врага? сказалъ онъ присному своему, и тогда все будетъ въ рукахъ моихъ, и западное и восточное, и предъ всѣми возвеличусь; если же побѣжденъ буду, конецъ мужественно пріиму, но не унижу себя послушаніемъ.» Избранный совѣтникъ отвѣчалъ ему: «добро и полезно будетъ, если въ томъ и другомъ успѣешь; но если въ обоихъ погрѣшишь, какимъ еще инымъ образомъ спасешься?» Исполнилось предчувствіе опытнаго мужа, и когда впослѣдствіи, уже въ плѣну томился громоносный, тотъ же вѣрный его служитель, взойдя въ его темницу, напомнилъ ему прежнія свои рѣчи: «о, владыко, не въ обоихъ ли погрѣшилъ ты?» и оба восплакали горько. Слезы въ очахъ такого воина, каковъ былъ Ильдеримъ, разительны, и замѣчателенъ весь этотъ разсказъ о тайныхъ бесѣдахъ, которыя едва ли гдѣ сохранялись, кромѣ сего житейника. Стефанъ Деспотъ, какъ присный Султану, могъ о нихъ слышать и передать потомству.

До конца остался онъ вѣренъ своему благодѣтелю. Султанъ послалъ гонца, чтобы спѣшно шелъ къ нему на помощь съ избранною дружиною, и отважный Стефанъ, прошелъ невредимо

сквозь полчища Тимуровы, уже наводнившія всю Анатолію: въ Анкирѣ онъ соединился съ зятемъ своимъ Султаномъ. Тамъ закипѣла кровавая сѣча, на время рѣшившая судьбы Востока, и потоками текла кровь на поляхъ Анкирскихъ. Избранные воины Перскіе пожраны были остріемъ меча и копій Сербскаго скиптра; но одолѣло ихъ множество. Видя несмѣтныя толпы враговъ отовсюду обошедшія Султана, Стефанъ мужественно устремился выручить его изъ среды ихъ, и трижды врывался въ сѣчу, всякій разъ побѣждая, доколѣ не умалилась вокругъ него вѣрная его дружина. Что̀ могъ онъ сдѣлать въ толикихъ тысящахъ, безъ помощи Божіей? Неодпократная его побѣда всѣми исповѣдуется и достославна. Гдѣ только могъ, сражался онъ съ разсѣявшимися повсюду варварами, и не рѣдко одинъ на одинъ бился съ ними, весь обагренный кровію; кто исчислитъ всѣ его подвиги и сколько труднаго пути совершилъ гонимый, среди несмѣтныхъ полчищъ, все собою наводнившихъ? ибо и море и суша, и пристани, все было въ рукахъ ихъ. Стефанъ успѣлъ однако пробиться сквозь толпы враговъ и, съ остаткомъ своей дружины, достигнулъ царствующаго града.

Трепеталъ Царьградъ, но еще не пришелъ часъ его: гроза Тимурова внезапно обратилась къ югу на Египетъ, но миновала Іерусалимъ; страхъ удержалъ завоевателя. Уже онъ туда стремился, низложивъ стѣны Дамасскія, когда нѣкто сказалъ

ему: «что отъ самаго начала, еще никто изъ озлобившихъ Іерусалимъ, не оставался безъ отмщенія отъ Бога; не мимо идетъ и ему, если оскорбитъ святой градъ.» Сталъ Тимуръ и обратился опять къ востоку, гдѣ непокорившіеся ему грады испытали надъ собою всю мѣру его жестокости: не было пощады ни женамъ, ни дѣтямъ и, подъ ногами коней своихъ, топталъ онъ младенцевъ, плачущихъ о матеряхъ. Трепетала вся Азія предъ бичемъ вселенной. Самъ Тимуръ возносилъ себя выше Александра Великаго, говоря: «что витязь Македонскій, какъ бы на поруганіе себѣ, только обтекъ всю землю, ничего не удержавъ за собою изъ пройденныхъ имъ странъ; онъ же собралъ отовсюду корысти и нигдѣ не оставилъ державцевъ, все разрушая и истребляя.» Такими пестовыми рѣчами похвалялся Тимуръ предъ посломъ Сербскимъ, Андиномъ, котораго послалъ къ нему Деспотъ Стефанъ и Князь Радославъ, для отысканія сестры своей, уведенной въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣми женами Баязита, и многимъ разумомъ извелъ ее изъ плѣна Андинъ. Тамерланъ еще грозился ему: «что когда придетъ къ нимъ на западъ, то не восточными странами съ моря, а съ сѣвера по сушѣ, и западъ весь обтечетъ!» Такъ высоко о себѣ мыслилъ, не вѣдая, что вскорѣ изыдетъ духъ его и самъ онъ возвратится въ землю, изъ которой взятъ былъ, и въ тотъ день погибнутъ всѣ помышленія его, по слову псаломному

(Псал. CXLV, 4). Двинулся Тимуръ и на Царьградъ и послалъ впередъ соглядатаевъ своихъ; но Кесари Греческіе, по данному имъ совѣту, бросили ихъ въ море, чтобы исчезла о нихъ всякая вѣсть, и завоеватель не пошелъ далѣе. Устремился онъ потомъ и къ сѣверу, чрезъ хребетъ Кавказскій, но и тамъ невѣдомый ужасъ объялъ его душу, какъ нѣкогда, когда шелъ на Іерусалимъ; было ему во снѣ чудное явленіе Заступницы земли Русской, обратившее его вспять, которое и доселѣ празднуется нашею Церковію.

Благочестивый Князь Стефанъ, избѣжавъ Персовъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Вулкомъ, принятъ былъ въ Царьградѣ съ чрезвычайною честію. Столь велика была его воинская слава послѣ страшной Анкирской битвы, въ которой дерзнулъ сразиться съ полчищами завоевателя Востока, что всѣ на него смотрѣли, какъ бы на великое солнце. Тогда воспріялъ онъ и свѣтлый санъ Деспота, отъ благочестиваго Императора Іоанна, котораго оставилъ вмѣсто себя правителемъ дядя его, Куръ Мануилъ, когда, утѣсняемый Баязитомъ, отплылъ въ старый Римъ, искать помощи ратной и союза церковнаго, для избавленія града своего отъ Агарянъ. Не только титла, но и вѣнца Деспота, сподобилъ его Императоръ, увѣнчавъ діадимою, которую самъ для себя устроилъ, и которую заслужилъ Стефанъ, подвигами мужества и доблестныхъ страданій. Императоръ послалъ его къ тестю своему, на островъ

Митилинскій, чтобы оттолѣ добыть себѣ корабль и моремъ отплыть въ землю Арванитскую, ибо туда направлялся, поспѣшая встрѣтить свѣтлый день Пасхи въ родномъ своемъ городѣ. Съ особенною честію былъ онъ встрѣченъ въ Митилинѣ, при пѣніи ему многолѣтія, какъ подобало царскому сану; тамъ впервые увидѣлъ дочь властителя, которую впослѣдствіи взялъ себѣ въ жену; она была также племянницею Куръ Манупла.

Еще Деспотъ, съ братомъ своимъ, были въ Митилинѣ, ожидая кораблей, когда возвратился изъ западныхъ странъ Императоръ и остановился въ Галлиполѣ. Тутъ встрѣтилъ его старшій сынъ Баязитовъ, оставшійся преемникомъ его престола послѣ бѣдственной битвы Анкирской, и Кесарь на своемъ кораблѣ, а Султанъ, стоя на сушѣ, заключили между собою мирный договоръ, какъ отецъ съ сыномъ; тогда и Солунь возвратилась въ руки Грековъ. Кротокъ и благоразуменъ былъ паче всѣхъ Султановъ сей новый властитель Оттоманскій, но только не празденъ отъ вина, и ради сего лишился царства. Послѣ родственной встрѣчи обоихъ Императоровъ въ Царьградѣ, Іоаннъ уклонился державствовать въ Солунь, данный ему для прокормленія; могъ бы онъ, если бы захотѣлъ, содержать все царство, но не смѣлъ оскорбить блаженнаго дядю Манупла. Между двумя сыновьями Баязита раздѣлилось его царство: Магометъ Султанъ,

славнѣйшій изъ всѣхъ своихъ братьевъ, обиталъ въ горной странѣ на востокѣ, Солиманъ же въ западныхъ долинахъ. Услышавъ, что Деспотъ Стефанъ пщетъ пути въ свои предѣлы, и самъ онъ направился туда же; съ нимъ были всѣ сыны Баязитовы, отъ старшей сестры Деспота, Маріи, которые нехотя поборали Туркамъ, но нельзя было иначе. Зная сіе Султанъ послалъ стеречь на пути Деспота, и казалось, не было возможности пройти гдѣ либо благочестивому Стефану въ свою землю; но Богъ промышлялъ о немъ лучшее, чтобы бо̀льшею славою украсить.

Кораблемъ отплылъ онъ изъ Митилины въ землю Арванитскую, гдѣ съ великою честію встрѣтилъ его властитель, Князь Георгій, женатый на сестрѣ его Еленѣ, который впослѣдствіи былъ и преемникомъ его престола. Георгій возвѣстилъ, о благополучномъ возвращеніи Деспота, благочестивой матери его Ангелинѣ и самъ далъ ему войско, чтобы безопасно пройти до предѣловъ Сербскихъ, къ Охридѣ, гдѣ была первая Архіепископія. Но тутъ стерегло его на пути сильное полчище Агарянъ, близъ роковаго поля Коссова. Благоразумный Деспотъ, какъ нѣкогда древній Патріархъ Іаковъ, раздѣлилъ на два полка свою дружину, чтобы если одна часть погибнетъ, другая могла спастись, а между тѣмъ, и отъ матери его Деспотицы, пришло на встрѣчу его войско, которое поспѣшно собрала она, не щадя своихъ сокровищъ.

Поручивъ большую часть дружины брату своему Вулку, Стефанъ съ меньшимъ числомъ, раздѣленнымъ еще на два полка, пришелъ на мѣсто, называемое Градиническимъ, гдѣ встрѣтили его враждебные Агаряне. Мужественно устремился на нихъ Стефанъ; едва увидали его издали, всѣ воскликнули: «смотрите, смотрите вотъ сынъ Лазаря!» и, при этомъ страшномъ имени, ударились въ бѣгство. Тогда исполнилась слова псаломныя: «десница Господня сотвори силу! (Псал. CXVII, 15.) Не намъ Господи, не намъ, а имени твоему! ибо одинъ гналъ тысящу и два двигнули тму.» Съ тѣхъ поръ опять страхъ имени нашего объялъ враговъ нашихъ. А между тѣмъ, когда старшій братъ увѣнчался побѣдою, младшій Вулкъ коварно ополчился на зятя своего, но былъ разбитъ христолюбивымъ войскомъ Георгія. Былъ тогда и Князь Угленъ съ Измаильтянами и много послужилъ Стефану, извѣщая его о ихъ совѣтахъ, а потомъ и самъ покорился подъ сильную его державу и, получивъ отъ него землю отеческую, былъ какъ нѣкое крило Христіанамъ.

Послѣ великой брани Градинической, возвратились оба царственные брата въ градъ свой Новобердовъ; но старшій съ побѣдою, а младшій какъ бы побѣжденъ. Деспотъ упрекнулъ его въ напрасномъ изліяніи крови, думая тѣмъ и научить его ратному искусству. Оскорбился Вулкъ и, улучивъ благопріятное время, бѣжалъ

къ Султану. Благочестивая мать слѣдовала за нимъ даже до предѣловъ Агарянскихъ и, не настигнувъ въ своемъ краѣ, не могла уже возвратиться изъ чужой земли. Она отважилась предстать лицу самаго Султана и воспользовалась благопріятнымъ случаемъ, чтобы примирить его съ сыномъ своимъ Деспотомъ. Тогда возвратилась изъ предѣловъ Агарянскихъ, вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ, неся съ собою миръ. Кто опишетъ радость земли Сербской, обрѣтшей наконецъ себѣ тишину и добраго пастыря послѣ столь долгаго запустѣнія! Когда возвратился Стефанъ въ отечество свое, онъ попралъ тамъ всякое нечестіе и процвѣла при немъ правда, ибо отсѣчены были руки, протяженныя ко злу.

ОБНОВЛЕНІЕ БѢЛГРАДА, КОЗНИ ВУЛКА И МЕЖДОУСОБІЯ СУЛТАНОВЪ.

Не только въ предѣлахъ своихъ Деспотъ водворилъ миръ, но умиротворилъ и окрестныя страны, снискавъ себѣ любовь всѣхъ, и пріобрѣлъ тѣ области, которыя издревле назывались Сербскими. Краль западныхъ, (вѣроятно Кесарь Сигизмундъ, бывшій Королемъ Венгріи), услышавъ о его доблестяхъ, отправилъ къ нему пословъ, для заключенія съ нимъ союза, и съ великою честію принялъ посланныхъ Стефанъ, во утвержденіе

взаимной любви. Обходя земли свои, обрѣлъ онъ на краю ихъ прекрасное мѣсто, называемое Бѣлградъ, и потребовалъ его у Венгровъ, потому что, хотя и находилось въ предѣлахъ Сербскихъ, но лежало какъ бы на сердцѣ и на самыхъ плечахъ у Венгровъ. По взаимному съ ними условію утвердилъ онъ за собою Бѣлградъ, возвратилъ себѣ и другіе города, отторгнутые насиліемъ Магометанъ; правители ихъ заблаговременно бѣжали отъ лица его. Въ то время Солиманъ Султанъ, домогаясь возвратить себѣ на востокѣ всю область отца своего, прислалъ ходатаевъ къ Деспоту, чтобы заключить съ нимъ мирный договоръ и съ любовію принятъ былъ вѣстникъ мира: такимъ образомъ исполнились слова Баязита о томъ, что дѣти его будутъ искать союза съ Деспотомъ.

Пользуясь тишиною, мудрый Стефанъ сталъ украшать избранный имъ для своего жительства Бѣлградъ, ибо нигдѣ во всей вселенной, по словамъ восторженнаго жизнеописателя, нельзя было найти что̀ либо подобное, какъ по красотѣ мѣста, такъ и по удобству пути воднаго, на берегу Дуная. Пристань его распространяла крила кораблей своихъ, какъ бы въ царствующемъ градѣ, и привлекала къ себѣ плавателей. Красныя палаты соорудилъ себѣ Деспотъ, внутри новой столицы, и оградилъ ее двойною стѣною, съ крѣпкимъ Вышгородомъ на крутомъ берегу, и все сіе не ратною десницею, но мир-

ными рѣчами пріобрѣлъ себѣ, во славу земли своей.

На восточной оконечности города соорудилъ онъ обширную церковь Успенія Богоматери, съ общежитіемъ иноческимъ, гдѣ назначилъ быть митрополіи Бѣлградской, и надѣлилъ ее обильными землями и селами, чтобы твердо стоялъ престолъ митрополіи. Въ оградѣ садовъ ея поставилъ онъ и другую великую церковь, во имя трехъ Святителей, для усыпальницы Архіереевъ, и еще странноприемную больницу на сладкой водѣ, съ церковію во имя чудотворца Николая, и даровалъ ей также многіе сады и села, чтобы имѣли чѣмъ питаться странные и больные. Собралъ онъ, изъ всѣхъ своихъ предѣловъ, богатѣйшихъ вельможъ и поселилъ ихъ въ новой столицѣ, какъ нѣкогда равноапостольный Константинъ при основаніи Царьграда. Многими льготами одарилъ онъ свой любимый городъ, даровавъ хрисовуллу на безпошлинную торговлю всѣмъ ея жителямъ, не только въ своихъ предѣлахъ, но и въ сосѣднихъ земляхъ, на что согласились по любви къ нему, не только всѣ ближніе державцы, но и самый Краль западныхъ, ибо всѣ уважали Стефана. Всякій изъ гражданъ Бѣлгородскихъ, кто только имѣлъ при себѣ льготную грамоту, свободенъ былъ отъ всякой дани. При такихъ льготахъ отовсюду стекались жители и новый городъ, со дня на день, возрасталъ предъ лицемъ Стефана, къ чрезвычайному его

утѣшенію, ибо сердце благочестиваго Деспота лежало къ сему новому созданію рукъ своихъ.

Но устрояя себѣ градъ обительный, помышлялъ христолюбивый о иномъ вышнемъ градѣ Іерусалимѣ, которому искалъ на землѣ подобія. Посему пламенное имѣлъ желаніе собесѣдовать и водвориться съ пустынниками и, возбужденный божественною любовію, обходилъ пустыни и ущелія горъ, изыскивая мѣсто для вожделѣнной обители; обрѣтши же наконецъ селеніе безмолвія, съ любовію приступилъ къ дѣлу. Онъ соорудилъ обитель, во имя Вседержавнаго Божества, и украсилъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ домъ Пресвятыя Троицы, златомъ и мраморами и драгоцѣнною мусіею, посылая во всѣ острова Архипелага, за лучшими художниками, и не щадя своихъ сокровищъ для дѣла Божія. Но наипаче украсилъ онъ новую обитель, общежитіемъ досточудныхъ иноковъ, которыхъ собралъ изъ дальнихъ пустынь и со Святой горы, обезпечивъ безмолвную жизнь щедрыми даяніями селъ и садовъ, которыя укрѣпилъ своими хрисовуллами. Благочестивый Стефанъ такъ полюбилъ мѣсто сіе, что хотѣлъ пребывать въ ономъ и на вѣки, и тамъ устроилъ себѣ усыпальницу, въ которой опочилъ впослѣдствіи отъ многихъ трудовъ. Священныя иконы, богослужебная утварь, все носило на себѣ отпечатокъ царской его по истинѣ щедрости, такъ что, въ скоромъ времени, новая его лавра превзошла благолѣпіемъ древнія

лавры, Сербскія и Греческія, святой горы Аѳонской.

Стефанъ пригласилъ Патріарха своего Кирилла и весь соборъ Архіереевъ Сербскихъ, игуменовъ и пресвитеровъ, и весь свой благородный сиклитъ, на обновленіе храма, въ день Пятидесятницы, и свѣтло было церковное сіе торжество. Въ 1407 году началъ онъ созидать обитель Св. Троицы, а за годъ предъ тѣмъ преставилась его благочестивая мать Деспотица Ангелина, уже въ образѣ иноческомъ, принявшая имя Евгеніи, и положена была въ созданной ею обители Успенія Богоматери, на мѣстѣ называемомъ Любостыня. Кончина матери горько отозвалась Деспоту, ибо вскорѣ послѣ возникло междоусобіе. Недостойный братъ его, Вукъ, возсталъ на своего владыку; онъ испросилъ себѣ большое войско у Султана Солимана, обѣщаясь служить ему усердно, если получитъ половину области братней, и властитель Оттоманскій, укрѣпившійся на своемъ престолѣ, далъ мятежному Князю избранныхъ воиновъ, подъ начальствомъ опытнаго воеводы, который отличился еще на полѣ Коссовомъ, въ самомъ пылу жестокой сѣчи. Великодушный Деспотъ не хотѣлъ, чтобы стадо христіанское, которое еще только недавно освободилось отъ работы вражіей, опять подпало подъ тяжкое иго. Какъ дикіе звѣри, пронеслись варвары по благословенной землѣ Сербской, все предавая огню и мечу, и запустѣніе слѣдовало по стопамъ ихъ.

Мужественно ополчился онъ, хотя и съ малымъ числомъ, бился до крови за родную землю и не разъ наводилъ ужасъ на несмѣтныя полчища враговъ. Но вторичное нашествіе нечестиваго Вулка, еще съ большими силами, заставило его уступить, ибо уже мало ему оставалось избранныхъ слугъ; многихъ обольстилъ новый Каинъ, дарами и угрозами; нѣкоторые изъ нихъ являлись къ Деспоту и предъявляли коварныя грамоты брата его; благочестивый Стефанъ, держа грамоты сіи въ рукѣ, повергся съ ними предъ иконой Спасовой и воскликнулъ: «внемли, Господи, моя ли здѣсь неправда? противъ меня научаютъ отроковъ монхъ, домогаясь сдѣлать ихъ предателями, какимъ былъ одинъ изъ учениковъ твоихъ Іуда; но соблюди до конца то малое стадо, которое при мнѣ ты оставилъ.» Такъ умилено помолился онъ внутри своихъ царскихъ чертоговъ въ пригномъ его Бѣлградѣ; но враги уже опустошали всѣ окрестные предѣлы и приближались къ столицѣ. Видя невозможность защищаться, Деспотъ рѣшился наконецъ раздѣлить область свою съ братомъ. Съ тѣхъ поръ Вулкъ, съ зятьями своими Георгіемъ и Лазаремъ, служили Султану, а Деспотъ владѣлъ самъ собою оставленною ему частью.

Но когда прекратилось кровопролитіе и казалось настала тишина, возникло новое ужаснѣйшее междоусобіе и на многіе годы между трехъ братьевъ Султановъ. Одинъ изъ нихъ, по имени

Мусса, изгнанный Солиманомъ изъ своихъ владѣній, проживалъ въ Валахіи и, по предложенію властителя земли сей, поднялъ оружіе на брата и устремился, какъ дымъ отъ сѣвера, въ бѣдствующую Румелію. Сперва казался онъ кроткимъ, пока проходилъ Болгарію, но, какъ только утвердился въ Адріанополѣ и отторгъ всю Македонію отъ владычества брата, началъ требовать себѣ покорности отъ властителей христіанскихъ. Къ Деспоту Стефану посылалъ онъ своихъ ходатаевъ, обѣщая возвратить ему часть земель, отторгнутыхъ его братомъ; но и къ Вулку, и къ зятю его Георгію, засылалъ тѣ же льстивыя рѣчи, обѣщая удовлетворить каждаго, лишь бы только всѣ, вмѣстѣ съ нимъ, подняли оружіе противъ Султана. Осторожный Деспотъ, прежде нежели войти въ союзъ съ новымъ властителемъ, послалъ къ нему опытнаго воеводу Витку, чтобы узнать, искренно ли обѣщаніе его? и тогда только, когда далъ онъ клятву, съ письменнымъ обязательствомъ, двинулся съ войскомъ къ нему на помощь; примѣру его послѣдовали и другіе Князья Сербскіе.

Между тѣмъ Султанъ Солиманъ заключилъ договоръ съ Императоромъ Греческимъ и пришелъ въ Халкидонъ, а Мусса подступилъ къ Царьграду. Франки благопріятствовали Солиману и перевезли его черезъ проливъ, наполнивъ его своими судами; но Мусса, вмѣстѣ съ Сербами, стали выше Галаты и уничтожили суда. До слу-

ха Муссы достигла вѣсть, что Вулкъ хочетъ измѣнить ему и перебѣжать къ Солиману; онъ рѣшился заблаговременно умертвить его; но когда открылся о томъ Деспоту, обѣщая ему отдать всю область братнюю, великодушно отвѣчалъ ему христолюбивый Стефанъ: «если его, то и меня,» и, въ ту же ночь, предваренный Вулкъ успѣлъ бѣжать къ Солиману.

Жестокая битва закипѣла подъ стѣнами царствующаго града; съ одной стороны Греки и Мусульмане, съ другой опять Мусульмане и Сербы. Щитомъ вѣры оградился благочестивый Деспотъ и устремился въ то самое мѣсто, гдѣ стоялъ Султанъ восточный, гдѣ наболѣе стѣснилось войска; какъ молнія разгромилъ онъ всѣ его дружины и, съ побѣдою, возвратился въ станъ. Чрезъ нѣсколько дней возобновилась битва, ибо много пришло союзниковъ Солиману. Мусса двинулся опять съ войсками противъ брата, но вскорѣ обратился въ бѣгство, не довѣряя своимъ, оставивъ мужественнаго Стефана въ чрезвычайной опасности, окруженнаго врагами, ибо онъ былъ по обычаю напереди дружины и, обойдя предмѣстіе Галаты, стоялъ на берегу моря. Но благочестивый Императоръ Мануилъ, искренно любившій Деспота, видя угрожавшую ему опасность, выслалъ къ нему суда, съ приглашеніемъ въ Царьградъ, и не усумнился Стефанъ идти на зовъ царственный, съ избранною дружиною; онъ вступилъ въ Царьградъ, какъ побѣдитель и

вмѣстѣ какъ бы побѣжденный, ибо всѣ знали его мужество и видѣли, какова была страшная сѣча, устлавшая трупами всѣ окрестные сады и все поморіе.

Съ честію принялъ Деспота Императоръ, ибо кромѣ родственныхъ съ нимъ связей, онъ еще зналъ его въ юные годы и вмѣстѣ съ нимъ воинствовалъ; тогда еще предсказалъ ему будущую его славу, по духу ли прозорливости, или по тому уже, что видѣлъ, каковъ будетъ чудный мужъ сей; подобный познается подобнымъ. На сей разъ отечески позаботился о немъ Кесарь, какъ о сынѣ своемъ возлюбленномъ, и вторично почтилъ его саномъ Деспота, съ молитвеннымъ возложеніемъ вѣнца на главу его, въ соборѣ Софійскомъ, хотя однажды уже и былъ онъ вѣнчанъ Императоромъ Іоанномъ, когда посѣтилъ Царьградъ послѣ славной битвы съ Тамерланомъ. Все народное множество провожало его съ пѣніемъ ликовъ, когда оставлялъ онъ столицу и всходилъ на корабль. Къ сѣверу, по морю Черному, поплылъ Стефанъ и, хотя обуреваемый волнами, достигъ однако благополучно устьевъ Дуная и земли Влахійской, гдѣ былъ съ честью принятъ славнымъ воеводою Мирчею, который давно желалъ насладиться его лицезрѣніемъ. Воевода далъ ему коней и спутниковъ, чтобы безопасно могъ возвратиться въ свои предѣлы, и самъ его провожалъ чрезъ всю свою область, до города Голубца.

Между тѣмъ Мусса Султанъ, бѣжалъ въ Адріанополь и, провѣдавъ что измѣнившій ему братъ Стефановъ Вулкъ, домогается овладѣть въ его отсутствіе Сербскою землею, послалъ туда одного изъ вождей своихъ Алія, по не имѣнію войска, съ толпою хищниковъ, которые опустошили всю страну. Нельзя было тогда распознать, которому изъ властителей Оттоманскихъ принадлежало войско, ибо всѣ они грабили по различнымъ мѣстамъ; такимъ образомъ, въ свои же сѣти, впалъ нечестивый Вулкъ. Алій настигъ его въ одномъ изъ городовъ Сербіи и, предупредивъ жителей, успѣлъ проникнуть внутрь ограды. Нѣкоторые изъ благородныхъ хотѣли вооружиться въ защиту Вулка; но самъ онъ, проникнутый чувствомъ раскаянія, удержалъ ихъ, говоря: «согрѣшилъ я предъ своимъ Государемъ, пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ.» Узника, вмѣстѣ съ зятемъ его юнымъ Лазаремъ, влекли въ оковахъ, изъ мѣста въ мѣсто, до воинскаго стана Султана Муссы, и разгнѣванный велѣлъ отсѣчь ему голову; но внука великаго Лазаря до времени пощадилъ. Когда же Мусса возвратился въ Адріанополь и опять возгорѣлась война съ братомъ, такъ что долженъ былъ бѣжать отъ лица Солиманова, онъ велѣлъ умертвить юнаго Лазаря, а самъ бѣжалъ въ Сербскую землю къ славному Деспоту. Воины, обдирая мертвыхъ на полѣ битвы, обрѣли обнаженное тѣло юнаго Лазаря и многихъ вельможъ его; возвѣстили о томъ брату его, и Геор-

гій горькія пролилъ слезы, о безвременной его гибели и столькихъ благородныхъ мужей, вмѣстѣ съ нимъ погибшихъ. День его смерти записанъ въ лѣтописяхъ Сербскихъ Іюля 10-го, 1410 года.

Султанъ Солиманъ, одолѣвъ брата на полѣ битвы, преслѣдовалъ его до Филиппополя и велѣлъ предать пламени славный градъ, но одинъ изъ воеводъ его, бывшій родомъ изъ сего города, спасъ его отъ ярости Оттоманской. Солиманъ, возвратившись въ Адріанополь, безпечно предался пьянству, а Мусса, воспользовавшись временемъ, обошелъ его со всѣхъ сторонъ и, разбивъ его войско, довершилъ наконецъ свою побѣду смертію брата; тогда воцарился въ Адріанополѣ, сдѣлавшись на время единственнымъ властителемъ Оттоманскимъ. Услышавъ о торжествѣ Муссы и, не довѣряя ему лично, Деспотъ Стефанъ послалъ къ нему того же опытнаго ходатая Андина, котораго уже однажды посылалъ съ успѣхомъ къ грозному Тамерлану, чтобы удостовѣриться въ пріязни новаго Султана, и мудрый посредникъ благоразумно исполнилъ возложенную на него обязанность. Сперва принялъ его съ притворною ласкою Мусса, потомъ же сказалъ жестокое слово, которое обличило прозорливому весь его звѣрскій нравъ. Однако онъ успѣлъ укротить его и мирно съ нимъ разстался; возвратясь же къ господину своему, искренно исповѣдалъ предъ

нимъ, что одно только остается народу Сербскому: сѣсть на коня и ополчиться, если еще хочетъ удержать за собою независимость. Немедленно ополчился Деспотъ и, съ большимъ войскомъ, вступилъ въ предѣлы Эпира, овладѣвъ частію сей области; но когда Султанъ, испуганный нечаяннымъ вооруженіемъ, прислалъ къ нему съ мирными рѣчами, Стефанъ возвратился въ Бѣлградъ, довольствуясь тѣмъ, что явилъ неблагодарному свою силу.

Не было прочно положеніе Муссы: въ Константинополѣ находился сынъ убіеннаго имъ брата, юный Орканъ, котораго Императоръ послалъ на жительство въ Силиврію. Услышавъ о томъ, Мусса устремился къ Силивріи; тамъ хотѣлъ умертвить вѣрно ему служившаго Князя Георгія, другаго внука великаго Лазаря, брата коего недавно погубилъ; но данная имъ отрава не подѣйствовала, потому что Князь успѣлъ принять противоядіе, однако впослѣдствіи много страдалъ отъ сего яда; онъ бѣжалъ въ Солунь. Раздраженный Султанъ покусился умертвить и другаго сильнаго вождя своего, Михаила Бека, какъ изъ опасенія его могущества, такъ и за то, что подозрѣвалъ его въ содѣйствіи бѣгству Георгія, но воевода обманулъ сего лютаго звѣря; онъ предложилъ дать ему войско, чтобы идти въ окрестности Царьграда, полонить его жителей, потому что это было время сбора винограда, и пришедши въ Царьградъ, передался на сторону третья-

го Султана Магомета, который обладалъ въ Анатоліи. Мусса бѣжалъ въ Адріанополь, а Греки дали суда Магомету, чтобы переплыть Геллеспонтъ; но на сей разъ еще побѣдилъ Мусса.

Тогда предался онъ всей своей злобѣ и началъ преслѣдовать тѣхъ, которыхъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ; онъ заключилъ въ темницу Юсуфа, управлявшаго бывшимъ царствомъ Краля Болгарскаго Константина, и воеводу Крапискаго, владѣвшаго землями по сосѣдству Деспота; но оба они бѣжали изъ темницы къ благочестивому Стефану и, взявъ отъ него войско, обѣщались во всемъ вѣрно служить, подчинивъ ему свои земли. Стефанъ, благочестія держатель, услышавъ о зятѣ своемъ Георгіѣ, что онъ бѣжалъ изъ Силивріи въ Солунь, послалъ туда все свое войско и предреченныхъ воеводъ Измапльтянскихъ, чтобы безопасно привести его къ себѣ; но Георгій, не зная о томъ, вышелъ изъ Солуни, съ малымъ числомъ своихъ избранныхъ, и едва не впалъ въ руки враговъ, потому что Султанъ послалъ одного изъ воеводъ, стеречь всѣ пути въ окрестностяхъ Солуня. Предваренный во время, Георгій возвратился въ Солунь, по дорогою, въ темнотѣ ночи, по труднымъ горнымъ стезямъ, нечаянно отдѣлился отъ своихъ, которые спокойно вошли въ городъ, думая, что съ ними Князь; когда же увидѣли, что его нѣтъ, горькій о немъ подняли плачь. Между тѣмъ Георгій, послѣ труднаго пути ночью, пришелъ

въ сосѣднее городу село, гдѣ нашелъ нѣсколькихъ благочестивыхъ Христіанъ, отъ которыхъ утаплъ однако свое имя; они скрыли его на гумнѣ до разсвѣта, ибо недалеко въ полѣ были Агаряне, и уже на утро привели его въ городъ поселяне, гдѣ столь же великая была радость о его спасеніи, каковъ былъ плачь о мнимой погибели. Тогда, подъ щитомъ всей дружины Сербской, возвратился онъ въ отечество, къ зятю своему Деспоту, который принялъ его въ свои объятія послѣ долгой разлуки, какъ отецъ, веселящійся о своемъ сынѣ, и велика была радость, дарованная ему отъ Господа, не только о возвращеніи членовъ его семейства, но и о утвержденіи державы Сербской.

Султанъ Магометъ, слышавшій о подвигахъ Стефана, покушался также придти къ нему, сѣвернымъ путемъ изъ Царьграда, но не было никакой дороги чрезъ горы, отъ чрезвычайныхъ снѣговъ и дождей. Мусса между тѣмъ вооружился на Деспота и самъ, какъ бурный вѣтръ, возмущающій и прахъ съ земли и волны въ морѣ, въ зимнее время, внезапно всѣми силами устремился на Сербію. Не ожидавшій нападенія его Деспотъ, не имѣя при себѣ войска, которое послалъ на встрѣчу Георгія, ибо онъ былъ тогда еще въ Солунѣ, долженъ былъ укрыться въ укрѣпленный городъ; Султанъ же, узнавъ, что сынъ Солимана, отрокъ Орканъ, бѣжавшій изъ Силивріи въ Солунь, оттолѣ взошелъ въ его

область, настигъ отрока на пути и ослѣпилъ его, и въ тоже время погубилъ многихъ избранныхъ его вельможъ; но когда дошла до него вѣсть о вооруженіи брата Магомета, не рѣшился приступить къ Солуни и возвратился въ Адріанополь. Еще однажды и въ послѣдній разъ, въ 1413 году, воздвигся Мусса на Сербію и хотѣлъ опустошить ее до конца, истребивъ всѣхъ сыновъ ея, и населить своими людьми, которыхъ вызывалъ изъ далекихъ мѣстъ. Опустошая грады и поля, достигъ онъ до города Копріана, который весь раззорилъ и полонилъ его жителей. Тогда Деспотъ послалъ, чрезъ Валахію, просить помощи у Магомета и Султанъ самъ подвигся съ Востока, со всѣми своими силами. Къ Стефану пришли на помощь войска Венгерскія и Босній-скія и воеводы Агарянскіе, бѣжавшіе отъ Муссы. Убоявшись такого ополченія Мусса пошелъ на встрѣчу брата къ Филиппополю, чтобы не дать соединиться съ Деспотомъ, который выслалъ ему на помощь зятя своего Георгія. Но Магометъ успѣлъ уклониться отъ соперника и соединился съ Княземъ Сербскимъ. Вмѣстѣ стали они на пути Муссы и пересѣкли ему дорогу; возгорѣлась рѣшительная битва, одна изъ самыхъ кровопролитныхъ, какая обагряла когда либо поля Сербскія, и славная побѣда украсила хоругвь Христіанскую, въ отмщеніе Магометанамъ за горькую побѣду на полѣ Коссовомъ, во дни Лазаря, дѣда того Георгія, который теперь

поражалъ ихъ. Бѣжалъ свирѣпый Мусса и былъ настигнутъ на рѣкѣ Искрѣ, гдѣ и постигла его достойная казнь. Съ торжествомъ возвратился Георгій къ Деспоту и благодарный Стефанъ, въ награду за его подвигъ, почтилъ его многими дарами и далъ ему во владѣніе городъ Копріанъ, со всею окрестною областію Запольскою; съ того времени водворилась тишина въ странѣ Сербской.

СЛАВА ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ СТЕФАНА И ЕГО КОНЧИНА.

Благочестивый Стефанъ, пользуясь возвращеніемъ давно желаннаго мира, со дня на день, простирался на большіе подвиги духовные и благодарилъ Бога за все то, что далъ испытать ему во время долгой его жизни и многотруднаго царства. Усердна была его молитва и обильна милостыня; до такой степени посвящалъ онъ себя нищимъ, что часто, въ ночные часы, выходилъ на улицы и захолустья града, чтобы своею рукою раздавать милостыню; иногда, подходя къ хижинамъ убогихъ, чрезъ скважни ихъ металъ деньги, а прокаженныхъ всегда кормилъ самъ и все сіе совершала его десница втайнѣ, чтобы не быть видимымъ отъ человѣковъ. Если слышалъ, что кто либо жительствовалъ по Богѣ

въ пустыняхъ, или пропастяхъ земныхъ, и на святой горѣ Аѳонской, благочестивый владыка старался войти съ ними въ духовное общеніе и щедрою взыскивалъ милостынею пустынниковъ и молчальниковъ; любимымъ его занятіемъ, между молитвъ и царственныхъ заботъ, было чтеніе священнаго писанія и святыхъ отцевъ, которыхъ душеполезныя книги глубоко изучилъ.

Общее уваженіе западныхъ и восточныхъ властителей было послѣдствіемъ царственныхъ его доблестей и выражалось свѣтлымъ пріемомъ, которымъ всегда и отъ всѣхъ былъ почтенъ. Такимъ образомъ съ чрезвычайною почестію былъ встрѣченъ, въ Венгерскомъ городѣ Будѣ, Сигизмундомъ, когда шелъ Кесарь на соборъ Констанскій и въ предѣлы Римскіе, воспріять тамъ вѣнецъ императорскій. Сигизмундъ съ любовію внималъ его совѣтамъ, предпочитая ихъ всѣмъ прочимъ, и каждый разъ, когда посѣщалъ его Стефанъ, удѣлялъ ему изъ областей своихъ какой нибудь городъ, или замокъ, такъ что никогда не возвращался отъ него Деспотъ съ пустыми руками. Не чудно ли это, спрашиваетъ жизнеописатель, при той враждѣ, которая раздѣляла Западъ и Востокъ, что сей державный учащалъ на совѣты западныхъ Кралей и посылалъ войско свое на помощь, то къ западнымъ, то къ восточнымъ! Одинъ онъ по истинѣ могъ такъ дѣйствовать, по общему уваженію къ его глубокой мудрости и царственнымъ доблестямъ. Не

только западные властители видѣли въ немъ непоколебимое себѣ утвержденіе и щитъ противъ невѣрныхъ, но и священники Латинскіе, хотя и не единомысленные въ догматахъ вѣры, гласно молились о немъ въ церквахъ своихъ, взывая къ Господу на литаніяхъ: «еще молимся о Деспотѣ Стефанѣ и Сербской странѣ.» Это весьма замѣчательно.

Приходили къ нему на службу храбрѣйшіе и славнѣйшіе витязи западнаго рыцарства, и если кто изъ витязей благочестиваго Стефана побѣждалъ на ратоборствѣ, предъ лицемъ Кесаря и собраніе всѣхъ его Князей, независтно получалъ онъ вѣнецъ сильныхъ. Стефанъ имѣлъ власть вѣнчать, побѣднымъ вѣнкомъ, благороднѣйшихъ изъ рыцарей Кесаревыхъ и они часто гордились предъ сверстниками, говоря: «самъ Деспотъ произвелъ меня въ рыцари.» Какъ на Западѣ, такъ было и на Востокѣ: когда однажды Султанъ Магометъ связалъ воеводу слуъ своихъ (Михаилъ Бека) и былъ умоляемъ отъ присныхъ отпустить его на свободу, онъ отвѣчалъ: «не отпущу, доколѣ не спрошу совѣта у брата моего Деспота.» Стефанъ, зная коварство узника, далъ такой отвѣтъ: «если хочешь питать змѣю въ своемъ домѣ, отними у нея жало,» и Султанъ не разрѣшилъ его до самой кончины. Въ другой разъ, когда Магометъ послалъ войско на Венгрію и Босну и многихъ вельможъ захватилъ въ плѣнъ, онъ освободилъ ихъ только по его ходатайству,

принявъ выкупъ, и до самой своей кончины сохранялъ съ нимъ любовь.

Скончался въ Адріанополѣ Магометъ. Когда вѣсть о его смерти достигла Сербіи, многіе убѣждали Стефана воспользоваться случаемъ, чтобы напасть на смятенныхъ Турковъ, но Деспотъ отвѣчалъ: «я обѣщалъ клятвенно Султану дѣлать все доброе его дѣтямъ.» Онъ обратилъ войско свое на землю Арванитскую и ея жители, зная великодушіе Стефана, съ радостію покорились; такимъ образомъ, безъ оружія пріобрѣтши краи, искони принадлежавшіи Сербіи, началъ водворять въ немъ порядокъ и послалъ воеводу своего Витка, для мирнаго договора съ сосѣдней Венеціей, а самъ возвратился въ свои предѣлы. Въ Бѣлградъ встрѣтила его грустная вѣсть, о кончинѣ бывшаго Краля Болгарскаго Константина, сына Стратимірова, который, лишившись престола, водворился сперва у Венгровъ, а потомъ искалъ себѣ убѣжища въ предѣлахъ Деспота. Какъ брата оплакалъ его благочестивый Стефанъ и богатую милостыню разослалъ по церквамъ, о упокоеніи души его; это было въ 1422 году.

Въ послѣдніе годы правленія Стефанова, опять возникли смуты со стороны Турковъ: едва только погребенъ былъ въ Бруссѣ могущественный Магометъ, какъ явился искатель престола, самозванецъ Мустафа, назвавшійся сыномъ Баязита. При жизни Магомета скрывался онъ въ Солунѣ, подъ защитою Императоровъ Грече-

скихъ, и внезапно огласивъ себя послѣ его смерти, овладѣлъ всею Румеліею до самаго пролива. Онъ послалъ къ Деспоту съ предложеніемъ своей пріязни; но Стефанъ задержалъ его посланныхъ, крѣпко содержа союзъ съ сыномъ Магомета Амуратомъ. Вопиство Амурата низложило самозванца; но возсталъ, подъ тѣмъ же именемъ, другой и къ нему присоединился Михаилъ Бекъ, котораго выпустилъ изъ темницы Амуратъ, вопреки совѣту, даннаму его отцу. На поляхъ Никейскихъ были побѣждены оба, и Амуратъ сдѣлался единственнымъ властителемъ Оттоманскимъ. Сперва послалъ онъ благодарить Деспота за его пріязнь, осыпавъ его богатыми дарами, и когда самъ пошелъ воевать на Влаховъ, подтвердилъ съ нимъ мирный договоръ, который однако не продлился, потому что хотя Амуратъ, подобно отцу своему, былъ украшенъ многими царственными доблестями, но онъ былъ гораздо его лукавѣе.

Давно уже страдалъ болѣзнію ногъ доблестный Стефанъ и уже чувствовалъ приближеніе кончины. Заботясь о своей державѣ, послалъ онъ звать къ себѣ зятя своего Георгія. На мѣстѣ, называемомъ Сребряница, созвалъ Стефанъ Патріарха и весь освященный соборъ Архіереевъ Сербскихъ и благородныхъ Князей своей земли, и предъ всѣми благословилъ на господство Георгія, сказавъ: «сего отнынѣ признавайте господиномъ вмѣсто меня.» Было на него и молитвен-

ное возложеніе рукъ Патріаршихъ, съ возглашеніемъ ему многолѣтія, по чину царскому. Не видно изъ житія, по какой причинѣ предпочелъ Деспотъ зятя сыну своему Іоанну?– вѣроятно по малолѣтству, ибо и сей Іоаннъ называется Деспотомъ, въ лѣкѣ Святыхъ Сербскихъ, вмѣстѣ съ матерію своею Ангелиною, племянницею Императора Мануила. Хотя не показано время брака Деспота, должно предполагать однако, что онъ совершился въ Царьградѣ, при вторичномъ посѣщеніи столицы Греческой, или по крайней мѣрѣ, въ это время заключено условіе брачное, при свиданіи съ Императоромъ Мануиломъ, слѣдственно не ранѣе 1412 года. Такимъ образомъ, при смерти Деспота, случившейся черезъ пятнадцать лѣтъ, сынъ его былъ еще отрокомъ, и супруга Деспота вѣроятно осталась послѣ него въ юныхъ лѣтахъ, потому что есть въ архивахъ нашихъ грамота ея къ Великому Князю Василію Іоанновичу 1509 года, о милостынѣ для устроенія храма надъ гробами мужа и сына; но Деспотица сія Ангелина должна уже была находиться въ самой глубокой старости, почти ста лѣтъ.

Однако Стефанъ исцѣлился на сей разъ отъ опасной болѣзни, къ общему утѣшенію всѣхъ своихъ подданныхъ. Между тѣмъ Амуратъ ополчился на западныхъ и видя, что Деспотъ каждый годъ посѣщаетъ Венгрію для совѣщанія съ Кралемъ, возъимѣлъ подозрѣніе противъ него, ибо внялъ клеветѣ недоброжелателей; онъ дви-

нулся съ войскомъ противъ Стефана, но и Стефанъ мужественно ополчился противъ Султана, ибо надѣялся на свою правду и возложилъ упованіе на Бога, и съ помощію Божіею побѣдилъ; потомъ двинулся на Босну и это былъ послѣдній походъ его; побѣжденный Краль укрылся отъ преслѣдованія его въ укрѣпленный городъ и послалъ къ нему ходатая о мирѣ, который вскорѣ получилъ. Симъ ратнымъ подвигомъ заключилось славное поприще Стефана; возвращаясь въ Бѣлградъ, заболѣлъ онъ на пути и предалъ праведную свою душу въ руки Божіи, Іюля 19-го 1427 года. Въ самый часъ его смерти, страшный прокатился громъ, какого никогда не слыхали, и внезапный сумракъ облекъ всю землю Сербскую, какъ бы въ знаменіе ея горькой утраты.

Въ лѣтахъ мужества скончался Стефанъ, ибо, судя по расчету времени, и послѣ сорока-лѣтняго правленія не могъ онъ имѣть шестидесятилѣтъ, ибо въ самомъ юномъ возрастѣ лишился отца и началъ управлять подъ руководствомъ матери и подъ сѣнью могущественнаго Баязита. Многаго еще ожидала отъ него Сербія. «Какихъ ли тогда не слышно было воплей плачевныхъ! восклицаетъ писатель житія Стефанова, слезы кровавыя текли изъ очей всѣхъ и отчаянные, отъ тяжкаго унынія, падали ницъ на землю; не только всѣ оплакивали его, какъ отца, но и какъ отца любезнаго. Соборъ и синклитъ послали за зятемъ и наслѣдникомъ его Георгіемъ, исполняя

волю Деспота, а смертные его останки отнесли въ родной ему Бѣлградъ и, съ великою честію, положили въ обители Живоначальной Троицы, гдѣ самъ избралъ себѣ мѣсто для усыпальницы. Были за нѣсколько времени до преставленія сего чуднаго мужа знаменія на небесахъ, которыя какъ бы предваряли о его скорой кончинѣ; будто искры сыпались съ неба и падали на городъ, но пламя угасало, и страшный вихрь, внезапно воздвигшійся, сорвалъ многія крыши въ Бѣлградѣ и низринулъ нѣсколько домовъ, въ томъ числѣ и жилище сестры Деспота, быть можетъ супруги Баязитовой; и другія многія знаменія предвозвѣщали скорое бѣдствіе.

Мы же восприяли невольно, хотя и свыше нашихъ силъ, отъ Патріарха святѣйшаго Киръ Никона, Сербскихъ и поморскихъ земель, тогда пришедшаго въ Бѣлградъ и отъ воеводы силъ (вѣроятно Князя Георгія) и отъ прочихъ избранныхъ, написать житіе сего святаго Деспота; но тогда по неблагопріятному времени сіе отложили. Четыре года послѣ его отшествія къ Господу, самъ онъ блаженный явился, въ сонномъ видѣніи, и наказаніемъ грозилъ достойному казни за непослушаніе, повелѣвая исполнить обѣщанное; посему, хотя и полагалъ невозможнымъ, однако потщался начертать оное. Судя по времени и слогу, должно полагать, что не назвавшій себя смиренный писатель, былъ тотъ же Георгій Самвлахъ, игуменъ обители Дечайской, впослѣдствіи

же Митрополитъ Русскій, который описалъ сперва житіе царственнаго мученика Стефана, ибо и въ томъ и въ другомъ житіи, одинаково превозноситъ онъ хвалами землю Сербскую во дни правленія благочестиваго Князя Георгія, и также отзывается немощію и отлагательствомъ времени.

«Если, заключаетъ онъ, и другіе, болѣе вѣдавшіе его дѣла и ему сожительствовавшіе, будучи многословнѣе и остръе разумомъ, совершатъ также сіе дѣло, благо будетъ воистинну; если же до сего дня никто о томъ не позаботился, то да принято будетъ и сіе недостаточное и грубо написанное, ради исполненія повелѣннаго. Мы же, достигнувъ пристани и возникнувъ отъ уныніи, воскликнемъ къ нему: радуйся божественныхъ заповѣдей добрый исполнитель; радуйся земнымъ владычествомъ свѣтло украшенный; радуйся въ кроткомъ совѣтѣ нашъ Давидъ; радуйся въ премудрости новый Соломонъ; радуйся милостыни таинникъ непзреченный; радуйся великихъ даровъ всегда отверстая десница; радуйся божественныхъ дворовъ украситель; радуйся все, избранное въ человѣческомъ, себѣ усвоившій; радуйся божественное издалеча всегда провидѣвшій; радуйся Деспотъ Стефанъ, державнымъ украшеніе, слава давшему тебя въ послѣдніе роды Христіанамъ въ похвалу!»

(Выписано изъ рукописи Троицкой лавры, называемой Сербякъ, или житія Святыхъ Сербскихъ № 9. XVI вѣка).

НОЯБРЬ.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО МАРТИРІЯ, ИГУМЕНА ЗЕЛЕНЕЦКАГО.

При державѣ Царя Іоанна Васильевича, родился сей преподобный, въ Великихъ Лукахъ, отъ простыхъ, но благочестивыхъ родителей, Косьмы и Стефаниды, и былъ нареченъ во Св. крещеніи Миною. На осьмомъ году отъ рожденія отдали его въ ученіе грамотѣ, но неуспѣшно шло ученіе, и едва успѣлъ онъ изучить псалтирь, какъ скончались его родители. «Отецъ мой и мать моя оставили меня, взывалъ со слезами отрокъ, предавая землѣ своихъ усопшихъ, Господь же воспріялъ меня и нынѣ кто спасеніе мое?—не Господь ли и пречистая его Матерь?» Одинокій устремился онъ по пути спасенія и чуждался неподобныхъ игрищъ, зная, что бесѣды злыя портятъ добрые нравы.

Наипаче прилѣпился онъ къ храму Божію и посѣщалъ церковь Благовѣщенія, при которой служилъ тогда благоговѣйный іерей Борисъ, поучавшій всегда прихожанъ своихъ, и въ домѣ и въ храмѣ, священному писанію; исполнился божественной ревности Мина, какъ олень жаждущій живыхъ источниковъ, и слагалъ въ сердцѣ своемъ спасительныя слова евангелія; отличалъ и пресвитеръ ревность отрока. Однажды, въ духѣ прозорливости, сказалъ онъ ученику своему: «да просвѣтитъ тебя, чадо, свѣтъ разума, отъ нынѣ и до вѣка.» Мина же смиренно отвѣчалъ ему: «знаю, отче, что Христосъ есть истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ, и наставляющій ищущихъ его на пути къ своему царствію; знаю и то, что я грѣшенъ, но что и нѣтъ грѣха, превосходящаго человѣколюбіе Божіе; посему я не отчаяваюсь въ своемъ спасеніи.» Изумился такому мудрому отвѣту іерей и предсказалъ отроку, что скоро воспріиметъ иноческій образъ изъ собственныхъ рукъ его; съ тѣхъ поръ еще болѣе укрѣпилась духовная связь между ними.

Спустя нѣсколько лѣтъ, благочестивый іерей, овдовѣвъ, постригся въ обители святыхъ Безсребренниковъ, недалеко отъ города, и принялъ имя Боголѣпа. Тамъ часто посѣщалъ его блаженный Мина; не оставлялъ и тогда, когда назначили духовнаго отца его строителемъ въ другую ближайшую обитель преподобнаго Сергія. Боголѣпъ

непрестанно внушалъ ему о совершенномъ отреченіи отъ міра, и когда однажды, проникнутый его наставленіемъ, Мина возвращался домой услышалъ онъ тайный гласъ: «дерзай, Мино!» Юноша пришелъ въ домъ свой только для того, чтобы раздать все свое имѣніе нищимъ, и съ евангельскою нищетою возвратился въ обитель Боголѣпа, умоляя спасти его душу и облечь въ Ангельскій образъ. Исполненный дара прозорливости, духовный отецъ и строитель предсказалъ ему блаженство древнихъ преподобныхъ Отцевъ и сооруженіе имъ храма въ пустынѣ, для спасенія многихъ. Мартиріемъ былъ нареченъ новый инокъ и принятъ въ келлію самаго настоятеля, съ которымъ вмѣстѣ совершалъ келейное правило, проводя всю ночь на молитвѣ до соборнаго пѣнія. Сверхъ того возложено было и особое послушаніе на юнаго подвижника; ему ввѣрено храненіе ключей церковныхъ, и потому прежде всѣхъ долженъ онъ былъ являться въ храмъ; въ девятомъ же часу дня вся братія выходила изъ обители трудиться въ полѣ.

Благочестивый Боголѣпъ имѣлъ обычай ежедневно пріобщать болящихъ, которые были близки къ смерти, и на вопросъ о томъ ученика своего, отвѣчалъ: «самъ Господь научилъ насъ, говоря: ядый мою плоть и піяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ (Іоан. VI, 56); посему я пріобщаю часто, чтобы не лишена была душа столь великаго дара Божія и, чрезъ уста свои,

приняла великаго Царя, какъ многоцѣнное сокровище, которое охранитъ се отъ воздушныхъ мытарствъ, на пути къ царствію.» Семь лѣтъ провелъ въ подвигахъ иноческихъ, съ блаженнымъ своимъ наставникомъ, инокъ Мартиріи, и многихъ подвигнулъ, своимъ примѣромъ, къ иноческой жизни. Изъ числа приходившихъ богомольцевъ, постригся въ ихъ обители нѣкто Аѳанасій, богобоязливый житель одного съ ними города Великихъ Лукъ, и порученъ былъ Мартирію, потому что старецъ Боголѣпъ видѣлъ въ немъ лучшаго руководителя. Новопостриженному Аврамію поручены были ключи церковные, для облегченія его духовнаго наставника, отъ котораго научился подвигу иноческому.

Случилось Аврамію заболѣть и уже онъ былъ почти безъ надежды, когда далъ обѣтъ поклониться чудотворной иконѣ Богоматери Тихвинской; внезапно получилъ онъ исцѣленіе и, не смотря на дальнее разстояніе, пошелъ исполнить обѣтъ свой. Архіепископъ Новгорода, устроявшій въ то время сію обитель, услышавъ о чудномъ исцѣленіи пришедшаго инока, удержалъ его при себѣ и поручилъ ему ключи отъ храма, чтобы онъ всегда находился при святой иконѣ, даровавшей ему исцѣленіе. Преподобный Мартирій, долго ожидая возвращенія ученика своего, скорбѣлъ душевно, что не предпринялъ, вмѣстѣ съ нимъ, благочестиваго странствія. Однажды, въ сонномъ видѣніи, представился ему огнен-

ный столпъ, со стороны Тихвина, и на высотѣ его подобіе чудотворной иконы Богоматери. Недоумѣвалъ онъ, какъ приблизиться къ высоко стоявшей святынѣ, но, посреди сего раздумія, сама собою спустилась къ нему икона и исполнила его чудною теплотою, какъ бы отъ столпа огненнаго. Съ того времени, еще болѣе возгорѣлся ревностію Мартирій, поклониться честной иконѣ и поработать въ новоустроенной ея обители. Когда же размышлялъ онъ, какимъ бы образомъ исполнить благочестивое свое желаніе, пришелъ къ нему неизвѣстный мужъ, по имени Михаилъ, и сказалъ именемъ Божіимъ: «Мартирій, иди одинъ въ пустыню.» Не замедлилъ Мартирій исполнить внушеніе свыше и, возложивъ упованіе на Господа и пречистую его Матерь, вышелъ съ неизвѣстнымъ мужемъ въ пустыню.

За шестьдесятъ верстъ отъ своей обители, обрѣли они, въ дебри лѣсной, глубокую пустыню и въ ней ископали себѣ пещеру, гдѣ начали подвизаться. Преподобный послалъ спутника своего въ ближайшую весь, добыть себѣ пищу, но Михаилъ, возвѣстивъ одному изъ поселянъ о пустынножительствѣ Мартирія, самъ къ нему болѣе не возвращался. Благочестивый христіанинъ приносилъ хлѣбъ подвижнику и принималъ отъ него рукодѣліе пустынное, которое продавалъ, для снабженія его пищею, ибо Мартирій хотѣлъ питаться трудами рукъ своихъ. Много терпѣлъ онъ въ пустынѣ искушеній отъ духовъ нечистыхъ,

по знаменіемъ крестнымъ и молитвою отъ нихъ ограждался. Принимая пищу отъ христолюбцевъ, самъ онъ укорялъ себя въ лѣности и приносимое обливалъ слезами, потому что однажды случилось ему задремать въ то время, когда принесли ему хлѣбъ; онъ старался одолѣть самый сонъ, лишая себя яствъ за передѣніе.

Его тревожила мысль, что, безъ благословенія отца своего духовнаго, предпринялъ пустынное жительство, и онъ написалъ блаженному Боголѣпу, чтобы благословилъ его пребывать въ безмолвіи; но старецъ отвѣчалъ ему, чтобы шелъ въ общежитіе, гдѣ большую принесетъ пользу себѣ и другимъ, и не смѣлъ ослушаться смиренный Мартирій. Однако, прежде нежели гдѣ-либо основаться въ общежитіи, пожелалъ онъ итти въ Смоленскъ, поклониться чудотворной иконѣ Одигитріи, и чудотворцамъ Смоленскимъ Аврамію и Ефрему, которыхъ молилъ даровать ему обрѣсти покой на старости лѣтъ. Оба они явились ему, въ сонномъ видѣніи, и сказали: «что ему подобаетъ жить въ пустынѣ, тамъ, гдѣ благословитъ Господь и наставитъ его Пречистая Матерь.» Вспомнилъ преподобный и о чудномъ ему явленіи иконы Тихвинской, и направился въ честную ея обитель, гдѣ нашелъ ученика своего Аврамія. Обрадовались они взаимно, радостію духовною, и вмѣстѣ опять поселились въ одной келліи, возвратясь на прежній подвигъ.

Преподобный Мартирій открылъ ученику сво-

ему тайное свое желаніе, искуситься еще гдѣ либо въ пустыни, въ странахъ приморскихъ, гдѣ бы никто о немъ не вѣдалъ; но Аврамій удержалъ его отъ дальняго пути, предложивъ итти въ ту пустыню, которая указана была ему чуднымъ видѣніемъ. Однажды, при выходѣ изъ соборной церкви, увидѣлъ онъ большой свѣтъ съ западной стороны и звѣздный крестъ, сіяющій на небѣ. По указанію чуднаго сего знаменія, съ трудомъ достигъ онъ предназначеннаго мѣста, которое нашелъ достойнымъ житія иноческаго, какъ бы моремъ окруженное непроходимыми болотами; на этомъ зеленомъ островѣ, пришла ему мысль, основать храмъ и обитель Живоначальныя Троицы, и онъ только ждалъ удобнаго случая и способнаго человѣка, для исполненія своего благочестиваго намѣренія.

Сердце Мартирія воспламенилось разсказами бывшаго ученика своего, о зеленомъ островѣ пустынной дебри. Помолившись со слезами предъ чудотворною иконою Тихвинской Божіей Матери и испросивъ благословеніе настоятеля, немедленно пошелъ онъ въ желанную пустыню, съ намѣреніемъ въ ней водвориться, и взялъ съ собою двѣ иконы, которыя всегда при себѣ носилъ, Пресвятыя Троицы и Одигитріи. Не доходя четырехъ верстъ до Зеленаго острова, остановился онъ въ селеніи, называемомъ Губолыно, чтобы распросить о пустынномъ мѣстѣ; благочестивый поселянинъ, по имени Іосифъ, согла-

сился быть его проводникомъ, и когда увидѣлъ преподобный желанную пустыню, въ сердечномъ восторгѣ, воскликнулъ: «се удалихся бѣгая и водворихся въ пустынѣ, чая Бога, спасающаго мя отъ малодушія и бури.»

Тогда обратился къ своему спутнику и сказалъ ему съ чувствомъ состраданія, потому что прозорливымъ окомъ провидѣлъ постигшее его бѣдствіе: «братъ мой, позавидовалъ діаволъ пришествію нашему въ сію пустыню и тебѣ послалъ тяжкую семейную скорбь; въ домѣ твоемъ нечаянно скончалась дочь твоя, мученически, но ты возложи упованіе свое на Бога, ибо онъ воздастъ тебѣ сторицею за твои скорби и дочери твоей даруетъ вѣнецъ нетлѣнный за ея невинное страданіе.» Съ трепетнымъ сердцемъ возвращался домой поселянинъ и на прагѣ дома встрѣтила его горькая вѣсть, что дочь его, отроковица, вышедши на кладезь почерпнуть воды, нечаянно упала въ него и потонула. Прослезился оспротѣвшій отецъ, но безъ ропота воскликнулъ Богу: «согрѣшилъ я, Господи, согрѣшилъ я предъ тобою, помилуй меня.» Но еще не успѣлъ онъ отереть слезъ своихъ, какъ пришла ему, подобно Іову, другая печальная вѣсть, что невѣдомо кѣмъ, единственный волъ его былъ уведенъ въ лѣсъ и тамъ повисъ на кривыхъ вѣтвяхъ, какъ бы на вилахъ. Не зная, что̀ думать о такомъ вражескомъ искушеніи, скорбѣлъ поселянинъ, но впослѣдствіи исполнились

слова преподобнаго, что отъ Господа будетъ ему воздаяніе; упованіемъ на Бога преодолѣвъ искушеніе, ополчился онъ на врага невидимаго и безъ ропота перенесъ домашнее лишеніе, подкрѣпляемый словомъ Мартирія. Но и самъ блаженный много страдалъ въ пустынѣ своей отъ враговъ невидимыхъ, которые усиливались, различными страхованіями, вытѣснить его съ мѣста подвига; не могли они однако одолѣть сего твердаго адаманта, который вооружался противъ нихъ бдѣніемъ и непрестанною молитвою, и побѣдилъ наконецъ вѣрою въ Господа Іисуса.

Между тѣмъ, окрестные жители съ усердіемъ прибѣгали къ подвижнику, радуясь его водворенію въ безлюдной пустынѣ, которая начала оглашаться славословіемъ Пресвятыя Троицы. Пришелъ и благоговѣйный Іосифъ къ преподобному и разсказалъ ему свое видѣніе, побудившее его притти въ пустыню. Ему представился столпъ огненный, надъ дебрію Мартиріевой, и какъ бы рука человѣческая, сыпавшая изъ столпа искры. Тогда же сознался онъ въ своемъ прегрѣшеніи противъ старца: какъ однажды, во время тяжкой болѣзни, далъ обѣтъ, принести ему хлѣба въ пустыню, если выздоровѣетъ; когда же получилъ облегченіе, не исполнилъ обѣта, говоря: «за что я дамъ ему хлѣба? не онъ меня помиловалъ, но Господь; онъ же предсказалъ мнѣ только кончину моей дочери и вознагражденіе за мои скор-

би, и хотя получилъ я обилiе благъ земныхъ, но все сiе отъ Бога; а преподобный не имѣетъ нужды въ посѣщенiяхъ и пособiяхъ нашихъ.» Такiя непрiязненныя чувства возбудилъ въ немъ духъ лукавый къ смиренному пустынножителю, но непрiязнь внезапно разсѣялась чуднымъ видѣнiемъ.

Мартирiй утѣшилъ добраго поселянина благодатнымъ словомъ, и съ тѣхъ поръ часто посѣщалъ онъ подвижника, вмѣсто приносимаго ему хлѣба насущнаго, получая отъ него взамнo хлѣбъ духовный слова Божiя; и не одинъ Iосифъ, всѣ приходившiе къ Мартирiю, наслаждались духовною его бесѣдою и нѣкоторые дѣлались постоянными его учениками, принимая отъ руки его постриженiе и поселялись около пустынной келлiи. Ради собравшейся около него братiи, соорудилъ Мартирiй деревянную церковь во имя Живоначальныя Троицы, и самъ съ учениками перенесъ въ нее, изъ своей хижины, двѣ чудотворныя иконы Одигитрiи и Живоначальныя Троицы. Одному изъ нихъ Гурiю, которому ввѣрилъ икону Св. Троицы, было утѣшительное видѣнiе: свѣтлый крестъ на небѣ, сiявшiй столь же ярко, какъ и на главѣ церковной; Гурiй возвѣстилъ о томъ блаженному своему учителю, который еще болѣе сталъ усердствовать о довершенiи храма и обители.

Не оставлялъ Господь своихъ подвижниковъ: пришелъ изъ великаго Новгорода Царевъ мужъ,

по имени Ѳеодоръ Сырковъ, который настоялъ, чтобы немедленно сооружена была, его иждивеніемъ, теплая каменная церковь, во имя Благовѣщенія Богоматери, въ пустынѣ Мартиріевой, для успокоенія братіи. Однажды преподобный Мартирій, въ легкой дремотѣ, увидѣлъ предъ собою боголѣпную Дѣву, пришедшую въ его келлію, которая сѣла въ углу у святыхъ иконъ и благоговѣйно на нихъ взирала; на главѣ ея былъ драгоцѣнный вѣнецъ, горѣвшій яркими камнями; воззрѣлъ на нее преподобный и она стала невидима, но ему послышался голосъ: «подвизайся, вѣрный рабъ мой Мартирій.» Мартирій узналъ въ ней пречистую Матерь своего Господа; духовною радостію исполнилось его сердце и всю сію ночь провелъ на молитвѣ.

Братія, видя богоугодное его житіе, умолила Мартирія принять санъ пресвитерскій и степень игуменскую, и повиновался великій подвижникъ; онъ пошелъ въ Новгородъ, гдѣ былъ рукоположенъ отъ мѣстнаго Архіепископа и поставленъ игуменомъ въ новой Зеленецкой пустынѣ, которою управлялъ, не какъ наемникъ, но какъ добрый пастырь стада Христова. Случилось ему, въ 1595 году, притти въ Тверь, гдѣ, по волѣ Царя Іоанна Васильевича, обиталъ бывшій Царь Казанскій Симеонъ, еще въ молодости принявшій святое крещеніе. Сынъ его Іоаннъ, послѣ краткой болѣзни, скончался и Царь, услышавъ о пришествіи преподобнаго, позвалъ его къ себѣ;

въ скорби сердечной вышелъ къ нему безутѣшный отецъ; Мартирій убѣждалъ его не скорбѣть; возложивъ икону Одигитріи на усопшаго, началъ онъ служить молебенъ Богоматери, съ водоосвященіемъ и, какъ только окропилъ мертваго святою водою, внезапно онъ воскресъ. Кто опишетъ радость царственнаго отца? Онъ палъ къ ногамъ преподобнаго, обливая ихъ слезами, и обѣщалъ создать въ его пустынѣ каменный храмъ, во имя иконы Пресвятыя Богоматери Тихвинскія, воскресившей сына его, съ придѣломъ Іоанна Златоустаго, который былъ Ангеломъ воскресшаго. Храмъ сей и досель стоитъ, въ пустынѣ Зеленецкой, свидѣтелемъ бывшаго чуда.

Глубокой старости достигъ преподобный Мартирій, въ постѣ и молитвѣ, и выкопавъ ровъ глубокій, своими руками устроилъ въ немъ для себя гробъ, къ которому часто приходилъ размышлять о скоромъ своемъ отшествіи; сидя при немъ горько плакалъ онъ, ибо для него, по выраженію псаломному, день единый во дворѣ Господнемъ, лучше былъ тысячей иныхъ дней. Такъ провелъ онъ послѣдніе полтора года, постоянно возводя мысль свою отъ тлѣннаго къ нетлѣнному и отъ временнаго къ вѣчному. Когда же предузналъ день своего отшествія, призвалъ къ себѣ братію и сказалъ: «отцы и братія, по благодати Божіей, отходя отъ міра сего, предаю васъ въ руки Господни и молю имѣть вѣру и надеж-

ду во всемъ къ Живоначальной Троицѣ, Отцу и Сыну и Святому Духу. Возложите упованіе ваше и на Матерь Божію, ибо и я недостойный на нее уповая не посрамился, и ея молитвами воспріялъ отъ Господа все, о чемъ просилъ; она будетъ за васъ ходатайствовать предъ Святою Троицею, ибо во всѣхъ благихъ дѣлахъ бываетъ помощницею вѣрнымъ и заступницею печальныхъ, какъ Матерь не земнаго Царя, но небеснаго, казнь прелагающею на милость, своимъ ходатайствомъ. На нее уповая братія, пребывайте неисходно въ сей обители и съ любовію подвизайтесь въ трудахъ; за благочестиваго Царя и православное его воинство и всѣхъ православныхъ Христіанъ, непрестанно молитеся Господу, да подастъ имъ все благое; къ приходящимъ въ обитель, страннымъ и убогимъ, будьте всегда милостивы, воспоминая Христовъ гласъ: «будите милосерди, яко же и Отецъ вашъ милосердъ есть.» Еще же не забывайте и слова, сказанныя въ пустынѣ великимъ Предтечею Господнимъ, одному старцу, который хотѣлъ оставить вертепъ свой, чтобы итти на Синайскую гору: «вертепъ твой лучше Синайской горы, если съ вѣрою будешь жить въ немъ.» Такъ и вы, братія, съ вѣрою живите въ сей обители и питайтесь отъ трудовъ рукъ своихъ, не отказывая и требующимъ; когда же сами получите, отъ Царя или кого бы то ни было, милостыню на свѣчи и ѳиміамъ, принимайте все сіе, какъ бы отъ

десницы Вышняго, все устрояющаго ко благу, и паппаче живя въ пустынѣ, любите другъ друга. Хотя тѣломъ я отхожу отъ васъ, но духомъ всегда пребуду съ вами; вмѣсто меня недостойнаго, изберите себѣ добраго пастыря, опытнаго въ жизни подвижнической и не дающаго заблудшимъ овцамъ утопать въ болотахъ и гибнуть въ дебряхъ, но умѣющаго направить къ вышнему царствію. Если будетъ ко мнѣ милость Господня, то и въ сей болотной и уединенной обители обрящется все благое, какъ бы въ пречестной и славной; я же буду молить Господа о упокоеніи отходящихъ въ иной міръ, какъ и васъ прошу нынѣ обо мнѣ молиться.»

«Отче святый и наставникъ добрый! возопіяли вся братія, хотѣли бы мы всѣ быть погребенными съ тобою, и нынѣ молимъ, послѣ твоего блаженнаго отшествія, продолжай съ любовію посѣщать твою обитель, чтобы сія болотная пустыня процвѣла богоугодными дѣлами, и не оставляй насъ спрыми, чтобы твоими молитвами могли мы побѣдить душепагубнаго врага.»—«Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, сказалъ преподобный, яко посѣти и сотвори избавленіе людямъ своимъ,» и причастившись божественныхъ тайнъ, исполненный радости духовной, преподалъ всѣмъ въ послѣдній разъ миръ и благословеніе; такъ предалъ чистую свою душу въ руки Божіи, Марта 1-го 1603 года. Братія, съ плачемъ, погребла тѣло блаженнаго отца своего.

близъ церкви Богоматери, которую самъ онъ построилъ, повелѣніемъ и вѣрою Царя Симеона, бывшаго Казанскаго. Память преподобнаго Мартирія совершается 11-го Ноября, въ день его Ангела.

(Изъ рукописи житія, хранящагося въ обители Зеленецкой.)

ДЕКАБРЬ

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ѲЕРАПОНТА МОНЗЕНСКАГО.

Былъ юноша въ городѣ Костромѣ, по имени Аммосъ, сынъ благовѣрныхъ родителей Даніила и Маріи, который съ юныхъ лѣтъ возгорѣлся божественною ревностію облечься въ иноческій образъ, но не соглашались родители, потому что желали сочетать его бракомъ и уже обручили ему невѣсту. Однако не оставляла его мысль о иночествѣ и, когда прилючилась ему тяжкая болѣзнь, далъ онъ, предъ иконою Благовѣщенія Богоматери, обѣтъ постричься; юноша молилъ Господа и пречистую его Матерь, чтобы ему указано было мѣсто пустыннаго жительства, и въ ту же минуту получилъ облегченіе. Въ тонкой дремотѣ представилось ему, что сама Пре-

чистая Дѣва исходитъ отъ своей иконы, въ той храминѣ, гдѣ лежалъ онъ на одрѣ болѣзни, и велитъ ему итти за собою; они приходятъ на мѣсто пустынное между двухъ рѣкъ, гдѣ стояла пустая церковь; сама Пречистая, указавъ ему мѣсто, сказала: «здѣсь жительство твое во вѣки;» юноша вошелъ въ церковь, но въ ней не было ни единой иконы, и внезапно проснувшись, увидѣлъ необычайный свѣтъ въ своей храминѣ, отъ чудной иконы Благовѣщенія. Аммосъ почувствовалъ себя совершенно исцѣленнымъ и, утаившись отъ родителей, удалился сперва въ монастырь Толгскій, что̀ близъ Ярославля; но когда хотѣли его оттуда возвратить въ домъ отеческій, онъ опять скрылся въ Геннадіевъ монастырь Всемилостиваго Спаса, гдѣ игуменъ принялъ его, и видя его ревность, велѣлъ постричь нарекши ему иноческое имя: Адріанъ.

Многіе годы провелъ Адріанъ въ обители Геннадіевой и уже возмужалъ, но его не оставляла мысль о чудномъ видѣніи и явившейся ему пустой церкви между двухъ рѣкъ. Въ надеждѣ обрѣсти мѣсто сіе, вышелъ онъ изъ монастыря Геннадіева и пришелъ на Кубенское озеро, въ обитель Всемилостиваго Спаса, гдѣ прожилъ также довольное время, снискавъ любовь Архимандрита и братіи; но прежняя мысль была постоянно въ умѣ его. Пламенно началъ онъ молиться Богу, чтобы открылось ему желанное мѣсто, и наложилъ на себя трехдневный постъ. Въ третью

ночь, проведенную на молитвѣ, вышедши изъ келліи, увидѣлъ онъ вдали на востокѣ, огненный столпъ и другой возлѣ него, восходившіе къ небу, а съ обѣихъ сторонъ ихъ быстрыя воды текущихъ рѣкъ. Еще болѣе разжегся Адріанъ огненнымъ видѣніемъ, возбудившимъ его надежды, и рѣшился искать мѣсто на восточной сторонѣ; прежде однако переселился въ другой монастырь Павла Обнорскаго, въ южныхъ предѣлахъ Вологды, и тамъ долгое время исправлялъ клиросное послушаніе. Былъ тамъ старецъ священноинокъ, именемъ Пафнутій, желавшій также пустынпаго житія и его принялъ онъ въ духовный совѣтъ свой. Повседневно совершали они вмѣстѣ келейное правило; ничего не утаплъ Адріанъ, изъ своей жизни и бывшихъ ему видѣній, отъ духовнаго отца своего.

Съ утѣшеніемъ внималъ ему Пафнутій и желалъ также обрѣсти мѣсто сіе, на которомъ обѣщалъ вмѣстѣ съ нимъ водвориться, а между тѣмъ посовѣтовалъ Адріану воспріять на себя санъ священства. Однажды, по окончаніи нощнаго правила, вышелъ Пафнутій изъ келліи своей въ присѣнокъ, чтобы поклониться гробу преподобнаго Павла Обнорскаго, потому что келлія его находилась близъ самаго храма, гдѣ былъ гробъ чудотворца; такой обычай онъ имѣлъ на всякую ночь. Внезапно предстала ему на востокѣ церковь, на которой кресты горѣли ярче солнца; не дойдя до гроба поспѣшилъ онъ возвратиться въ

келлію, сказать о своемъ видѣніи Адріану и оба они, выйдши въ сѣни, утѣшены были тѣмъ же чуднымъ зрѣлищемъ.

Нѣсколько времени спустя, когда опять послѣ правила, Пафнутій, поклонившись гробу чудотворца Павла Обнорскаго, легъ у себя въ келліи и впалъ въ тонкую дремоту, предсталъ ему нѣкто и сказалъ: «пошли друга твоего старца Адріана на то мѣсто къ востоку, гдѣ вы видѣли зарю и церковь; оно не дальше пятидесяти поприщь отселѣ, и на томъ мѣстѣ явится мужъ преподобный.» Пафнутій спросилъ его о имени и какъ знаетъ онъ то мѣсто? — Явившійся отвѣчалъ ему: «не будетъ тебѣ въ жительство мѣсто сіе, ибо не тебѣ предназначено.» Пафнутій спросилъ опять: «кто онъ и изъ какого града?» и одно только услышалъ въ отвѣтъ: «я сожитель Василіевъ, что на Москвѣ,» и съ этимъ словомъ скрылся (Василія же разумѣлъ блаженнаго, юродиваго). Возрадовался Адріанъ, что не презрѣлъ Господь его моленія, когда сказалъ ему Пафнутій свое видѣніе и близкое разстояніе самаго мѣста; испросивъ у него благословеніе, пошелъ онъ въ предѣлы Галицкіе, въ Калешскую волость, въ селеніе Шушкадомское, гдѣ стояла церковь во имя Богоматери. Онъ распросилъ у старца священника Евпла: «есть ли гдѣ-либо въ окрестности пустая церковь между рѣкъ?» и священникъ сказалъ: «что есть одна, верстъ за десять, на пустомъ мѣстѣ, въ непроходимыхъ дебряхъ, и что сдви-

ственный къ ней путь пролегаетъ отъ города, называемаго Солигалицкимъ, рѣкою Костромою, по которой ходятъ струги съ товарами купеческими.» Адріанъ спросилъ еще старца: «есть ли тамъ какой-либо жилецъ?» и священникъ отвѣчалъ ему: «нѣтъ; по временамъ только приходятъ древодѣли изъ города Костромы и окрестныхъ селъ, чтобы нарубить тамъ лѣсу для большихъ насадовъ.»

Обрадованный вѣстью, Адріанъ просплъ только, чтобы проводили его до мѣста, называемаго Устье, и пришедши обрѣлъ въ пустынѣ церковь; онъ узналъ видѣнную имъ нѣкогда въ сонномъ видѣніи и, вошедши въ храмъ, нашелъ въ ней икону Благовѣщенія, которая и доселѣ обрѣтается въ обители, но церковь отъ ветхости едва стояла. Со всѣхъ сторонъ обошелъ мѣсто сіе пришелецъ; оно показалось ему прекраснымъ съ вида и удобнымъ для жительства, по множеству лѣса, нужнаго для строенія, и по обилію водъ, для рыбной ловли и для мельницы. Съ такою вѣстію возвратился къ Пафнутію въ Обнорскую обитель.

Уже они начали совѣщаться между собою, какъ бы имъ переселиться на пустынное мѣсто, когда внезапно пришла грамота въ монастырь, отъ благовѣрнаго Царя Іоанна Васильевича, чтобы старца Пафнутія немедленно прислать въ Москву, для поставленія въ игумена. Огорчился старецъ, но нельзя было ослушаться повелѣнія Цар-

скаго. Онъ призвалъ старца Адріана и сказалъ ему: «братъ Адріанъ возми отъ меня милостыню довольную, для созданія монастыря, и начни строить на томъ мѣстѣ, которое обрѣли мы благоволеніемъ Божіимъ, я же явлюсь предъ лице Царя и возвращусь къ тебѣ въ обитель, и мы опять вмѣстѣ будемъ обитать на святомъ мѣстѣ; ты же молись только Пречистой Богородицѣ.» Не вспомнилъ старецъ Пафнутій о сказанномъ ему при явленіи невѣдомаго мужа: «что не подобаетъ ему жить на томъ мѣстѣ» и такъ они разстались. Старецъ Адріанъ пошелъ на новое мѣсто, игуменъ же Обнорской обители умолялъ Пафнутія, какъ можно скорѣе исполнить повелѣніе царское, и съ великою честію отпустилъ его въ Москву. Тамъ былъ онъ поставленъ по волѣ Государя, хотя и противъ своего желанія, Архимандритомъ въ Чудовъ.

Услышавъ о томъ Адріанъ, пришелъ къ нему въ Москву за благословеніемъ; съ участіемъ разспрашивалъ его Архимандритъ о новой обители и о томъ, кто съ нимъ жительствуетъ? Адріанъ отвѣчалъ: «что святыми его молитвами уже построилъ онъ двѣ келліи и съ нимъ живутъ три брата, Іовъ, Ефремъ и Кириллъ.» Пафнутій далъ ему еще болѣе милостыни на созданіе монастыря и Адріанъ водворился въ своей пустыни, копая землю и сѣя жито вмѣстѣ съ братіею, на берегу Костромы, питаясь трудами рукъ своихъ. Приходили къ нимъ и со стороны другіе люди

на время помогать имъ, въ созпданіи келліи и воздѣлываніи земли. Пришелъ однажды древодѣль, хотѣвшій строить себѣ насадъ на рѣкѣ Монзѣ и, видя жительство старцевъ на устьѣ рѣки, усердные ихъ труды и непрестанное пѣніе въ церкви, спросилъ ихъ: «чѣмъ питаются, и какъ въ столь короткое время устроили себѣ келлію?» Тронутый ихъ высокою жизнію, онъ оставилъ имъ двухъ лошаковъ для работы монастырской, и благополучно совершилъ свой насадъ.

Много стало собираться братіи къ Адріану и довольно текло ему милостыни; но онъ скорбѣлъ о неудобствѣ мѣста, которое весною затоплялось водою, по низости береговъ; они осыпались все болѣе и болѣе отъ весенней воды, угрожая обители. Нѣкто старый человѣкъ, по имени Іоаннъ, зналъ недалеко оттуда другое мѣсто, куда еще хотѣлъ перенести церковь и келлію игуменъ Нифонтъ, давно уже тутъ обитавшій, во избѣжаніе потопленія. Старикъ указалъ мѣсто сіе, нѣсколько выше на берегу рѣки Костромы, и оно понравилось Адріану. Уже онъ началъ помышлять, вмѣстѣ съ братіею, какъ бы имъ туда перенести монастырь; однажды, пришедши на мѣсто, заснулъ онъ отъ утомленія; ему предсталъ странный мужъ и сказалъ: «не трудись старецъ о мѣстѣ семъ; другое тебѣ предназначено тамъ, гдѣ услышишь звонъ и пѣніе церковное; оно на берегу рѣки Монзы, и ты его узнаешь потому, что тебѣ явится тамъ человѣкъ

преподобный и двое юношей исцѣлятся отъ лютой болѣзни.» Адріанъ, какъ бы воспрянулъ отъ сна, но не могъ двинуться съ мѣста. «Кто ты, чадо мое, спросилъ онъ явившагося, и какъ твое имя?» Невѣдомый странникъ отвѣчалъ: «ты будешь мнѣ отцемъ, и тогда узнаешь мое имя; теперь же скажу, что я сожитель Василія, который въ Москвѣ.» Уразумѣлъ Адріанъ, что это тотъ самый странникъ, который являлся нѣкогда старцу Пафнутію въ Обнорской обители, и разсказалъ о томъ братіи. Къ общему ихъ изумленію, то же видѣніе и въ ту же ночь, имѣлъ одинъ изъ братіи Іовъ; и ему сказалъ чудный мужъ: «не трудись о мѣстѣ, котораго желалъ Ипфонтъ, и присовокупилъ: не послужитъ тебѣ для покоя и то мѣсто, гдѣ услышится звонъ; ты вселишься отъ него за тридцать поприщь,» и съ этимъ словомъ скрылся.

Насталъ великій постъ; въ четвертокъ крестопоклонной недѣли, внезапно старецъ и всѣ живущіе въ монастырѣ, услышали, еще во мракѣ ночи, издали благовѣстъ къ утреннему пѣнію въ большой колоколъ. Всѣ устремились вонъ изъ ограды и спрашивали другъ друга: «откуда звонъ въ столь тяжкій кампанъ?» ибо нигдѣ въ окрестности не было подобныхъ, и не было храма во имя сорока Мучениковъ, которыхъ память праздновалась въ тотъ день. Тогда старецъ сказалъ братіи: «это звонъ съ того мѣста, о которомъ возвѣстилъ мнѣ странникъ, явившійся и брату Іову.

Вы слышите, звонъ идетъ по теченію Монзы, но только мѣсто намъ неизвѣстно.» Адріанъ сталъ распрашивать окрестныхъ жителей и у строившихъ насады на берегу Монзы: «слышали ли они утренній звонъ на праздникъ сорока Мучениковъ?» Всѣ они отвѣчали: «мы слышали у васъ въ обители звонъ великій; но удивились, откуда у васъ большіе колокола? и порадовались.» Старецъ пошелъ на починокъ, обработываемый поселяниномъ Іоанномъ съ женою его Пелагіею, и спрашивалъ ихъ о звонѣ; они также полагали, что это въ обители; но жена сказала мужу: «я говорила тебѣ, что звонъ выше монастыря, близъ рѣки Монзы, на концѣ нашего поля, гдѣ большой сосновый боръ.» Туда направился старецъ и пашелъ высокое мѣсто, покрытое боромъ, какъ бы на верженіе камня отъ рѣки Монзы, удобное, по множеству лѣса, для строенія обители, но со всѣхъ сторонъ окруженное болотами, такъ что къ нему можно было подойти только отъ рѣки Костромы; — тутъ было мало мѣста для хлѣбной пашни, и это нѣсколько огорчило Адріана; однако онъ назпаменовалъ мѣсто сіе, водрузивъ мѣдный крестъ въ древнюю сосну, и помыслилъ въ сердцѣ своемъ: не явитъ ли еще что либо Господь и пречистая его Матерь о избранномъ мѣстѣ? понадѣялся онъ и на явившагося ему страшника, и съ тѣмъ возвратился въ обитель.

Когда же наступилъ храмовый праздникъ

Благовѣщенія и собралось множество народа къ торжественной всенощной, всѣ услышали громкій благовѣстъ и трезвонъ, во всѣ колокола, опять изъ того же бора, и съ того дня не прекращался таинственный звонъ на всякую церковную службу, по правилу монастырскому. Въ вербное воскресенье, услышавъ благовѣстъ, старецъ Адріанъ, взялъ съ собою Іова и пошелъ въ боръ, гдѣ водрузилъ онъ крестъ; на верженіе камня оттолѣ послышалось ему даже пѣніе ликовъ, но не внятны были самыя рѣчи, и оба, пораженные чудомъ, возвратились въ обитель. Пришелъ къ нимъ, въ тотъ же день, древодѣль Климентъ, строившій съ людьми своими насадъ на другомъ берегу Мозы, противъ того бора гдѣ слышался звонъ, и укорялъ старцевъ: «какъ могли они, въ такой праздникъ, оставить свою церковь, чтобы птти пѣть на пустое мѣсто? ибо слышался тамъ и говоръ многихъ людей.» Изумился древодѣль, когда ему сказали, что не было тамъ пѣнія, и ходилъ туда только игуменъ съ однимъ братомъ, и то послѣ божественной службы.

На свѣтлый день Пасхи собрался народъ въ обитель, ожидая таинственнаго звона, и въ самую полночь раздался благовѣстъ изъ бора. Къ литургіи сходились всѣ древодѣли, жившіе по берегу Мозы, съ своимъ хозяиномъ Богданомъ, недавно возвратившимся изъ продолжительной отлучки, изъ дальняго Пскова. Съ изумленіемъ остановился онъ на берегу рѣки, противъ того

мѣста, откуда слышались звонъ и лики, и спрашивалъ своихъ людей: что это значитъ? потому что, при сладостномъ пѣніи, не было видно никого изъ поющихъ; колебались только широкія вѣтви древнихъ сосенъ, а вокругъ ихъ было непроходимое болото. Пораженный чудомъ, обѣщалъ онъ давать милостыню въ обитель, во всю свою жизнь, и исполнилъ вѣрно свое обѣщаніе. Послѣ же свѣтлаго праздника уже не всѣ могли слышать таинственный звонъ, но только тѣ, которые сподоблялись отъ Господа, изъ числа живущихъ подлѣ бора; послѣ же Пятидесятницы и они перестали слышать. Иногда только, мимоходившіе по берегу обѣихъ рѣкъ Костромы и Монзы, или плававшіе на стругахъ по водамъ, слыхали по временамъ звонъ сей и съ изумленіемъ спрашивали о томъ окрестныхъ жителей.

Адріанъ совѣщался съ братіею: не поставить ли имъ на томъ мѣстѣ часовню? и въ день воскресный, пригласивъ съ собою довольно людей, пошелъ исполнить благочестивое свое намѣреніе. Недалеко оттолѣ было селеніе Григорьево, которымъ владѣлъ нѣкто Алексѣй Нелидовъ. Изъ той деревни и многихъ другихъ пошли крестьяне, къ старцу Адріану, приготовить бревна для часовни. Недалеко отъ обители встрѣтилъ ихъ человѣкъ въ рубищѣ, украшенный сѣдинами, и спросилъ: «куда идутъ?» Они отвѣчали: «къ старцу на устье, поставить молитвенную храмину, на томъ мѣстѣ, откуда слышится звонъ.»—«Свято мѣсто,

сказалъ имъ странникъ; будетъ на немъ обитель для иноковъ и явится тамъ человѣкъ преподобный.» На вопросъ, «отколѣ онъ и почему знаетъ мѣсто сіе?» онъ только отвѣчалъ: «я изъ города Солигалическаго,» и скрылся. Поселяне, объятые страхомъ, возвѣстили о томъ Адріану; старецъ разспрашивалъ ихъ: «каковъ былъ внѣшній видъ его?» они сказали, что имѣлъ бороду продолговатую, сіявшую сѣдинами, и одѣтъ былъ въ рубище, больше же не могли разсмотрѣть.

Тогда и братія начали говорить другъ другу, что наканунѣ каждый изъ нихъ видѣлъ сего странника, который шелъ въ келлію Адріана, и на вопросъ ихъ: «какое имѣетъ дѣло до старца?» отвѣчалъ: «строеніе молитвеннаго храма»; имени же своего не сказалъ, объяснивъ только, что старецъ его знаетъ. Извѣстили о томъ игумена и еще болѣе онъ изумился, потому что во всю недѣлю не видѣлъ никого изъ странныхъ. Братія же настоятельно утверждала, что странникъ провелъ даже всю ночь въ его келліи и вышелъ только на разсвѣтѣ. Съ благословенія настоятеля всѣ пошли строить часовню; подлѣ малой келліи, которую соорудилъ своими руками старецъ Адріанъ, стояло съ правой стороны большое дерево, въ которое водрузилъ онъ мѣдный крестъ. У дерева предъ животворящимъ крестомъ, глубоко на цѣлую пядь, напечатлѣны были стопы человѣческія и всѣ подивились столь твердому стоянію. Недоумѣвали однако, кто подъемлетъ

на этомъ мѣстѣ такіе великіе труды? и полагали, что это самъ Адріанъ, устроившій себѣ келлію. Когда пришелъ старецъ и преподалъ имъ миръ, послышался опять звонъ уже на самомъ мѣстѣ, какъ бы съ вершины того дерева, въ которое водруженъ былъ крестъ, но ничего не было видно, кромѣ лѣсной чащи; старцу показали глубокія ступни невѣдомаго молитвенника, въ которомъ угадывалъ Адріанъ таинственнаго странника. Въ короткое время сооружена была молитвенная храмина и при ней братскія келліи.

Старецъ Адріанъ и вся братія непрестанно помышляли и молили Бога о томъ, какъ бы имъ воздвигнуть церковь и монастырь на новомъ мѣстѣ, куда бы могли переселиться, потому что церковь на старомъ чрезвычайно обветшала. На общемъ совѣтѣ условились рѣшить дѣло по жребію, позабывъ, что имъ были и прежде указаніе свыше туда переселиться. Положили въ пелену отъ иконы Благовѣщенія Божіей Матери два жребія, одинъ о старомъ, а другой о новомъ мѣстѣ, и велѣли человѣку, вовсе не знавшему ихъ совѣта, вынуть жребій въ церкви, куда впустили его одного. Онъ вынесъ имъ одинъ жребій и сказалъ, что не видѣлъ другаго на пеленѣ; изумилась братія и положила ихъ опять два; на сей разъ, хотя онъ видѣлъ оба жребія, но одинъ изъ нихъ такъ крѣпко прилипъ къ пеленѣ, что нельзя было его оторвать, и потому онъ вынесъ опять тотъ же, о переходѣ на новое мѣсто.

Между тѣмъ совершились два чудныя исцѣленія, о которыхъ уже давно предсказалъ явившійся таинный мужъ. Привезли двухъ болящихъ, на двухъ малыхъ ладьяхъ рѣкою Костромою: одного сверху отъ Сольгалича, въ жестокой горячкѣ и безпамятствѣ, другаго же снизу отъ Буйгорода, разслабленнаго ногами. Настоятель велѣлъ принести обоихъ и положить предъ чудотворнымъ образомъ благовѣщенія Богоматери; вспомнивъ бывшее предсказаніе, собралъ онъ всю братію на всенощную молитву. «Если Господь и пречистая его Матерь услышатъ наши молитвы, говорилъ Адріанъ, то это будетъ знаменіемъ, что угодно Богу переселеніе наше.» Спрашивалъ онъ и родителей: «какъ пришло имъ на мысль принести сюда своихъ болящихъ?»

Житель Буйгорода, по имени Лукіанъ, отвѣчалъ: «ловилъ я рыбу на своей рѣкѣ и все думалъ о болѣзни сына; незамѣтно впалъ я въ дремоту, и какъ будто слышался мнѣ голосъ, повелѣвавшій спросить о немъ старца, который идетъ по берегу рѣки; осмотрѣлся я и увидѣлъ старца противъ ладьи моей, съ продолговатой бородою, блиставшей сѣдиною; такъ внезапно очутился онъ противъ меня, что меня объялъ ужасъ; но вскорѣ страхъ мой измѣнился въ радость и я просилъ его благословенія и совѣта. Богъ да благословитъ тебя, чадо, сказалъ онъ и велѣлъ мнѣ переплыть съ ладьею на его сторону. На вопросъ: откуда онъ? старецъ отвѣчалъ:

съ устья Монзы, изъ Благовѣщенскаго монастыря; иду въ Кострому, старецъ мой послалъ меня нанимать работниковъ, чтобы перенести монастырь на новое мѣсто, гдѣ бываютъ исцѣленія, потому что Господь назначеновалъ мѣсто сіе. Я разсказалъ ему о сынѣ моемъ, разслабленномъ ногами, и онъ мнѣ велѣлъ вести его на устье къ старцу Адріану, гдѣ исцѣлится. Упросилъ я старца сѣсть въ мою ладью и плыть до моего дома, и дорогою разспросилъ: во имя кого церкви на устьѣ, чтобы мнѣ помолиться ихъ святымъ Ангеламъ? Старецъ сказалъ мнѣ: что на новомъ мѣстѣ церковь Воскресенія Христова и Николая Чудотворца, а на старомъ ветхая, Благовѣщенія Пречистыя, и развалившаяся еще была церковь Собора Архангеловъ. Теперь мы еще живемъ въ старомъ монастырѣ, и мѣсто сіе всегда будетъ называться Благовѣщенскій монастырь на устьѣ. Приплывши къ дому, вышли мы на берегъ; я взялъ сѣти, чтобы нести ихъ къ себѣ на дворъ, а старецъ остался; когда же возвратился, чтобы звать его къ себѣ, уже нигдѣ болѣе его не нашелъ, и кого ни спрашивалъ о немъ, никто его не видѣлъ, ни изъ плывшихъ по рѣкѣ, ни изъ шедшихъ по берегу. Не понимаю, какъ онъ скрылся отъ глазъ моихъ и скорблю, что не увѣдалъ его имени; по его приказанію, принесъ къ тебѣ сына моего, чтобы молитвами преподобныхъ исцѣлилъ его Господь. Но покажи намъ, Бога ради, церкви Воскресенія Хри-

стова и Николая Чудотворца, чтобы мы тамъ помолились.»

Старецъ Адріанъ съ благоговѣніемъ слагалъ всѣ сіи рѣчи въ сердцѣ своемъ, ибо онъ зналъ, что никакого старца не отпускалъ въ это время изъ монастыря своего. Распросилъ онъ и другаго человѣка изъ Сольгалича; тотъ отвѣчалъ: «второй уже мѣсяцъ страдаетъ сынъ мой огневицею; ремесломъ я ковачь и занимался въ кузницѣ кованіемъ плуга, чтобы мнѣ орать землю, но на мысли моей постоянно была болѣзнь сына; отъ усталости наклонился я на паковальню и былъ какъ бы въ забытьи, и вотъ предо мною стоялъ старецъ, котораго я не замѣтилъ, и ласково меня спросилъ: что скорбишь? — Болитъ сердце мое о сынѣ, отвѣчалъ я, который жестоко страдаетъ и уже на исходѣ. — Давно ли? опять спросилъ онъ, и я сказалъ: уже седьмая недѣля не встаетъ съ одра и нынѣ, думаю, скончается; его мать уже ослѣпла отъ слезъ и у меня изсохли кости отъ великой туги. — Знаешь ли монастырь на устьѣ Монзы? сказалъ мнѣ старецъ и я въ свою очередь сказалъ: хорошо знаю мѣсто и старца Адріана и всю братію, тебя только не знаю, тамъ ли ты живешь? — Тамъ, отвѣчалъ онъ, въ одной келліи со старцемъ Адріаномъ; вези туда сына. Нынѣ Адріанъ переноситъ монастырь на новое мѣсто, вверхъ по рѣкѣ Монзѣ, гдѣ ему Богъ показалъ звономъ и чудесами; свято мѣсто то, и явится тамъ преподобный.

Я началъ спрашивать его: по какому дѣлу онъ пришелъ? и онъ сказалъ, что старецъ Адріанъ послалъ нанимать работниковъ для перенесенія монастыря. Напрасно умолялъ я, чтобы старецъ остался у меня въ домѣ; онъ отозвался тѣмъ, что возвращается къ себѣ въ обитель, и, по его слову, привезъ я сюда сына моего, да исцѣлѣетъ вашими молитвами; но покажи мнѣ старца, котораго я видѣлъ.»

«Никто не выходилъ изъ монастыря моего, и нѣтъ у насъ такого старца, сказалъ ему Адріанъ, думаю, что это была нѣкая Божія сила, которая вамъ являлась.» Родители болящихъ просили его отвести ихъ на новое мѣсто, чтобы тамъ помолиться; на другой день, когда всѣ сошлись къ утрени на праздникъ обновленія храма Господня въ Іерусалимѣ, во время пѣнія: «Богъ Господь и явися намъ, благословенъ грядый во имя Господне,» двинулся ногами разслабленный и сѣлъ на своей постели, спрашивая: «гдѣ тотъ старецъ, который въ сію ночь осязалъ мои ноги и велѣлъ мнѣ итти на новое мѣсто тамъ получить исцѣленіе? Я просилъ его, чтобы меня довелъ, но онъ сказалъ, что только укажетъ путь, а я самъ дойду и нынѣ уже не чувствую своего недуга, а только мнѣ обдаетъ, какъ бы холодомъ ноги; покажите мнѣ старца». Всѣ братія къ нему подходили; но ни въ одномъ изъ нихъ не призналъ онъ старца, а только спрашивалъ Адріана: «гдѣ тотъ, вмѣстѣ съ конмъ,

ночью онъ пѣлъ каноны?» Спрашивали разслабленнаго, о внѣшнемъ видѣ старца, и родители обоихъ болящихъ признали по его подобію того, кто имъ являлся.

По окончаніи утрени возопилъ и страдавшій огневицею: «для чего купаете меня въ рѣкахъ сихъ? сердце мое дрожитъ, какъ бы отъ лютаго мороза.» Думали, что онъ вопіетъ такъ въ безпамятствѣ; приступили къ нему родители вмѣстѣ съ иноками; потоками лился съ него потъ, какъ бы вода, и онъ уже не чувствовалъ огненной болѣзни, всталъ самъ съ постели и, ходя по церкви, отиралъ потъ, прося только, чтобы его согрѣли; по его желанію начали пѣть молебень и въ это время прекратился озноб и совершенно онъ исцѣлился. Плакалъ между тѣмъ другой больной, говоря: «прогнѣвалъ я Господа и его пречистую Матерь и старца, котораго я видѣлъ ночью; прибывшій со мною уже исцѣлился, а я не чувствуя болѣзни, не могу подняться!» Начали служить и для него молебны и, по окончаніи ихъ, онъ могъ уже самъ собою подойти къ животворящему кресту. После литургіи старецъ Адріанъ повелъ исцѣленныхъ и весь народъ на новое мѣсто и тамъ, помолившись въ часовнѣ, оставили они обильную милостыню и съ радостію возвратились домой.

Тогда еще болѣе утвердилось въ мысли Адріана и всей братіи, соорудить монастырь на новомъ мѣстѣ. Строитель пошелъ въ царствующій

градъ, въ обитель Чудовскую, возвѣстить обо всемъ Пафнутію, и тотъ съ радостію далъ ему еще болѣе денегъ для сооруженія монастыря. Просплъ онъ Святѣйшаго Іова Патріарха дать Адріану благословенную грамоту на новое мѣсто; Патріархъ исполнилъ ихъ общее желаніе и, вмѣстѣ съ грамотами и антиминсомъ для освященія церквей, отпустилъ ему богатую милостыню. Архимандритъ при прощаніи обѣщалъ Адріану притти къ нему зимою, въ надеждѣ, что благочестивый Царь Ѳедоръ Іоанновичь, ради его старости, отпуститъ его на покой.

Онъ убѣдилъ его, еще на одну ночь, остаться у него въ келліи и послѣ обычнаго правила, когда легъ отдохнуть, увидѣлъ предъ собою старца, который говорилъ: «какъ же не помнишь ты моего совѣта, еще въ Павловомъ монастырѣ, что не суждено тебѣ обитать вмѣстѣ съ Адріаномъ? Ты будешь на Крутицахъ съ Митрополитомъ Діонисіемъ.» Архимандритъ проснувшись разсказалъ видѣнное имъ Адріану, относя сіе къ сонному мечтанію, и говорилъ ему: «посмѣялся я такому видѣнію, не хочу пребывать на Крутицахъ у Митрополита.» Тогда Адріанъ напомнилъ ему: «не тотъ ли это старецъ, который давно уже, въ Обнорской обители, приказывалъ ему послать отыскивать то мѣсто, гдѣ они теперь живутъ?» Архимандритъ сказалъ: «подобіе то же, но этотъ показался мнѣ монахомъ, а тотъ былъ простолюдинъ.» Адріанъ замѣтилъ, что у нихъ въ обите-

ли многимъ онъ являлся, то въ простомъ видѣ, то въ иноческомъ образѣ; но Архимандриту не хотѣлось вѣрить словамъ его, потому что имѣлъ сильное желаніе водвориться въ пустынѣ.

Возрадовалась братія возвращенію своего настоятеля, съ благословенною грамотою и достаточною казною для строенія обители. Немедленно приступили къ дѣлу, наняли многихъ работниковъ и построили шесть келлій, о церквахъ же еще не соглашались между собою: одни желали, чтобы сооружена была церковь во имя сорока Мучениковъ Севастійскихъ, потому что въ этотъ день впервые слышался дивный звонъ; но старецъ вспомнилъ показаніе болящихъ, получившихъ исцѣленіе, которые говорили о церкви Воскресенія Христова и Чудотворца Николая; въ короткое время соорудили церковь Воскресенія, съ придѣломъ Святителя, а потомъ другую теплую церковь во имя Благовѣщенія.

ПРИШЕСТВІЕ ПРЕПОДОБНАГО ѲЕРАПОНТА.

Спустя нѣсколько времени пришелъ изъ города Костромы, изъ монастыря Воздвиженскаго, преподобный Ѳерапонтъ, воспріявшій въ немъ ангельскій образъ; но отколѣ былъ онъ родомъ и кто его родители и сколькихъ лѣтъ постригся?—

мы не обрѣли, говоритъ писатель житія его; одно только могли узнать отъ жившихъ тутъ иноковъ и боголюбивыхъ мужей, на пользу духовную хотящимъ спастися, что сей Ѳеропонтъ жительствовалъ въ обители Воздвиженской и всѣхъ превосходилъ въ послушаніи настоятелю и въ заповѣданныхъ ему службахъ, изнуряя тѣло постомъ, и былъ любимъ всею братіею, для которой служилъ образцемъ. Всѣ жители города Костромы, отъ мала до велика, начиная съ воеводы и дьяковъ его, питали къ нему глубокое уваженіе и приходили за благословеніемъ; онъ же, съ любовію, говорилъ имъ благословенныя рѣчи и о нихъ молился; а иныхъ строго обличалъ за слабое житіе и за пристрастіе къ сустѣ міра сего. По всему городу и въ самой обители былъ онъ прославляемъ, и потому блаженный уклонился въ область Галицкую, въ Благовѣщенскій монастырь, на устье Монзы, гдѣ жилъ Адріанъ, и просилъ съ нимъ водворить-ся; съ любовію согласились на это старецъ и братія.

Но однажды инокъ Іовъ призналъ знакомый ему ликъ Ѳерапонта и пришелъ извѣстить Адріана. «Не презрѣлъ Богъ моленія нашего, сказалъ онъ; старецъ, пришедшій къ намъ въ обитель, есть тотъ самый, который при началѣ являлся, и ты самъ его видѣлъ тамъ, гдѣ Нифонтъ хотѣлъ устроить свой монастырь.» При этой рѣчи, какъ бы отъ сна воспрянулъ старецъ

Адріанъ и воскликнулъ: «дѣйствительно, это тотъ самый!» Въ то же время пришли въ обитель двое поселянъ, деревни Григорьевой, и также признали въ немъ того, который нѣкогда звалъ ихъ на сооруженіе часовни; но тогда онъ былъ въ простой одеждѣ, а теперь уже въ иноческой. Хотя и убѣдился въ истинѣ Адріанъ, не смѣлъ однако самъ спросить старца; но въ духовной бесѣдѣ старался испытать о начальномъ мѣстѣ его обѣщанія.

Преподобный просто отвѣчалъ: «что онъ постриженикъ Воздвиженскаго монастыря города Костромы, но бывалъ и въ царствующемъ градѣ, гдѣ жилъ близь дома блаженнаго Василія, отдѣленнымъ отъ него однимъ лишь тыномъ.» Еще болѣе обрадовался старецъ Адріанъ, убѣдившись, что это тотъ, который ему являлся, ибо вспомнилъ, что говорилъ ему тогда о сожительствѣ въ Москвѣ съ блаженнымъ Василіемъ; но только недоумѣвалъ, какимъ образомъ преподобный упоминаетъ о домѣ и о тынѣ, когда зналъ изъ житія блаженнаго Василія, что онъ ходилъ нагимъ по стогнамъ и не имѣлъ нигдѣ покрова! Между тѣмъ по всей окрестности пронеслась молва, что пришелъ въ монастырь мужъ весьма святой жизни; блаженный Ѳерапонтъ умолялъ старца Адріана, чтобы умолчалъ о немъ и принялъ къ себѣ на исповѣдь. Съ утѣшеніемъ принялъ его въ число духовныхъ дѣтей строптель, надѣясь еще что либо о немъ узнать, но ничего бо-

лѣе не открылось ему. Блаженный молилъ только Адріана и даже твердо запрещалъ, не разглашать о явленіяхъ его и предсказаніяхъ. Много духовныхъ рѣчей сказалъ онъ отцу своему духовному, не такъ какъ сынъ, но отечески его наставляя; Адріанъ палъ къ ногамъ его и воскликнулъ: «не требуютъ здравіи врача! ты же будучи здравъ, какъ пришелъ исцѣляться къ недужному?» Но преподобный поднялъ его и сказалъ: «помнишь ли, какъ однажды, на берегу рѣки Костромы, гдѣ ты хотѣлъ соорудить монастырь, я говорилъ тебѣ, что ты будешь мнѣ отцемъ и узнаешь имя мое? Вотъ это исполнилось нынѣ, но опять умоляю: не открывай никому сказаннаго мною, какъ истинный отецъ и хранитель заповѣданной тайны, доколѣ я живъ буду. Отъ нынѣшняго дня, когда я исповѣдалъ тебѣ грѣхи мои, по совершеніи двухъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ, исполнится надо мною то, что Богъ повелитъ.»

Съ того времени Ѳерапонтъ каждый день принималъ благословеніе отъ своего старца и, выходя изъ обители, переходилъ рѣку Монзу, чтобы углубиться въ чащу лѣса; тамъ молился на единѣ, укрываясь отъ славы человѣческой. Одинъ изъ иноковъ, Кириллъ, поропталъ на преподобнаго, что ежедневно оставляетъ монастырь и не обрѣтается на строеніи. Въ ту же ночь представилась ему толпа Эѳіоповъ, похваляющихъ его за ропотъ и совѣтующихъ изгнать сего лѣниваго пришельца, нерадящаго о

работѣ монастырской, котораго даромъ питаютъ. «Онъ представляется предъ вами святымъ, говорили Эѳіопы, и удаляясь въ чащу лѣса, спитъ, намъ же творитъ великую помѣху.» Въ ужасѣ воспрянулъ Кириллъ, и едва могъ добѣжать изъ своей келліи къ старцу Адріану, которому все исповѣдалъ. Старецъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, велѣлъ возвратиться въ келлію съ молитвою; но какъ только смежилъ взоры Кириллъ, опять наполнилась она страшными привидѣніями. Тѣ же мрачные Эѳіопы упрекали его: за чѣмъ открылъ совѣтъ ихъ старцу, вмѣсто того, чтобы воздвигнуть бо̀льшій ропотъ и гнѣвъ на лѣниваго. Какъ мертвый лежалъ на одрѣ своемъ трепещущій инокъ, когда внезапно вошелъ въ его комнату старецъ; уже не могъ онъ открыть уста свои, а только мысленно просилъ прощенія и помощи въ столь страшной бѣдѣ. У одра его стоялъ Ѳерапонтъ, въ куколѣ, съ жезломъ въ рукахъ, и какъ прахъ разсѣялъ имъ демоновъ, но строго запретилъ никому о томъ не говорить. Однако Кириллъ разсказалъ свое видѣніе старцу Іову, который ублажалъ Ѳерапонта, а Іовъ разсказалъ Адріану; настоятель запретилъ обоимъ говорить о томъ, помня самъ строгое запрещеніе блаженнаго.

Чрезъ нѣсколько времени, смутою демонскою, возникла ненависть на старца Адріана и на всю братію, у людей боярскихъ, жившихъ около обители; они хотѣли изгнать ихъ со святаго мѣста;

болѣе другихъ оскорблялъ строптеля и иноковъ владѣвшій тутъ помѣщикъ, все называя своимъ; онъ обижалъ монастырскихъ людей и не позволялъ имъ ни воздѣлывать землю, ни ходить въ лѣсъ, ни ловить рыбы, и другихъ научалъ раззорить святое мѣсто. Малодушествовала братія; но преподобный Ѳерапонтъ увѣщавалъ всѣхъ, а наипаче строптеля, переносить мужественно всѣ сіи озлобленія, ибо достойное примутъ воздаяніе гонители ихъ и въ здѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ. Старецъ Іовъ не хотѣлъ однако имѣть согласія съ настоятелемъ своимъ и прочею братіею; онъ удалился въ прежній монастырь Обнорскій и внушилъ тамошнему игумену Іоилю, овладѣть монастыремъ Благовѣщенскимъ и всѣми его вотчинами. Безразсудный Іоиль написалъ строгую грамоту къ Адріану, называя его причетникомъ своей церкви и требуя подчиненія вотчинъ. Огорчился Адріанъ и былъ въ страхѣ, но его опять успокоилъ блаженный Ѳерапонтъ, говоря: «не скорби, мѣсто сіе не будетъ въ повиновеніи инаго монастыря, и старцу Іову не послужитъ оно въ покой; въ далекомъ разстояніи настигнетъ его кончина.»

Игуменъ Іоиль не устрашился пріѣхать лично, чтобы овладѣть Благовѣщенскою обителію; всѣ старцы разошлись; къ игумену пріѣхали многіе дѣти боярскіе, утверждая его въ намѣреніи овладѣть монастыремъ, и послѣдовалъ ихъ совѣту Іоиль; онъ собралъ всѣ книги церковныя и

увезъ въ свой монастырь. По удаленіи его возвратилась братія; Адріанъ увидѣлъ блаженнаго Ѳерапонта, ходящаго по монастырю и обметающаго все крилами своей мантіи, съ такимъ словомъ: «прахъ и смрадъ твоій да изыдетъ съ тобою и козни бѣсовскія да изженутся!» Старецъ Адріанъ плакался о книгахъ, но преподобный предсказалъ и самый день, въ который ихъ возвратятъ; вскорѣ игуменъ Іоиль впалъ въ тяжкій недугъ и вышелъ изъ обители Обнорской. Послѣ него братія возвратили всѣ книги старцу Адріану и, прося прощенія, принесли письмо отъ бывшаго игумена къ преподобному. Никому однако не показалъ онъ сего писанія, а только говорилъ: «да не прельщается сердце его обо мнѣ грѣшномъ.» Старецъ Іовъ боялся возвратиться въ монастырь и удалился на иное мѣсто къ селенію Жилину, гдѣ было старое городище; осенью напали на него разбойники и, убивъ, закопали его во рву городища; такъ сбылось надъ нимъ предсказаніе блаженнаго Ѳерапонта.

Святой старецъ сей, днемъ, обыкновенно выходилъ изъ монастыря и молился на единѣ; ночи же проводилъ безъ сна, у себя въ кельи, и переписывалъ божественныя книги; большую вѣру имѣлъ онъ къ великому чудотворцу Николаю и читалъ житіе его день и ночь. Однажды вышелъ онъ изъ монастыря и, перейдя рѣку Монзу, пошелъ на обычное свое мѣсто, для уединенной молитвы; женщина, по имени Пелагія, собирала

по лѣсу ягоды и, увидя преподобнаго, перешла оврагъ, называемый медвѣжьимъ, чтобы вблизи на него посмотрѣть. Старецъ сидѣлъ на колодѣ, обнаженный до пояса; тѣло его облипалось кровію отъ укушенія комаровъ и множество оводовъ поднималось надъ нимъ, какъ бы облако. Но какъ только приблизилась къ нему пытливая жена и, по женскому обычаю, хотѣла потужить о его мукѣ, внезапно утратилось ея зрѣніе, такъ что уже ничего около себя не могла видѣть и, ощупывая деревья, искала дороги. Громко воскликнула она къ преподобному: «угодникъ Божій, прости меня грѣшную!» и съ этимъ словомъ опять начала видѣть; но уже она была по другую сторону оврага, не зная сама отъ ужаса, какъ его перешла. Никому изъ домашнихъ не могла она открыть своей тайны, кромѣ одного старца Адріана, предъ которымъ только раскрылись уста ея.

Былъ служебный человѣкъ обители Благовѣщенской, по имени Петръ, который, видя однажды преподобнаго, идущаго за рѣку Монзу, сказалъ ему въ лицо: «древенъ ты годами, а ступаешь искусно, какъ бы плывешь ногами, и мантія на тебѣ не движется!» Ничего не отвѣчалъ ему блаженный и шелъ своимъ путемъ, а Петръ, возвратившись въ монастырь, внезапно впалъ въ тяжкій недугъ: искривилось лице его и страдала голова. Сказали о немъ настоятелю; старецъ Адріанъ сталъ его распрашивать: «не видѣлъ ли блаженнаго и не сказалъ ли ему чего нибудь

скорбнаго?» Болящій исповѣдалъ предъ нимъ всю свою вину и Адріанъ присовѣтовалъ ему помолиться втайнѣ и испросить себѣ прощеніе у преподобнаго. Къ вечернему пѣнію возвратился въ обитель блаженный Ѳерапонтъ, и когда шелъ изъ церкви въ келлію, настигъ его болящій, прося помилованія. Ѳерапонтъ возложилъ на него руки, поучая его, чтобы никого не осуждалъ и не принималъ поношенія на ближняго своего, и болѣзнь внезапно миновалась.

Спустя довольно времени пришелъ преподобный къ старцу Адріану и сказалъ ему: «прости меня отче, что я скажу тебѣ: время тебѣ итти въ царствующій градъ; ты найдешь тамъ Архимандрита Пафнутія въ тяжкой болѣзни, но уже не въ Чудовѣ, ибо о немъ печется Діонисій Митрополитъ, по повелѣнію благочестиваго Царя.» Настоятель спросилъ его, откуда пришла ему сія вѣсть? но Ѳерапонтъ повторилъ только: «пди въ Москву, тамъ все узнаешь подробно, Архимандритъ желаетъ тебя видѣть.» Повѣрилъ ему Адріанъ и пошелъ въ путь; молитвами святаго старца благополучно достигъ онъ столицы, и нашелъ Архимандрита, въ тяжкой болѣзни, на Крутицахъ у Митрополита Діонисія. Изумился Пафнутій его приходу и спрашивалъ: «какъ могъ узнать о болѣзни?» и еще болѣе удивился, когда разсказалъ Адріанъ всѣ дивныя дѣла блаженнаго Ѳерапонта. Съ умиленіемъ услышалъ о томъ и Святитель Діонисій и прославилъ Господа, посѣ-

тившаго мѣсто ихъ и пославшаго такого святаго мужа въ такую пустыню. Митрополитъ и Архимандритъ дали довольно денегъ старцу Адріану, на строеніе церковное, на колокола и на книги, и между разговорами спросилъ его Архимандритъ: «былъ ли у тебя старецъ, приходившій ко мнѣ съ твоимъ писаніемъ?» Адріанъ съ изумленіемъ увидѣлъ грамоту, писанную его рукою, о колоколахъ и книгахъ и сосудахъ, но никогда не писалъ и не посылалъ старца въ Москву; спросилъ о имени, и Архимандритъ назвалъ его Ѳерапонтомъ. Пафнутій присовокупилъ: «онъ мнѣ говорилъ, что еще прежде тебя, по своему обѣщанію, жилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь обитель. Я думалъ, что это не тотъ, о которомъ ты мнѣ сказывалъ, но другой какой-либо, издавна жившій на вашемъ мѣстѣ.» Адріанъ объявилъ, что это не могъ никто иной быть, кромѣ самаго Ѳерапонта, и подивился новому чуду; но вспомнивъ строгое его запрещеніе, не оглашать о немъ доколѣ живъ, исповѣдалъ все бывшее только одному Митрополиту; Владыка отпустилъ его съ миромъ и еще съ бо̀льшею милостынею, а Пафнутій Архимандритъ, вскорѣ послѣ его отшествія, скопчался на Крутицахъ.

КОНЧИНА БЛАЖЕННАГО ѲЕРАПОНТА.

Рабъ Божій Ѳерапонтъ пребывалъ во многихъ трудахъ въ обители, непрестанно имѣя въ памяти судъ Божій и часъ смертный, побуждая себя на подвигъ и плача, какъ бы одинъ изъ великихъ грѣшниковъ. Ежедневно ходилъ онъ изъ келліи своей въ придѣльную церковь Чудотворца Николая и плакался о душѣ своей, какъ бы о мертвецѣ, ибо сказано въ отеческихъ писаніяхъ: «воздыханіе и скорбь вопіютъ ко Господу, а слезы, отъ страха изливаемыя, умоляютъ Бога.» Такъ провелъ все свое время въ иноческомъ житіи, ни днемъ ни ночью не оставляя трудовъ и славословія Божія, но изнуряя себя ради Господа, и добрый по себѣ оставилъ примѣръ пребывавшимъ иноками. Уразумѣвъ близкое отшествіе свое къ Богу, призвалъ онъ отца духовнаго и братію и сказалъ: «приближается конецъ мой; уже отхожу отъ сей жизни и предаю духъ мой въ руки Божіи. Богъ да сохранитъ васъ и утвердитъ въ любви своей; я же, хотя тѣлесно и разлучаюсь съ вами, но духомъ не отступенъ буду, если любовь будетъ между вами.» Со слезами много говорилъ имъ блаженный, о спасеніи души и богоугодной жизни, и цѣловавъ каждаго

отпустилъ по келліямъ; старца же Адріана просилъ, чтобы на божественной литургіи причастилъ его святыхъ тайнъ.

Изъ келліи преподобнаго Адріанъ пошелъ совершать божественную литургію; Ѳерапонтъ стоялъ въ церкви въ совершенномъ здравіи и пріобщился божественныхъ тайнъ. Братія пошли въ трапезу и разсуждали между собою: «какъ это говоритъ Ѳерапонтъ о своемъ преставленіи, когда еще онъ совершенно здоровъ? а келарь разсказываетъ, что во всю седмицу не вкушалъ онъ ни пищи, ни питія, съ нами на трапезѣ, ни въ келліи не видно было, чтобы онъ бралъ укрухъ хлѣба, или квасу; вѣдаетъ Господь, чѣмъ онъ питался.» Строптель Адріанъ запретилъ о томъ разглагольствовать, говоря: «что Богъ о томъ знаетъ!» и велѣлъ пноку Евсевію наблюдать, когда будетъ выходить изъ келліи своей, или входить преподобный, чтобы сейчасъ дать ему о томъ вѣсть; самъ Адріанъ пошелъ къ нему и засталъ на молитвѣ. Ѳерапонтъ сказалъ: «отче, приди ко мнѣ завтра въ келлію и увидишь что̀ Господь о мнѣ судилъ.» Онъ просилъ у него прощенія и, принявъ благословеніе, отпустилъ.

Недоумѣвалъ старецъ, что̀ бы это могло значить, и не думаетъ ли онъ преставиться до утра? а между тѣмъ, по виду, еще онъ былъ совершенно здоровъ. Настала ночь, и какъ бы огнемъ распалялся Адріанъ, желая видѣть его отшествіе къ Богу, ибо вѣровалъ его слову о

скоромъ преставленіи, и видѣлъ самъ, какъ поучалъ братію предсмертнымъ словомъ. Въ темнотѣ ночи подошелъ онъ къ его келліи и сталъ у дверей: внутри послышались ему гласы поющихъ, но не могъ онъ разумѣть ихъ рѣчи; ужасъ объялъ его, ибо зналъ что одинъ пребываетъ въ келліи Ѳерапонтъ, а тутъ слышались многіе гласы; не дерзнулъ однако постучаться съ молитвою, или не спросясь войти, и возвратился къ себѣ, уразумѣвъ небесное явленіе.

Онъ рѣшился дождаться утра. Слѣдующій день былъ воскресный, въ который совершалась память Св. Праотецъ предъ Рождествомъ Христовымъ. Ударили къ утренни, собралась братія; пришелъ и преподобный и, по окончаніи службы, опять просилъ благословенія у старца и прощался со всею братіею. Еще было темно, блаженный отпустилъ отъ себя приставленнаго къ его келліи, инока Евсевія, и велѣлъ сказать настоятелю, чтобы посѣтилъ его во второмъ часу дня, прежде литургіи. Когда возсіяло солнце, настоятель созвалъ къ себѣ всю братію и сказалъ о блаженномъ Ѳерапонтѣ, что хочетъ преставиться. Братія вся утверждала, что онъ здоровъ и что видѣли его на утренн; только одно ихъ смущало, что еще наканунѣ у себя въ келліи, со всѣми прощался и поучалъ братолюбію, говоря о своей кончинѣ. Адріанъ предложилъ идти посѣтить его, чтобы еще что либо духовное отъ него слышать. На окнѣ келліи увидѣли бѣлаго

голубя, трепетавшаго крилами, который взлетѣлъ на крышу, когда стали приближаться; изъ окна вѣяло благоуханіемъ на весь монастырь. Старецъ и братія вошли въ келлію и увидѣли преподобнаго, лежащаго на одрѣ, въ мантіи и куколѣ, лице было покрыто парамантомъ; свѣчи горѣли предъ образами, у возглавія курилось благовонное кадило, при ногахъ лежали плесницы, плетенныя имъ изъ липъ. Старецъ открылъ лице его и увидѣлъ, что уже отошелъ къ Богу, но лице сіяло необычайною свѣтлостію; подъ изголовьемъ нашли писаніе: «чтобы не отирали тѣло его водою.»

Одинъ изъ братіи, старецъ Протасій, съ дѣтства болѣвшій глазами и мало видѣвшій, стоя у тѣла преподобнаго, совершенно прозрѣлъ и съ радостію сказалъ: «что видитъ всю келлію сіяющую, какъ бы лучами солнца, отъ свѣта лица его, и всѣхъ братіи ясно.» Адріанъ и братія воздали хвалу Богу, прославившему угодника своего Ѳерапонта, и съ надгробнымъ пѣніемъ честно погребли тѣло его, въ придѣлѣ Святителя Николая, гдѣ любилъ молиться. Преставленіе его было въ 1591 году, Декабря 12-го, въ день воскресный, на память Святителя Спиридона, чудотворца Тримиѳунтскаго. Два года съ половиною прожилъ преподобный на устьѣ Монзы, въ Благовѣщенской обители, а въ иноческомъ обѣщаніи 16 лѣтъ, какъ самъ о томъ извѣстилъ старца Адріана.

Два дня и двѣ ночи, не отлетая, сидѣлъ голубь на его келліи и на третій улетѣлъ; въ тотъ день престало и благоуханіе, которое чувствовали въ продолженіе трехъ дней всѣ путники, шедшіе мимо обители, и каждый спрашивалъ: «что̀ значитъ это благоуханіе?» Имъ отвѣчали: «преставился преподобный отецъ нашъ Ѳерапонтъ,» и они съ крестнымъ знаменіемъ проходили, благословляя Бога за такого угодника. Но тонкій благовонный дымъ, какъ бы отъ кадила, продолжалъ исходить отъ его гроба и наполнялъ церковь, гдѣ былъ погребенъ, не выходя изъ оконъ и дверей, хотя были отверсты, и это продолжалось до сороковаго дня. Когда же, въ этотъ день, пришелъ старецъ Адріанъ съ братіею, совершить панихиду, онъ нашелъ въ церкви всѣ свѣчи возженными и свѣщникъ, съ горящею свѣчею, надъ самымъ гробомъ. Настоятель упрекнулъ пономаря, зачѣмъ оставляетъ онъ зажженныя свѣчи въ затворенномъ храмѣ? пономарь же отрицался, что во весь день не входилъ вѣ̀ церковь, и при этомъ сами собою погасли всѣ свѣчи. Тогда старецъ и братія пали на землю и со слезами просили прощенія у преподобнаго, что не увѣровали бывшему чуду, и когда поднялись отъ земли, съ радостію увидѣли, что загорѣлась одна свѣча на свѣщникѣ надгробномъ; они возблагодарили Бога, не отвергшаго ихъ молитвы, и отпѣли панихиду. Изшедши изъ церкви, увидѣли, что благовонный дымъ, восходя на небо,

преклонялся къ востоку, вопреки дыхавшему напротивъ вѣтру, но уже съ того дня не было его видно и не слышно благоуханія.

Вскорѣ послѣ преставленія преподобнаго, многіе люди начали приходить, изъ города Костромы, молиться на его гробъ и просить у него прощенія за то, что не слушались мудрыхъ словесъ его, когда обличалъ слабое ихъ житіе; за это много впослѣдствіи пострадали и тогда только получили облегченіе, когда дали обѣтъ идти поклониться его гробу; но имена сихъ первыхъ посѣтителей не были въ то время записаны, говоритъ добросовѣстный писатель его житія, а съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ и нельзя ихъ упомнить.

ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНАГО.

До тридцати послѣдующихъ чудесъ записано въ теченіе времени; нѣкоторые предлагаются здѣсь въ назиданіе. Тотъ самый прислужникъ Петръ, который былъ исцѣленъ преподобнымъ, удостоился изъ первыхъ созерцать проявленіе его небесной славы. Ночью шелъ онъ въ монастырь къ утрени, и ему показалось внезапно, что горитъ церковь, высоко восходитъ пламя и склоняется къ рѣкѣ Монзѣ, противу вѣтренной бури. Ужаснулся Петръ и спѣшилъ въ обитель возвѣ-

стить о пожарѣ: во свѣтѣ зарева добѣжалъ онъ до святыхъ воротъ и увидѣлъ церковь, какъ бы всю объятую пламенемъ, отъ земли до верху, но не опаленную огнемъ; когда же вошелъ въ монастырь, не было болѣе ни огня, ни свѣта; все опять погрузилось во мракъ. Петръ поспѣшилъ къ настоятелю и разсказалъ ему то, что видѣлъ, и старецъ Адріанъ сказалъ: «это преподобный Ѳерапонтъ сіяетъ намъ отъ гроба, просвѣтившись зарями Духа;» онъ пошелъ вмѣстѣ съ братіею на гробъ его и вмѣстѣ принесли они пламенную молитву: «чтобы предстоящій съ Ангелами и созерцающій небесную славу, въ воздаяніе трудовъ своихъ, просвѣтилъ бы души притекавшихъ къ нему съ вѣрою и, молитвами своими, сохранилъ ихъ отъ вѣчной муки.»

Непрестанныя исцѣленія потекли отъ его гроба; самъ преподобный являлся болящимъ и призывалъ ихъ въ обитель, на устье Моизы, обѣщая имъ избавленіе отъ недуга; приходили они съ вѣрою, и получали желаемое и оставляли обильную милостыню монастырю. Въ числѣ первыхъ именъ записанъ нѣкто Кириллъ, изъ города Галича, страдавшій огневицею въ теченіе цѣлаго лѣта, который, получивъ исцѣленіе, по данному обѣту самъ постригся въ обители Моизенской. Послѣ него былъ нѣкто Борисъ, пришелецъ изъ города Казани, страдавшій болѣзнію очей; явившійся старецъ напомнилъ ему данный родителями обѣтъ: пребывать ему въ обители Спасовой,

у гробовъ чудотворцевъ Казанскихъ. Старецъ Адріанъ привелъ его на гробъ преподобнаго и онъ прозрѣлъ, омывшись освященною водою; но когда хотѣлъ остаться въ обители, опять явился блаженный Ѳерапонтъ и велѣлъ ему идти въ Казань исполнить обѣтъ родителей, если не хочетъ подвергнуться той же слѣпотѣ. Другому слѣпому изъ Буйгорода родители принесли, по его приказанію, немного земли изъ гроба преподобнаго, который ему являлся, и онъ также прозрѣлъ.

Однажды, въ полдень, пришелъ въ клеть свою старецъ Адріанъ, чтобы отдохнуть послѣ божественной литургіи и легъ на рогозинѣ; внезапно явился у одра его преподобный: ужаснулся старецъ, хотѣлъ воспрянуть, но не могъ; Ѳерапонтъ сказалъ ему: «отче, черезъ десять лѣтъ будетъ голодъ великій по всей землѣ Русской; ты же береги свое жито; тогда распространятся земли монастыря твоего и будутъ твоими деревни, гдѣ нынѣ владѣютъ дѣти боярскіе; посему уразумѣешь, когда увидишь, что отъ житницъ твоихъ будутъ многіе питаться, онѣ же не оскудѣютъ.» Сказавъ сіе, сталъ невидимъ. Адріанъ устремился въ церковь Николая Чудотворца, и съ изумленіемъ увидѣлъ ее отверстою и помостъ поднятый надъ гробомъ преподобнаго; онъ позвалъ пономаря Родіона и выговарилъ ему: «зачѣмъ позволяетъ поднимать помостъ церковный, чтобы брать землю отъ гроба, и оставляетъ отверстую

церковь?» Но пономарь увѣрялъ, что не отворялъ церкви и не поднималъ помоста. Уразумѣлъ чудо Адріанъ, бывшее ему во свидѣтельство истины предсказанія, и помолившись надъ гробомъ, соблюдалъ въ сердцѣ сказанное ему о предстоящемъ голодѣ. Скоро пришелъ ему въ утѣшеніе изъ города Костромы родной его племянникъ, котораго постригъ онъ въ иноческій образъ, съ именемъ Леонтія, на память Ростовскаго Чудотворца, и онъ, поживъ многіе годы въ иноческомъ образѣ, вмѣстѣ съ дядею, послѣ него заботился о дѣлѣ монастырскомъ.

Случилось ему однажды смотрѣть на берегу рѣки Костромы, какъ проходятъ струги чрезъ рѣчные пороги, называемые Воранъ, предъ самымъ монастыремъ. Струги плыли, нагруженные солью изъ Сольгалича, и хозяева ихъ, видя быстрое теченіе рѣки по камнямъ, остановились, недоумѣвая, какъ пройти. Они говорили: «пойдемъ помолиться въ монастырь и призовемъ на помощь преподобнаго Ѳерапонта,» и дѣйствительно пошли; но одинъ изъ хозяевъ, по имени Вавила, сказалъ: «много такихъ старцевъ, неужели всѣ святы!» и не пошелъ. Молитвенники возвратились и, одинъ по одному, начали благополучно спускать свои струги. Ихъ было шесть и, по мѣрѣ того какъ они спускались, Леонтій видѣлъ, что на кормѣ у каждаго стоитъ ветхій днями старецъ, ему невѣдомый, въ куколѣ и липовыхъ плесницахъ, который направлялъ струги.

Когда же начали спускать седьмой стругъ Вавилы и привязали къ нему веревки, Леонтію представилось, что старецъ сидитъ уже не на кормѣ, а на высокомъ берегу, а кто то ходитъ по берегу и обсѣкаетъ веревки; стругъ, носимый волнами, бился о камни. Тогда невѣровавшій хозяинъ бросился на колѣна и со слезами взывалъ: «горе мнѣ! погубилъ я и свое, и чужое!» Другіе же говорили ему: «согрѣшилъ ты, похулилъ преподобнаго и не послалъ милостыни въ монастырь; вотъ товарищи твои прошли стройно, а ты страдаешь въ быстринѣ.» — «Прости меня грѣшнаго, святче Божій!» непрестанно вопіялъ раскаявшійся, и мысленно обѣщалъ дать въ обитель часть отъ своего груза.

Внезапно стругъ уперся въ камень и Леонтій увидѣлъ прежняго старца, стоящаго въ быстринѣ предъ стругомъ и привязывающаго къ нему вервія, а воды удерживающаго мантіею своею, чтобы не залило струга; взявшись за корму, онъ направилъ ее на путь водный и стройнымъ плаваніемъ спустился стругъ. Леонтій, возвратясь въ обитель разсказалъ обо всемъ старцу Адріану. Вскорѣ пришелъ и самъ хозяинъ просить, чтобы пѣли ему молебенъ, во исполненіе даннаго имъ обѣта. Адріанъ спрашивалъ его о старцѣ, который управлялъ кормою и о томъ, кто порѣзалъ у нихъ верви? но Вавила никого не видалъ, а сказалъ только, что когда порвались сами собою веревки, онъ призвалъ на помощь

преподобнаго. Одинъ лишь изъ хозяевъ, Аѳанасій по имени, исповѣдалъ, что и онъ видѣлъ сѣдаго старца, ходившаго предъ стругомъ и разширявшаго мантію, чтобы не залило водою, а другой инокъ (т. е. Леонтій) стоялъ на берегу и смотрѣлъ.

Былъ слѣпой старецъ, постриженникъ этой обители, по имени Ѳеодосій; однажды, въ полночь, мололъ онъ жерновомъ рожь въ хлѣбнѣ; внезапно блеснулъ ему яркій свѣтъ, озарившій всю храмину; открылъ онъ оконце и увидѣлъ, что свѣтъ исходитъ изъ церкви чудотворца Николая, гдѣ погребенъ былъ преподобный и что народъ идетъ въ церковь. Ужаснулся старецъ, какимъ образомъ самъ онъ видитъ, будучи слѣпъ, и помыслилъ идти на гробъ преподобнаго, чтобы тамъ получить совершенное исцѣленіе; былъ онъ человѣкъ постный и труженикъ великій. Пришедши къ дверямъ церковнымъ нашелъ ихъ отверстыми, но не смѣлъ войти; противъ царскихъ дверей преподобный Ѳерапонтъ стоялъ одинъ, и отъ него проливался яркій свѣтъ. Обратившись къ Ѳеодосію, онъ спросилъ: «чего ты просишь у Господа нашего Іисуса Христа?» Въ ужасѣ отвѣчалъ Ѳеодосій: «отпущенія грѣховъ моихъ.» — «Иди и подвизайся, сказалъ ему чудный Ѳерапонтъ, и какъ творилъ въ началѣ, такъ и доверши; не по многомъ времени увидишь будущій свѣтъ.» Ѳеодосій палъ на землю и помолился, чтобы даровалъ ему видѣть опять здѣш-

ній свѣтъ, но преподобный возразилъ: «свѣтъ сей есть прелесть суетнаго вѣка; ты же своею слѣпотою избавишься отъ будущей тьмы,» и сталъ невидимъ. Старецъ Ѳеодосій осязалъ руками двери церковныя и нашелъ ихъ запертыми, а самъ по прежнему ничего не видѣлъ.

Онъ возвратился въ хлѣбню и долго молился, размышляя о своемъ видѣніи, потому что имѣлъ обычай проводить ночи безъ сна въ трудахъ и молитвахъ, исполняя всѣ братскіе уроки, иногда явно, иногда тайно за ихъ работая, такъ что никогда не оскудѣвала мука. Однажды мололъ онъ въ полдень, когда всѣ люди отдыхаютъ отъ трудовъ своихъ; ему предсталъ опять преподобный Ѳерапонтъ и сказалъ: «миръ тебѣ и благословеніе!» Ѳеодосій ясно увидѣлъ предъ собою старца, въ мантіи и куколѣ и въ плесницахъ, плетенныхъ изъ липъ, и поклонился ему до земли, ибо хорошо зналъ его еще въ жизни и часто съ нимъ молился. Преподобный сказалъ ему: «чрезъ не много времени будетъ гладъ великій по всей Русской земли; ты же до того не дожившешь, подвизайся, какъ и прежде я тебѣ говорилъ. Въ скоромъ времени ты меня узришь въ ономъ вѣкѣ, отнынѣ же здѣсь болѣе меня не увидишь; только тѣло твое будетъ погребено близъ моего гроба. Втайнѣ повѣдай Адріану, чтобы крѣпко хранилъ жито свое, потому что въ тѣ дни многіе будутъ питаться отъ мѣста сего и распространятся земли монастырскія.» Скрыл-

ся отъ взоровъ его преподобный и, вмѣстѣ съ нимъ, скрылся опять и свѣтъ его очей. Онъ поспѣшилъ къ старцу Адріану, извѣстить о своемъ видѣніи и о будущемъ голодѣ, и тотъ открылъ ему также свое видѣніе, но запретилъ оглашать о голодѣ, чтобы не возмутить народъ.

Немного времени спустя преставился старецъ Ѳеодосій въ жизнь вѣчную; въ часъ его кончины сидѣлъ также бѣлый голубь надъ его келліей и было благоуханіе по всему монастырю, какъ и при кончинѣ блаженнаго Ѳерапонта; потому и погребли Ѳеодосія подлѣ него въ придѣлѣ чудотворца. Въ Успенскій же постъ, 1601 года, чрезвычайнымъ морозомъ истребился хлѣбъ по всей Русской землѣ и повсюду сдѣлался голодъ. Много народа стало стекаться въ монастырь, чтобы кормиться работою; селились на пустошахъ и въ лѣсахъ монастырскихъ. Пріѣзжали къ старцу и дѣти боярскіе просить хлѣба, и никому онъ не отказывалъ, возлагая все упованіе свое на Господа, на его пречистую Матерь и на преподобнаго Ѳерапонта, ибо имѣлъ постоянно въ мысляхъ его явленіе и предсказаніе о неоскудѣніи жита и распространеніи земли. Три года продолжался голодъ, народъ умножался въ обители и всѣхъ она питала до изобилія, а житницы ея ни сколько не оскудѣвали, благословеніемъ преподобнаго.

Одинъ изъ старцевъ монастырскихъ, Назарій, видѣлъ также чудо спасенія струговъ на рѣч-

ной быстринѣ. Ихъ пристало девять къ берегу и всѣ, равно хозяева и работники, пошли помолиться въ монастырь; когда же начали спускать струги между пороговъ, Назарій увидѣлъ въ самой быстринѣ двухъ старцевъ. Одинъ стоялъ на камнѣ и шестомъ отталкивалъ стругъ отъ пороговъ, другой же переходилъ съ кормы на корму и направлялъ на путь водный; когда благополучно прошли всѣ струги, старцы пошли обратно въ монастырь и одинъ велъ другаго. Издали послѣдовалъ за ними Назарій и видѣлъ, какъ они вошли въ церковь Святителя Николая. Ему пришло на мысль, что это странники, пришедшіе помолиться на гробъ преподобнаго; долго ожидалъ онъ ихъ выхода, наконецъ подошелъ къ дверямъ церковнымъ и съ изумленіемъ увидѣлъ, что онѣ заперты. Какъ сонъ представилось ему все сіе видѣніе и онъ спѣшилъ извѣстить о томъ старца Адріана. Судя по ихъ внѣшнему виду, настоятель уразумѣлъ въ одномъ преподобнаго Ѳерапонта, а въ другомъ, котораго онъ велъ, слѣпаго старца Ѳеодосія.

Протекло двадцать лѣтъ послѣ блаженной кончины Ѳерапонта и уже былъ игуменъ въ обители, по имени Антоній, родомъ изъ Солигалича, хотя и живъ былъ еще старецъ Адріанъ. Они призвали къ себѣ на совѣтъ еще одного игумена, также Антонія, изъ Арсеніева монастыря предѣловъ Вологодскихъ, который былъ духовнымъ отцемъ Адріана, и четырехъ старцевъ изъ своей

обители: Назарія и Леонтія вышепоименованныхъ, Ѳеодосія и Никандра, и заповѣдали строгій постъ, ибо наступило время поста Св Апостоловъ. Съ великимъ подвигомъ постившись чрезъ всю седмицу, всѣ пошли въ придѣлъ чудотворца Николая и тамъ еще долго молились. Потомъ велѣли приподнять помостъ надъ гробомъ преподобнаго и нашли гробъ въ уровень съ землею. Изумился Адріанъ, ибо хорошо помнилъ что гробъ былъ опущенъ въ глубину, и не зналъ, что дѣлать; рѣшились сверху надстроить гробницу и покамѣстъ, осѣнивъ покровомъ гробъ, разошлись по келліямъ. Къ вечернему пѣнію собрались опять въ церковь, но когда сняли покровъ, съ изумленіемъ увидѣли, что гробъ опять въ глубинѣ земли. Не знали, на что рѣшиться старцы и засыпать ли опять землею гробъ преподобнаго; положили окопать около него землю на сажень разстоянія, чтобы приподнять гробъ опять въ уровень земли. Адріанъ дерзнулъ прикоснуться гробу преподобнаго и, отодвинувъ нѣсколько доски гробныя, вмѣстѣ съ игуменомъ увидѣлъ, что мощи его и ризы цѣлы; благовоніе исходило изъ гроба. Когда же хотѣли приподнять его, никакъ не могли сего сдѣлать два игумна и четыре старца. Адріанъ взялся за возглавіе, чтобы двинуть, но внезапно былъ отринутъ невидимою силою. Ужасъ всѣхъ объялъ; Адріана отнесли въ келлію и долго лежалъ онъ неподвижно, доколѣ мысленно не испросилъ

прощенія у преподобнаго. Тогда всѣ пошли опять ко гробу и, не подымая его, обложили только новыми досками, а между тѣмъ начали совершать сорокоустъ, испрашивая себѣ прощенія у преподобнаго за то, что дерзнули нарушить его покой.

У Адріана былъ родной братъ, по имени Ипатій, который имѣлъ послушаніе на скотномъ дворѣ. И ему, вскорѣ послѣ сего событія, было такое же огненное видѣніе горящей обители, какъ нѣкогда послушнику Петру, послѣ преставленія преподобнаго Ѳерапонта, какъ будто опять осіяла его слава, послѣ того какъ коснулись его гроба. Адріанъ и вся братія воздали хвалу Богу, прославляющему своего угодника. Вскорѣ получила отъ него обитель нечаянную помощь.

Въ предѣлахъ Вологодскихъ, близъ селенія, называемаго Лешскій Волокъ, собралось множество разбойниковъ, которые грабили окрестныя мѣста и однажды устремились на устье Монзы, чтобы ограбить Благовѣщенскій монастырь и всѣ его вотчины. Шли они чащею лѣса, малыми тропинками, чтобы не набрели на слѣдъ ихъ; но заблудились въ лѣсахъ, а другіе лишились свѣта Божія, такъ что не могли видѣть другъ друга; пять дней проскитались они по лѣсамъ и добрямъ, приходили и къ монастырю, на устье Монзы; встрѣчались имъ старцы и другіе люди, спрашивая ихъ: кто они? и они прямо называли себя разбойниками, но никого не трогали. По-

слѣ многихъ обходовъ вышли они опять на Лешскій Волокъ, гдѣ ихъ всѣхъ переловили и предали городскому суду. На допросѣ всѣ единодушно показали, что имѣли намѣреніе ограбить монастырь, но заблудились въ лѣсу и голодали пять дней; на шестой увидѣли передъ собою невѣдомаго старца и хотѣли схватить его, чтобы велъ ихъ къ обители, но не могли; онъ все шелъ впереди ихъ лѣсомъ, доколѣ не вывелъ на прежній Волокъ и тутъ внезапно скрылся, а ихъ обошли и поймали.

Жилъ недалеко отъ монастыря сынъ боярскій Богданъ Карповъ, права жестокаго. Прогнѣвался онъ на старца Адріана, за то что во время голода, населилъ деревню близь его пустоши, и потому хотѣлъ раззорить ее, а старца и братію погубить. Собравъ своихъ крестьянъ, онъ повелъ ихъ ко вновь населенной деревнѣ, чтобы жителей ея связанными привести на поруганіе старцамъ, но всѣ поселяне заблаговременно разбѣжались. Предсталъ одинъ только старецъ, украшенный сѣдинами, который спросилъ вооруженныхъ: «куда идутъ? не на гробъ ли преподобнаго Ѳерапонта?»—«Мы видимъ, что ты страннпкъ, отвѣчали ему вооруженные люди, и не изъ того монастыря, гдѣ живетъ грѣшникъ Адріанъ.» Но старецъ сказалъ Богдану: «если не возвратишься отселѣ домой, не увидишь болѣе дома твоего.» Разъяренный Богданъ устремилъ коня своего на старца; но въ ту минуту упалъ съ коня, а старецъ сдѣлал-

ся невидимъ. Непстовый не удержался и доѣхалъ до святыхъ воротъ, грозя монастырю; тутъ пришла ему внезапная вѣсть, что домъ его сгорѣлъ и опалило весь посѣянный хлѣбъ. Прослезился Богданъ и раскаялся въ злобѣ своей: онъ вошелъ въ монастырь, чтобы помолиться надъ гробомъ преподобнаго и испросить прощеніе у старца Адріана, которому разсказалъ бывшее явленіе. Съ тѣхъ поръ далъ обѣтъ, за себя и за дѣтей, никогда ни въ чемъ не перекать монастырю, и далъ ему обильную милостыню.

Въ 30-е лѣто послѣ своего преставленія явился ночью строителю Адріану, преподобный и сказалъ: «настанутъ времена лютыя и будутъ мятежи великіе въ Русской странѣ; придутъ иноплеменники и поплѣнятъ многіе грады и веси государства Московскаго, дойдутъ и доселѣ и до поморскихъ мѣстъ; ты же обитель твою соблюди, имѣніе и жита, и скотъ, и ничто монастырское ими не будетъ расхищено: послѣ же двухъ лѣтъ будетъ умиреніе и тишина по всей Русской странѣ; въ то время увидишь и то, что съ тобою будетъ.» Ужасъ объялъ сперва Адріана, но укрѣпившись духомъ, онъ побѣдилъ страхъ и спросилъ преподобнаго: «какъ претерпимъ мы напасти сіи и бѣды, попущенныя отъ Бога грѣхъ ради нашихъ?» Преподобный отвѣчалъ: «ничто изъ твоей обители не погибнетъ и ничѣмъ они не возобладаютъ, а попранныя нивы опять возрастутъ; ты же подвизайся и узришь то, что я тебѣ ска-

залъ.» При сихъ словахъ сдѣлался невидимъ и Адріанъ пошелъ помолиться на гробъ преподобнаго.

Вскорѣ пришли вѣсти изъ Галича, о нашествіи Литовскихъ людей на ихъ городъ и пожженіи посадовъ. Адріанъ поспѣшилъ сдѣлать малую житницу въ дебряхъ, и туда собралъ все свое жито и имѣніе монастырское. Непріятели раззорили всѣ окрестныя села и дошли до обители; братія вся разбѣжалась по дебрямъ. Два дня стояли иноплеменники въ монастырѣ; кони ихъ потоптали всѣ нивы; сами они удалились, разложивъ огонь въ монастырѣ, чтобы сгорѣли церкви и келліи, но сгорѣли только оставшіеся ихъ шатры внутри ограды и внѣ оной; молитвами же преподобнаго сохранилась обитель невредимою. Изумились возвратившіеся братія, увидѣвъ, что церкви и келліи цѣлы, а только станы ратныхъ сожжены, и возблагодарили Бога. Они даже нашли брошенные копья и сосуды и двухъ оставленныхъ коней; потомъ пошли и къ своей клѣти въ дебрь, гдѣ собрано было ихъ имущество, и испугались, увидѣвъ протоптанный слѣдъ, потому что тутъ было все ихъ достояніе; но къ общей радости нашли, что и самыя печати остались цѣлы. Тогда старецъ еще болѣе ихъ утѣшилъ, открывъ имъ, что все это предсказано было преподобнымъ и даже обѣщано обліе въ будущемъ.

Въ первый мѣсяцъ по удаленіи ратныхъ, бы-

ло еще явленіе Ѳерапонта тому же иноку Ипатію, брату Адріанову, которому однажды явился чудный свѣтъ. Онъ шелъ къ утрени отъ стадъ конскихъ, еще во тьмѣ ночной, и когда поклонялся честнымъ иконамъ у святыхъ воротъ, услышалъ говоръ людей многихъ внутри монастыря, какъ бы голосъ просящихъ пощады: «ратники отошли и мы отойдемъ; уйдемъ отсюда, да не опалишь насъ небеснымъ огнемъ!» Въ страхѣ остановился инокъ у святыхъ воротъ; внезапно, какъ молніей, облистало весь монастырь и опять погрузилось все во мракъ; не было болѣе слышно голосовъ. Онъ пошелъ къ церкви Святителя Николая, видя, что внутри ея свѣтъ: на прагѣ церковномъ сидѣлъ преподобный, какъ бы утомленный, отдыхая отъ труднаго дѣла Страхъ объялъ инока, но вскорѣ миновался, когда преподобный началъ говорить ему: «видишь ли, братъ, какъ умножилась здѣсь нечистота отъ нахожденія поганыхъ, а иное и отъ здѣсь живущихъ, оскверняющихъ себя каломъ грѣховнымъ; уже въ третій разъ поновляется мѣсто сіе силою Божіею и дѣйствіемъ Святаго Духа; скажи Адріану, чтобы не восходили люди на гробъ мой.»

Преподобный сталъ невидимъ, изчезъ и свѣтъ внутри церкви. Ипатій поспѣшилъ возвѣстить видѣнное имъ брату, а старецъ Адріанъ всей братіи, и всѣ возрадовались обновленію духовному и чудесамъ преподобнаго. Немедленно устроили гробницу надъ его гробомъ, украсили

наволоками и написали сверху образъ его на дскѣ. Привезли глухонѣмаго отрока Игнатія, на котораго внезапно напала сія тяжкая болѣзнь; отецъ отрока просилъ старца Адріана пѣть молебень преподобному, но Адріанъ отрекался говоря: «мы посмъ надъ нимъ только панихиды,» а больной отрокъ, подавая знакъ руками, преклонялъ голову къ гробницѣ. Тогда отецъ его разсказалъ, какъ было ему видѣніе свѣтлаго юноши, который велѣлъ ему вести сына его на гробъ преподобнаго, и тамъ велѣлъ пѣть молебень Архистратигу Архангельскаго собора и преподобному Ѳерапонту. Уразумѣлъ старецъ, что сіе угодно Господу, и пѣлъ молебень Архангелу и Преподобному. Взяли земли изъ его гробницы и, всыпавъ въ воду, омыли голову болящаго; въ ту же минуту проговорилъ отрокъ; ему послышалось, что сильная буря вѣтряная исходитъ изъ ушей его, и благодарный отецъ со слезами припалъ ко гробу чуднаго исцѣлителя.

Когда приблизилось отшествіе къ Богу священноинока Адріана, основавшаго обитель на Монзѣ, послалъ онъ за двѣ недѣли до своего исхода въ Арсеніевъ Комельскій монастырь, къ отцу своему духовному игумену Антонію, пригласить его къ себѣ, а самъ ежедневно созывалъ братію и поучалъ богоугодному житію, указывая на чуднаго Ѳерапонта. Братія, видя его еще здоровымъ, помышляла, что онъ хочетъ

оставить ихъ обитель, потому что называлъ уже строителемъ вмѣсто себя инока Григорія. Изумился и пріѣхавшій игуменъ Антоній, для чего звали его? но старецъ Адріанъ просилъ его остаться на одну недѣлю, и на слѣдующій день впалъ въ болѣзнь, которая была уже смертная. Адріанъ послѣ семидневной болѣзни преставился къ Богу. Было также благоуханіе отъ его гроба, которое продолжалось однако не сорокъ дней, а двѣ недѣли, внутри и около обители. Строитель Адріанъ скончался 5-го Мая 1619 года, и многотрудное тѣло его было положено близъ старцевъ Ѳеодосія и Ѳерапонта.

Соединенный съ ними духомъ во временной жизни, вмѣстѣ съ ними началъ онъ являться, по блаженной кончинѣ. Вскорѣ послѣ его преставленія, нѣкто отрокъ Іоаннъ, сынъ благочестивыхъ поселянъ Іоанна и Маріи, которые, при началѣ обители, обработывали починокъ монастырскій и указали самому Адріану мѣсто таинственнаго звона, увидѣлъ трехъ старцевъ, стоявшихъ у гумна монастырскаго, которые спросили его: «куда ѣдетъ?» Отрокъ отвѣчалъ имъ: «къ отцу своему на нивы, собрать снопы» а старцы сказали: «скажи отцу своему и игумну, чтобы не собирали въ это время колосья въ гумно, доколѣ не обновятся огнемъ.» Испугался отрокъ и говорилъ: «пустите меня, я не знаю васъ, откуда вы» и погналъ лошадь свою, но обозрѣвшись уже никого не видѣлъ. Онъ разска-

залъ видѣніе свое отцу, отецъ же игумну, который сталъ распрашивать отрока; но тотъ ничего не могъ сказать болѣе. Они уразумѣли, что это было чудо преподобныхъ отецъ Ѳерапонта, Ѳеодосія и Адріана, и повѣривъ словамъ, не велѣли собирать хлѣбъ въ гумна, а между тѣмъ крѣпко стерегли ихъ отъ огня; но въ пятый день послѣ сего явленія сгорѣли всѣ гумна, а на слѣдующую ночь, явился преподобный Ѳерапонтъ старцу Назарію и сказалъ: «не отъ огня велите блюсти всякое строеніе, но отъ паденія грѣховнаго, ибо туда входятъ почевать жены съ мужьями;» благочестивое повелѣніе его было исполнено.

Между многими чудесами преподобнаго Ѳерапонта записано въ обители и то, которое совершилось надъ юношею Василіемъ, сыномъ Антонія, бывшаго первымъ игуменомъ Благовѣщенской обители. При немъ были обрѣтены мощи преподобнаго Ѳерапонта и впослѣдствіи перешелъ онъ въ настоятели Воскресенской обители въ Сольгаличѣ, гдѣ была родина святаго мужа, какъ онъ самъ нѣкогда объявлялъ въ одномъ изъ своихъ явленій. Юноша страдалъ съ дѣтства глазами и уже съ полгода ничего не видѣлъ. Игуменъ, имѣвшій большую вѣру къ преподобному, обѣщалъ ему сына своего, если только исцѣлится, и далъ за него большой вкладъ въ обитель;— по обѣту послѣдовало облегченіе. Обрадованный отецъ послалъ его на устье Монзы въ обитель,

чтобы нѣсколько времени пожилъ при гробѣ преподобнаго и тамъ, его молитвами, получилъ совершенное исцѣленіе. Впослѣдствіи сочетался онъ бракомъ и былъ пресвитеромъ, имѣлъ большое усердіе къ обители и благолѣпно ее украсилъ святыми иконами и церковною утварью.

Исцѣлилась отъ слѣпоты и боярыня нѣкая Марѳа, по прозванію Отрепьева; памятно было еще въ то время имя сіе, по недавному явленію Самозванца, родомъ изъ той же Галицкой страны. Мужъ сказалъ ей о чудесахъ преподобнаго и посовѣтовалъ ѣхать въ обитель, взять земли съ его гроба и, смѣшавъ со святою водою, помазать больные глаза. Молитвенно исполнила она совѣтъ сей и исцѣлилась, и, надѣливъ богатою милостынею обитель, испросила себѣ въ благословеніе у игумна, не много земли отъ гроба преподобнаго, которую потомъ раздавала другимъ болящимъ, и многіе исцѣлялись.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Здѣсь писатель житія разсказываетъ бывшее и ему явленіе преподобнаго, когда занимался онъ своимъ богоугоднымъ дѣломъ, распространяя вкратцѣ написанное. «Въ теченіе многихъ лѣтъ,

говоритъ онъ, я, многогрѣшный, многихъ вопрошалъ въ своей бесѣдѣ, о житіи и чудесахъ преподобнаго, и многое узналъ отъ тѣхъ людей, которые знали его въ житіи и съ нимъ обращались. Многія чудеса видѣлъ и я впослѣдствіи, своими глазами, ибо и меня окаяннаго, какъ бы нѣкоего изверга, возвавшаго къ нему посреди многихъ напастей, помиловалъ онъ своими молитвами, а въ иное время и исцѣлилъ отъ лютой болѣзни; я же простеръ грѣшную мою руку и по немногу написалъ повѣсть о зачалѣ Благовѣщенскаго монастыря, на рѣкѣ на Костромѣ, на устьѣ Моизы рѣки, также о житіи и чудесахъ преподобнаго Ѳерапонта, потому что съ молодыхъ лѣтъ многіе годы провелъ въ его обители, понуждая себя въ ней остаться. Когда писалъ я, сильно возмущалъ меня врагъ, влагая въ мысль мою, ничего не писать о преподобномъ, ибо если и напишу, какъ явлю писаніе мое людямъ, будучи грубъ и невѣжда? и будетъ мнѣ сіе только въ уничиженіе; иногда же мыслію своею я увлекался въ міръ, и такъ многіе годы боролся съ своими помыслами. По временамъ приходило мнѣ желаніе писать житіе и немедленно, возставъ какъ бы отъ сна, писалъ немного, доколѣ врагъ опять не плѣнялъ мою мысль. Однажды пришло мнѣ великое усердіе составить службу и канонъ преподобному, ибо истинно вѣдалъ чудеса его и многихъ было это желаніе; но опять искусилъ меня врагъ: какъ хочу пи-

сать каноны, не зная книжнаго слога? въ посмѣяніе мнѣ будетъ сіе, а не въ награду; и такъ опять отвергъ я писаніе. Много такимъ образомъ протекло времени, не одинъ и не два года, а нѣсколько лѣтъ, и опять пришло мнѣ желаніе писать и опять великое сомнѣніе.

Однажды, совершивъ божественную литургію, вошелъ я въ келлію и возлегъ отдохнуть, но еще не сомкнулъ очей, когда увидѣлъ вошедшаго въ мою келлію преподобнаго. Ужаснулся я и вострепетали всѣ мою кости, хотѣлъ я воспрянуть и не могъ; но вскорѣ отошелъ отъ меня ужасъ, и я принялъ въ мысль мою, кто вошелъ въ мою келлію! Онъ же много укорялъ меня въ нерадѣніи моемъ и въ сомнѣніи писать, и велѣлъ собрать все, что я уже отрипулъ, и писать безъ сомнѣнія житіе и чудеса преподобнаго Θерапонта, канонъ и молебное пѣніе; сказавъ сіе, сталъ невидимъ. Входъ его въ келлію мою я видѣлъ, а исхода не видалъ, и опять искусилъ меня врагъ злою мыслію, не лукавый ли духъ видѣлся мнѣ и хочетъ навести мнѣ поруганіе, повелѣніемъ писать житіе, чтобы тѣмъ навести хулу и на самаго преподобнаго? Въ борьбѣ сихъ тяжкихъ помысловъ опять рѣшался я не писать и опять колебался, что̀ если истинно было сіе видѣніе, а я не послушаю?

Тогда пошелъ я на гробъ преподобнаго и много надъ нимъ молился; возвратившись же въ келлію свою, послѣ молитвы, немедленно началъ писать житіе и канонъ, и уже болѣе никогда

не нападалъ на меня враждебный помыслъ, не писать о преподобномъ, или бояться какого нибудь поношенія, какъ это прежде случалось мнѣ отъ непріязни; но съ тѣхъ поръ всегда, когда писалъ, радовался я сердцемъ и душею, и всѣ сопротивные помыслы были отъ меня прогнаны молитвою преподобнаго; такъ написалъ я все, что только упомнилъ. Сколь благъ Господь во Святыхъ своихъ, сподобившій такихъ чудесъ преподобнаго Ѳерапонта, уже въ послѣдніе сіи роды, въ Россійской землѣ, въ области Галицкой, на устьѣ Монзы рѣки, въ пустынѣ, гдѣ вселился святый мужъ сей, и востекло сіе новое свѣтило, просвѣщая съ вѣрою призывающихъ его на землѣ и на рѣкахъ. Я написалъ сіе, да не будетъ въ забвеніи добродѣтельное житіе его по Богѣ, и да не лишены будутъ такого дара, невѣдавшіе житія его, ищущіе же своего спасенія, да обрѣтутъ себѣ пользу духовную. Да не скажутъ нѣкоторые: «какъ могъ онъ обо всемъ вспомнить? ибо уже 39 лѣтъ протекло послѣ преставленія преподобнаго?» Но я собралъ то, что слышалъ изъ устъ многихъ свидѣтелей, знавшихъ его при жизни и видѣвшихъ чудеса, которыя доселѣ, какъ кипящій источникъ, текутъ отъ честнаго его гроба.

Я же, многогрѣшный, пришелъ въ обитель сію въ 1626 году; съ любовію принялъ меня священно-игуменъ Григорій и пригласилъ жить съ собою въ келліи, гдѣ провелъ я съ нимъ мно-

гіе годы. Онъ показалъ мнѣ краткое описаніе о зачатіи Благовѣщенскаго монастыря и пришествіи преподобнаго Ѳерапонта въ обитель, а иное многое сгорѣло въ древней келліи, но онъ изустно разсказалъ мнѣ то, что написано было о чудесахъ преподобнаго и явленіяхъ его на мѣстѣ семъ, когда еще не было обители, и какъ повелѣлъ ее воздвигнуть старцу Адріану. Игуменъ вручилъ мнѣ сіе писаніе и я держалъ оное многіе годы со всякимъ вниманіемъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ случилось быть мнѣ въ Вологдѣ, въ Прилуцкомъ монастырѣ чудотворца Димитрія, гдѣ тогда былъ игуменомъ Антоній, бывшій духовный отецъ старца Адріана. Узнавъ, что я изъ обители Благовѣщенской, распрашивалъ онъ меня о братіи и о чудесахъ преподобнаго, и я разсказалъ ему все что зналъ. Послѣ того игуменъ показалъ мнѣ писаніе о началѣ Благовѣщенскаго монастыря, о явленіи преподобнаго, чудномъ звонѣ въ пустынѣ и о иныхъ чудесахъ; я испросилъ у него сію рукопись, но ничего не списалъ, ибо въ то время занимался изученіемъ пѣнія и умъ мой уклонялся въ помыслы мірскіе, однако читалъ со вниманіемъ и соблюлъ въ памяти все написанное. Годъ спустя, когда я былъ опять уже на устьѣ Монзы, пришло мнѣ велікое желаніе писать о житіи и чудесахъ преподобнаго; я хотѣлъ послать на Вологду, въ Прилуцкій монастырь, за рукописью; но игуменъ Антоній уѣхалъ въ то время на Вятку, собрать царскія дани, и

я записалъ только то, что помнилъ, повѣряя себя свидѣтельствомъ игумена Григорія и братіи, и уже дошелъ до преставленія преподобнаго и канонъ былъ написанъ до седьмой пѣсни, но тогда нашло на меня сомнѣніе, о которомъ выше говорилъ.

Спустя нѣсколько времени поревновалъ я принять на себя иноческій образъ, по данному мною обѣту еще въ юности, и вскорѣ игуменъ и братія принудили меня принять строительство обители. Повиновался я, и пришло опять желаніе писать житіе преподобнаго; взялъ я старую мою рукопись и, прочитавъ со вниманіемъ, хотѣлъ дописать житіе и канонъ; и опять напало на меня прежнее сомнѣніе, что не въ похвалу преподобному будетъ трудъ сей. Опять я все оставилъ, и вотъ преставился игуменъ Григорій и не оставалось болѣе священноиноковъ въ обители; братія принудила меня воспріять санъ священства и повиновался я ихъ волѣ. Возвратясь изъ царствующаго града Москвы, служилъ я впервые божественную литургію и, по совершеніи службы, пошелъ въ келлію возлечь на постелю, потому что былъ еще утомленъ отъ дороги; но еще не смежились очи мои, когда увидѣлъ вошедшаго въ келлію мою старца, который, какъ я уже говорилъ прежде, упрекалъ меня, за нерадѣніе писать о преподобномъ; когда же опять я забылся, думая видѣть сонъ, опять повторилъ онъ мнѣ, чтобы писалъ безъ сомнѣнія чудеса и ка-

ноиъ преподобному Ѳерапонту, что̀ я и исполнилъ.

Опять я посылалъ на Вологду къ игумену Антонію, чтобы далъ мнѣ ту рукопись, которую я видѣлъ; но игуменъ уже преставился, а бывшіе съ нимъ на Вяткѣ, говорили, что много книгъ потонуло у игумена на рѣкѣ Двинѣ, когда разбился стругъ ихъ волнами о камень и все, что было съ ними, потонуло. Было еще одно писаніе о преподобномъ, которое имѣлъ у себя первый игуменъ Антоній, бывшій впослѣдствіи настоятелемъ Воскресенскаго монастыря въ посадѣ Сольгалицкомъ; я же тогда еще обращался въ суетѣ міра сего, но уже имѣлъ желаніе написать житіе преподобнаго и пошелъ къ игумену Антонію просить у него рукописи, но онъ мнѣ сказалъ, что въ старомъ домѣ его сгорѣли всѣ книги, и что изъ всего своего имущества ни о чемъ столько не жалѣетъ, сколько о сей рукописи житія и чудесъ; тогда же еще меня грубаго врагъ повергъ въ сомнѣніе: «если бы угодно было Богу, не осталось бы безъ написанія!» и какъ волнами колебалась мысль моя, доколѣ самъ преподобный Ѳерапонтъ не посѣтилъ меня милостію своею и, повелѣніемъ своимъ, не разсѣялъ моихъ сомнѣній; нынѣ же, какъ бы сладкимъ брашномъ напитывается душа моя, когда прочитываю чудеса и житіе преподобнаго.» Можно ли найти что-либо искреннѣе и умилительнѣе сего разсказа, который, чрез-

вычайною своею простотою и смиренным сознаніемъ бывшихъ сомнѣній, возбуждаетъ полную вѣру къ писавшему во славу преподобнаго!

(Выписано изъ книги, называемой: «житіе и служба преподобныхъ Аврамія Чухломскаго чудотворца и преподобнаго Ѳеранонта Галицкаго новаго чудотворца.» Рукопись XVII вѣка доставлена Преосвященнымъ Епископомъ Костромскимъ Филоѳеемъ).

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ТРИФОНА ПЕЧЕНГСКАГО.

Къ сожалѣнію утратилось подлинное современное житіе сего великаго угодника Божія, обратившаго ко Христу дикія племена языческихъ Лопарей, потому что обитель его, созданная имъ во имя Святой Троицы, въ предѣлахъ полуночныхъ, близь пустынной Колы, раззорена была до основанія Шведами, вскорѣ послѣ его блаженнаго преставленія; только въ малыхъ книжицахъ и краткихъ писаніяхъ сохранилось нѣчто о его святыхъ подвигахъ. «Нынѣ понудился я, говоритъ новый составитель житія сего, жившій уже въ позднѣйшія времена, собрать службу и житіе преподобнаго въ одну книгу, во славу Святыя и Живоначальныя Троицы и на пользу роду Христіанскому, чтобы благочестивые Хри-

стіане, читая житіе его, подражали благимъ нравамъ пустынножителей и благовѣстниковъ Христовыхъ.»

Блаженный Трифонъ родился около 1485 года въ предѣлахъ Новгородскихъ, отъ благочестивыхъ родителей, и есть преданіе, что родина его была близь города Торжка. Взирая на праведное ихъ житіе, подражалъ онъ вѣрѣ ихъ и, съ юныхъ лѣтъ, сдѣлался уже великимъ постникомъ, предваряя всѣхъ къ церковной службѣ и внимая съ любовію священному писанію, котораго божественное сѣмя падало на добрую землю его сердца. Однажды слышалъ онъ утренніе антифоны: «пустынныимъ животъ блаженъ есть, божественнымъ раченіемъ воскрыляющимся,» и съ того часа возлюбилъ пустыню, еще не вѣдая ея глубины. По временамъ началъ онъ отлучаться отъ своихъ родителей, для молитвы, въ мѣста непроходимыя, не заботясь о стужѣ и зноѣ и страхованіяхъ пустынныхъ. Родители выговаривали ему, но не могли измѣнить добраго его намѣренія, ибо сердце его горѣло огнемъ божественной любви болѣе нежели любовью къ родителямъ. Случилось блаженному Трифону, когда ходилъ онъ по пустынѣ, посреди безмолвія, услышать внезапно чудный гласъ: «иди въ землю не обѣтованную и не путную, въ землю жаждущую, въ которой не обиталъ еще человѣкъ, ибо, милуя вспомнилъ я людей моихъ, и любовь обрученія моего не утратится.»

Убоялся юноша, внимая чудному гласу и никого не видя; онъ воскликнулъ, какъ нѣкогда Св. Апостолъ Павелъ: «кто есп, Господи?» и опять былъ къ нему гласъ: «Я Іисусъ, котораго ты ищешь въ сей пустынѣ.»—«Владыко Господи, отвѣчалъ юный подвижникъ, невѣжда я и малокнижепъ!» и опять услышалъ, какъ нѣкогда Пророкъ Іеремія: «не дерзай ничего глаголать вопреки, ибо куда ни пошлю тебя, пойдешь, и что̀ ни повелю тебѣ, исполнишь; не бойся, ибо я съ тобою.» Съ того времени началъ онъ наипаче прилѣпляться къ Богу, посѣщать святый храмъ его и удаляться въ пустыню. Тамъ разсуждалъ онъ самъ съ собою: «что означаетъ земля жаждущая и непроходная?»—это не земля собственно, но языческіе народы, жаждущіе евангельскаго благовѣстія, и съ сею мыслію оставилъ Трифонъ свое отечество, чтобы служить Господу тамъ, гдѣ наставитъ его быть проповѣдникомъ божественной истины.

Онъ удалился къ поморію великаго океана, въ часть земли Корвинской, въ Кольскій присудъ, на рѣку Печенгу, гдѣ обитало языческое племя Лопарей, издавна принадлежавшихъ области Новгородской, послѣ же покоренія великаго Новгорода поступившихъ подъ державу великихъ Государей Московскихъ. Преподобный Трифонъ, въ сей непроходной странѣ, былъ одинъ пришелецъ Владыки своего Господа Іисуса, странствуя имени его ради на землѣ чужой и не имѣя, по-

добно божественному своему учителю, гдѣ подклонить главу. Бездомно скитался онъ по берегамъ пустынной рѣки Печенги, по лѣсамъ и горамъ и разсѣлинамъ каменнымъ, и много пріялъ искушеній въ пустынѣ, отъ лукавыхъ демоновъ и посылаемыхъ ими страшилищъ, чтобы воспрепятствовать успѣху его проповѣди; но какъ добрый страдалецъ все претерпѣлъ мужественно, въ слезахъ и молитвѣ, съ сокрушеннымъ сердцемъ повергаясь на землю предъ Богомъ, и одинъ къ одному бесѣдовалъ съ своимъ Владыкою, взывая къ нему: «любовь твоя, Боже, да изженетъ страхъ мой; скажи мнѣ, Господи, путь, въ оньже наставитъ мя десница твоя.»

Жители пустынной страны сей, племени Лопарскаго, погружены были въ самое грубое идолопоклонство; скитаясь, какъ дикіе звѣри по лѣсамъ, они почитали бѣсовъ и покланялись дѣлу рукъ человѣческихъ, боготворя даже самые гады и ночныхъ нетопырей, и ѣли всякую нечистоту. Жилища ихъ разсѣяны были по мѣстамъ болотнымъ и непроходимымъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ одно отъ другаго: до пяти сотъ верстъ пространства въ длину и столько же почти въ ширину, было въ той области, которую избралъ для евангельскаго подвига блаженный Трифонъ, инокъ истинный по душѣ, еще прежде иноческаго постриженія. Сперва началъ онъ заводить рѣчь съ Лопарями на берегу рѣки, какъ бы о куплях, а потомъ, просвѣщаемый свыше,

показалъ имъ тотъ драгоцѣнный камень, который искупилъ ихъ отъ клятвы законныя, Господа пролившаго кровь свою за родъ человѣческій. Съ любовію упрекалъ ихъ Трифонъ въ произвольной слѣпотѣ и діавольскомъ омраченіи, дерзновенно ихъ обличая, и постепенно научалъ божественнымъ догматамъ и преданіямъ: о созданіи міра, потопѣ и разсѣяніи языковъ, и какъ являлся Аврааму Богъ отцевъ его; потомъ разсказалъ имъ о законѣ Моисеевомъ и писаніяхъ пророческихъ, предвозвѣстившихъ пришествіе Сына Божія; повѣдалъ о его рожденіи и вольной страсти, смерти и воскресеніи и вознесеніи на небо, одесную Бога, о послѣднемъ судѣ и небесномъ царствіи и вѣчной мукѣ.

Народъ, омраченный невѣжествомъ, не легко сперва принималъ такое высокое ученіе, наипаче же Кебуны, или кудесники, отлученные слуги діавольскіе, вступали въ преніе съ проповѣдникомъ Божіимъ и какъ звѣри на него разъярялись, дѣлая ему всякія пакости, терзая за власы, толкая и метая на землю и съ воплемъ возбуждая противъ него народъ, какъ на странника и противника ихъ беззаконнаго ученія. Они грозили ему горькими муками и самою смертію, если не удалится изъ ихъ предѣловъ; иногда же собирались на него съ оружіемъ и дрекольми, какъ нѣкогда Іудеи на Христа, ибо нестерпимо было для нихъ его ученіе; но Господь, обѣщавшій всегда пребывать съ нимъ, извлекалъ его

изъ напастей смертныхъ, отъ руки жаждущихъ его крови, и многократно чуднымъ образомъ спасалъ: иногда, божественнымъ своимъ мановеніемъ наставляя преподобнаго укрываться въ горахъ и разсѣлинахъ, иногда же, какъ невидимый, проходилъ Трифонъ чрезъ толпу ослѣпленныхъ своею злобою; а иногда не обинуяся, обличалъ ихъ въ лице, возвѣщая имъ о царствіи Божіемъ, и народъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ бы свѣтлость огня, исходившую изъ устъ его; при воззрѣніи на лице его ангельское, умягчалось жестокое сердце нѣкоторыхъ, но другіе напротивъ того неистово вопіяли, скрежеща зубами на благовѣстника Христова. Однако мало по малу, невидимою рукою божественнаго сѣятеля, сѣялось божественное сѣмя, и даже тѣ, которые наипаче раздражались противъ благовѣстника, начали ощущать нѣчто мирное въ сердцахъ своихъ, ибо не могли обрѣсти въ немъ ниединой вины, и ихъ влекло къ нему обѣтованіе вѣчной жизни.

На время оставлялъ упорныхъ собственному ихъ произволу искренній желатель ихъ спасенія, радуясь своему безчестію и біенію Христа ради, и когда опять къ нимъ возвращался, съ утѣшеніемъ видѣлъ, что не безполезенъ былъ трудъ его, ибо время смягчало злобу, а плодъ произрасталъ. Не мало лѣтъ однако трудился онъ на берегахъ рѣки Печенги и Пазрики, проповѣдуя въ нихъ окрестности слово Божіе, и уже многихъ огла-

силъ евангельскою проповѣдью; но будучи еще мірянинъ, по чувству своего смиренія, не дерзалъ самъ, хотя бы и могъ, приступить къ святому ихъ крещенію; негдѣ ему было обрѣсти іерея въ столь глубокой пустынѣ, гдѣ одинъ онъ отважился на высокій подвигъ Христа ради. Трифонъ рѣшился идти въ великій Новгородъ и тамъ испросить себѣ, прежде всего, благословенную грамоту отъ владыки Архіепископа, на сооруженіе церкви; возвратившись на пустынную Печенгу, привелъ онъ съ собою строителей, которые могли бы срубить церковь. Вмѣстѣ съ ними и самъ трудился, сооружая храмъ во имя Живоначальныя Троицы, которой святое имя проповѣдывалъ въ пустынѣ, и за три версты носилъ на раменахъ своихъ тяжелыя бревна, для строенія церковнаго. Работая днемъ, ночь проводилъ онъ въ молитвѣ, а между тѣмъ не переставалъ утверждать въ вѣрѣ новообращенныхъ, убѣдительнымъ словомъ истины, ибо уже свободно выражался на Финскомъ нарѣчіи сихъ дикихъ Лопарей.

Хотя въ сокращенномъ житіи блаженнаго Трифона, какое для насъ уцѣлѣло, не названъ ближайшій его сотрудникъ, съ которымъ раздѣлялъ первые свои подвиги въ пустынѣ Лопарской, нельзя однако не упомянуть о немъ здѣсь, потому что слишкомъ ясно о томъ сказаніе современника Князя Курбскаго, тѣмъ паче что впослѣдствіи онъ является, вмѣстѣ съ преподобнымъ, Царю Іоан-

ну. Это лице историческое и важное въ нашихъ лѣтописяхъ церковныхъ, потому что онъ былъ участникомъ въ дѣлѣ царскаго вѣнчанія Іоанна и посланъ имъ въ Царьградъ для переговоровъ съ Патріархомъ: Ѳеодоритъ имя его и вотъ что объ немъ пишетъ Князь Курбскій: «родомъ былъ онъ изъ славнаго Ростова, откуда произошелъ и преподобный Сергій; тринадцати лѣтъ оставилъ домъ родительскій и удалился на холодный Соловецкій островъ Ледовитаго океана; тамъ постригся, не смотря на юный возрастъ и отданъ былъ въ послушаніе многолѣтнему старцу Зосимѣ, ученику самаго преподобнаго Зосимы, основателя Соловецкой обители, которому послужилъ пятнадцать лѣтъ и подъ его руководствомъ научился духовной мудрости, взошедши по всѣмъ ступенямъ добродѣтели. Потомъ рукоположенъ былъ во діакона, Архіепископомъ Новгородскимъ и пробывъ еще годъ у своего старца, съ его благословенія, пошелъ къ другому великому подвижнику Александру Свирскому. Прозорливый мужъ, никогда его не видѣвшій и не слышавшій о немъ, провидѣлъ духомъ пришествіе преподобнаго и вышелъ къ нему самъ на встрѣчу изъ обители, говоря: «сынъ Авраамль пришелъ къ намъ, Ѳеодоритъ діаконъ.»

Проведя довольно времени въ обители Свирской, удалился онъ въ предѣлы Низовскіе за Волгу, чтобы и тамъ обрѣсти для себя великіе образцы храбрыхъ воиновъ Христовыхъ, которые

воюютъ противъ властей темныхъ, міродержителей тьмы вѣка сего. Обойдя же монастыри Заволжскіе, вселился въ великую лавру Кириллову, потому что тамъ обрѣлъ духовныхъ подвижниковъ: Сергія, по прозванію Климпна, и блаженнаго Порфирія, бывшаго игумена Троицкой лавры, который насильемъ былъ извлеченъ изъ пустыни на игуменство лавры и насильемъ удаленъ, ибо дерзнулъ ходатайствовать предъ Великимъ Княземъ Василіемъ, отцемъ Грознаго, за родственнаго ему Князя Шемятича. Тамъ же обрѣлъ и Артемія, который также на время былъ вызванъ управлять лаврою Сергія и много пострадалъ, будучи оклеветанъ въ ересп Лютеровой; обрѣлъ и премудраго Іоасафа, по прозванію Бѣлобаева, и другихъ не мало пустынниковъ, уже престарѣлыхъ, и вмѣстѣ съ ними прожилъ четыре года въ подвигахъ духовныхъ. Тогда старецъ его Зосима Соловецкій, провидя близкое отшествіе свое къ Богу, пригласилъ письмомъ Ѳеодорита возвратиться къ нему, и пѣшій устремился онъ на зовъ своего старца, болѣзненными погами пройдя до тысячи верстъ по непроходимой пустынѣ; но ни во что не вмѣнялъ онъ жестокій путь сей, лишь бы только засталъ въ живыхъ многолѣтняго старца; засталъ его и еще имѣлъ утѣшеніе цѣлый годъ служить ему въ недугахъ, до самой его смерти.

Тогда разжегся желаніемъ пустыни и отплылъ изъ обители Соловецкой на устье рѣки Колы,

впадающей въ Ледовитое море; оставивъ ладью, погрузился онъ въ землю дикихъ Лопарей, въ горы высокія; тамъ поселился въ мѣстахъ пустынныхъ и, чрезъ нѣсколько времени, обрѣлъ старца пустынника, пришедшаго туда за пять лѣтъ предъ нимъ; вмѣстѣ пребывали они въ сей прегорчайшей пустынѣ, питаясь отъ былій травныхъ и кореній, какіе производила суровая земля сія. Курбскій, въ своемъ сказаніи, по сходству именъ ошибочно называетъ преподобнаго Трифона Митрофаномъ, сознаваясь впрочемъ самъ, что не хорошо помнитъ имя: «памятамися Митрофанъ бѣ имя старцу сему,» и говоритъ, что Ѳеодоритъ пребылъ съ нимъ около двадцати лѣтъ въ сей пустынѣ, во святомъ и непорочномъ жительствѣ, а потомъ оба возвратились во вселенную, въ великій Новградъ. Но это уже должно относиться ко второму странствію преподобнаго Трифона. Хотя устройство обители относитъ Князь Курбскій къ подвигамъ Ѳеодорита, но вѣроятно онъ только распространилъ ее, когда самъ былъ рукоположенъ во пресвитера и даже сдѣлался духовникомъ Святителя Новгородскаго Макарія.

Между тѣмъ, изъ житія преподобнаго видно, что послѣ перваго его хожденія въ Новгородъ, за благословенною грамотою для сооруженія церкви, и даже послѣ ея сооруженія, три года оставалась она безъ освященія и обращенные Лопари безъ святаго крещенія, потому что неоткуда было взять пресвитера. Преподобный Трифонъ

долженъ былъ идти наконецъ въ волостное мѣстечко Колу, гдѣ тогда начинали только селиться Русскіе изъ всякихъ мѣстъ, и не было еще у нихъ воеводы. Тамъ нечаянно обрѣлъ онъ, промысломъ Божіимъ, нѣкоего іеромонаха, по имени Нііо, и убѣдилъ его идти съ собою на рѣку Печенгу. Тогда только совершилось пламенное его желаніе, и церковь была освящена, и дикіе Лопари крещены, и самъ онъ, давно уже истинный инокъ по сердцу, постригся въ ангельскій образъ. Началъ онъ помышлять о устроеніи обители, но не было братіи въ мѣстѣ безлюдномъ; только впослѣдствіи, мало по малу, стали къ нему собираться люди, совершенно отрекшіеся отъ міра для служенія Богу, ибо что иное могло привлечь ихъ въ сію пустыню; обитель Трифонова сдѣлалась разсадникомъ Христіанства на дикомъ Сѣверѣ.

Но прежде нежели образовалась сія обитель, продолжались пустынные его подвиги; преподобному дана была власть надъ звѣрьми, какъ нѣкогда Адаму, ради преподобія его и чистоты. Однажды устроилъ у себя Трифонъ малую квашню для испеченія хлѣбовъ, а самъ вышелъ изъ келліи и когда возвратился, увидѣлъ большаго медвѣдя, опрокинувшаго квашню и поядавшаго тѣсто. Не смутился святоій и спокойно сказалъ звѣрю: «Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій и Богъ мой, повелѣваетъ тебѣ, изыди изъ келліи и будь кротокъ.» Смирился лютый звѣрь и принялъ да-

же наказаніе отъ руки человѣка Божія, который запретилъ ему оттолѣ приближаться къ келліи; и впослѣдствіи, когда обитель устроилась, безопасно паслись олени ея въ пустынѣ, не тревожимые звѣрьми.

Уже собралось нѣсколько иноковъ около уединенной церкви, когда страшный голодъ опустошилъ предѣлы сѣверные, ибо въ теченіе многихъ лѣтъ чрезвычайные морозы побивали овощи и хлѣбъ, и была скудость въ хлѣбѣ. Тогда преподобный Трифонъ рѣшился быть питателемъ ввѣрившихъ ему свои души и тѣлеса и, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ братіи, обходилъ предѣлы великаго Новгорода, нищимъ странствуя изъ города въ городъ и изъ веси въ весь; всю милостыню, что испрашивалъ, посылалъ онъ на пропитаніе братіи, и такъ пропиталъ въ теченіе осьми лѣтъ свою обитель; а между тѣмъ, во время долгаго своего странствія, много исцѣлялъ онъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, во славу имени Христова; когда же минуло трудное время голода, возвратился опять въ свою обитель, гдѣ игуменъ и братія приняли его съ любовію и благодарили за пропитаніе ихъ во время голода. Изъ сего разсказа явствуетъ, что другой былъ игуменъ въ его обители, ибо не могла она оставаться безъ настоятеля; игумену надлежало быть сана пресвитерскаго: и такъ должно предполагать, что, при началѣ сего долгаго странствія, Ѳеодоритъ былъ рукоположенъ во пресвитера; и о немъ тоже сказано у Князя Курбска-

го, что и о преподобномъ Трифонѣ, что онъ исцѣлялъ недужныхъ, очищалъ прокаженныхъ, не тѣломъ но душею, возвращалъ заблудшихъ на путь спасенія, даже изъ числа свѣтлыхъ и богатыхъ гражданъ, пріемля ихъ на рамена свои, какъ добрый пастырь и приводя къ Архипастырю Христу, очистивъ ихъ покаяніемъ и усвоивъ Церкви Бога живаго. Такимъ образомъ, не бывъ Епископомъ, вопстинну дѣло епископское исправлялъ, и это могло внушить самому Владыкѣ Новгородскому желаніе имѣть его своимъ духовникомъ. Два года спустя, взявъ съ собою довольно злата и утвари, для устроенія обители, возвратился онъ, съ нѣкоторыми другими, на устье Колы, устроилъ обитель Живоначальныя Троицы, покамѣсть странствовалъ Трифонъ, для ея прокормленія, и ввелъ тамъ строгій уставъ общежитія. Изучивши, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, языкъ окрестныхъ варваровъ, многихъ онъ огласилъ и просвѣтилъ святымъ крещеніемъ, какъ впослѣдствіи самъ разсказывалъ о томъ Князю Курбскому. Нѣкоторые изъ нихъ, смирившись подъ кроткое иго Христово, облеклись даже въ одежду иноческую. Ѳеодоритъ перевелъ для Лопарей церковныя молитвы на ихъ языкъ. Проповѣдь евангельская распространялась въ странѣ дикой, знаменіями и чудесами, и столь успѣшно проповѣдывалъ Ѳеодоритъ, что въ одинъ день крещено имъ было до двухъ тысячъ оглашенныхъ Лопарей, съ женами ихъ и дѣтьми.

Въ житіи преподобнаго Трифона упоминается еще о его странствіи въ Москву, ради милостыни, которое было ознаменовано чудомъ. За день до его пришествія, когда Царь Іоаннъ шелъ въ соборную церковь Успенія, къ божественной литургіи, явились ему на пути два святолѣпныхъ инока, видъ коихъ отраденъ былъ для взоровъ царскихъ. «Откуда вы?» спросилъ ихъ Царь, и они отвѣчали: «одинъ изъ монастыря Соловецкаго (это былъ вѣроятно Ѳеодоритъ, который не назвалъ себя); другой же строитель обители Живоначальныя Троицы, что на рѣкѣ Печенгѣ, смиренный Трифонъ, начальникъ проповѣди среди Лопарскаго народа. Бывшіе съ Царемъ бояре слышали голосъ царскій, но не видали и не слышали тѣхъ, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ. На другой день шелъ опять къ литургіи Іоаннъ и съ нимъ сынъ его Царевичь Ѳеодоръ; имъ предстали два инока съ челобитною. Милостиво принялъ ихъ Царь, говоря: «вчера я уже васъ видѣлъ, а нынѣ иду въ церковь;» благовѣрный же Царевичь, вышедши изъ соборной церкви въ особый придѣлъ, какъ бы для того чтобы перемѣнить одежду, послалъ, съ однимъ изъ своихъ ближнихъ, верхнюю свою одежду странному иноку Трифону и велѣлъ сказать ему: «что послалъ ее для того, чтобы милостыня его предупредила царскую; Трифонъ же пусть перестроитъ одежду сію на церковную.» Съ благословеніемъ принялъ Трифонъ столь драгоцѣнную ми-

лостыню; по возвращеніи изъ собора, Царь совѣщался съ своими боярами, о челобитной обоихъ странниковъ, и весьма изумился, услышавъ, что никто изъ бояръ не видѣлъ ихъ наканунѣ. И сами иноки, призванные предъ лице царское, удостовѣрили, что они только въ этотъ день пришли въ столицу. Еще болѣе изумился Царь, о сихъ потаенныхъ рабахъ Божіихъ, и щедро пожаловалъ обитель Трифонову церковною утварію и колоколами.

Съ богатою милостынею царскою возвратился Трифонъ въ свою обитель, принесъ съ собою и грамоту на владѣніе окрестными землями и водами; но дарованное ему богатство не плѣнило его сердце, ибо отъ первыхъ дней юности возлюбилъ онъ единаго Христа и всю принесенную имъ милостыню вручилъ келарю, а имена благотворителей записалъ въ сунодикъ, самъ же продолжалъ трудиться, какъ послѣдній послушникъ въ обители. Однажды купилъ онъ ручные тяжелые жерновы, въ городѣ Колѣ, и самъ хотѣлъ перенести ихъ на раменахъ своихъ въ обитель. Ученики умоляли его не изнурять себя чрезъ силу, но преподобный сказалъ имъ: «братія моя! иго тяжкое лежитъ на сынахъ Адамовыхъ отъ дня исхода ихъ, изъ чрева матери своей, и до дня погребенія, въ нѣдрахъ ихъ общей матери.» Вспомнилъ онъ слово евангельское, о жерновѣ и смиренно относилъ къ себѣ: «лучше бы тебѣ

было, Трифонъ, повѣсить на выѣ твоей камень осельскій, нежели братію свою соблазнять праздностію.» Взявъ жернова на свои рамена, самъ онъ отнесъ ихъ, путемъ болотнымъ и гористымъ, за сто пятьдесять верстъ отъ города Колы въ свою обитель, на рѣку Печенгу, и устроилъ ихъ на службу братіи; и даже подъ столь тяжкимъ бременемъ, во время пути, едва позволялъ себѣ что-либо вкушать.

Должно предполагать, что во время перваго долгаго отсутствія Трифона, случилось то неудовольствіе между братіями его обители, которое заставило удалиться изъ нея блаженнаго Ѳеодорита. «Тяжекъ намъ и не по силамъ, говорили они, тотъ уставъ Соловецкій, который хочетъ онъ у насъ вводить; какъ можемъ мы добывать хлѣбъ своими руками и даже ни единаго скота женскаго полу не держать въ обители?» Возбуждаемые діаволомъ, нѣкоторые изъ иноковъ сговорились между собою, и связавъ старца, били нещадно, и не только изгнали его изъ обители, но даже изъ своихъ предѣловъ, какъ бы нѣкоего врага. Такое сильное искушеніе пало на ихъ обитель. Ѳеодоритъ по неволѣ удалился изъ любимой имъ пустыни во вселенную и, пришедши въ предѣлы Новгородскіе, поставленъ былъ игуменомъ въ одинъ малый монастырь, но не болѣе двухъ лѣтъ тамъ оставался. Игуменъ Артемій, который зналъ его въ Кирилловѣ и самъ уже былъ настоятелемъ великой лавры Сергіевой, возвѣстилъ

о немъ Царю Іоанну и Государь приказалъ поставить его Архимандритомъ въ Спасоевѳиміевъ монастырь, что близь Суздаля, гдѣ пребылъ около пяти лѣтъ. Но и тамъ обрѣлъ своевольныхъ иноковъ, жившихъ не по святымъ правиламъ, и хотѣлъ понудить ихъ, страхомъ Божіимъ, болѣе соображаться съ уставомъ святаго Василія Великаго; обличалъ за сребролюбіе и нетрезвость даже Епископа Суздальскаго, ибо самъ былъ не только премудръ, но и непорочен отъ рожденія своего, и посему ненавидимъ иноками и Епископомъ.

Въ то время возникли плевелы ереси Лютеровой и Митрополитъ Макарій, по царскому слову, призывалъ на судъ ругателей Православія, испытывая ихъ вѣру; въ предѣлахъ Заволжскихъ наипаче укоренялась ересь; оттуда возникли и клеветники, которые оболгали мудраго Артемія, уже удалившагося въ пустыню съ настоятельства Сергіевой лавры, будто бы онъ былъ участникомъ въ ихъ ересп. Съ своей стороны Епископъ Суздальскій, по ненависти къ Ѳеодорпту, возвелъ и на него клевету, потому что Артемій ссылался на Ѳеодорита, какъ на свидѣтеля своей невинности, и повѣрилъ клеветѣ Государь; Артемій былъ сосланъ въ вѣчное заточеніе на Соловецкій островъ, Ѳеодорптъ же въ Кирилловъ монастырь, гдѣ нѣкогда былъ игуменомъ враждебный ему Епископъ Суздальскій, который потому и надѣялся, что бывшіе ученики его отомстятъ

за него узнику; но если были между ними гонители святаго мужа, то были и другіе, которые зная лично его святую жизнь, съ любовію приняли его и обращались съ глубокимъ уваженіемъ, не смотря на ропотъ ненавистниковъ: такое испытаніе продолжалось полтора года.

Ѳеодоритъ писалъ оттолѣ о тяжкой своей скорби именитымъ боярамъ Московскимъ, духовнымъ своимъ дѣтямъ, и они убѣдили Митрополита Макарія, ради святости мужа и ихъ ходатайства, отпустить его на свободу; разрѣшенный узникъ поселился въ Ярославлѣ, въ Спасской обители, при мощахъ святаго Князя Ѳеодора Смоленскаго. Тогда призвалъ его Царь къ себѣ, какъ человѣка мудраго и искуснаго, чтобы послать въ Царьградъ, испросить благословеніе у Вселенскаго Патріарха на царское свое вѣнчаніе, по чину древнихъ Государей православныхъ. Ѳеодоритъ, хотя уже и въ преклонныхъ лѣтахъ и немощномъ тѣлѣ, не отрекся однако повелѣнія Царева и съ радостію пошелъ въ дальнее посольство. Многія бѣды пріялъ онъ въ долгомъ странствіи, на сушѣ и на водахъ, и два мѣсяца страдалъ огненнымъ недугомъ въ Царьградѣ; но, благодатію Божіею, возвратился здравъ и принесъ, отъ Патріарха Іоасафа Константинопольскаго, благословенную грамоту на царское вѣнчаніе Іоанна. Патріархъ прислалъ Государю и своего посла, Митрополита Адріанопольскаго, съ царскимъ чиномъ вѣнчанія и, какъ слышно бы-

ло, самъ удивлялся святому мужу, неоднократно наслаждавшись глубокимъ разумомъ его духовной бесѣды.

Царь Іоаннъ, обрадованный Патріаршимъ благословеніемъ, одарилъ Ѳеодорита тремя стами рублей и бархатною шубою изъ дорогихъ соболей, предлагая ему и санъ епископскій; но великій подвижникъ, съ кроткою улыбкою, отвѣчалъ: «повелѣнія твоего послушалъ я, о Государь! и все, что ты мнѣ заповѣдалъ, исполнилъ, ни мало не вмѣняя старости моей для такихъ трудовъ. Но довольно для меня и то воздаяніе, что отъ Апостольскаго намѣстника, великаго Архіепископа Царьградскаго и Патріарха Вселенскаго пріялъ я благословеніе. Не требую ни даровъ, ни власти духовной отъ твоего владычества; даруй ихъ тѣмъ, которые у тебя просятъ, я же не привыкъ наслаждаться сребренниками и драгоцѣнными одеждами, ибо всего сего отрекся въ самомъ началѣ, при постриженіи власовъ моихъ; стараюсь только украшать извнутри, благодатію Святаго Духа, душевную доброту. Единаго лишь прошу, да въ покоѣ и безмолвіи пребуду въ келліи моей до самаго моего исхода.» Когда же Царь началъ умолять его, не обезчестить царскаго сана отреченіемъ даровъ, повиновался отчасти смиренный старецъ и, взявъ изъ трехъ сотъ сребренниковъ, только двадцать пять, поклонился до земли и вышелъ отъ лица царскаго. Іоаннъ послалъ вслѣдъ за нимъ шубу

и велѣлъ положить въ его келліи, но Ѳеодоритъ, продавъ шубу, роздалъ все убогимъ, равно какъ и дарованные сребреники, потомъ же удалился изъ Москвы въ Вологду и поселился тамъ въ обители святаго Димитрія Прилуцкаго.

Однако сердце его влекло въ созданную имъ обитель на дальнемъ сѣверѣ и, позабывъ ненависть жестоко поступившихъ съ нимъ иноковъ, дважды посѣщалъ онъ дикіе предѣлы Лопи, изъ Вологды спускаясь рѣкою до Холмогоръ и океана и оттолѣ моремъ до Печенги, въ землю Мурманскую, гдѣ стояла его обитель, посреди племени Лопареи. Достойно удивленія, что въ такой глубокой старости предпринималъ онъ столь жестокій путь, лѣтомъ плавая по морю, зимою же на быстрыхъ оленяхъ, по непроходнымъ пустынямъ, посѣщая дѣтей своихъ духовныхъ, не только иноковъ, но и Лопареи, наученныхъ имъ и крещенныхъ, заботясь о спасеніи ихъ души и свя проповѣдь евангельскую посреди невѣрныхъ: ибо такова духовная сила мужей, воспитанныхъ въ правыхъ догматахъ; чѣмъ болѣе состарѣваются и изнемогаютъ тѣломъ, тѣмъ большую получаютъ ревность по благочестію и пріятнѣе бываютъ Богу.

Князь Курбскій, говоря о немъ, какъ объ отцѣ своемъ духовномъ, присовокупляетъ; «что̀ еще возглаголю о дарованіяхъ его духовныхъ, о исцѣленіяхъ, пророчествахъ и мудрости, съ какою уловлялъ грѣшниковъ на путь покаянія и

языческіе народы, отъ многолѣтняго невѣрія въ вѣру Христову? Какова же была тихость святаго мужа сего и сладостная бесѣда и апостольскія вѣщанія, которыхъ и я, недостойный, многократно наслаждался въ бесѣдахъ духовныхъ! Особенно былъ онъ искусенъ исцѣлять застарѣвшія раны сердца и злые обычаи, закоснѣвшіе въ людяхъ отъ многихъ лѣтъ и, по данной ему власти пресвитерской, силою Духа Святаго, запрещалъ діаволу, не приступать болѣе къ исцѣленнымъ душамъ. Не только слышалъ я это отъ людей достовѣрныхъ, но и своими очами видѣлъ, и надъ самимъ собою испыталъ благодѣянія его святости, ибо многую имѣлъ ко мнѣ любовь, и я, многогрѣшный, по силѣ моей, также простирался къ нему любовію. О мужъ благолѣпный и крѣпкій, весьма мнѣ любезный и отецъ мой духовный! какъ прискорбно мнѣ быть лишеннымъ зрѣнія честнѣйшихъ твоихъ сѣдинъ.»

«И что̀ же получилъ онъ въ отечествѣ своемъ? продолжаетъ Курбскій; нѣкоторые говорятъ, будто воспомянулъ нѣчто о мнѣ въ слухъ разгнѣваннаго Царя; Царь же, исполнившись ярости, заскрежеталъ на него и велѣлъ святаго мужа утопить въ рѣкѣ; такъ воспріялъ онъ вѣнецъ мученичества и второе крещеніе, о которомъ говорилъ Господь ученикамъ своимъ: «можете ли сію чашу пити и крещеніемъ симъ креститися?» Другіе же, приходящіе изъ Русской земли, говорятъ напротивъ: что тихою и спокойною смер-

тію почилъ о Господѣ, святой мужъ сей. Я же по истинѣ, хотя и съ прилежаніемъ испытывалъ, не могъ однако достовѣрно узнать; что̀ слышалъ, то и написалъ, будучи и самъ въ странѣ чуждой, долгимъ разстояніемъ отлученъ и напрасно изгнанъ изъ земли любимаго моего отечества.» (Ист. Іоанна гл. VIII).

Дѣянія блаженнаго Ѳеодорита, по необходимости входятъ въ житіе преподобнаго Трифона, такъ какъ онъ былъ его ревностный сподвижникъ въ дѣлѣ обращенія въ Христіанство Лопарей, хотя и не упоминается о немъ въ самомъ житіи, безъ сомнѣнія потому, что оно сохранилось намъ только въ сокращенномъ видѣ. Современное свидѣтельство Курбскаго, лично знавшаго Ѳеодорита, слишкомъ важно, чтобы умолчать о немъ, когда говорится о крещеніи дикой Лопи. Трудно только размѣстить событія по годамъ, соображаясь съ разсказомъ Курбскаго. Первое странствіе Ѳеодорита въ Новгородъ, вмѣстѣ съ преподобнымъ Трифономъ, должно было совершиться тогда, когда тамъ былъ еще Архіепископомъ Макарій, т. е. около 1545 года, если только онъ не сдѣлался его духовникомъ впослѣдствіи, когда Макарій былъ уже Митрополитомъ; въ такомъ случаѣ лѣтосчисленіе сдѣлается совершенно правильнымъ, и это даже вѣроятнѣе, ибо Макарій не позволилъ бы преслѣдовать духовника своего Епископу Суздальскому. Нельзя предполагать, чтобы Ѳеодоритъ основалъ особый

монастырь, на устьѣ Колы, ибо Лапландцы обитаютъ сѣвернѣе, именно тамъ, гдѣ проповѣдовалъ Трифонъ, на рѣкѣ Печенгѣ, и гдѣ Ѳеодоритъ самъ вмѣстѣ съ нимъ подвизался, но вся сія поморская область называлась Усть-Кольскою. Трифонъ странствовалъ восемь лѣтъ, Ѳеодоритъ же возвратился въ обитель на второй годъ и безъ сомнѣнія въ это время недостойные иноки воспользовались отсутствіемъ преподобнаго, чтобы изгнать игумена своего Ѳеодорита, за то что вводилъ строгіе уставы Соловецкіе, такъ какъ въ жалованной грамотѣ Царя Іоанна монастырю Печенгскому, упоминается новый игуменъ Гурій въ 1556 году.

Весьма вѣроятно, что въ это время, когда уже послѣ всѣхъ своихъ испытаній Ѳеодоритъ поселился въ Ярославлѣ, вмѣстѣ съ Трифономъ пришелъ онъ въ Москву, ибо путь изъ Архангельска лежалъ чрезъ Вологду и Ярославль; тогда, чрезъ Князя Курбскаго, потомка Князей Ярославскихъ, сдѣлался онъ болѣе извѣстенъ, какъ строгій подвижникъ, и самому Митрополиту, избравшему его въ духовники, и Царю Іоанну, который воспользовался свободнымъ его положеніемъ, а быть можетъ былъ побужденъ бывшимъ ему видѣніемъ, чтобы послать его, на слѣдующій годъ, какъ опытнаго мужа въ Царьградъ, по дѣлу столь важному, каково было его царское вѣнчаніе; если же, въ чудномъ явленіи безвѣстнаго инока Царю Іоанну, инокъ сей, не сказавъ своего имени, назвалъ себя просто Соловецкимъ,

то это могло быть и потому, что, не управляя никакою обителію, онъ долженъ былъ только упомянуть о первоначальномъ мѣстѣ своего постриженія, а Государь, хотя и назначилъ его за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ Архимандритомъ въ Суздаль, могъ однако легко забыть Ѳеодорита, если допустилъ неблагонамѣренному Епископу Суздальскому сослать его въ заточеніе, тѣмъ болѣе, что Ѳеодоритъ, по чрезвычайному своему смиренію, не искалъ являться предъ царскія очи.

Возвращаюсь къ житію преподобнаго Трифона, о которомъ впрочемъ мало осталось извѣстій, послѣ его странствованія въ Москву, гдѣ получилъ отъ Царя многіе дары и колокола въ новую обитель, въ тундрахъ сѣверныхъ. Предложимъ здѣсь и жалованную грамоту Царскую: «по умоленію дѣтей своихъ, Царевичей Іоанна и Ѳеодора Іоанновичей, пожаловали мы царскаго нашего богомолья, отъ студенаго моря океана, съ Мурманскаго рубежа, Пресвятыя и Живоначальныя Троицы, Печенгскаго монастыря игумена Гурія съ братіею, или кто въ томъ монастырѣ иной игуменъ или братія будутъ, вмѣсто руги и вмѣсто молебенныхъ и панихидныхъ денегъ, для ихъ скудости на пропитаніе, въ вотчину: морскими губами Матоцкою, Иляцкою и Урскою и Печенскою и Пазренскою и Навденскою губами въ морѣ, всякими рыбными ловлями и морскимъ выметомъ, коли изъ моря выкинетъ кита, или моржа, или иного какого звѣря, и морскимъ

берегомъ и его островами, и рѣками и малыми ручейками, верховіями и тонями и горными мѣстами и пожнями, лѣсами и лѣсистыми озерами, и звѣриными ловлями, и Лопарями, которые Лопари наши, данные въ той Матоцкой и Печенской губахъ, ныне суть и впредь будутъ, со всѣми угодьями луковыми (т. е. по заливамъ) и нашими, Царя и Великаго Князя, денежными оброками и со всѣми доходами и волостными кормами, чтобы тѣмъ имъ питаться и монастырь строить; а нашимъ болярамъ Новгородскимъ и Двинскимъ, и Усть-кольскія волости приказнымъ и всякимъ приморскимъ людямъ и Корельскимъ дѣтямъ и Лопарямъ, и никому иному въ ту вотчину, въ рѣки и тони и во всякія рыбныя ловли и угодья не вступаться.»

Грамота сія, 1-го Ноября 1556 года, весьма замѣчательна, какъ по тому обширному объему земли, какая была дарована обители, такъ и по тому значенію, какое должна была имѣть обитель во мнѣніи царскомъ, для новопросвѣщаемаго края; ибо только созданіемъ обителей на безлюдномъ сѣверѣ, мало по малу, просвѣтился и образовался полунощный край; одна Соловецкая лавра пустила лучи евангельскаго свѣта во все окрестное поморіе Бѣлаго моря, привлекая отовсюду жителей на забытые дотолѣ берега, посѣщаемые только для рыбныхъ ловлей. Такъ и впослѣдствіи, мало по малу, образовался весь сѣверъ не только Россіи, но и Сибири, устрое-

ніемъ обителей между Самоѣдовъ и Остяковъ, и такимъ образомъ нашему иночеству обязанъ онъ, не только своимъ духовнымъ просвѣщеніемъ, но и образованіемъ гражданскимъ. Вотъ каковы были подвиги сихъ истинныхъ, но неизвѣстныхъ миссіонеровъ нашихъ, усердныхъ дѣлателей вертограда Господня! Упоминаемые здѣсь Трифонъ и Ѳеодоритъ могутъ тому служить образцами. — Каково должно было быть ихъ радостное умиленіе и всѣхъ дикихъ жителей полунощныхъ пустынь, когда впервые раздался въ странѣ забытой Мурманской, на краю вселенной, посреди тундръ и лѣсовъ, неслыханный дотолѣ звукъ царскаго колокола, отраднымъ благовѣстомъ зовущій Лопарей, сихъ новыхъ чадъ Христовыхъ, въ царствіе Божіе, чрезъ спасительныя врата Церкви!

Сколь велико было и смиреніе преподобнаго Трифона, ибо испрашивая жалованную грамоту у Царя, не хотѣлъ онъ даже, чтобы упомянуто было имя его о созданной имъ обители, какъ будто бы не онъ былъ ея основателемъ. Еще около тридцати лѣтъ горѣлъ въ ней сей благодатный свѣтильникъ, проливая свѣтъ Христіанства, между Лопарями, и уже послѣ многихъ пустынныхъ трудовъ своихъ, въ старости маститой, осмидесяти осьми лѣтъ, впалъ въ тяжкую болѣзнь. Пришли къ нему игуменъ и братія, всѣ бывшіе ученики его, и видя тяжкую его болѣзнь, скорбѣли о лишеніи столь добраго наставника и сиротствѣ своемъ. «Не скорбите, братія, гово-

рилъ имъ преподобный, и не пресѣкайте мнѣ добрый путь моего теченія. Возложите все упованіе ваше на Бога, ибо если Господь и Богъ мой Іисусъ меня единаго не оставилъ во всѣхъ приключившихся мнѣ бѣдствіяхъ, то кольми паче не оставитъ и васъ, собранныхъ во имя его святое. Я же заповѣдаю вамъ, любите всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою въ Троицѣ славимаго Бога и любите другъ друга; чадца мои, честно и воздержно храните ваше иночество и чуждайтесь желанія власти. Вы знаете меня отъ многихъ лѣтъ и вы сами видѣли, что не только моему, но и вашему требованію, послужили руки мои и всѣмъ вамъ былъ я послушникъ. Молю васъ, послѣ моего исхода не скорбите, ибо таковъ удѣлъ всякаго человѣка, и если тѣло обращается въ прахъ, то душа восходитъ въ небесное отечество. Туда стремитесь, гдѣ нѣтъ смерти, гдѣ вѣчный свѣтъ и день единъ паче тысящь, и не любите окаяннаго міра, невѣрнаго и волнуемаго, какъ море океанъ, и пѣнящагося грѣхами, при воздвигаемой бурѣ духовъ нечистыхъ. Когда же разлучится душа моя отъ тѣла, заповѣдаю вамъ, погребите меня у церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ пустынѣ, куда часто отходилъ я на богомысліе и молчаніе.»

Сказавъ сіе, приподнялся Трифонъ на своей убогой рогозинѣ и сѣлъ, чтобы принять пречистое тѣло и святую кровь Господа Іисуса Христа; потомъ, уже изнемогая конечно, внезапно

прослезился. Игуменъ спросилъ его: «преподобный отче, ты намъ запрещаешь о тебѣ скорбѣть, ибо съ радостію идешь къ сладкому своему Іисусу; скажи же намъ, отчего ты прослезился?» Святой отвѣчалъ: «будетъ на сію обитель тяжкое искушеніе и многіе примутъ мученіе отъ острія меча; но не ослабѣваіте братія упованіемъ на Бога, не оставитъ онъ жезла грѣшныхъ на жребіи своемъ, ибо спленъ и паки обновитъ свою обитель.» Тогда опять возлегъ на свою рогозину и лице его просвѣтилось; умирающій какъ бы улыбнулся и такъ предалъ святую душу свою Господу. Преподобный погребенъ былъ на заповѣданномъ имъ мѣстѣ; притекавшіе къ нему съ вѣрою, начали получать исцѣленія надъ его гробницей, и скорый онъ являлся помощникъ призывающимъ его на сушѣ и на водахъ. Въ обители его сохранилась и память внѣшняго его образа, вѣроятно по какой–либо уцѣлѣвшей его иконѣ: возрастомъ онъ былъ не малъ и крѣпокъ, но нѣсколько согбенъ и плѣшивъ, съ длинною сѣдою брадою; преставился 15-го Декабря 1583 года.

Первое явленіе преподобнаго было самому благочестивому Царю Ѳеодору Іоанновичу, который нѣкогда, въ отрочествѣ своемъ, пожертвовалъ ему свою богатую шубу для созидаемой имъ обители. Случилось Царю осаждать крѣпкій городъ, въ странѣ Ливонской, и недалеко отъ него поставить шатры свои. Осажденные Нѣм-

цы, на разсвѣтъ, направили пушки свои на самый шатеръ царскій, когда еще почивалъ въ немъ державный отъ ратныхъ трудовъ своихъ. Внезапно явился ему благообразный старецъ, въ одеждѣ иноческой, и сказалъ: «встань Государь и выйди изъ шатра твоего, да не будешь нечаянно убіенъ.» — Еще во снѣ вопросилъ его Царь: «кто ты еси?» и Святой отвѣчалъ: «я тотъ Трифонъ, которому однажды подалъ ты въ милостыню свою одежду, съ благимъ намѣреніемъ, чтобы милостыня твоя предварила всѣ прочія. Господь Богъ мой, завѣщавшій спасеніе Царямъ, послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты ускорилъ востать отъ ложа твоего и выдти изъ шатра.» Воспрянулъ благочестивый Ѳеодоръ и едва успѣлъ выдти изъ царскаго шатра, какъ внезапно пущенное изъ города ядро ударило въ то самое ложе, на коемъ почивалъ. Возблагодарилъ Господа спасенный Царь и повѣдалъ боярамъ своимъ, какимъ чуднымъ образомъ спасся. Немедленно послалъ онъ въ дальнюю обитель, для изысканія преподобнаго, но уже посланные не обрѣли его: Трифонъ преселился въ вѣчныя обители. Съ того времени большую вѣру началъ имѣть къ преподобному Царь Ѳеодоръ и многіе дары посылалъ въ его обитель, царскими своими грамотами утвердивъ все то, что было ей пожаловано родителемъ его, при посѣщеніи старца.

Въ продолженіе войны сей Царя Ѳеодора съ

Нѣмцами, Шведы, обладавшіе Финскими землями, внезапно напали на обитель преподобнаго Трифона, хотя, казалось, она не могла быть имъ опасною. По злобѣ своей противъ Русскихъ, прежде всего сожгли они церковь Успѣнія Богоматери, гдѣ почивали его святыя мощи; тамъ замучили праведнаго іеромонаха Іону и его послушника; потомъ пошли на обитель Живоначальныя Троицы, и не доходя до нея скрылись въ тайномъ мѣстѣ; по пѣлую седмицу не смѣли приступить къ ней, ибо имъ казались на забралахъ монастырской ограды множество вооруженныхъ воиновъ, какъ бы для того, чтобы дать приготовиться братіи, постомъ и молитвою, къ мученической кончинѣ. Въ самый праздникъ Рождества Христова, по непсповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, нѣсколько враговъ втайнѣ проникли въ ограду, при самомъ концѣ божественной литургіи, и умертвили всѣхъ монаховъ и мірянъ, которые находились внѣ церкви, въ службахъ монастырскихъ; потомъ, какъ лютые звѣри, ворвались въ самый храмъ и всѣхъ предали смерти; ради бо̀льшаго мученія, иныхъ разсѣкали пополамъ, а иныхъ вдоль, другимъ же отсѣкали руки и ноги. Преподобнаго игумена Гурія и келаря его терзали различными муками, кололи оружіемъ и жгли огнемъ, чтобы выѣдать о казнѣ монастырской; но доблестные Христовы страдальцы, посреди тяжкихъ мукъ, ничего не отвѣчали мучителямъ, и только взирали на небо. Еще въ бо̀льшее непс-

товство пришли враги, видя такое молчаніе и разсѣкли преподобныхъ на части, а храмы Божіи всѣ осквернили и ограбили, и сожгли ихъ вмѣстѣ съ тѣлесами преподобныхъ: вся обитель была раззорена до основанія.

Когда же окаянные возвращались во свояси, заблудились они въ пустынѣ и погибли отъ голода, подобно тѣмъ варварамъ, которые нѣкогда избили преподобныхъ въ Ранѳѣ и Спнаѣ, а если кто и спасся отъ голода, погибъ мечемъ въ своей странѣ. Іеромонаховъ, іеродіаконовъ и простыхъ монаховъ, погибло тогда пятдесять одинъ человѣкъ, въ обители Печенгской преподобнаго Трифона, и сверхъ того послушниковъ и слугъ шестьдесять пять человѣкъ. Но тѣ, которые были въ отсутствіи, на послушаніяхъ монастырскихъ, спаслись молитвами преподобнаго, и собравшись въ раззоренную обитель, горько плакали о избіенныхъ; они собрали разсѣченные и обгорѣвшіе ихъ останки и съ честію погребли. Опечалился благовѣрный Царь Ѳеодоръ, когда услышалъ о раззореніи обители преподобнаго; онъ велѣлъ, для бо́льшей безопасности, перенести ее въ Кольскій острогъ, ко храму Благовѣщенія Богоматери; когда же опять сгорѣли и городъ и монастырь, уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1619 году, Царь велѣлъ построить новую обитель близь города за рѣкою Колою, гдѣ долгое время процвѣтала, но была упразднена въ исходѣ минувшаго столѣтія. Мощи преподобнаго

Трифона остались подъ спудомъ тамъ, гдѣ были погребены въ Печенгскомъ Лопарскомъ погостѣ, въ церкви, которая теперь празднуетъ Срѣтенію Господню и принадлежитъ Кольскому собору, хотя отстоитъ отъ него за полтораста верстъ. Два раза въ годъ совершается память чудотворца Печенгскаго: въ день его преставленія и въ день тезоименитства 1-го Февраля; къ сему празднику, въ значительномъ количествѣ стекаются Лопари, чрезъ столько вѣковъ памятующіе еще своего благодѣтеля, просвѣтившаго ихъ святымъ крещеніемъ; пріѣзжаютъ и жители города Колы и служатъ молебны надъ гробомъ преподобнаго; въ лѣтнее время многіе изъ приплывшихъ на Мурманскій берегъ, для рыбныхъ промысловъ, притекаютъ также для молитвы ко гробу святаго Трифона, ибо не оскудѣваетъ доселѣ цѣлебная сила его святыхъ мощей. Угодникъ Божій, почивающій на краю вселенной, почти у Нордкапа Норвежскаго, гдѣ оканчивается всякая жизнь природы и только бушуютъ зимнія непогоды и бури океана, но изъ такой пустыни дѣйствующій цѣлебно и призываемый въ молитвахъ потомками тѣхъ, которыхъ окрестилъ: — не есть ли это утѣшительное явленіе въ православномъ Христіанскомъ мірѣ?

Изъ послѣдующихъ чудесъ преподобнаго записаны нѣкоторыя, для назиданія православныхъ. Послѣ перенесенія обители въ Колу, сохранился въ ней такой уставъ, что если случится кому

либо изъ іеромонаховъ ѣхать на монастырское послушаніе мимо пустыни, гдѣ былъ преподобный, то непремѣнно останавливаться и пѣть надъ гробомъ его панихиды. Случилось одному изъ іеромонаховъ, по имени Іонѣ, проѣзжать мимо; пренебрегши священный уставъ своей обители, остановился онъ тамъ безъ всякаго благоговѣнія и даже осмѣлился сѣсть на гробъ старца Іоны, мученически убіеннаго Шведами въ сей пустынѣ. Собрался инокъ въ обратный путь, но едва только отъѣхалъ нѣсколько поприщъ, какъ вся половина тѣла его, начиная отъ головы, была поражена параличемъ. Тогда почувствовалъ свое согрѣшеніе и, исповѣдавъ его предъ всею братіею, пламенно началъ молиться преподобному объ отпущеніи грѣха сего. Три дня страдалъ онъ въ тяжкой болѣзни, на четвертую же ночь явились ему два святолѣпныхъ мужа: одинъ въ одеждѣ иноческой, другой въ фелони пресвитерской. Ужаснулся болящій и ни слова не могъ произнести; но тотъ изъ старцевъ, который былъ въ фелони, обратившись къ облеченному въ иноческое одѣяніе, говорилъ ему: «начальниче и отче мой, святый Трифоне! коснись больному да будетъ здравъ.» Преподобный отвѣчалъ: «ты почтенъ пресвитерскою честію, отче Іона, и на твоей гробницѣ сидѣлъ болящій; тебѣ подобаетъ его исцѣлить;» но Іона отрекался, говоря: «нѣтъ, отче, ты первоначальникъ въ странѣ сей и мой учитель, я же

только рабъ твой и ученикъ.» Трифонъ сказалъ ему: «если меня называешь учителемъ, должно тебѣ исполнить мое повелѣніе.» Тогда носящій фелонь крестообразно коснулся рукою пораженныхъ частей болящаго и сказалъ: «во имя Святыя Троицы, молитвами преподобнаго Трифона, будь здравъ и не преступай предѣловъ, положенныхъ прежними отцами.» Больной, проснувшись почувствовалъ себя здравымъ и увидѣлъ только лучь свѣта, послѣдовавшій за отходящими Святыми. Быстро воспрянулъ онъ отъ сна, чтобы бѣжать во слѣдъ ихъ, но не могъ настигнуть небесныхъ пришельцевъ. Братія, видѣвшая нечаянное и скорое его исцѣленіе, прославила Бога и святаго его угодника.

Сохранилось преданіе о преподобномъ Іонѣ, явившемся вмѣстѣ со старцемъ Трифономъ, что онъ былъ священникомъ въ соборной церкви святителя Николая, въ городѣ Колѣ, и въ мірѣ назывался Іоанномъ; болѣзнь любимаго младенца внушила ему отреченіе отъ міра; онъ удалился въ обитель святаго Трифона, сдѣлался его ученикомъ и такую питалъ къ нему вѣру, что и послѣ его преставленія, водворился въ пустынной церкви Успенія, чтобы ежедневно совершать литургію, за упокой усопшаго. Тутъ былъ онъ замученъ Шведами и положенъ близъ праведнаго своего учителя, и многія были знаменія на его гробѣ. Первое знаменіе было надъ кровоточивою женщиною, которая отважилась сѣсть на его гроб-

ницу; далеко отринута была она невидимою силою и не только она, но и близь стоявшій олень, на которомъ пріѣхала; съ тѣхъ поръ окрестные жители начали благоговѣть къ мѣсту сему и устроили часовню надъ гробомъ преподобнаго Іоны, куда приходили молиться съ благоговѣніемъ, ибо часто являлись для исцѣленій неразлучные при жизни и по смерти, оба преподобные Трифонъ и Іона.

Въ Колѣ, сынъ стрѣльца Пастухова, по имени Игнатій, три года страдалъ болѣзнію, отъ которой разслабло тѣло его и самъ онъ оглохъ. Огорченные родители, отчаявшись въ его жизни, вспомнили благовѣстника Христова и врача душевнаго и тѣлеснаго, преподобнаго Трифона; они дали обѣтъ, ѣхать съ болящимъ отрокомъ своимъ въ бывшую его обитель и потрудиться для него цѣлый годъ. Помолившись съ вѣрою надъ его гробомъ, ѣхали они обратно, когда внезапно на пути сталъ слышать ихъ отрокъ и совершенно окрѣпъ тѣломъ. Благодарные родители исполнили данное ими обѣщаніе, и вмѣстѣ съ исцѣленнымъ цѣлый годъ работали въ монастырѣ.

Монахъ Печенгской обители, Іоасафъ, ослѣпъ отъ тяжкой головной боли и сильно страдая, помолился, съ вѣрою сердечною, преподобному. Ночью явился ему святолѣпный инокъ, назвалъ себя Трифономъ, начальникомъ его монастыря, и прикоснувшись къ ослѣпшимъ очамъ, сказалъ: «во имя Святыя Троицы будь здравъ и прозри,

по держи монашество по обѣту.» Воспрянулъ инокъ и радостно восклицалъ: «исцѣлился я и прозрѣлъ, явленіемъ преподобнаго отца нашего Трифона!» На голосъ его стеклись иноки и міряне, изумленные чудомъ.

Изъ той же новой обители послана была на рыбный промыслъ, на рѣку Печенгу ладья, съ приказнымъ монахомъ Веніаминомъ. На великомъ морѣ востала сильная буря и унесла ее въ пучину; волны безпрестанно покрывали ее, и вѣтеръ гналъ къ неприступнымъ берегамъ и опять отторгалъ въ море. Всѣ бывшіе въ ладьѣ отчаялись въ своемъ спасеніи, но инокъ Веніаминъ укрѣплялъ духъ ихъ, увѣщавая не малодушествовать, а уповать на пресвятую Троицу и на святаго отца Трифона. По многомъ томленіи, бурею принесло ладью въ устье рѣки Ворьемы и начала она разбиваться на мели. Ужаснулись гребцы; монахъ же Веніаминъ опять утѣшалъ отчаянныхъ, обѣщая имъ вскорѣ спасеніе Божіе. Не послушали его однако малодушные и, спустивъ малый карбасъ, бросили ладью и поплыли къ берегу; но монахъ Веніаминъ и съ нимъ одинъ служитель, остались въ ладьѣ, громко взывая: «Пресвятая Троице, помогай намъ! Мы обѣщались на сей ладьѣ, при казнѣ и запасахъ монастырскихъ, умереть!» Въ это время явился на морѣ благообразный инокъ, всѣмъ знакомый, по сходству съ ликомъ преподобнаго Трифона; приблизившись къ ладьѣ, разбиваемой волнами, онъ

оградилъ се крестнымъ знаменіемъ и сталъ невидимъ; внезапно престала буря и утихли волны, и въ лоброе пристанище рѣки Печенги пристала спасенная ладья.

Въ другой разъ плыли, въ глухую осень, по Бѣлому морю, нѣсколько ладій со стрѣлецкимъ хлѣбомъ и купецкими людьми, изъ устья Двины въ Колу, и былъ между ними монахъ Печенгскій Аркадій, съ монастырскимъ запасомъ, на одной Кольской ладьѣ. Въ урочищѣ семи острововъ, поднялся страшный вѣтеръ и волны, какъ горы, принесли ладью къ каменистому берегу и обливали ее; хотѣли бросить якорь, но не могли; отчаянные гребцы въ маломъ карбасѣ причалили къ берегу, хладные и гладные, взывая только: «Господи помилуй!» Имъ казалось уже, что ладья ихъ погрузилась въ море, но внезапно увидѣли на ней ветхаго днями инока, помогающаго желѣзною цѣпью влачить ладью и вокругъ утишающаго море. Утихла непогода и люди могли съ берега свободно приблизиться къ ладьѣ, о которой уже отчаялись. Приплывши въ городъ Колу, возвѣстили они бывшее заступленіе преподобнаго Трифона.

Житель города Колы Иларіонъ, проткнувшій себѣ на ловлѣ, рыболовною удою, вѣжды ока, впалъ въ тяжкую болѣзнь и лице его опухло, такъ что не видно было самаго глаза. Уже онъ отчаялся въ жизни и дружина его повезла на лодкѣ въ городъ. Когда вплывали они въ Коль-

скую губу, страждущій съ воплями началъ призывать преподобнаго Трифона, обѣщая потрудиться въ его обители до самой кончины. Умолкъ онъ на краткое время и потомъ началъ говорить своєй дружинѣ, что видитъ изъ города идущее судно, на которомъ сидятъ свѣтоносные иноки. Дружина запрещала ему, не видя никакого судна въ морѣ, но онъ внезапно воскликнулъ: «прозрѣлъ я и вижу», и разсказалъ, какъ одинъ изъ бывшихъ въ суднѣ свѣтлыхъ иноковъ, приблизившись, прикоснулся воскрилѣмъ своєй одежды къ больному оку и тѣмъ возвратилось зрѣніе. Исцѣленный до конца своєй жизни трудился на крестовой тонѣ въ обители преподобнаго.

Іереи Кольскаго собора, мужъ духовный, по имени Алексій, пришелъ почью до утрени въ трапезу Ново-Печенгскої обители, и въ ожиданіи божественної службы нѣсколько задремалъ: ему предсталъ въ сонномъ видѣніи преподобный Трифонъ и сказалъ: «преуспѣвай и готовься, ибо въ скоромъ времени переселишься въ вѣчные кровы.» Іереи, проснувшись, разсказалъ нѣсколькимъ духовнымъ старцамъ о своемъ видѣніи и, по бывшему ему предсказанію, вскорѣ впалъ въ болѣзнь: полгода болѣлъ онъ и, облекшись въ схиму, предалъ душу Господу въ добромъ исповѣданіи. Другому старцу Іоасафу, который перешелъ по обѣту изъ обители Кандаргашскої въ Старо-Печенгскую лавру и, потрудившись завѣщанное время, впалъ въ искушеніе пьянства,

предсталъ, съ грознымъ видомъ, преподобный, укоряя его за то что нарушаетъ иноческіе обѣты. Явившійся, какъ бы наложилъ на него тяжкія оковы, которыя чувствовалъ невидимо на себѣ въ теченіе семи дней, доколѣ раскаявшись не былъ разрѣшенъ тѣмъ же чуднымъ старцемъ.

Игуменъ Іоаннъ, искушенный властолюбіемъ, поѣхалъ изъ Ново-Печенгской обители въ Москву, бить челомъ о нуждахъ монастырскихъ и солгалъ святѣйшему Никону Патріарху, будто бы братія Печенгская желаетъ быть приписана къ Крестному монастырю, основанному на Бѣломъ морѣ самимъ Патріархомъ. Повѣрилъ ему святѣйшій Никонъ и послалъ настоятелемъ въ Крестный монастырь. Недостойный игуменъ, пріѣхавъ оттолѣ въ Печенгскую обитель, взялъ изъ нея всѣ окладныя иконы, церковную утварь и казну монастырскую и часть отослалъ въ Крестный монастырь, а часть себѣ усвоилъ; онъ даже дерзнулъ копать надъ гробомъ преподобнаго Трифона, вѣроятно, чтобы открыть святыя его мощи, но былъ пораженъ невидимою силою и, со страхомъ и великимъ стыдомъ, бѣжалъ въ Крестный монастырь; тамъ вскорѣ впалъ въ жестокую болѣзнь и скончался смертію Іуды, ибо разсѣлась его утроба.

Много иныхъ чудесъ и исцѣленій, отъ гроба преподобнаго, на сушѣ и на водахъ совершались, заключаетъ безъименный писатель житія его, и нынѣ неоскудно подаются приходящимъ съ вѣ-

рою, благодатію Пресвятыя Троицы и заступленіемъ пречестныя Богоматери и преподобнаго Трифона, котораго и мы молимъ, чтобы нашимъ болѣзнямъ, тѣлеснымъ и душевнымъ, испросилъ разрѣшеніе теплымъ своимъ предстательствомъ у Христа Бога.

(Житіе преподобнаго хранящееся въ Кольскомъ соборѣ. Іерархія церковная Т. IV. Сказаніе Кн. Курбскаго).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1.
Житіе Св. Аѳанасія, затворника Печерскаго	4.
Св. Урошъ V. послѣдній Царь Сербскій	7.
— Іессей, Епископъ Цилканскій	21.
Житіе преподобнаго Саввы Звѣнигородскаго	24.
— преподобнаго Антонія Сійскаго	46.
— преподобнаго Нила Столобенскаго	78.
устройство обители Столобенской	92.
— преподобнаго Никона Сухаго	100.
— Св. Геннадія, Архіепископа Новгородскаго	106.
— Святителя Петра, Митрополита Московскаго и всея Россіи Чудотворца	123.
Святительство Петра Митрополита	135.
Перенесеніе каѳедры въ Москву и кончина Святителя Петра	148.
Страданіе благовѣрной Княгини Іуліаніи Вяземской . . .	161.
Память Св. Архіепископа Ѳеоктиста	165.
Житіе преподобнаго Игнатія Вологодскаго	173.
— преподобныхъ Марка, Іоанна и Ѳеофила	179.
— преподобнаго Даніила Переяславскаго	188.
Приложенія	211.
Житіе преподобнаго Лукіана	213.
— преподобнаго отца Вассіана Тотемскаго	226.
— и чудеса праведнаго Симеона Верхотурскаго . . .	229.
Св. Аркадій, Епископъ Новгородскій	243.
Страданія Бидзины, Шалвы и Елизбара Эристовыхъ . . .	245.

Сказаніе о обрѣтеніи Св. мощей и чудесахъ Святителя Димитрія Ростовскаго . . . . . 255.
Житіе Св. праведнаго Стефана новаго, Деспота Сербовъ . 262.
Св. Князь Лазарь и Ангелина, родители Св. Стефана; первые годы его юности . . . . . 272.
Борьба Баязита съ Тимуромъ; подвиги и слава Стефана . . . . . 281.
Обновленіе Бѣлграда, козни Вулка и междоусобія Султановъ . . . . . 291.
Слава послѣднихъ дней Стефана и его кончина 306.
— преподобнаго Мартирія, игумена Зеленецкаго. . . 315.
— преподобнаго Ѳерапонта Монзенскаго . . . . . 330.
Пришествіе преподобнаго Ѳерапонта . . . . . 349.
Кончина блаженнаго Ѳерапонта . . . . . 359.
Чудеса преподобнаго. . . . . 364.
Заключеніе. . . . . 382.
— преподобнаго Трифона Печенгскаго . . . . . 390.

2006258466